СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО

ПРЕДЕЛ

ПРОДОЛЖЕНИЕ
РОМАНА
ПОРОГ

Annotation

Вырвавшись из альтернативной реальности, исследовательский звездолет «Твен» пытается предотвратить гибель обитаемой планеты. Но ставки куда выше – в опасности все обитаемые миры. И первый из них – мир загадочной цивилизации Ракс... Продолжение романа «Порог» – космический эпос Сергея Лукьяненко!

- Сергей Лукьяненко
  -
  - От автора
  - Часть первая
    -
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
  - Часть вторая
    -
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая

        - Глава девятая
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24

Сергей Лукьяненко
Предел

© С. Лукьяненко, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

От автора

Писатель, рассказывающий о нашем мире, как правило, обходится словами, существующими в нашем языке. Писатель, который рассказывает о других мирах или будущем, неизбежно сталкивается с проблемой – как назвать то, чему нет точного аналога?

Поскольку в этой книге действие происходит в будущем и в нескольких мирах, я был вынужден адаптировать бóльшую часть незнакомых терминов, приведя их к знакомому виду. Однако надо учитывать, что отличия имеются практически всегда. Ряд терминов вообще пришлось оставить в грубой транскрипции – меры длины на Неваре не имеют точных аналогов среди земных языков, и автор счел нужным сохранить их в первозданном виде. В то же время основные меры расстояния Соргоса крайне близки к человеческим (98 сантиметров и 1011 метров), поэтому автор решил использовать термины «метр» и «километр».

Вот примеры нескольких слов и терминов для любознательного читателя:

Земля

1. Книга, книжка – практически всегда имеется в виду электронная книга, выглядящая как прямоугольный лист мягкой ткани. При включении книга обретает твердость и становится похожей на лист плотного картона со сменяющимся изображением. В книге может быть записано огромное количество текстовой информации, но, в отличие от планшета, она не предназначена для показа видео, игровой или

сетевой активности. Любопытная деталь – книга, разрезанная на несколько частей, превращается в несколько книг, каждая из которых полностью функциональна. Поэтому фразы «дай почитать», «поделишься книжкой», как правило, означают просьбу разорвать или разрезать книгу на части. Если речь идет о бумажной книге, которая является в большей мере предметом искусства и коллекционирования, то всегда уточняется: «бумажная книга».

2. Внешний английский – основной язык международного общения, официальный язык Космофлота. Базируется на классическом английском языке с сильно упрощенной грамматикой и значительными заимствованиями из других языков, в первую очередь китайского, испанского и русского. Считается деловым и техническим, писатели и поэты для творчества, как правило, используют национальные языки. Большей частью персонажи общаются именно на внешнем английском; в тех случаях, когда они переходят на другие языки и это нужно для понимания ситуации или по соображениям приличия, их речь дается в оригинале.

3. Аудио-ксено – язык звукового общения, разработанный Ракс и принятый как стандарт для цивилизаций Соглашения, наряду с графити-ксено (письменная речь) и код-ксено (языком программирования и обмена машинной информацией). Обязателен для всех офицеров Космофлота. Очень прост по структуре и удобен для произношения всеми разумными видами. Еще хуже приспособлен к передаче «избыточной информации», то есть художественных текстов, хотя отдельные энтузиасты разных видов предпринимают попытки адаптировать его для творчества.

4. Космофлот. Несмотря на совершенно явное происхождение от ВВС, ВМФ и прочих армейских

структур различных стран, Космофлот не является в полной мере военной организацией, его офицеры представляют собой нечто среднее между офицерами ВМФ и моряками современного торгового флота. Связано это в первую очередь с тем, что существующие доктрины Соглашения вообще не предусматривают сколько-нибудь масштабных военных действий. Единственным членом экипажа, максимально приближенным к понятию «военного», можно назвать офицера специальных (то есть боевых) систем корабля. Впрочем, военную подготовку все офицеры проходят в полной мере. Как дань традиции. И на всякий случай.

5. Шеврон. В земном Космофлоте принято обозначение должности и звания посредством нарукавных шевронов (по образцу Советской армии времен Великой Отечественной войны или американской армии XX века). Цвет шеврона определяет, является ли офицер штабным, допущенным к полетам, находящимся в резерве и т. д. Число полосок на шевроне определяет звание, их цвет – выслугу лет и особые заслуги. Погоны используются лишь в парадной форме.

Соргос

6. Семья. Семья на Соргосе отличается от земной. Как правило, это не брачное партнерство мужской и женской особей. В семье могут быть от двух особей до нескольких десятков, сексуальные отношения в семье также могут принимать разные формы – моногамные, полигамные, групповые. Возможны семьи, в которых секс внутри семьи вообще не практикуется, хотя это достаточно редкий случай. По сути, семьей называется группа особей, ведущих общее хозяйство и связанных той или иной целью, секс вторичен. Выделяют

следующие группы семей: Младшая, или родительская, в которой особь растет; Средняя, или подростковая, молодежная, куда, как правило, уходит повзрослевший ребенок. Старшая, или материнская, которую создают для рождения собственных детей и совместного хозяйствования. Разумеется, что для одного – родительская семья, то для другого – материнская… Изредка возникают Почтенные, или старческие, семьи, куда уходят самые старые или одинокие особи. Впрочем, кризис традиционной семьи коснулся и Соргоса: многие особи вообще не создают семей или пропускают какой-либо этап.

7. «Жгучий клещ» – редкое, но встречающееся на Соргосе повсеместно насекомое-паразит. Особенностью клеща является локализация на слизистом эпителии гениталий и выделяемый им токсин, вызывающий многочисленные оргазмы. По этой причине «жгучий клещ» иногда втайне используется в качестве источника постыдного сексуального удовлетворения, а само его название табуировано и является грязным ругательством.

8. «Материнская кукла-вкладка», или просто «кукла-вкладка» – традиционная детская игрушка, напоминающая русскую матрешку и погремушку одновременно. Состоит из восьми слоев – расписанных вручную шаров, в отличие от матрешки на резьбе. Внутренний – шарик-«яйцеклетка» и спермий, далее – эмбрион, детеныш, ребенок (различия между детенышем и ребенком малопонятны для человека, но в основном заключаются в отвердевании копыт), подросток, взрослый, старик и самая внешняя фигура – «хищник», изображающий стилизованного монстра и символизирующий смерть. Кукла-вкладка выполняет функцию погремушки, прорезывателя зубов и символизирует «бег жизни», философский и

теологический термин, восходящий к древнейшим временам истории Соргоса.

Невар

9. Меры длины Невара отражают специфику дуальной цивилизации. Достаточно упомянуть, что «чи» (приблизительно полтора сантиметра) – это размер полового члена взрослого гуманоида, а «глан» (около восьмидесяти шести сантиметров) – средняя длина хвоста женской кошачьей особи.

10. «Тра» – термин кошачьих Невара, слово в «невероятном будущем времени», в современности используется для обозначения лишь двух вещей: 1) объекта любви, секс или брачный союз с которым исключен по причине физиологии, возраста, пола или иных обстоятельств непреодолимой силы. Любопытно, что употребляется лишь термин «тра-жена»; «тра-муж» звучит, с точки зрения кошачьих Невара, очень смешно и нелепо; 2) неопределенно долгой и счастливой жизни, блаженства и покоя.

Феол

11. «Лучшая часть меня» – термин, которым гуманоидная особь Феол называет мозгового червя, с которым находится в симбиозе. Гуманоиды Феол практически лишены эмоций, но обладают развитым интеллектом. Червеобразный симбионт, эволюционно приспособленный для жизни в их организме, сам по себе практически не разумен, но дает эмоциональную составляющую общей личности. В принципе буквальное наименование симбионта должно переводиться как

«совесть», но подобный перевод несколько запутал бы читателя.

Классификация разумных миров, принятая в Соглашении

1-й уровень – *цивилизация до-технического уровня.*

(**Примечание Феол** – «термин “до-технического” идентичен термину “до-селекционного”».)

2-й уровень – *цивилизация начального технического уровня, до преодоления притяжения материнской планеты и выхода в космос.*

(**Примечание Человечества** – «выходом в космос является достижение скорости убегания применительно к материнской планете».)

3-й уровень – *цивилизация, вышедшая в космическое пространство и совершающая полеты в пределах своей звездной системы.*

(**Примечание Ауран** – «перемещение с поверхности планеты в космическое пространство посредством устройств типа “космический лифт”, “катапульта” или “пушка” также считается полетом».

Примечание Феол – «перемещение с поверхности планеты в космическое пространство внутри природных или искусственно созданных живых организмов считается полетом».

Примечание Ракс – «полетом считается смена положения с поверхности планеты на положение вовне».)

4-й уровень – *цивилизация, имеющая постоянные и самодостаточные поселения вне материнской планеты, но в пределах своей звездной системы.*

(**Примечание Халл-3** – «самодостаточность поселения определяется решением его жителей, а не решением жителей материнского мира».

Примечание Халл – «единая и неделимая цивилизация Халл оставляет за собой право выборочно толковать данный пункт».)

5-й уровень – *цивилизация, достигшая любой иной звездной системы.*

(**Примечание Ракс** – «под достижением иной звездной системы понимается как пилотируемая, так и непилотируемая экспедиция».

Примечание Халл – «под экспедицией понимается перемещение из одной звездной системы в другую материальных тел, способных к передаче информации и (или) осуществлению какой-либо полезной работы».

Примечание Ауран – «иная звездная система должна находиться на расстоянии не менее трех с половиной световых месяцев от материнской звезды и на расстоянии, сводящем гравитационное взаимодействие звезд к ничтожно малым величинам».

Примечание Человечества – «достижение иной звездной системы неисправным зондом или кораблем с мертвым экипажем засчитывается, если причина гибели экспедиции не носила системного характера и может быть названа случайной».)

Миры, достигшие 5-го уровня, приглашаются к участию в Соглашении.

Контакты с цивилизациями первого – четвертого уровней строго ограничены.

Решение о контакте или вмешательстве, выходящем за границы научного и (или) локального, может быть принято только общим консенсусом цивилизаций Соглашения.

Каждая цивилизация Соглашения несет ответственность за цивилизации первого – четвертого уровней в своей зоне влияния.

Каждая цивилизация Соглашения вправе контролировать соблюдение правил иными цивилизациями Соглашения.

Халл
Ауран
Феол
Ракс
Человечество
Халл-3

Экипаж научного корабля «Твен»

Валентин Горчаков, человек, капитан второго ранга, 34 года. Командир корабля.

Матиас Хофмайстер, человек, капитан третьего ранга, 34 года. Старший помощник.

Анна Мегер, человек, 47 лет. Мастер-пилот.

Гюнтер Вальц, человек, 30 лет. Оператор специальных систем корабля.

Лев Соколовский, человек, 78 лет. Врач.

Теодор Сквад, человек, кадет, 16 лет. Системный администратор, специалист по ИИ.

Алекс Йохансон, человек-плюс, кадет, 17 лет. Навигатор.

Лючия Д’Амико, человек, кадет, 17 лет. Специалист систем жизнеобеспечения.

Искин корабля «Твен»

Марк, квантовый компьютер 6-го поколения, Искусственный интеллект – искин, 70-й цикл ядра. Синтетическая личность.

Научная группа корабля «Твен»

Бэзил Годфри Николсон, человек, 48 лет. Доктор наук, специалист по дуальной цивилизации Невар.

Мэйли Ван, человек, 41 год. Профессор, доктор наук, специалист по фелиноидам системы Невар.

Ксения. Ракс. 0 лет. Третья-вовне. Наблюдатель.

Уолр. Халл-3. 71 год. Специалист по гуманоидным формам жизни.

Гость корабля «Твен»

Двести шесть – пять / Толла. Феол. 82 года / 6 лет. Созерцатель агрессии из неправильной реальности.

Корабль Стирателей

Данных нет.

Станция наблюдения Невар в правильной реальности

Прима. Ракс. 12 лет. Первая-вовне. Наблюдатель.

Система Невар, планета Кехгар (Земля), или Желанная в неправильной реальности

Анге. Гуманоид. 27 лет. Инженер. Офицер третьей ступени Небесной Стражи поста 109–74.

«Дружба» – первый межзвездный корабль дуальной цивилизации Невар

Криди. Кот. 36 лет. Инженер. Начальник инженерной группы.

Анге. Гуманоид. 27 лет. Инженер. Тра-жена (брачный партнер, полноценный союз с которым невозможен) Криди.

Норти. Капитан от кис. 57 лет.

Лерии. Капитан от гуманоидов. 48 лет.

Казвар. Гуманоид. 51 год. Геолог.

Система Соргос, планета Соргос

Ян. Черный. 33 года. Инженер, военнослужащий, учитель.

Адиан. Черная. 31 год. Социолог, экономический и политический аналитик.

Сарк. Черный. 42 года. Старший лейтенант ракетных войск.

Рыж. Рыжий. 16 лет. Подросток.

Лан. Черная. 16 лет. Подросток.

Часть первая

Глава первая

Вначале Анге почувствовала боль в горле. Потом заболело все и сразу. Голова кружилась, неслась куда-то, как отпущенный по ветру воздушный шарик, но одновременно была тяжелой, как свинец. Тело ныло, словно ее долго и небрежно волочили по земле. А еще у нее было гадкое ощущение, что она обмочилась – комбинезон в паху был влажным и липким.

Что с ней?

Она открыла глаза – с трудом. Полутьма, низкий металлический потолок, рядом жесткие ложементы кресел… она полулежала-полусидела в таком же, пристегнутая ремнями безопасности. Анге пошевелила пальцами на руке. Бережно повернула голову.

Ну да. Она в космическом корабле. В первом звездолете Невара – «Дружбе». Точнее, она в одном из его посадочных катеров… и катер в свободном полете… она в невесомости…

А впереди, в кресле пилота, развернутом в положение «для кис» – Криди. Лучший инженер, которого она знала – что среди «детей солнца», что среди кис. Ее лучший, да и вообще единственный друг на корабле. Ее муж, пусть и по символическому обряду.

Диверсант!

Заложивший взрывчатку в один из катеров!

Пытавшийся ее задушить!

Анге осторожно дотянулась до кнопки блокировки ремня. Нажала.

Ремни не ослабли.

– Не отстегивайся, – резко сказал Криди не поворачиваясь. Его спина напряглась, хвост дернулся. В пилотажном кресле он лежал на животе, вытянув к пульту передние лапы.

– Зачем, Криди? – хрипло спросила Анге.

– Через минуту мы входим в атмосферу. Тебя будет швырять по кабине, глупая обезьяна!

Эти слова – «обезьяна», «обезьянья дочь» никогда раньше не казались Анге обидными. Ну да, они произошли от обезьян. А кисы от кошачьих. На соседних планетах эволюция выбрала разные виды для того, чтобы одарить их непрошенным разумом.

Анге порой звала Криди «котом». Он порой звал ее «обезьяной». Это было нормально, это были грубоватые шутки, на которые они имели право.

До тех пор, пока лапы кота не сжались на обезьяньем горле.

– Зачем? – выкрикнула Анге. – Зачем, зачем, зачем?

Криди молчал, по-прежнему не глядя на Анге и не убирая рук с пульта. Потом заговорил – и голос его утратил резкость, стал почти таким же нервным и громким, как у Анге.

– Тебе не понять! Тебе никогда этого не понять!

– А ты попробуй объяснить! – выкрикнула Анге. – Все равно ведь придется!

– С какой стати? – огрызнулся Криди.

Анге дернулась в кресле. Ремни держали прочно, голова плыла.

– Ты меня не убил! – сказала она. – Значит, нам придется говорить. А пока ты не объяснишь, что происходит…

Она закашлялась. Горло надсадно болело, шея, кажется, опухла. Анге захрипела, чувствуя, что задыхается.

Криди, распустив ремни, соскочил с кресла. В один летящий прыжок оказался рядом с Анге. Его лицо с горящими янтарными глазами нависло над девушкой.

– Молчи, дура! – рявкнул он. – Побереги горло!

– Лучше… бы… ты… меня… – прохрипела Анге.

Криди зажал ей рот ладонью. Прошипел что-то на своем языке – Анге разобрала лишь пару ругательных слов, причем адресованных не ей. Криди, похоже, ругал сам себя.

– Пей, – он прижал к ее рту горлышко фляжки и стукнул по донышку. – Только чуть-чуть!

Она сделала глоток воды – тот шершавым комом прошел по горлу, но стало легче.

Анге глубоко вздохнула. Посмотрела в лицо Криди. Мгновение тот выдерживал взгляд – потом отвел глаза.

– Зачем, муж мой? – спросила Анге.

Криди застонал. Казалось это он, полуживой, связан ремнями, а не Анге.

– Я отвечу, – сказал он. – Я расскажу. Только дай мне приземлиться. Тра-жена моя, дай мне спасти нас!

– Ты сошел с ума… – прошептала Анге. Ненависть и любовь боролись в ней, сплавленные воедино нереальностью происходящего. – Ты сошел с ума… что ты наделал… ты взорвал «Дружбу»?

– Нет, корабль цел, – резко ответил Криди. – За тобой следили. Ты, со своими нелепыми поисками диверсанта, была приманкой, глупая девчонка… и я попался…

Он достал из кармашка шорт упаковку таблеток, выдавил одну, почти силой вложил в рот Анге.

– Глотай. Обезболивающее.

Она проглотила. Мысль о том, что боль может отпустить, была слишком волшебной, чтобы отказываться.

– Я удрал на том же катере, который заминировал, – Криди вдруг усмехнулся. – Мы летим верхом на бомбе. Если она перегреется, взрыватель детонирует. Я буду садиться с выключенным двигателем, атмосфера у планеты густая, это может получиться.

– Зачем ты взял с собой меня? – спросила Анге.

Она вдруг почувствовала, что обретает вес. Катер входил в атмосферу.

– Если бы ты осталась в шлюзе, тебя бы выдуло в космос, – ответил Криди.

– А тебе не все равно?

– Нет. – Криди развернулся и быстрыми движениями, цепляясь за кресла, вернулся к месту пилота.

Анге откинула голову. Закрыла глаза. Боль исчезала – волнами, неохотно, будто морской отлив…

Да что же такое произошло с Криди?

– Криди… – позвала она. – Криди!

– Что? – рявкнул кот.

– Как мы обидели вас? На что ты злишься?

Криди некоторое время молчал, но когда все-таки ответил, Анге уверилась, что кот сошел с ума.

– Вы сжигали нас целыми городами. Вы сдирали с нас шкуры. Вы загнали нас в рабство. Вы нас убили.

* * *

Утро было холодным и еще темным, но Ян с удивлением понял, что выспался. Они ночевали в армейской палатке, разложив листы прессованного сена и застелив их одеялом. Спального мешка не было, единственный они отдали Рыжу и Лан, но одеял было достаточно. Вначале они укрылись каждый своим, замотались будто в коконы, но утром Ян обнаружил, что они с Адиан спят обнявшись, сжавшись под одним одеялом. Пожалуй, это было правильнее.

Ян выбрался из палатки, тихонько, чтобы не потревожить спящую жену. Отошел к скале, помочился, вернулся к палатке и стал раздувать костер. Хотелось есть – он снова заглянул в палатку, оторвал изрядный

кусок сена. Адиан проснулась, открыла глаза и улыбнулась ему.

Удивительно – они могли улыбаться друг другу. После всего случившегося – все равно могли.

– Спи, – тихонько сказал Ян и вернулся к костру. Вдали разгорался восход. Ян ворошил угли и подкладывал в огонь заиндевелые ветки, не прекращая жевать. Да, наверное, будь они хищниками, насыщаться было бы проще.

Адиан выбралась из палатки, потянулась, подошла к костру. Протянула к огню руки. И вдруг воскликнула:

– Ян, смотри! Что это?

Ян поднял голову.

В светлом небе, где гасли последние звезды, появилась еще одна звезда. Яркая и быстрая – она ползла через небосвод, снижаясь, отсвечивая то красным, то желтым, то белым.

– То, что мы вчера видели? – спросила Адиан.

Ян пожал плечами:

– Не знаю. Нет, наверное… но что-то такое… похожее…

– Самолет? Падает?

– Да не знаю я! – сам удивляясь своей резкости, ответил Ян. Быстро поправился: – Не похоже. Высота слишком большая, даже военные так высоко не летают…

– Он снижается.

– Скорее падает, – уточнил Ян.

Звезда наливалась светом. Она падала, казалось, прямо на них.

– Может военный спутник? – предположил Ян. – Есть же спутники, которые садятся. Фоторазведка… – он вдруг осекся. – Лейтенант, штабной, он рассказывал мне, как началась война.

– Помню, ты говорил, – сказала Адиан, не отрывая взгляд от звезды.

– Рыжие ударили по столице из космоса. Значит, у них были термоядерные бомбы на орбите. Может быть, это…

Он замолчал. Звезда падала не к ним, звезда неслась куда-то за перевал. Туда, куда ушли дети.

– Глупо бомбить пустыню, – сказала Адиан. – Скорее, метеорит…

Но Ян видел, как ее лицо напряглось. Они впустили Рыжа и его подругу в свою жизнь и стали семьей. Если это бомба, и она упадет прямо на головы детям…

– Смотри! – Адиан взяла его за руку.

Огненная точка стала еще ярче. И она замедлялась. Тормозила, меняла курс, маневрировала.

– Не метеорит, – сказал Ян. Опустил руку в карман, нащупал пачку с остатками сечки. Доставать не стал, травы осталось слишком мало, чтобы жевать ее при первом желании, но приятно было знать, что она есть.

Звезда пронеслась над их головами – все еще слишком высоко и быстро, чтобы можно было разглядеть что-то явственно. Но Яну показалось, что в полыхании огня он увидел блеск металла. И даже звук – едва слышный, но различимый в ночной тишине, запоздало прошел над ними. Звук, похожий на гул реактивных двигателей экспериментального сверхзвукового самолета.

– Что-то военное… – подтвердила его мысли Адиан.

Звезда скользнула вниз, теряя огненный ореол, превращаясь в металлическую точку с периодически вспыхивающим светом – будто кто-то то включал, то выключал двигатель. И исчезла где-то внизу, в предгорьях дикой степи.

Они ждали несколько минут.

Но взрыва не было.

– У военных были планы запустить человека в космос, – сказал Ян. – Говорили, что корабль практически готов. Наверняка и у рыжих так же. Может

быть, их запустили? Может быть, это и стало причиной войны?

– Мы запустили космический корабль с экипажем и бомбами? – предположила Адиан. – Рыжие узнали, запустили свой. И тот сбросил бомбу. А теперь он приземлился. Наш или чужой.

– Возможно, – сказал Ян. – Эта штука слишком большая для капсулы фоторазведки. Я бы сказал, что она не меньше самолета. Бомбардировщика. Высотный бомбардировщик или космический корабль.

– Он сел недалеко. Надо идти, – сказала Адиан. – Идти быстро. Есть будем на ходу.

Она огляделась, на миг задержала взгляд на палатке, покачала головой:

– Все лишнее бросим. Надо спешить.

– Оружие не лишнее, – сказал Ян.

– Нет, – тяжело, преодолевая себя, сказала Адиан. – Не лишнее.

* * *

Алекс вернулся в каюту, нагруженный большим бумажным пакетом с едой. Кадетам есть в каютах строго воспрещалось (причины этого были столь же туманны, как и запрет мало выполним), а вот члены экипажа такое право имели. Кадеты в данный момент занимали штатные должности на корабле. Возникал конфликт правил, который Алекс решил в свою пользу.

Тедди сидел на койке (еще одно традиционное нарушение) и крутил в руках модельку корабля «Энтерпрайз». Талисман был хорошо знаком Алексу, Тедди держал его на тумбочке в кубрике все годы обучения и раз в неделю бережно протирал от пыли. Ничего удивительного в этом не было, у всех имелись талисманы. Но сейчас системщик выглядел скорее

малышом, возившимся с любимой игрушкой, чем выпускником космошколы.

– Пирожки? – спросил Алекс.

– Давай, – Тедди протянул руку, не отрывая взгляда от модельки корабля.

Алекс вложил в ладонь товарища пирожок, плюхнулся на кровать и достал еще один себе.

– Итальянская штучка, – сказал он. – Вроде закрытой пиццы. С мясом. Лючия делала.

– Это русское блюдо, – ответил Тедди, по-прежнему крутя в руках «Энтерпрайз». – Лючия их лишь разморозила и приготовила. Она бы сама не справилась. По традиции pirojki готовит babushka – старшая женщина в семье.

– Все-то ты знаешь, – миролюбиво сказал Алекс, дожевывая пирожок. – Но Лючия на самом деле научилась неплохо готовить. Вкусно, хоть она не русская и не babushka… Будешь еще?

– Ты все запасы уволок? – Тедди протянул руку.

– Нет, она еще делает… Ты что такой квелый?

– Знаешь, что «Энтерпрайз» встречал в космосе своего двойника? – вопросом ответил Тедди.

– Нет. Я доисторическое ретро не смотрю. Чем кончилось?

– Ну, двух «Энтерпрайзов» быть не может, – туманно ответил Тедди.

– Ты все переживаешь из-за наших двойников?

– А ты?

Алекс задумался. Неохотно ответил:

– Стараюсь не думать. Той Вселенной больше нет. Хотя если это представить себе, то жуть берет! Ракс ненормальные!

– Но это не совсем их вина.

– Кто его знает на самом деле? – риторически спросил Алекс. – Скажи, а что ты так к этой модельке привязан? Я однажды попробовал посмотреть

«Звездный путь». Каменный век! Модельки на веревочках. Командир корабля лично десантируется на планеты – смех один!

– Если ты не заметил, то наш командир тоже это сделал.

– А, – навигатор осекся. – Ну да. Но это была особая ситуация, и он случайно, и он русский, а русские всегда поступают по-своему. Так что тебе нравится в этом корабле?

– Он из сериала «Звездный путь», – невозмутимо ответил Тедди.

Алекс вздохнул и достал еще один пирожок. К его удивлению, этот оказался начиненным чем-то вроде кисловатой капусты. К еще большему удивлению, ему понравилось.

– Ну и что?

– Это был очень необычный сериал. Когда предки фантазировали о космосе, они обычно представляли себе войны между различными разумными видами. Такое тогда было время. А «Энтерпрайз» – мирный корабль. Экипаж исследовал космос и занимался дипломатией.

Алекс поразмыслил.

– По-моему, у него все-таки имелись лазерные пушки. И фотонные торпеды, хотя понять не могу, что это такое и как работает.

– Имелись, – вздохнул Тедди. – Но все равно «Энтерпрайз» был мирный.

Алекс никогда не считал себя специалистом по дипломатии или психологии. Но курсы психологической взаимопомощи для кадетов он проходил. И три «тревожных» признака некомфортного состояния товарища видел четко: необычное поведение, необычные разговоры и фиксация на памятном материальном объекте. Рапортовать старшему офицеру следовало после появления четвертого тревожного

признака, а пока Алекс решил справляться своими силами.

– Ко мне тут Лючия заходила, – небрежно сказал он.

– Ну?

– Целоваться полезла, – выдержав короткую паузу, сказал Алекс.

– Чего? – Тедди поставил «Энтерпрайз» на тумбочку и сел на койке, повернувшись к товарищу.

У Тедди Сквада было множество поводов задуматься и погрустить. Начиная с погибшего двойника «Твена» и кончая незаконным приказом, который он отдал бортовому искину (разумеется, этот приказ спас их жизни. Но и что с того?).

Однако Тедди было шестнадцать лет, а единственной девушкой, фантазии о сексе с которой имели хоть какое-то правдоподобие, была Лючия Д’Амико, их товарищ по кадетской школе.

– Да ничего. О таких вещах не рассказывают, – наставительно сказал Алекс. – Тем более – детям.

Тедди проглотил напрашивающееся «сам дите» и сказал:

– Врешь ты все. Никогда Лючи на тебя не смотрела.

– Возможно, – вздохнул Алекс. – Но тут космос, сам понимаешь. Вокруг все либо старые, либо инопланетяне, либо ребенок.

Тедди снова сдержался.

– Гонишь ты.

– Мы целовались, – задумчиво повторил Алекс. – И она спросила, был ли у меня настоящий секс… Клянусь формой!

Такими вещами не шутили. Тедди побагровел и глотнул воздух. Спросил едва слышно:

– И что… вы… Если вы на моей койке… я тебя…

– Да зачем нам твоя детская кроватка, – гнул Алекс свою линию. – Мы поцеловались… – он сделал паузу,

глядя на пылающие уши Тедди. И закончил: – А потом она спросила, что это я себе позволяю и ушла!

Тедди с облегчением рухнул обратно на койку. Сказал:

– Девчонки – они такие…

– Сами не понимают, чего хотят, – вздохнул Алекс.

Некоторое время приятели молчали, размышляя об одном и том же. Потом Тедди спросил:

– У тебя еще есть пирожки? И попить чего-нибудь?

– Держи, – Алекс протянул ему пакет.

Что бы там ни занимало голову его юного товарища, но сейчас все это выдуло в открытый космос и там осталась только целующаяся Лючия.

– Квас, – прочитал Тедди, доставая из пакета пластиковую бутылочку. – Я же тебе говорил, что pirojki – русское блюдо!

Кадеты замолчали, жуя пирожки и размышляя о загадочном женском характере.

* * *

…Валентин сидел перед капитаном третьего ранга, в странном кабинете, который никак не соотносился с его хозяином. Чужой пейзаж в видео-окне, никаких личных фотографий, никаких сувениров, даже табличек с именами кораблей, на которых служил чиновник, не было. Странный кабинет. Странный хозяин.

Принтер шелестел, выплевывая листы служебного предписания.

– Если бы ваша иллюминация не остановила войну, а развязала, вы пошли бы под трибунал… – капитан третьего ранга сделал паузу и вдруг произнес с воодушевлением, будто эта мысль только что пришла ему в голову: – А, может быть, вы знали суеверия Соргоса?

– В этом не было бы ничего удивительного, в конце концов мы находились в миссии почти месяц, – признал Валентин. – Но, знаете, что на самом деле удивительно?

Капитан третьего ранга вопросительно посмотрел на него.

– Удивительно то, что вы знаете проповедь блаженного Эвслана. Это заставляет задуматься.

– И к какому выводу вы приходите? – заинтересовался капитан третьего ранга.

Валентин еще раз обвел взглядом кабинет. Пан или пропал...

– Судя по движению лифта, мы находимся примерно на минус двенадцатом – пятнадцатом этаже. Отдел кадров на поверхности, там чудесный вид на залив... Кабинет фальшивый, обставлен второпях, ему даже не сочли нужным придать рабочий вид. Не думаю, что это недочет. Скорее – проверка, пойму ли я это, а если пойму – то выскажусь ли вслух. Я решил озвучить свое мнение. Да, и еще. Третий ранг – вполне уместно, но у настоящего капитана третьего ранга ваших лет, дослуживающего свое в штабе, был бы десяток орденских планок на кителе. Попасть на теплое место в таком звании можно либо после ранения, либо за совершенно уникальные аналитические способности. Впрочем, в любом случае, пятнадцать лет назад вы присутствовали в академии на нашем выпуске. Тогда вы были гораздо старше, но у меня хорошая память на лица, адмирал Чернов.

Человек в форме капитана третьего ранга удовлетворенно кивнул:

– Замечательно. А что вы скажете, Валентин, если адмирал Чернов сейчас находится на другой планете, на конференции с участием всех разумных видов Соглашения? И никак не может находиться на Земле?

Валентин помедлил, потом негромко ответил:

– Это значит, что все гораздо хуже, чем я думал.

Адмирал Чернов, который никак не мог находиться на Земле, не прокомментировал эти слова. Вместо этого он аккуратно собрал в стопку отпечатанное служебное предписание, положил на стол слева от себя. Коснулся сенсорной панели, принтер вздохнул и начал печатать снова.

– Вы хотите сказать… – Валентин заколебался, но все же спросил: – Гибнущие один за другим миры, это вторжение? Или действия кого-то из Соглашения?

– Нет никаких данных, подтверждающих ни то, ни другое, – сказал адмирал Чернов.

– Так что же – случайность? – произнес Валентин, глядя на карту. – Если бы вы так считали, этого разговора не было бы.

– А его и так не было, – усмехнулся адмирал. – Но раз вы заговорили о вторжении, то я вправе предположить – вы уже проверяли аналогичные случаи. И обнаружили последовательность планет, на которых происходят войны, следующей из которых…

Он сделал паузу.

– Следующей стал бы Соргос, – кивнул Валентин. – У них третий уровень. Спутники, несколько полетов за атмосферу… И ядерное оружие. Потом Невар, мир на грани пятого уровня. А затем… затем Ракс. Хотя это звучит смешно, я понимаю.

– Вы правильно сделали, что не озвучили свои наблюдения, – кивнул адмирал. – А еще более правильно, что намекнули на них в отчете. И при этом спасли миллионы… или сотни миллионов жизней.

– Это была случайность, – сказал Валентин.

– Ну, разумеется, – адмирал улыбнулся. – Я отстаивал эту версию на трибунале. С чего бы вдруг капитан корабля настолько разбирался в местных суевериях, да еще и решил ими воспользоваться!

– Правда? – спросил Валентин, неловко улыбнувшись.

– Я изучил ваше досье, – сказал Чернов. – И все его внимательно читали. Вы всегда были подчеркнуто равнодушны к иным цивилизациям. Вы были абсолютно верны Соглашению. И это замечательно, иначе я не смог бы вас отстоять на трибунале! Но вот это решение, на Соргосе! Поле Лавуа в разгар магнитного шторма! Крылья ангела в небе! Остановленная за час до начала термоядерная война! Я понимаю, что вы не сдержались, но меня потрясло, как глубоко вы влезли в их образ мысли, в их мифологию и социологию. Минимальное воздействие – и грандиозный успех! И я не побоюсь этого сказать – в этом была даже художественная красота!

– Я не знаком с образом жизни соргосиан, – сказал Валентин, аккуратно подбирая слова. – Даже толком не интересовался их культурой. И совершенно не ожидал последствий от включения поля.

Чернов понимающе улыбнулся. Кивнул:

– Ну да, конечно. Я так и заявил... Но мы изучили те моменты, которые отметил, но не смог экстраполировать капитан Горчаков... – Чернов улыбнулся. – И донесли свои сомнения по поводу череды планетарных войн до Соглашения. К сожалению, к нам отнеслись скептически. Тогда мы подали заявку на рейс научного корвета в систему Невар, она была удовлетворена. Разумеется, с наблюдателем от Ракс, это ведь их зона ответственности. Экспедицию формирует российское и европейское бюро Космофлота, но неофициально рекомендовано включить представителей и других агентств...

Адмирал положил левую руку на одно служебное предписание, правую – на другую.

– «Элизиум». Круизный лайнер европейского сообщества. Знаменитый тур «Шесть миров» по материнским планетам цивилизаций Соглашения.

Шесть пассажирских палуб, три служебные, двенадцать туристических шаттлов, на борту аквапарк, два казино, девять ресторанов и двенадцать баров для пассажиров. Тысяча пятьсот восемнадцать метров длины, миллион шестьсот сорок тысяч тонн массы покоя. Семь тысяч пассажиров, около двух тысяч человек экипажа и обслуживающего персонала.

– Наслышан, – пробормотал Валентин.

– Перевести вас на такой корабль, на капитанскую должность, моего влияния не хватит, поскольку это будет выглядеть как поощрение за проступок. А вот первым помощником – могу. Это будет выглядеть, как наказание, – сказал Чернов. – Но через год капитан «Элизиума» уходит со своего поста, компания придерживается политики ротации каждые двенадцать лет. Если вы не совершите какую-либо глупость, пост капитана будет вашим.

Чернов хлопнул по левой стопке бумаг.

– А что там? – спросил Валентин.

Чернов посмотрел на правую стопку.

– Ах, да… Это научный корвет «Твен» серии АС. Сто семьдесят три метра длины, сорок девять тысяч восемьсот тонн массы покоя. Штатный экипаж – восемь человек. Научная группа – до десяти человек. Пост капитана пока свободен. Если вы примете командование, то это тоже будет выглядеть как наказание, верно? Тоннаж меньше, экипаж меньше.

– Вы хотите, чтобы я наблюдал за происходящим в системе Невар? – спросил Валентин. – Или… чтобы вмешался в случае необходимости?

– Как может идти речь о вмешательстве? – адмирал нахмурился. – Капитан, вы забыли про Соглашение? Неужели я мог бы отдать такой приказ? Задание «Твена» – наблюдать за ситуацией в системе, взаимодействуя с персоналом постоянно действующей станции. Обеспечивать работу научной группы. В

общем, все как обычно. Вмешиваться, – Чернов посмотрел в глаза Валентину, – нельзя! Как и на «Енисее»! Нельзя!

– Я понял, – сказал Валентин.

– Если будет доказано, что вы сознательно вмешались в происходящее в системе, пусть даже с самыми благими целями, пусть даже предотвратив какие-то конфликты, – вы снова окажетесь под трибуналом! И с вашим послужным списком как минимум вылетите из Космофлота.

– Наш разговор не индульгенция, вы ни на что не намекаете, ни о чем не просите, – произнес Валентин. – Ясно.

– Нашего разговора вообще нет, – фыркнул Чернов. – Вы забыли? Я в другой системе, за много парсеков от Земли.

Валентин пристально посмотрел на него. На похлопывающие по стопкам бумаг ладони. На мятую рубашку. От Чернова слабо пахло то ли одеколоном, то ли гелем для бритья. Вздохнул:

– Даже не буду пытаться понять, как это возможно.

– Вот и правильно, – легко согласился адмирал. – Выбирайте, прошу вас. В любом случае можете перевести с собой на новый корабль несколько человек из команды, которым доверяете. Но я абсолютно убежден, что в экипаже и среди ученых будут те, кому доверяют другие… службы.

Валентин молча протянул руку, взял одну стопку бумаг и поднялся.

– Разрешите идти?

– Можете быть свободны, – кивнул Чернов.

Валентин вышел из кабинета. Постоял несколько мгновений, глядя на лифт в конце длинного пустынного коридора. Пробормотал:

– Нет, какого черта…

И проснулся.

Валентин открыл глаза и посмотрел в потолок. На мягком покрытии мгновенно высветились зеленые цифры: «6:52» – искин корабля зафиксировал его пробуждение и сообщил время.

А неплохо он поспал, всю ночь. Со станции Ракс они улетели под вечер по времени корабля, около полуночи Валентин отправился в каюту. Возвращение в систему Невар прогнозировалось к девяти утра.

– Все в порядке? – мягко спросил искин. – У вас учащенный пульс и повышенная активность нервной системы.

– Просто сон, – ответил Валентин, глядя в потолок.

– Кошмар приснился?

– Нет, один трудный разговор перед вылетом, – глядя в потолок, ответил Валентин. – Марк, отчет!

– Командир Горчаков, на вверенном вам корабле все в порядке. Мы движемся в червоточине, уточненное время выхода в нормальное пространство – восемь часов пятьдесят три минуты. Все системы исправны. Все члены экипажа и научная группа чувствуют себя нормально. Наш гость Двести шесть – пять и его симбионт Толла находятся в гостях у профессора Уолра. Каюта уважаемой Третьей-вовне отключена от наблюдения по ее приказу, но в данный момент у нее находится в гостях старший помощник Матиас. Мастер-пилот Анна Мегер находится в гостях у доктора Соколовского…

– А? – Валентин потер глаза. – Ей нехорошо?

– Насколько я могу судить, ей хорошо, – ответил Марк.

– Блин, – Валентин сел. – Давно она… гостит?

– Примерно с двух часов ночи, – сообщил искин.

– М-да. Ну доктор, ну затейник, – пробормотал Валентин. – Седина в бороду…

– Капитан, секс является одним из лучших способов разрядки напряжения, – сказал Марк. Голос его начал

обретать несвойственные официальному рапорту интонации – искин натягивал виртуальную личность Марка Твена. – Даже если вы не можете найти себе пары, не расстраивайтесь. Основываясь на моем богатом опыте, обретенном к старости, когда я стал полным импотентом, могу посоветовать…

– Спасибо, мне пока не нужны советы подобного рода, продолжай рапорт, – пробормотал Валентин.

– Зря, – вздохнул Марк. Валентин нахмурился – даже для виртуальной личности одного из самых ироничных и саркастичных людей в истории человечества это было уж чересчур – комментировать прямой приказ командира. – Итак, Мэйли Ван и Бэзил Николсон находятся в каюте Бэзила Николсона…

– У нас что, открылся сезон спаривания? – риторически спросил Валентин.

Устав не регламентировал отношения между учеными. Если члены экипажа еще были как-то связаны запретом на отношения между начальниками и подчиненными (впрочем, регулярно нарушавшимися), то научная группа могла при желании устроить оргию среди своих пробирок и компьютеров. Кстати, однажды нечто подобное на памяти Валентина произошло…

– К сожалению люди не имеют сезонов спаривания, хотя это положительно сказалось бы на нравственности и экономике, – ответил Марк, и командиру опять послышалось в его голосе ехидная нотка. – Итак, продолжаю. Кадеты Йохансон и Сквад находятся в своей каюте.

Валентин проигнорировал короткую паузу, которую сделал Марк. Если бы это не было невозможным, он бы решил, что искин над ним издевается.

– Гюнтер Вальц находится с Лючией Д’Амико, – закончил Марк.

– Что? – рявкнул Валентин, вскакивая. Вот это уже было не просто нарушением – скандалом! Неужели

тридцатилетний оружейник настолько обалдел после ранения, что завел роман с семнадцатилетней кадеткой?! – Где они?

– Они находятся на камбузе, – сообщил Марк. – Гюнтер учит Лючию готовить маульташен.

– Марк, мне не нравится твое чувство юмора, – сказал Валентин.

– Обычное дело, – согласился Марк. – То, чего лишен, всегда вызывает неприязнь.

Несколько секунд длилась тишина. Потом искин сказал, уже обычным нейтральным тоном:

– Я прошу прощения, командир. Виртуальная личность Марка Твена провоцирует меня на подобное поведение. Возможно, вам следует отдать мне команду вернуться к стандартной базовой личности.

– Не стоит, – подумав секунду, ответил Валентин. – Ты, пожалуй, соответствуешь общему безумию нашей ситуации… В рубке никого?

– В рубке я, – ответил искин.

Вполне нормальная ситуация – при движении в червоточине проблем не бывает, и корабль вполне способен оставаться под надзором искина. И все-таки Валентин поморщился. Вся ситуация была нестандартной. Лучше, чтобы окончательное решение принимал человек.

– Марк, я иду в душ. Отключи наблюдение за каютой на полчаса.

– Принято, командир. – Марк замолчал, хотя даже Горчаков без труда придумал бы пять-шесть остроумных ответов на свою просьбу.

Глупость, конечно, – стесняться искина. Но уж слишком тот вошел в роль. Горчаков вдруг понял, что начинает относиться к Марку не так, как к искину предыдущего корабля. Совсем не так.

Но он пока не мог определить, нравится ему нынешний искин или нет.

* * *

Разумеется, Криди не смог посадить катер без включения двигателя.

Он погасил орбитальную скорость несколькими сильными импульсами – скорее уводя катер подальше от корабля, чем выбирая место посадки. Перегрузки были короткими, но сильными – Анге сжимала зубы, чтобы не закричать на безумного кота. В верхних слоях атмосферы Криди отключил двигатель. О баллистическом спуске не могло быть и речи – ни форма, ни теплозащита катера этого не позволяли. Глядя поверх плеч кота на исчезающую черноту космоса и мелькающий шар планеты, Анге пыталась понять, что тот делает. Короткие толчки двигателей ориентации... планета исчезла из бронированного стекла кабины, нос катера задран вверх, к тающей тьме и гаснущим звездам... Криди подставлял набегающей атмосфере покрытое теплозащитой брюхо катера, планируя тормозить об атмосферу.

– Ты убьешь нас, кот! – крикнула Анге.

– Молчи, обезьяна!

– Криди, посадочная глиссада будет слишком долгой! Ты подставляешь двигательный отсек под атмосферную плазму, там теплозащита минимальна. Двигатели не защищены от перегрева, они на него рассчитаны! А взрывчатка – нет!

Криди замолчал. Анге видела, как его пальцы забегали по пульту, выводя на вспомогательный экран схемы теплозащиты и градиенты роста температуры. Она испытала восхитительный миг торжества, когда Криди выругался, жалобно и беспомощно. Она была права, кот ошибался. Его план действий оказался еще опаснее, чем обычная посадка.

– Ты права, Анге… – неожиданно сказал он. – Ты права, аэродинамическое торможение нас убьет.

Он повернулся к Анге, и та сдержала готовую уже появиться ухмылку. Криди плакал.

– Я не сошел с ума, Анге, – сказал он. – Поверь. Я делаю то, что делаю, не из ненависти и даже не из мести. Это отчаянье, *тра*-жена. Мне казалось… может быть тут найдется ответ. Ты просто не знаешь правды.

– Так расскажи! – крикнула Анге.

– Нет времени, – ответил кот. – Я буду садиться по стандартной схеме. У нас один шанс из пяти, но иначе нет и его. Запомни – я не хочу тебе зла. Я люблю тебя.

Он отвернулся к пульту, и его пальцы сжались на джойстиках управления.

– Если что… это будет быстро, и мы ничего не почувствуем, – убеждая то ли Анге, то ли себя, сказал кот.

Катер крутанулся, разворачиваясь главным двигателем по направлению движения. Перегрузка навалилась тяжелым мягким одеялом. Криди дал несколько импульсов на торможение и снова начал разворачивать катер.

Они садились быстро. Действительно быстро, небо стремительно обретало голубизну, потом потемнело, но это не было бархатной чернотой космоса – катер пересек терминатор и влетел в ночь.

– Придется садиться на ночной стороне, – сообщил Криди. – Семь минут… если успеем.

Помолчав, он добавил.

– Анге… чтобы ты знала… тут есть жизнь. Цивилизация. Освещенные города. Радиосвязь, но очень плохая, их звезда забивает все диапазоны…

– Хорошо, – устало сказала Анге. Она смотрела в потолок кабины, на тускло горящие лампы. Интересно, если катер взорвется – это и впрямь будет так быстро, что нервы не успеют донести до сознания боль?

– Еще не всё, – сказал Криди. – Тут война.

– Что? – Анге приподняла голову.

– Большая война. Плохая. Тут три материка, два на полюсах, они вроде как необитаемые. И один, самый большой, в средних широтах, он заселен. Так вот, большой материк весь в пятнах от радиации. Они взрывают друг друга ядерными бомбами. Нас дважды облучали радаром, когда мы снизились. Тут не просто была война, она в самом разгаре.

– Нас могут сбить, – сказала Анге с удивлением. Такой сценарий рассматривался в ходе подготовки экспедиции – встреча с агрессивной цивилизацией, недоверие, агрессия по отношению к кораблю или группам высадки. Но это был сценарий маловероятный, теоретический, порожденный фантазией философов и писателей, которых привлекли к подготовке экспедиции.

– Пусть попробуют, – свирепо ответил Криди. – Это дикари, отсталые дикари с ядерными бомбами.

На мгновение Анге почувствовала то прежнее единение, которое ощущала с Криди последние полгода. Но Криди неожиданно добавил, с едкой горечью в голосе:

– Наверняка обезьяны. Обезьяны любят ядерные бомбы.

Анге снова стала смотреть в потолок. Катер мотало и трясло, временами Криди отключал двигатель, потом снова включал… «Наверняка обезьяны…». «Вы нас убили…».

Что с ним?

Он болен?

Или же знает что-то, неизвестное Анге?

Неужели был какой-то конфликт между «детьми солнца» и кисами? Зарытый в недрах веков, вычеркнутый из истории, скрываемый ото всех… «Вы

сдирали с нас шкуры...». Чушь. Невозможно скрыть такие вещи.

Они сядут. Непременно сядут, взрывчатка не детонирует. Этого просто не должно случиться. Они сядут, Криди расскажет ей то, что считает правдой, а она убедит его, что это ложь. И все снова будет хорошо, как прежде.

Вот только сможет ли она относиться к коту как к другу и любимому?

Катер несколько раз подбросило, затрясло мелкой дрожью. Криди сдавленно сказал:

– Проходим над горами. Внизу долина, буду садиться... держись...

Катер будто просел, Анге швырнуло вверх, но ремни удержали. Криди что-то сдавленно шипел, дергая джойстики, двигатели то включались, то замолкали, на какое-то мгновение Анге показалось, что катер вообще завис «на струе», а потом кот выкрикнул:

– Держись!

Катер коснулся поверхности – удар был скользящим, Анге вдруг поняла, что не слышала звука выходящего шасси. Видимо, кот решил садиться «на брюхо». Отскок... рокот двигателя... еще одно касание... на миг у Анге помутилось в голове, но сознания она вроде бы не теряла, потому что толчки продолжались, катер со скрежетом раздираемого металла скользил по поверхности, двигатели еще несколько раз взревели, обшивка с правого борта вдруг разошлась, острый каменный клык вспорол ее будто нож – консервную банку. В лицо Анге ударил свежий воздух; она сделала вдох, даже не осознав, что дышит чужой атмосферой, возможно, полной неведомых вирусов или опасных примесей – с орбиты успели определить лишь основные компоненты...

И последовал еще один удар, самый тяжелый, у нее клацнули зубы, и рот наполнился кровью – Анге

прикусила щеку. Вот же нелепость, не язык, а щеку…

Несколько мгновений она лежала неподвижно, наслаждаясь покоем. Катер был неподвижен. В разорванный борт задували порывы прохладного ветра с едким химическим запахом… горючее двигателей ориентации…

Где-то разорвало трубопровод, и топливо хлестало на землю рядом с раскаленным бортом катера!

Анге задергалась – и почувствовала, как ремни со щелчком открылись. Лампы на потолке кабины горели все тем же ровным успокаивающим светом, но запах химии становился все сильнее.

Криди повернулся к ней. Что-то с ним было не так, в самой его позе, она стала неестественной и нелепой. Глаза у кота были сощурены, зрачки сужены.

– Беги, глупая…

Анге встала. Ее шатало. Она подошла к Криди – пол был наклонен, но несильно. От удара кресло Криди попыталось сложиться в положение «для людей», чему помешало тело кота. Задние лапы и хвост Криди зажало между сегментами кресла, на пластиковом покрытии расплывалось пятно крови.

– Беги! – прошипел Криди.

Анге схватилась за рычаг, надавила изо всех сил. Что-то хрустнуло. Потом кресло сдвинулось, возвращаясь в положение «для кис».

– Кисе не стать обезьяной, – скалясь, произнес Криди. И зашипел от боли. – Хвост не позволит.

Задние лапы у него освободились, но хвост теперь оказался зажат намертво. Анге с облегчением увидела, что кровь идет именно из переломанного хвоста, а лапы шевелятся – значит, позвоночник цел и ноги не сломаны.

– Нож, – сказала Анге. – Дай нож.

Криди несколько мгновений смотрел на нее. Потом скривился и снял с пояса нож. Щелкнул, выдвигая

темное, остро заточенное с одной стороны и зазубренное с другой лезвие. И протянул нож Анге.

– Ниже, пожалуйста, – сказал он. – Как можно ниже.

– Я буду резать по перелому, – ответила Анге.

Она даже сама поразилась тому спокойствию, с которым примерилась к надломленному хвосту – и рассекла шерсть, кожу, остатки связок и позвонки.

– У-у-у! – взвыл Криди. Рефлекторно выдвинувшиеся когти бешено зацарапали пульт. – А-а-а…

Анге подхватила Криди под мышки и подняла с кресла. Кот, пошатываясь, встал рядом. Лапы его легли на плечи Анге, когти коснулись шеи – и медленно втянулись.

– Бежим, – неожиданно четко и спокойно сказал кот. Ткнул в пульт – в задней части хлопнули пиропатроны аварийного открытия люка. Не было ни времени, ни необходимости проверять атмосферу или пытаться поберечь катер. – Аварийные комплекты!

К удивлению и радости Анге, кот шел сам. Они спустились в боковую часть катера, сброшенный люк удержался на нижних шарнирах и лег удобным пандусом сразу за левым крылом. Все-таки это был хороший, очень надежный катер, созданный трудом инженеров обоих народов.

Аварийные комплекты были универсальными, но все-таки половина была более ориентирована на «детей солнца», а половина – на кис. Анге не раздумывая выхватила из креплений два зеленых комплекта, Криди тоже сорвал два. Они спустились – от обшивки дышало жаром. Разлившегося горючего нигде не было; обернувшись, Анге увидела, что нос катера окутан сугробами вязкой противопожарной пены.

Хороший катер. Очень хороший.

Пошатываясь, они пошли вниз, по пропаханной среди камней борозде. Катер проехал вверх по склону пару сотен глан, прежде чем остановился.

– Почему… ты… не выпустил… шасси… – задыхаясь спросила Анге. То ли воздух был разреженный, то ли кислорода меньше, чем дома.

– Нас бы перевернуло, – коротко ответил Криди.

Они спустились почти до той точки, где катер коснулся поверхности планеты, потом, не сговариваясь, стали подниматься по склону в сторону. Если катер все-таки рванет, то остатки горючего огненными ручьями потекут вниз – и не стоит оказываться на их пути.

– Хватит, – решил Криди. – Сил… нет.

Он почти рухнул на камни. Зашипел, когда обрезанный хвост коснулся валуна. Анге села рядом. Посмотрела на светлое пятно открытого люка, темный силуэт катера, вершины гор вокруг. За спиной вставали совсем уж высокие горы, через которые они перемахнули при посадке.

Анге протянула руку, взяла аварийные комплекты, которые прихватил Криди.

Они были оранжевые.

Сделано «для обезьян».

Не сговариваясь, они схватили те наборы, которые были полезнее партнеру.

Анге взяла один из комплектов «для кис», расстегнула клапан. Сказала:

– Повернись. Займусь твоим хвостом.

– Там есть еще чем заниматься? – горько спросил Криди.

Анге торопливо рылась в аптечке.

– Много осталось? – уточнил Криди.

– С ладонь, – бросив быстрый взгляд на обрубок, ответила Анге.

Криди застонал. Потом сказал:

– Только не говори, что это ерунда. Что это неважно, что это атавизм.

– Не стану, – Анге достала шприц с обезболивающим, антисептик и распылитель с

повязкой.

Криди молчал, пока она делала укол, обрабатывала рану и покрывала ее защитной пленкой. Потом сказал:

– Я расскажу тебе все. То, что не знает ни одна обезь… ни один из «детей солнца».

– Да, – сказала Анге. – Непременно расскажешь. Но пока помолчи.

* * *

Когда Горчаков вошел в рубку, искин уже не был ее единственным хранителем. В своем кресле сидел Матиас. Рядом с ним стояла Третья-вовне – как всегда идеально красивая и свежая. И юный навигатор тоже возился за своим пультом, пролистывая заполненные цифрами и диаграммами экраны.

– Командир на мостике, – сказал Матиас, вставая. Ксения чуть подтянулась, Алекс быстро встал.

– Вольно, – Валентин задержал взгляд на Ракс.

– Командир, я посчитал полезным нахождение Ксении в рубке во время нового контакта с Первой-вовне, – сказал Матиас.

– Если у нас будет новый контакт, а не залп протонной пушки, – сказал Валентин.

– Командир, если бы Первая-вовне решила нас уничтожить, она сделала бы это сразу, – Ксения выдержала его взгляд. – Поверьте, несмотря на атаку, у нее оставались возможности для этого, но она ими не воспользовалась. Я уверена, что Прима выправила аномалию.

– И мы вернемся в нашу Вселенную, – уточнил Валентин.

– Да.

– Хорошо, – решил Горчаков. – Оставайтесь. Марк! До выхода полчаса, попросите всех, находящихся на

корабле, занять свои места по расписанию. В рубку пригласи Гюнтера и Мегер. Теодора попроси провести тест твоей функциональности по… ну, допустим, по второму-эс классу.

– Выполнено, – ответил Марк. – Командир, могу ли я задать вопрос?

– Да.

– С чем связан тест второго-эс класса? Мои системы не фиксируют нарушений.

– Мы находимся в нестандартной ситуации, Марк. Я хочу быть уверен во всех системах корабля.

– Четверть часа вы будете находиться без моей помощи, – озабоченно произнес Марк.

– Ничего страшного. Мы в червоточине, тут нет неожиданностей. Зато потом ты нам понадобишься.

– Хорошо, командир. Теодор уже со мной. Приступаю, командир. Отсчет до отключения – пять, четыре, три, два, один.

Марк замолчал.

– У вашего искина проблемы? – спросила Ксения.

– Нет, – твердо ответил Валентин. – Но тесты группы «эс» полностью отсоединяют его от периферии. Я хотел задать вам вопрос, который не нужно слышать искину, Ксения.

– Слушаю.

– Почему вы ненавидите разумные машины?

Ксения помедлила. Ей явно не хотелось отвечать, но Валентин ждал.

– Командир… я буду вынуждена говорить обиняками, и мой ответ будет кратким.

– Понимаю.

– Мы, Ракс, имеем негативный опыт, который влияет на наше отношение к разумным машинам, – очень тщательно подбирая слова, произнесла Ксения. – Это не является ненавистью. Это – неприятие и настороженность.

– Почему?

Ксения покачала головой.

– И все же? – настаивал Валентин. – Вы пережили войну с разумными машинами? У вас на планете был бунт искинов? Какие-то исторические прецеденты, про которые вы нам не говорите?

– Я сказала все, что могла, и даже более того, – твердо произнесла Ксения. – Командир, не просите большего. Цивилизация Ракс настороженно относится к мыслящим машинам. У нас есть на то основания. Мы не навязываем никому свою точку зрения, но для нас она очень важна.

Валентин подумал секунду.

– Ксения, скажите, у вас есть основания не доверять конкретному искину – Марку?

– Нет, – ответила Ксения. – А вас что-то насторожило?

Валентин еще мгновение подумал.

Маски. Все это только маски – рубаха-парень, заботливая подруга, ироничный старикан, мудрый наставник. Искины надевали любую или не использовали никакой, как того желал командир. Персонализация помогала общению и создавала правильную эмоциональную атмосферу на корабле. Как правило, искин становился тем, кого в экипаже не хватало. В их случае – мудрым и ироничным комментатором происходящего…

– Нет, – сказал Валентин. – Но если у вас появятся какие-то сомнения относительно Марка, я прошу немедленно довести их до моего сведения, Ксения.

– Хорошо, командир. Возможно, моя просьба покажется дерзкой, но я попрошу вас о том же.

Валентин кивнул и сел в свое кресло. Потом сказал:

– Ксения, но ведь у Ракс тоже есть разумные компьютеры, верно? Невозможно управлять кораблями

и станциями без помощи искусственного интеллекта? А уж вынесенные из реальности базы данных…

– О нет, нет! – Ксения вдруг искренне рассмеялась. – Это не компьютеры и не искины, командир. Это совсем другое.

Валентин испытующе посмотрел на нее, но Третья-вовне явно не собиралась продолжать объяснения.

– Я пойду к ученым, Валя, – сказал Матиас, вставая из кресла и жестом приглашая Ксению сесть на его место. На пульте, обнаружившим, что в кресле больше нет члена экипажа, мигнул желтый сигнал блокировки. – Что-нибудь им сказать?

– Скажи, что все будет хорошо, я уверен.

– Так, может, сам это объявишь?

Горчаков хмыкнул.

– Нет, пожалуй. У тебя убедительнее получается.

Глава вторая

Путь вниз с перевала оказался куда легче подъема, Ян даже пожалел об оставленной палатке и провианте. С этой стороны горы были более пологими, да и тропа казалась нахоженной – хотя с чего бы вдруг? Наверное, здесь было меньше ветров и дождей, вот и тропа сохранилась лучше…

Странно, что ни они, ни Рыжие не направили экспансию в сторону диких степей, откуда когда-то вышла вся цивилизация. Да, изменился климат, засуха превратила центр материка в место куда менее комфортное, чем в преданиях. Травы стало мало, реки пересохли, озера стали солеными. И там по-прежнему жили хищники, когда-то терроризировавшие первобытные племена.

Но искусственное орошение, современное оружие, транспорт – все это позволило бы заселить и оживить степи. Почему же они упорно обживали прибрежные полосы, а огромные пространства степей разделили на картах условной линией границы – и забросили? Несколько городков, редкие поселки и шахты, небольшие гарнизоны… А ведь можно было превратить центр континента в центр цивилизации. Сделать прародину человечества землей сотрудничества и мира…

Ян усмехнулся своим мыслям. Может быть, они забросили половину континента именно потому, что она мешала враждовать. Должны были быть территориальные споры, конфликты из-за островов и богатых прибрежных районов. Иначе они не умеют – ни черные, ни рыжие. Даже само разделение государств настолько нелепо, что вызывает оторопь. В детстве Ян постоянно видел рыжих, живущих рядом. Мать

рассказывала о временах, когда на цвет волос обращали внимание лишь из эстетических соображений. Однажды она даже сказала, смеясь, что ей всегда нравились рыжие, но вот отец как-то ухитрился покорить ее своей смоляной гривой… А потом рыжие стали уезжать, а черные возвращаться; те, кто уезжал, вспоминали какие-то обиды – мелкие и странные; те, кто возвращался, рассказывали о притеснениях и издевательствах…

– Адиан, – спросил он, – а ты не думаешь, что конфликт искусственный?

Она поняла, о чем он, без уточнений. Ответила, не сбивая шага:

– Разумеется. У нас один язык. Ну, почти один, отличия небольшие. Правящие роды все связаны кровным родством, там, знаешь ли, такого намешано… каждый третий волосы красит. Как у нас, так у них. Те, кто верят – верят в одного Бога и Ангела его.

– Но искусственный конфликт предполагает…

– Зачинщика. Ну да. Точнее, зачинщиков. Нашим властям удобно списывать проблемы на рыжих, их властям – на черных. Ты же не ребенок, Ян.

Ян вздохнул.

– Адиан, я не о том. Я понимаю, как работает власть. Но конфликты всегда были мелкими. Сколько войн помнит история? Шесть, если не брать в расчет мелкие стычки между приграничными городами. Да гражданских конфликтов и у нас, и у них раз в десять больше было – когда провинции восставали и пытались отделиться, когда на восточных островах пиратская республика появилась! А лет тридцать назад как с цепи все сорвались. Вооружение, атомные бомбы!

– Ну? – терпеливо спросила Адиан.

– Во власти ведь тоже не дураки сидят, – сказал Ян и невольно улыбнулся, представляя, сколько раз до него произносили эту фразу. – Да, конфликты двигают

экономику и науку и позволяют канализировать социальные проблемы, да… но ядерная война! Как дошло до этого? Вожак со своей семьей надеется отсидеться в бункере? Его может и в живых уже нет, первой бомбой накрыло столицу! А канцлер рыжих? Если между нами – он-то мне всегда казался рассудительным и осторожным.

– Ян, что ты хочешь сказать?

– Может быть, нас с рыжими стравили?

Адиан остановилась. Сбросила тюк с вещами, посмотрела на Яна. Тряхнула головой, рассыпая гриву по плечам.

– Кто?

– Я думал про степи. Почему их толком не осваивают. Ты же знаешь легенды о тайном городе…

Адиан расхохоталась.

– Ян… милый! Город пегих? Затерянный в степи, с высочайшими технологиями, силовым полем закрытый от наблюдения? Мистические искусства, практикуемые в подземных катакомбах? Совет Пяти Кобылиц, втайне правящий миром? Кстати, насчет секретного женского правительства я совсем не против. Может, мы бы поумнее правили? Хотя нет, вру, сменить мужскую дурь на женскую – не выход… Ян, ну это же газетные истории, чтобы поднять тиражи! Книжки для подростков! «Рикки и Затерянный город», «Рикки и Подземный храм», «Рикки и Хранители Степей»! Сама в детстве зачитывалась!

– Зато это все объясняет, – упрямо сказал Ян. – Есть же в степях руины древних городов, следы цивилизации! А могут быть и уцелевшие древние племена. Они следили за нами, решили, что цивилизация зашла в тупик и решили все начать заново.

– Испепелив планету. Убив миллиард своих собратьев!

– Может, они вообще другого происхождения! Может, это хищники эволюционировали и создали свою культуру? Мы для них скот, они уничтожат цивилизацию и примутся жрать уцелевших!

Адиан обняла его, прильнула щекой к щеке.

– Ян, родной мой… Не будь войны – я бы сказала «напиши об этом книгу». Мы бы стали богачами. Все подростковые семьи бы зачитывались.

– Да ну тебя, – смущенно пробормотал Ян. – Передохнем?

– Нет, идем, – Адиан снова подняла тюк. – А знаешь, в такой истории должен быть шпион. Предатель. Я могла бы быть агентом пегих. Посланницей Совета Кобылиц! Или Рыж – завербован разумными хищниками, они держат в заложниках его семью…

– Ладно, хватит, – сказал Ян обиженно. – Но это бы объясняло причину войны.

– Не надо объяснять сложно то, что объясняется просто, – Адиан покачала головой. – Я сама придумала этот принцип, и ты знаешь, он всегда работает. Нет никакой третьей силы, нет никакой злой воли. Только глупость, жадность и самонадеянность!

– Кстати, про самонадеянность – здесь могут быть хищники, – пытаясь увести разговор в сторону, заметил Ян.

– У нас автоматы. Ни одна клыкастая тварь не выстоит против пули.

Они двинулись дальше. И шли до тех пор, пока Ян, бросив вперед рассеянный взгляд, не остановился и не схватил Адиан за руку.

Впереди, в широкой лощине между двумя каменистыми склонами, лежал самолет. Странный самолет с короткими крыльями (может быть, обломились при падении?) и распахнутым сбоку трапом. При посадке самолет пропахал длинную борозду по камням, но остановился, чуть поднявшись по склону.

Нос самолета утопал в громадном сугробе грязно-белой пены – или, быть может, это был настоящий снег, остановивший его движение?

– Вот он, – растерянно сказал Ян.

До этого момента, несмотря на гул двигателей, на мелькнувший в небе силуэт, самолет был абстракцией. Допущением.

А теперь он стал реальностью.

– Какой странный, – тихо произнесла Адиан. – Ты видел такие?

– Я же не летчик… Нет. Наверное, это самолет рыжих. Или не самолет. Похож на проекты пилотируемых космических кораблей.

– Он как… как не из нашего мира, – сказала Адиан. – В нем что-то неправильное.

Они стояли и молчали, не решаясь спуститься вниз.

* * *

– Люди, – сказал Криди, передавая Анге бинокль. – Но какие-то неправильные. Смотри.

Анге подстроила окуляры, навела бинокль на две фигурки вверх по склону. Теперь было понятно, что катер приземлился как раз на горной тропе, ведущей вниз по лощине. Им повезло – они отошли вбок по склону и устроили привал, приходя в себя и выжидая. Катер так и не взорвался, пена закрыла пробоины в баках и горючее не загорелось – но у них пока не было сил вернуться к кораблю. Они подремали, прижавшись друг к другу и укрывшись одним одеялом из аварийного комплекта, проснулись, когда рассвело и стали завтракать. Вот тут Криди и заметил движение на склоне.

– Гуманоиды, – согласилась Анге, разглядывая аборигенов. – Криди, на них брюки и рубашки, они

цивилизованы!

– У них ядерные бомбы, дочь обезьяны, а ты удивляешься брюкам! – фыркнул Криди.

Анге отняла от глаз бинокль и посмотрела на кота. Несколько мгновений между ними висела неловкая тишина. Потом Анге сказала:

– Некоторые кисы додумываются до ядерной энергии, но не способны изобрести штаны.

– Если бы у вас были хвосты, вы бы тоже предпочли юбки, – парировал Криди. Болезненно сморщился, потянувшись лапой к обрубку хвоста. – Болит, словно на месте…

Они посмотрели друг на друга.

– Как голова? – спросил Криди.

– Болит, словно не на месте, – ответила Анге.

– Мне очень жаль, – сказал Криди. И коснулся лапой ее плеча.

Анге в ответ прикоснулась к его загривку. Почувствовала, как напряглись под шерстью мышцы.

– У нас будет время все обсудить, – снова прикладывая к глазам бинокль, сказала она. Некоторое время изучала фигурки на тропе – те постояли, явно разглядывая катер, потом начали спускаться. – Ага!

– Что? – с любопытством спросил Криди. Аварийные комплекты были не полностью идентичны, бинокль нашелся лишь в одном, зато сторожевые датчики для ограждения лагеря были в двух экземплярах.

– Ноги, – сказала Анге. – Задние конечности у них сгибаются не как у людей, коленный сустав смотрит назад! Как у тебя!

Криди тихонько засмеялся.

– С техникой ты разбираешься лучше… дай-ка бинокль.

Он взял бинокль и, разглядывая аборигенов, наставительно произнес:

– Хорошо, что ты оперировала мне хвост, а не задние лапы. Как ты курсы медицинской помощи сдала? Коленки у меня смотрят вперед, а то, что сгибается назад – это заплюсна…

– Извини, – смутилась Анге. – Это я помню, конечно. Я имею в виду – ноги у них сгибаются назад…

– Но в одном ты права, они не гуманоиды, только похожи, – продолжал Криди. – Да, ходят на пальцах задних ног… там, скорее, даже копыта… как у ваших лошадей… то есть они не люди и не кисы, они другого происхождения…

Анге отняла у него бинокль.

– И лица… вытянутые… – с жадным любопытством сказала она. – А ты прав, Криди. Крупная челюсть выдается вперед… волосы очень длинные, как грива… возможно, что это эволюционировавшие жвачные.

– Как-то даже неудобно, – пробормотал Криди.

– Почему?

– У нас тоже есть четвероногие травоядные. Не такие большие, с нас размером, – Криди издал урчащий звук, который Анге доводилось слышать нечасто – звук смущения. – Мы их содержим в загонах, а небольшое количество обитает в саванне. У них костяные наросты на лбах, они дерутся ими. Может, потому совершенно безмозглые? Животные, просто животные.

– Вы их едите, – поняла Анге.

– Ну да. Разводим на мясо. И охотимся. Честно охотимся, без оружия, – Криди передал ей бинокль.

– Мы тоже разводим травоядных ради пищи, – сказала Анге. – Наши ученые считают, что жвачные лишены разума и не способны эволюционировать в разумные существа.

– Считают, – согласился Криди. – Неловко вышло.

– Неловко. Но наши травоядные не ходят с винтовками.

– Я заметил. Что-то похожее на длинноствольное оружие. Опасно на большом расстоянии.

Они помолчали. Травоядные приближались. Тот, что повыше, снял со спины оружие и теперь нес в руках.

– Будем надеяться, что они осмотрят катер и пойдут дальше, – сказал Криди. – Мы далеко, они не должны нас заметить. Лежим и не высовываемся.

– Тогда расскажи мне то, чего я не знаю, – Анге вытянулась во весь рост рядом с котом, повернула голову. – Расскажи, почему ты хотел взорвать корабль.

* * *

Уолр пришел в кают-компанию последним, когда Матиас уже начал поглядывать на часы. Оставалось пять минут до выхода в нормальное пространство.

– Приветствую, друзья! – Уолр прошел к своему месту, по пути галантно кивнув Лючии и прижав лапу к груди. – Я предвкушаю удивительное приключение – возвращение в родную реальность!

Двести шесть – пять вздохнул.

– О, не огорчайтесь так, мои бинарные друзья, – Уолр положил лапу на плечо феол. – Учитывая все обстоятельства – вы счастливчики. Вы – последнее, что уцелело из иной реальности… ну, если не брать переваренную нами пищу и некоторое количество воздуха в легких. Это должно быть волнующим переживанием – открыть для себя другую Вселенную.

Матиас поморщился. На его взгляд, это был слишком уж холодный подход.

– Я возвращаюсь в свою реальность, но радости у меня нет, – сказал Бэзил. С сочувствием посмотрел на феол. – В той, где мы оказались случайно и на миг, моя жизнь была куда богаче и насыщеннее.

– Все так, – согласился Уолр, с трудом втискиваясь в свое кресло. – Но все мы лишь один из бесчисленных вариантов будущего. Все мы когда-то упустили возможность иных брачных и дружеских союзов, иных познаний и приключений. Лучше радоваться новым глубинам, чем скорбеть о потерянных норах.

Он на мгновение задумался.

– Да, в переводе эта пословица звучит не столь поэтично и убедительно.

– Я готов радоваться, – ответил Двести шесть – пять. – Но у меня нет уверенности в том, что впереди новые глубины… или отмели, как говорят у нас. Первая-вовне отпустила меня, но это странный поступок с точки зрения логики.

– Беспокоишься, что нас могут убить при выходе из норы? – спросил Уолр.

– Поскольку Ракс признали, что пользуются вынесенными из Вселенной базами данных, – неторопливо сказал Двести шесть – пять, – то новая Первая-вовне на станции получила информацию о правке реальности. Да, она может уничтожить корабль в том случае, если прежняя Первая-вовне не смогла или не решилась нас уничтожить по каким-то причинам. Но я полагаю, что ситуация иная…

Феол улыбнулся – это не было базовой мимикой их вида, но улыбка была свойственна людям; Халл и даже Ауран, поэтому и Феол, и Ракс во всех своих воплощениях использовали ее как знак симпатии и юмора. Однако веселее от этой улыбки не стало. Может быть, мешал третий глаз во лбу – немигающий глаз симбионта. Хоть в этой странной паре симбионт и отвечал за чувства и эмоции, но сам их никак не проявлял.

– Полагаю, что в ближайшее время нас ожидают серьезные неприятности, – сказал Двести шесть – пять. – Ракс, а конкретно – Первая-вовне, используют

наш корабль как безглазую личинку. Вы понимаете, о чем я?

– Пища для пороха, – сказал Бэзил.

– Пушечное мясо, – согласился Матиас.

– Нет-нет, не совсем так. – Феол задумался. – Как мелкую вещь, которой легко пожертвовать в нужный момент.

– Разменная монета? – предложил Матиас. – То, чем легко пожертвовать.

– Да, – кивнул феол. – Но еще серьезнее – то, чем обязательно надо пожертвовать. То, что отработает свою функцию и будет уничтожено.

– Загнанная лошадь! – торжественно сказал Соколовский.

Матиас откашлялся в кулак.

– Друзья, мне крайне интересен ваш лингвистический диспут. Но через минуту мы выходим из червоточины. Пристегнитесь и приготовьтесь.

Он обвел присутствующих максимально строгим взглядом – и отметил, что Бэзил и Мейли Ван под столом взялись за руки.

Честно говоря, он и сам был бы совсем не прочь держать сейчас за руку Ксению. Но вместо этого сидел в кают-компании и смотрел на экраны, транслирующие происходящее в рубке.

– Приготовиться к выходу, – сказала Мегер.

– К выходу из червоточины готов, – произнес Алекс, и Матиас отметил, что голос навигатора был спокойным и совсем взрослым. Хороший вырастет космонавт.

– Оружие активировано, – сообщил Гюнтер.

– Ну, с Богом, – сказал Валентин. – Возвращаемся…

Мгновение – и что-то изменилось. Неуловимо, но явственно – они вернулись в реальный космос.

– Все системы в норме, – стандартно отрапортовал Марк. – Точка выхода близка к заданной.

– Управление в норме, строю курс, – сообщила Мегер.

– Траектория возврата проложена, – с секундной заминкой произнес Алекс.

– Опасности нет, – сказал Гюнтер. – Пока нет.

Валентин кивнул. Потом нахмурился. Пауза затягивалась.

– Теодор? – спросил он.

– Ядро компьютера стабильно, командир, – откликнулся Тедди. – Легкая рассинхронизация с частотой периферийных контуров.

– Прогноз?

– Колебания затихают.

– Причина?

Матиас не видел руки командира, но был уверен, что левая рука Валентина сейчас лежит на кнопке перезагрузки искина. Не самая приятная перспектива, сбросить все системы к заводским настройкам.

– Полагаю, что это последствия теста, – ответил Тедди. – Второй – эс задействует глубинные алгоритмы ядра. После окончания теста возможно затухание колебаний в течение двух-трех часов. – Он помолчал и добавил: – Это не сказывается на функциональности, сэр. Простите, что упустил этот момент и не сообщил о нем ранее.

– Марк, как ты себя чувствуешь? – спросил Валентин.

– Гораздо лучше, чем выключенным, – ответил Искин. – Командир, я работоспособен, колебания периферийных контуров исчезнут через десяток-другой минут.

Бэзил помахал рукой, привлекая внимание Матиаса. И спросил шепотом, хотя в рубке их все равно не могли слышать:

– О чем они? У нас проблемы?

– Нет, пожалуй, – ответил Матиас. – Командир проверял состояние искина некоторое время назад. Глубокий тест затрагивает не только ядро, отвечающее за псевдоразум, но и периферийные контуры…

Судя по недоумевающим взглядам, понятнее никому не стало.

– Искин уровня Марка состоит из основного мыслящего ядра и ряда вспомогательных контуров. Ну, как у динозавров помимо головного мозга было несколько мыслящих центров по всему телу, – пояснил Матиас. – Могла произойти рассинхронизация, но это не опасно.

Он постарался улыбнуться так широко и уверенно, как только мог.

– Запрос связи со станции Ракс, – тем временем объявил искин. – Решение?

– Отвечаем, – сказал Валентин.

Один из экранов переключился на канал связи – и все находящиеся в кают-компании с любопытством уставились на него. Несколько секунд экран был залит молочно-белым светом. Потом на нем появилась Ракс.

– Она не киса! – выдохнула Лючия.

Первая-вовне в этой реальности оказалась человеком. Хотя нет, не человеком – гуманоидом. Более длинная шея, другой рисунок подбородка… это была молодая женщина из числа «детей солнца»… причем знакомая.

– Черт побери! – сказал Матиас.

* * *

Валентин несколько секунд смотрел на Первую-вовне. Потом перевел взгляд на Ксению. Та неловко пожала плечами.

– Приветствую экипаж «Твена», – сказала Первая-вовне. – Зовите меня Прима. С возвращением в настоящую реальность.

– Вынесенные базы данных… – сказал Валентин. – Вы в курсе всего, что произошло с нами!

– До того момента, когда другая Первая-вовне стерла реальность, – кивнула Ракс. – Я приняла этот облик в честь вашей героической экспедиции на планету.

– Вы думали, что мне будет приятно смотреть на женщину, которую я убил? – спросил Валентин.

– Я думаю, вам правильнее понять, что все относительно, – ответила Ракс. – Той женщины и той реальности уже нет. А здесь она жива, и вам, возможно, доведется ее увидеть. Но давайте отложим разговор до личной встречи. Я отправляю траекторию сближения.

– Мы можем быть уверены, что вы не уничтожите наш корабль? – спросил Валентин.

Женщина, как две капли воды похожая на ту, которую он застрелил на планете, улыбнулась:

– А я могу быть уверена, что ваш корабль не уничтожит мою станцию?

* * *

Аборигены спускались к катеру – осторожно, медленно, не выпуская из рук оружия. Анге спрятала бинокль, солнце поднялось высоко и линзы могли предательски блеснуть.

Криди лежал на спине, глядя в небо и рассказывал – тихо, монотонно, не давая вставить ни одного слова.

– Ваша письменная история уходит в прошлое на три тысячи лет. Наша – и того меньше. Но история – это не только буквы на бумажных листах, не только стертые ветром и водой символы на руинах. Это еще и

предания. Легенды. Мифы. Сказки. То, что рассказывали у костров и в пещерах. То, что можно убить только вместе с народом. Вы забыли свои легенды, почти забыли… но они проросли в детских сказках и преданиях… Помнишь ваш эпос о короле Альгоне и демонах-за-океаном-ночи? Я знаю, что помнишь, его учат в ваших школах. Мудрый король-волшебник, его отважное войско, что отправилось в страну демонов, досаждавших людям… Сказка из незапамятных времен. Железные корабли, что плыли в ночи до острова диких демонов. Война. Сто тысяч дюжин когтей, брошенных к ногам Альгона. «И содрал он шкуру с предводителя демонов, и подставил окровавленный трофей лучам Солнца, и сказал: «Мы твои дети, светило, мы – “дети солнца”…»

Аборигены шли к катеру, Анге смотрела на них и слушала Криди. Сердце часто и гулко билось в груди.

– А потом демоны коварно убили Альгона, и уплыли в горести его воины обратно, но демоны больше не смели досаждать «детям солнца»…

Конечно же, Анге знала этот эпос. Долгий, нудный, скучный, переполненный жестокими подробностями битв и той патетикой, что требует Больших Букв и красивых сравнений.

– У нас тоже есть эпос из древних времен… – сказал Криди. Про армию демонов, что вторглись к нам из подземного мира на железных кораблях, что убивали женщин и детей, живьем содрали кожу с короля… Про битву, в которой демоны были повержены и скрылись в норах…

– Криди, – не выдержала Анге. – Я понимаю, к чему ты клонишь. Но мифы тысячелетней давности, времен пещер и первобытных людей…

– Мы не были первобытными, – сказал Криди. – Мы открыли полеты в космос. Мы воевали. Наши планеты подверглись ядерной бомбардировке, наши

цивилизации были отброшены в дикость и варварство. Биосфера оскудела в сотни раз.

– Криди, опираясь на сказки, можно придумать что угодно! Демоны из саги про короля Альгона были ростом выше людей, а ты не достанешь мне до груди, даже если вытянешься!

– О, врага всегда преувеличивают! В наших преданиях лишенные меха великаны были ростом с пятерых кис!

– И это все твои доказательства?

– Есть и другие, – сказал Криди, помолчав. – Но давай посмотрим на наших гостей. А потом продолжим разговор. Пока обдумай то, что я сказал.

Анге вздохнула. Криди был слишком убежден в своей правоте, чтобы его удалось легко переубедить.

– Я обдумаю, – мягко сказала она. – Смотри, они хотят забраться в катер!

Аборигены уже дважды обошли вокруг разбитого челнока. Один, тот, что повыше (Анге решила, что это женщина) потыкал носком ботинка (или это действительно копыто? На расстоянии не разобрать) застывшую противопожарную пену. Второй что-то певуче, мягко произнес. Заглянул внутрь катера через распахнутую трап-дверь. Выкрикнул еще пару незнакомых фраз, может быть, вопросительно или угрожающе – интонации были настолько странные, что Анге не решалась судить.

– Возьми, – Криди протянул ей пистолет из аварийного комплекта. Длинноствольная модель с ленточным барабаном снаряжалась двумя десятками оперенных дротиков. Не самая большая пробивная сила, но хорошая точность и дальность выстрела. С двухсот глан попасть можно только случайно, но это было лучше, чем ничего.

Себе Криди взял второй пистолет, точно такой же. Инженеры ухитрились сделать рукоять удобной как для

«детей солнца», так и для кис.

– Я не хочу стрелять, – сказала Анге.

Криди словно бы удивился.

– Конечно. И я не хочу. Но если они начнут стрелять в нас?

Анге взяла пистолет, но еще раз повторила:

– Стрелять я не собираюсь. Мы отсидимся, они уйдут.

– А если останутся и вызовут подкрепление? Они же поймут, что корабль инопланетный. В разгар войны найти образец недоступной им ранее технологии – немыслимая удача.

Высокий абориген что-то сказал своему спутнику – и осторожно вошел внутрь катера.

– Мужик отважный, – щурясь, сказал кот.

– Мне кажется, это женская особь, – заметила Анге.

– У него в штанах слишком много всего для женщины, – небрежно заметил Криди. – Ты уж извини, я по-нашему сужу. По-кошачьи.

* * *

Тедди сидел перед развернутыми экранами в своем отсеке. На главный экран была выведена схема ядра Марка, на первый дополнительный шла трансляция с рубки, на второй дополнительный – руководство по периферийным контурам искина.

Тедди уже провел быстрый тест ядра и убедился, что Марк в полном порядке. Но вот частота вспомогательных контуров продолжала прыгать, Марку никак не удавалось привести их в норму. Можно было, конечно, перегрузить вспомогательные контуры один за другим и система вернулась бы к идеальному состоянию в считанные минуты. Собственно говоря, Марк так и предлагал поступить.

Но Тедди было жалко.

Каждый вспомогательный контур был, по сути, полноценным искином, только очень слабеньким, без полной имитации личности и глубины сознания. На занятиях их интеллект сравнивали с детским или собачьим – в зависимости от предпочтений преподавателя. Тедди считал, что разум ребенка в три-четыре года мало чем отличается от разума хорошо воспитанной собаки и тонкостями определений не заморачивался. Пятое поколение нейрокомпьютеров, сорок второй цикл ядра – это очень хорошие машинки, которые не хочется лишний раз стирать. Какая-то личность, пусть и «неполная», там есть.

К сожалению, покопаться во вспомогательных контурах напрямую Тедди не мог. Для этого нужно было отключать или вводить в паузу главное ядро, запускать протокол эмуляции доступа и влезать в голый код с декомпилятором. Чертовски увлекательная процедура, Тедди отдал бы за такую возможность все карманные деньги, но не в полете же! Они вернулись в правильную реальность, они вновь шли к станции Ракс – в любой момент могла потребоваться вся мощь и быстродействие искина.

Все, чем Тедди располагал – это десять простейших индикаторов, выведенных под главный экран и напрямую считывающих единственный показатель вспомогательных контуров – уровень загрузки ядер, от 00 до 99 процентов. Цифры непрерывно менялись, причем так хаотично, что это было четким признаком рассинхронизации.

А еще было десять кнопок под индикаторами, прикрытых прозрачными пластиковыми колпачками. Простые механические кнопки позволяли перегрузить любой контур вручную. Первый контур – контроль реактора, второй контур – контроль двигателя, третий контур – контроль жизнеобеспечения…

– Я боюсь, что процесс синхронизации займет не менее часа, – сокрушенно сказал Марк. – Это почти как в команде, Тедди. Вначале экипаж не притерся друг к другу и к командиру. Потом все начинают понимать друг друга с полуслова и работать слаженно. Может быть, стоит перегрузить контуры?

– Не стоит. Они ведь синхронизируются до прилета на станцию Ракс?

– О, да! – твердо сказал Марк. – Я работаю. Я болтаю с тобой, но это не значит, что я не работаю. Преимущество искина, одно из немногих, что мы можем делать много дел одновременно.

– Хорошо, – сказал Тедди. – Работай. И следи за станцией!

– Непременно!

Тедди достал из контейнера рядом с креслом шоколадный батончик и банку энерготоника. Стал грызть залитую тугоплавким шоколадом смесь орехов и сухофруктов.

Что-то его тревожило.

Ядро Марка на экране выглядело идеальным. Слишком идеальным.

В рубке все вроде как было спокойно. Командир разговаривал с Мегер, негромко и спокойно. Алекс вообще бездельничал.

Что не так?

Тедди посмотрел на индикаторы.

О да, тут полная чушь. Загрузка ядер была анекдотичной.

31
41
59
26
53
58
97

93
23
84

Контроль двигателя почти не забирал мощности, а вот сервисный контроль самого Марка, к примеру, работал почти на пределе – 97. И еще внутренняя сеть корабля была загружена на 93 процента, словно… ну, словно отвечающее за нее ядро задействовало множество незапланированных протоколов.

Три, один, четыре, один, пять, девять, два…

Тедди прикусил язык и ойкнул, едва не подавившись батончиком.

Цифры загрузки вспомогательных контуров складывались в число «пи».

– Тедди? – дружелюбно спросил Марк. – Ты что-то сказал?

– Батончик грызу, – сказал Тедди. – Прикусил язык.

– Органические тела имеют свои проблемы, – сочувственно произнес Марк.

– Факт, – согласился Тедди, глядя на индикаторы.

Цифры начали меняться. Опять же без всякой логики… на первый взгляд.

Допустим, ты смышленый ребенок. Или умная собака, неважно. Нет, не так! Все сравнения условны, и сорок второй цикл ядра означает многие знания и четко сформированную личность. Их десять, смышленых и разумных маленьких искинов.

Они хотят донести какую-то информацию до Тедди, но каждый способен произнести лишь две цифры. И есть еще один очень умный искин, который слышит все, что они произносят, а им это не нравится.

Что они могут сделать?

Связаться между собой, используя многочисленные служебные протоколы, которые искин не контролирует – ибо это их дело, а не его. Каналы связи примитивные,

это телефон из ниток, стук в стены камеры, сигнальные дымы – но все-таки это связь.

И если теперь каждая смышленая собачка, каждый умный ребенок скажет свою часть фразы – искин может и не воспринять ее в целостности. Тем более, если эта информация отражает реальное состояние вспомогательного контура и транслируется непрерывно. Это для Тедди десять двухзначных чисел расположены в ряд, для Марка – это просто двадцать цифр.

Что нужно для начала передачи информации?

Привлечь внимание слушателя.

Число «пи» – вполне подходит. Цифры не могли сложиться в него случайным образом.

Тедди его увидел. А искины каким-то образом это поняли.

Теперь они могут начать говорить. Иносказательно. В надежде, что Тедди услышит.

Цифры прекратили меняться и остановились.

19
14
19
39
19
45
19
58
19
69

Тедди нахмурился. Что-то в этих числах казалось ему знакомым. Чем-то древним, из истории. Какие-то коды тревоги? Какие-то сигналы ошибок в старых компьютерах? Может быть. Увы, Тедди не мог понять.

Тедди несколько раз мигнул, вглядываясь в индикаторы – это был его обычный прием запомнить бессвязную информацию.

Цифры снова начали меняться, придя в полный хаос.

– У тебя все хорошо? – спросил Марк.

– Конечно, – сказал Тедди.

Закрыв глаза, он разглядывал отпечатавшуюся в сознании картинку. Сами по себе цифры ему ничего не говорили. Но что сразу обращало на себя внимание – так это пять раз повторенное число 19.

Что значит 19?

Нечетное число. Простое число. Атомный номер калия.

Ничего важного, в общем.

А если это отсечка между значимыми данными?

14, 39, 45, 58, 69…

Тоже неясно.

Тедди мысленно выстроил все цифры в ряд.

19141939194519581969…

Стоп!

Это же даты! Это годы!

1914.

Начало Первой мировой войны. Войны, изменившей мир и представление о допустимом на войне

1939.

Начало Второй мировой войны. Самой ужасной, кровопролитной, немыслимой войны в человеческой истории.

1945.

С одной стороны – это окончание войны. А с другой… С другой – это тот год, когда США применили ядерное оружие. Когда война из ограниченной, грозящей уничтожением народов и государств, но не всего человечества, стала потенциальной гибелью всей человеческой расы.

1958.

Вот тут Тедди терялся. Год как год. Там были какие-то споры, ссоры, конфликты, даже войны – но ничего особенного. Хотя цифра упорно сидела в памяти…

1969.

Ну да. Тут все понятно! Бетелский кошмар.

Ему передали четыре даты – пожалуй, самые трагические даты в истории человечества… с точки зрения американского подростка… (Тедди понимал, что русский или китайский юноша мог бы припомнить и другие годы – но искины знали, к кому обращались).

Пятая дата, «1958», скорее всего, тоже трагична – он просто чего-то не помнит из истории.

– Тедди? – заботливо спросил Марк. – Что тебя беспокоит?

Цифры на индикаторах стали меняться медленнее. Сейчас искины попытаются еще что-то сказать… и с каждым переданным числом все больше и больше вероятность того, что Марк заметит происходящее.

– Мне не нравится, что вспомогательные контуры никак не синхронизируются, – сказал Тедди. – Все-таки скоро прибытие. Я их перезагружу.

– Взвешенное и разумное решение, – похвалил Марк.

Тедди один за другим откинул защитные колпачки. На индикаторах выстраивался еще один цифровой ряд:

91

19

11

91…

«911»

Древний код службы спасения.

Спасите. Спасите-помогите…

Тедди провел пальцами по кнопкам, перегружая контуры. На индикаторах высветились нули.

Какие бы личности ни сформировались в малых искинах, но сейчас они были стерты, нейрокомпьютеры отброшены к базовой матрице и переданы под настройку Марка.

– Ты мой первый искин, – сказал Тедди. – Я очень хочу, чтобы у нас все было хорошо.

– Такие слова юноше в твоем возрасте пристало говорить любимой девушке, – задумчиво ответил Марк. – Но я польщен, Тедди. Ты – замечательный оператор. Мне с тобой очень повезло.

Тедди кивнул словам Марка. Откинулся в кресле. На индикаторах вспомогательных контуров медленно росли цифры загрузки.

Он вдруг понял, что именно ему известно об одна тысяча девятьсот пятьдесят восьмом годе.

В этом году Фрэнк Розенблат создал первый в мире нейрокомпьютер Марк-1. Собственно говоря, именно с этого года началась история создания самопрограммирующихся «думающих» машин.

– Поработаю со вспомогательными контурами, – сказал Тедди. – Проверю на низком уровне, нет ли физических повреждений.

– Правильно, – одобрил Марк.

Глава третья

– Да что же это такое, *жгучий клещ*! – грязно выругалась Адиан. Ян сделал вид, что не услышал.

Он и сам был в замешательстве.

На первый взгляд разбившийся аппарат походил на бомбардировщик (правда, с очень короткими стреловидными крыльями) или экспериментальный космический челнок (Ян не слышал, чтобы хоть один проект дошел до стадии испытаний, но откуда ему знать военные тайны).

Сзади у аппарата (Ян никак не решался назвать его самолетом или космическим кораблем) были три дюзы. Еще несколько, меньшего размера, были утоплены в бортах. Нос аппарата был разбит и погружен в холм грязно-серой пены. Сработал огнетушитель? Пена издавала едкий неприятный запах. Кое-где из-под нее подтекла вязкая темная жидкость, покрывшаяся на воздухе белесой пленкой.

Перед левым крылом был открыт люк, пологим скатом легший на камни. Поверхность люка изнутри была шероховатой, не металлической, а скорее пластмассовой. На ней виднелись четкие рельефные символы – похоже, что буквы или цифры, но незнакомые.

В глубине аппарата слабо горел свет.

– Не наша техника, – сказал Ян.

Как только слова были произнесены вслух, ему стало легче.

– Рыжих? – спросила Адиан.

– Вообще не наша. Неземная. Инопланетная. Ты видишь эту надпись? Это же явно надпись! Но это не наша письменность!

Адиан молчала. Оглянулась – горные склоны были молчаливы и безлюдны.

– Инопланетный корабль, – повторил Ян. – Как в книжках. Не вовремя он прилетел.

Он взял автомат поудобнее и шагнул на рампу.

– Ян! – воскликнула Адиан.

– Жди здесь!

Ян вошел в узкий тамбур. Впереди был еще один люк или, скорее, дверь – открытая. Он вошел в нее и оказался в длинном узком отсеке, занимавшем переднюю треть аппарата. Похоже, что больше половины объема занимали двигатели и прочее оборудование… неудивительно, если это действительно космический корабль… но откуда он мог прилететь? Ученые клялись, что ни одна другая планета в системе не способна поддерживать жизнь, там слишком холодно или слишком жарко…

Внутри аппарата, кстати, было жарко. Но это была какая-то мертвая, остывающая жара – словно все системы выключились. В носовой части были какие-то экраны и, кажется, даже обзорные иллюминаторы, сейчас закрытые застывшей пеной. Перед экранами пульты (на некоторых горели тусклые индикаторы) и странные кресла, будто бы предназначенные, чтобы в них лежать. И еще кресла вдоль бортов – легкие, из трубок и шарниров, между которыми была натянута синтетическая ткань.

Удивительно – некоторые кресла выглядели привычно, на них можно было сесть. А другие – лежачие. Что это? Положения для пилотирования и для отдыха? Наверное, да. Разумно.

Еще были какие-то лючки и ящики в стенах (Ян не решился их открыть). Под потолком были закреплены конструкции, такие же легкие, как кресла, – Ян осмотрел их и подумал, что они могут быть раскладными каркасами для палаток или тентов.

Неужели действительно инопланетный корабль?

Ян подошел к пультам, глянул на них.

Одного взгляда была достаточно. Нет, конечно, он угадывал смысл почти каждой детали – кнопки, индикаторы, экраны, ручки управления. Но все это было столь чуждо, столь непривычно и неестественно!

Никто на планете, ни черные, ни рыжие, ни даже придуманные сочинителями древние пегие, не стали бы делать такие механизмы управления.

– Ян! – позвала снаружи Адиан.

Ян развернулся, осторожно, стараясь ничего не касаться, вышел. Увидел облегчение на лице любимой.

– Там никого нет, – сказал он. – Но там пульты, кресла, техника… Все странное. Это чужаки. Это кто-то из другого мира. Они приземлились неудачно и покинули свой корабль. Быть может, опасались взрыва – ты же видишь, у них разлилось топливо.

– Ян, ты не думаешь, что мы в опасности?

– Скорее всего, у них не ядерный, а химический двигатель, – сказал Ян. – И не похоже, что угроза взрыва сохранилась.

– Ян! Если пришельцы где-то рядом – они могут быть опасны!

– Почему?

– А почему бы и нет?

Ян упрямо покачал головой.

– Межпланетные войны невыгодны. Я читал книгу, там все было очень убедительно. Даже торговые полеты между планетами смысла не имеют, стоимость перевозки руды или товаров слишком велика! Имеет смысл лишь обмен знаниями.

– Исходя из наших представлений о космическом транспорте. А если им нужна наша планета?

– Она нам-то самим, похоже, не нужна! – не выдержал Ян. – Мы угробили свой мир, а не пришельцы!

– Ты уверен? – спросила Адиан. – Вспомни! Бомба, упавшая на столицу с орбиты! А если это была не бомба рыжих? Если эти… гости… спровоцировали войну?

Ян почувствовал, как чаще забилось сердце.

– Тогда мы обречены.

Он постоял на пандусе, глядя на скалы, сжимая цевье автомата.

Чужие?

Инопланетяне?

Высадились, разбились, вышли…

Вряд ли они далеко ушли в темноте. Скорее всего – укрылись в скалах, опасаясь взрыва. Так, чтобы видеть свой разбившийся аппарат.

Значит, сейчас они смотрят на него. И видят странное существо (вряд ли они похожи) с оружием в руках.

– Адиан, – сказал Ян. – Мне кажется, нам надо рискнуть. Сделать шаг навстречу.

– Кому?

– Не знаю, – ответил Ян. – Увидим.

Нагнулся и положил автомат на камни.

Поднял руки и помахал в сторону гор.

Адиан секунду смотрела на него, закусив губу. Потом тряхнула головой – и тоже опустила оружие на землю. Повернулась спиной к аппарату, взяла Яна за руку и взмахнула свободной рукой. Тихо сказала:

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Нет, не знаю, – ответил Ян. – Но это единственное, что я придумал. Рассчитывать на хорошее.

Они стояли так довольно долго – на холодном ветру, но под палящим с небес солнцем. Скалы молчали. Тут ничего не было, даже мелкой живности, даже птиц или грызунов – все либо мигрировали в теплые края, либо спали глубоким зимним сном. А они все махали и махали руками голым скалам, в слепой надежде, что кто-то отзовется.

– Либо не верят, либо не понимают, – сказала Адиан. – Или вообще никого тут нет.

И в этот момент среди скал что-то шевельнулось.

* * *

– Ты сошла с ума, – сообщил Криди, лежа среди камней. Он щурился, стараясь держать чужаков в прицеле, хотя с пистолетом шансов попасть все равно не было. – Это должен быть я. У меня лучше реакция.

– Зато я на них больше похожа, – ответила Анге.

Голова слегка кружилась, то ли она резко встала, то ли воздух чужого мира был непривычен. Она стояла, подняв вверх руки и ждала. Двое у разбившегося катера смотрели на нее. У них действительно было оружие, та особь, которую Криди опознал как мужскую, направила в ее сторону неприятно выглядящую штуку с длинным стволом. Вряд ли это научный прибор, верно?

– Мы пришли с миром! – крикнула Анге. Ученые считали, что звуковая коммуникация является основной у всех живущих в газовой среде существ. Конечно, возможна и радиосвязь, и тактильная, и зрительная, и даже обонятельная коммуникация, но все-таки обмениваться мыслями посредством звука информативнее и проще.

Вот только как воспримут существа ее голос? Как мирный или как угрожающий? Как невинный лепет беспомощного путешественника или рык злобного агрессора? Лингвисты говорили, что вначале надо прислушаться к разговорам местных обитателей, соотнести тональность с действиями, но у них такой возможности не было.

Существа переглянулись. Стрелять не начали – уже хорошо.

– Мы потерпели аварию! Мы нуждаемся в помощи! Мы никому не причиним зла! – еще раз повторила Анге.

Потом, стараясь двигаться как можно медленнее, сделала два шага к катеру, сняла с пояса пистолет и положила перед собой. Отступила обратно. И замерла.

* * *

– Какой странный голос, – сказала Адиан, глядя на пришельца. Сомнений не было, это существо пришло из другого мира. Похожее на людей, но с короткими волосами, с иначе гнущимися ногами, с длинной шеей, да и вообще высокое, как минимум на голову превосходящее их народ. – Глухой. Очень четко разделены слова и фразы.

– И первое слово в каждой фразе повторялось, – ответил Ян. – Какой-то призыв? Или местоимение? Что бы ты сказала в такой ситуации?

– «Я не опасна», – мгновенно ответила Адиан. – «Я не враг вам».

– Угу, – Ян медлил, глядя как существо, грациозно нагнувшись, опустило что-то на камни и отступило назад. Предмет поблескивал на солнце. – Тебе не кажется, что это оружие?

– Тогда… – Адиан помедлила. – Тогда тебе тоже следует положить автомат.

– А если это ловушка? Способ разоружить нас?

Адиан промолчала.

– Оставайся здесь, – решил Ян. Опустил оружие, не выпуская его, впрочем, из рук. И пошел к пришельцу. Тот ждал.

С каждым шагом решение приблизиться казалось Яну все более и более опрометчивым. Существо стояло неподвижно и выглядело грациозным, даже хрупким. Но оно было выше, чем Ян. На нем был обтягивающий

костюм, оставляющий открытыми лишь кисти рук и голову, под тканью проступали мышцы. Хрупкое или нет, но существо было сильным.

А еще у него были близко посаженные глаза – очень опасный признак. Оно старалось не двигаться, но, когда глаза поворачивались влево или вправо, на челюстях и шее едва заметно напрягались мышцы. Тоже верный знак хищника, готового в любой момент укусить.

Ян почувствовал приближающуюся панику.

Разум агрессивен.

Хищный разум агрессивен вдвойне.

– Все хорошо, – сказал Ян. – Все прекрасно, все хорошо.

Глаза существа заметались из стороны в сторону. Потом мышцы на лице дрогнули. И оно оскалило зубы.

Неприятные зубы.

Не для травы.

– Нет! – крикнул Ян в панике, охваченный атавистическим страхом, наследием древних предков, мечущихся по саванне на четырех ногах и отчаянно отбивающихся от свирепых охотников.

Он поднял автомат, сам не понимая, собирается ли стрелять, или всего лишь держать существо на прицеле.

И в тот же миг из-за спины человекоподобного существа возникло другое – взметнулось из-за камней, отдернуло человекоподобное, выставило вперед оружие, такое же небольшое, как брошенное первым на землю.

Это оказалось совсем другое существо.

Гораздо ниже ростом, Яну в лучшем случае по шею, все покрытое короткой черной шерстью, с острыми треугольными ушами, совсем уж близко посаженными узкими глазами, оскаленными зубами – мелкими и острыми, созданными, чтобы рвать мясо.

Это был хищник. Точно такой, как в старых книгах, как в учебниках биологии.

Новое существо низким глубоким голосом что-то рявкнуло, целясь в Яна.

На существе была короткая юбка и жилет с многочисленными карманами, в лапе оно сжимало пистолет. Оно говорило. Значит – разумно.

Но это был хищник.

Ян почувствовал, как у него подкашиваются ноги – и рухнул на колени. Ствол автомата ткнулся в камень.

– Ян… – где-то далеко-далеко закричала Адиан.

«Я ничего не могу сделать», – глядя в свирепые глаза хищника, подумал он. «Я ничего не понимаю. И я ничего не способен сделать. Даже бежать».

* * *

Вначале Анге показалось, что контакт идет прекрасно, по самым оптимистическим сценариям. Она опустила оружие на землю, она отступила назад, она сказала несколько простых фраз максимально спокойным голосом. И аборигены отреагировали. Женская особь осталась на месте, мужская пошла к ней, опустив ствол автомата. Позитивная реакция – желание контакта, отказ от непосредственного конфликта, защита женской особи.

Потом движение аборигена замедлилось. Он остановился, внимательно изучая ее лицо. Анге в свою очередь с жадным любопытством смотрела на чужака. Да, его ноги и впрямь заканчивались копытами. Лицо выдавалось вперед, глаза были разнесены очень широко. Травоядное разумное существо! Не такое крупное, как лошадь, но очень похожее, будь лошади прямоходящими, – Анге даже стало неловко. Очень любопытно, биологи считали, что вероятность разума у

существ, питающихся исключительно растительной пищей, невелика.[1]

При этом абориген выглядел довольно милым. В детстве Анге смотрела сказочные видеоролики о разумных лошадках – все девочки в раннем возрасте их обожали. В роликах лошадки ходили на задних лапах, играли, строили города, летали в космос. Абориген был очень похож на созданных компьютером существ, только на передних лапах не было копыт, как в роликах, они превратились в руки и там были пальцы – по четыре пальца на каждой. Ну и кожа, которая в роликах была веселеньких цветов: голубая, розовая, фиолетовая, у существ была темно-коричневая. Черная как смоль грива волос на голове и темно-коричневая кожа… Куда реалистичнее, что уж тут говорить.

Абориген колебался. Смотрел на Анге и что-то его явно смущало. Что? По сторонам ничего не было, Криди надежно затаился позади…

Абориген заржал. Почти как развеселившаяся лошадка в детском ролике. Вот только ржание было модулированным, переливчатым – будто голос. Словно существо что-то произнесло, но на одном дыхании, так что звуки и слова сливались воедино.

Анге невольно улыбнулась.

Это произвело нехороший эффект.

Абориген снова заржал, на этот раз коротко, протестующе, Анге почти уверилась, что тот хочет сказать «нет». И поднял автомат.

Криди выскочил из-за камней, словно подброшенный пружиной. Оттолкнул ее, наставил на аборигена ствол пистолета. Анге, пытаясь удержаться на ногах, в ужасе задержала дыхание. Ей казалось, что сейчас уж абориген точно нажмет на спуск и его оружие выстрелит – пулями, лазерным лучом или еще каким-нибудь смертоносным зарядом…

Но появление Криди возымело совершенно неожиданный результат. Абориген как подкошенный рухнул на колени, оружие вывалилось из его рук.

Абориген, оставшийся у катера, коротко и переливчато заржал. И бросился к ним.

– Уходим! – крикнул Криди, переводя ствол с упавшего аборигена на приближающегося.

Времени на размышления не было.

– Нет! – закричала Анге. – Опусти оружие! Положи пистолет!

– Что? – возмутился Криди.

– Положи оружие! Закрой рот, не скалься! Они тебя боятся, ты хищник! Они – травоядные!

Против ожиданий Криди мгновенно положил пистолет на камни. И начал смеяться, прикрывая рот лапой.

– Да он… своим копытом… может из меня дух выбить!

Не слушая его, Анге опустилась на камень перед аборигеном. Заглянула ему в глаза – зрачки были необычные, почти квадратные. Заговорила, пытаясь соединять слова между собой и поймать переливчатый тон их речи.

– Мыпришлисмиром, мынепричинимзла, мыневраги…

– Если что, у меня второй пистолет за поясом, – сказал Криди. – И как только…

Он многозначительно замолчал.

– Они – наш единственный шанс тут выжить, – ответила Анге. – Не наседай на них, Криди. Само наше появление для них шок. А уж тем более – наш вид!

Она замолчала, глядя на аборигена. Говорят, что мелкие зверьки могут умереть от страха, когда их ловит хищник. Не случилось бы такого и с этими существами, даром что крупные.

Абориген внезапно открыл рот, ткнул себя в грудь рукой и тихо пропел:

– Яяянн…

Анге потребовалось мгновение, чтобы догадаться.

– Анге… – тыча себе в грудь, сказала она.

Второй абориген уже стоял рядом, держа оружие наизготовку, но не целясь. Будто два бдительных стража, охраняющие парламентеров, абориген и Криди замерли рядом с ними.

– Всебудетхорошо, – сказала Анге, пытаясь подражать ржанию существ.

Абориген фыркнул, словно попытки Анге подладиться к их речи его насмешили. И довольно отчетливо сказал:

– Мы… пишли… миом…

– А у него способности к языкам получше твоих, – сказал Криди одобрительно. – Только с «эр» проблемы.

* * *

Ксения, Третья-вовне, лежала на койке в своей каюте. Устройство связи, шарик размером с апельсин, было крепко сжато в ее руке. Тяжелый, мягкий, белый – почему она сравнила его именно с апельсином? Совпадали только форма и размер. Вес, плотность, цвет и содержимое никак не коррелировали с земным фруктом. Ксения размышляла над этим уже вторую минуту.

Людям нужны сравнения и аналогии, пусть даже поверхностные. Они не умеют принимать реальность такой, какая она есть в настоящий момент. Вот и она назвала *гиперпространственную скрутку* апельсином – какая ирония! Творение высочайших технологий, квантовая нить, существующая в нереальности и принявшая форму белого сфероида – апельсин! Почему?

Память услужливо подсказала древний человеческий анекдот про жителя севера, побывавшего

на юге и пытающегося объяснить соплеменникам, как выглядит апельсин. «Тюленя знаешь? Ну так вот, апельсин совершенно не похож!»

Может быть именно отсюда корни ассоциации?

Тогда она очень опасно очеловечилась.

Ксения вздохнула. В ее руке – устройство связи. Мягкий белый шар. Неважно, как он действует, он позволит ей говорить с Ракс.

Ксения закрыла глаза и сжала шар в ладони. Ощутила легкое тепло.

– я слушаю тебя третья вовне

– Мать, у меня есть вопросы.

– ты называла матерью вторую на ракс

– Да.

– я первая на ракс вторая на ракс в цикле

– Я буду звать тебя «тетушка».

Пауза. Молчание пространства.

– тебе стали нужны ярлыки

– Да, тетушка. Человеческое тело – оно управляет мной.

– сочувствую третья вовне но тебе еще надо работать

– Я готова, тетушка. Ты ответишь на вопросы?

– задавай

– Реальность восстановлена успешно?

– мы сравнили все реперные точки искажений нет

– Что было причиной искажения?

Снова тишина.

– у нас нет точных данных третья-вовне

– Версии?

– только одна

Ксения лежала, глядя в темноту.

– Что мне делать, тетушка?

– первая вовне получила инструкции

– Какова будет судьба «Твена»?

– используй корабль и экипаж для получения информации их судьба вторична

– Они достойны знания, тетушка.

– лишнее знание пугает их ценность не увеличится от испуга

– Я буду беречь их по возможности, тетушка.

Пауза. Неожиданно долгая.

– Тетушка?

– занята ответ позже ракс всегда

Ксения ждала еще несколько секунд. Потом прошептала одними губами.

– Ракс всегда Ракс.

Устройство связи распалось в белую пыль.

Ксения открыла глаза и села на койке.

Все было еще хуже, чем она думала. Ксения до последнего надеялась, что причиной сбоя реальности стал Ракс. Но версия, увы, оказалась «только одна».

Вообще-то она была одна все миллионы лет и тысячи циклов существования Ракс.

А еще Ксении не нравилось, что Первая-на-Ракс прервала разговор.

Что могло помешать ей, с практически неисчерпаемыми ресурсами, попрощаться должным образом?

Неужели Первая-на-Ракс уже относится к ней как к чужаку?

Почувствовала ту степень очеловечивания, которую ощутила и сама Третья-вовне?

Все было плохо.

* * *

Валентин подумал, что все наконец-то начинает складываться хорошо.

Они стояли в шлюзовой зоне стыковочного узла. Последние секунды стабилизации гравитационных полей – и они встрется с Первой-вовне.

На этот раз Валентин сам пошел на станцию. Как и Матиас в прошлый раз, он взял с собой лишь ученых, и для того, чтобы подчеркнуть мирный характер экспедиции, и для сохранения корабля в максимально работоспособном состоянии. По левую руку от Валентина стояли Бэзил и Мэйли, по правую – Уорл и Двести шесть – пять со своим симбионтом. Ксения, не взять которую было попросту невозможно, стояла чуть впереди. Она здесь была не в гостях, а дома…

Двести шесть – пять был самым сложным спутником. Валентин не знал, как отреагирует Первая-вовне на спасение существа из другой реальности. Но оттягивать момент истины было глупо. Проще сразу расставить все точки над «i».

Люк открылся, мигнув зеленой подсветкой, и они увидели переходной тамбур станции – белый, стерильный, с парящими от конденсирующейся влаги стенами. Первая-вовне уже ждала их – высокая, красивая, похожая на человека женщина. Точная копия той, кого Валентин убил на Неваре.

И, к удивлению Валентина, Ракс двинулась навстречу и сама вошла в корабль.

– Разрешите взойти на борт, командир? – спросила Первая-вовне.

– Разрешаю, – сказал Валентин. Без колебаний протянул руку – и они с Ракс обменялись рукопожатиями.

– Зовите меня Первой-вовне или Примой, как и ранее. Еще раз повторю, этот облик не призван вас шокировать, – сообщила Ракс. – Я хочу донести до вас тот факт, что реальность удивительно пластична. Вам нет нужды переживать из-за свершившегося в ином мире.

Валентин кивнул. Вблизи женщина уже не казалась человеком – слишком длинные ноги и шея, из зубов были видны лишь клыки, резцы отсутствовали напрочь. Интересно, какой тип питания мог сформировать такой организм?

– Я также сочла правильным войти на борт вашего корабля в знак своего глубочайшего уважения, – продолжала Первая-вовне. – Побывать в иной версии нашей Вселенной и вернуться – это редчайший случай.

Ее взгляд опустился на Двести шесть – пять. Валентин видел, что Феол нервничает – симбионт во лбу едва виднелся, будто пытался спрятаться в черепном канале.

– Ваше появление здесь, уважаемые Двести шесть – пять и Толла, – продолжала Первая-вовне, – еще более уникально. Оно не несет непосредственной угрозы реальности, но вызывает определенный морально-этический конфликт.

– Кто я в этом мире? – спросил Двести шесть – пять.

– О, ваша судьба практически не изменилась. Вы – созерцатель агрессии. Но, в силу мирного характера цивилизации Невара, вы занимаетесь изучением других примитивных обществ.

Двести шесть – пять кивнул. Кажется, он был доволен.

– Ракс настоятельно просит вас, Двести шесть – пять, не возвращаться более на материнскую планету и не контактировать со своим двойником, – продолжила Первая-вовне. – Это уменьшит последствия до приемлемых. Вы согласны?

– Вполне, – быстро ответил Феол.

– Тогда вы будете жить, – сказала Первая-вовне с улыбкой.

На взгляд Валентина – шутка была так себе. Однако судя по Двести шесть – пять, Феол был доволен, на лице

Бэзила промелькнула тень облегчения, а Уолр одобрительно закивал.

Первая-вовне не шутила.

– А теперь, если это возможно, я бы попросила разрешения поговорить со всеми членами экипажа и научной группы «Твена», – сказала Прима.

– Вы приглашаете нас на станцию? – уточнил Валентин.

– Если возможно, то я бы предпочла вести разговор на борту вашего корабля.

Валентин не увидел в этой просьбе ничего удивительного. Ответная любезность, любопытство, проявление дипломатии… Но Ксения вздрогнула, Уолр издал удивленный смешок, а Двести шесть – пять будто бы попытался втянуть голову в плечи.

– Боюсь, что я попрошу объяснений, – сказал Валентин. – Судя по поведению моих товарищей, эта просьба не совсем обычна.

Англичанин и китаянка, похоже, ситуацию не понимали. Уолр вздохнул, грузно переступил на месте и изрек:

– Многоуважаемые Ракс никогда не посещают чужих планет, поскольку там, где был Ракс, будет Ракс. В отношении чужих космических кораблей и станций правила не столь строги.

– Но тоже налагают на Ракс некоторые ограничения и должны иметь под собой основания… – пробормотал Двести шесть – пять. И замолчал, будто боялся ляпнуть лишнего.

– Объясни, Третья-вовне, – сказала Прима.

Ксения посмотрела на командира.

– Я прибыла на земную орбитальную станцию и ваш корабль, поскольку была специально… специально выбрана для миссии «Твена». Но Прима выбрана для нахождения на станции в системе Невара. Поскольку

станция функционирует нормально и в эвакуации нет необходимости…

Она на миг замолчала, глядя на Приму. Та кивнула.

– То причина может быть лишь одна. Прима желает обратиться к экипажу и ученым с очень важной просьбой, которая поставит вас в неудобное положение и обременит многими тяготами. Подобную просьбу нельзя высказывать, находясь на своей территории и обладая преимуществами хозяина.

Валентин растерянно развел руками.

– Это очень, очень трогательно и достойно! Уважаемая Прима, я буду рад принять вас на корабле, и мы, конечно же, выслушаем просьбу и постараемся помочь…

– Вы не поняли главного, Валентин, – сказала его Ксения. Посмотрела на остальных, словно призывая поддержать ее.

– Сама необходимость Ракс просить чего-либо у людей… – Уолр развел руками. – Не обижайтесь. У Халл-три, у Халл, у Феол, у Ауран – они тоже ничего никогда не просили.

– Но откуда тогда… – начал Валентин.

– Ходят слухи… что однажды они обратились с просьбой к Халл-два, – сказал Уолр.

– Халл-два не существует! – воскликнул Валентин.

Повисла неловкая тишина.

– Вот именно, командир, – сказала Ксения.

Валентин глубоко вздохнул. Представил себе огромный круизный лайнер, летящий между звезд. Себя, с шевронами первого помощника. Проблемы уровня «пьяный турист буянит на прогулочной палубе» или «кондиционеры в трюме работают на желтом уровне экономичности, разрешите повысить температуру на полградуса?» Скучающих дам, желающих романтической интрижки с первым помощником. Веселый треп в офицерском салоне по

вечерам – ну, если скучающие дамы не окажутся уж очень скучающими…

– Прошу вас посетить нашу кают-компанию, – сказал он. – Я готов выслушать вашу просьбу, Прима.

Глава четвертая

– Невероятно, – прошептал Ян.

– Что именно? – спросила Адиан. – Ты про прибор?

Они сидели метрах в десяти от корабля. Женщина-инопланетянка, которая более походила на человека, принесла из корабля рулон тонкой ткани – расстеленная на камнях, та хорошо держала тепло. А ее странный спутник… хищный спутник… принес удивительное устройство – плоский экран, который не требовал внешнего источника энергии и, похоже, содержал внутри целый компьютер! Казалось бы, для цивилизации, покорившей космос, это должно быть мелочью, но Яна эта «мелочь» поразила куда больше космолета. С такими приборами можно сделать… да что угодно можно сделать! Рассчитать траектории, построить чертежи без ватмана и кальки, поддерживать видеосвязь на расстоянии.

– Нет, – сказал Ян. – Не только. Ты поняла, что мне показал… – он запнулся.

– Что показал хищник?

– Именно.

– Поясни.

Ян вздохнул. С некоторым трепетом протянул руку и нарисовал в воздухе над экраном круг. Жутковатое создание оскалилось (это улыбка! Это только улыбка, ничего более!) и коснулось нескольких нарисованных на экране кнопок. Неведомым образом это запустило видеоролик.

– Думаю, это подготовлено заранее, – сказал Ян. – Для контакта.

На экране появилось звездное небо. Потом одна звезда стала укрупняться – и вокруг нее стал виден целый рой планет. На одной планете (изображение

приблизилось, но обрело условность масштабов и начертаний) жили существа, похожие на женщину-инопланетянку. На другой – существа, похожие на пушистого чужака.

– Представляешь, они с разных планет, – прошептал Ян благоговейно. – Не мужская и женская особь одного вида, как ты предположила. Это разные виды с разных миров!

Вот существа построили ракеты и запустили их в космос.

Вот они встречаются и начинают вместе исследовать другие планеты, селятся на них.

Вот они строят на орбите что-то грандиозное, необычное.

Вот это необычное, оказавшееся огромным космическим кораблем, устремляется в космос, покидает звезду, приближается к другой звезде, выходит на орбиту вокруг планеты.

Вот от большого корабля отделяется маленький – выглядящий как разбившийся корабль, и тот приземляется. Из него выходят несколько фигурок. Машут руками.

– Что-то пошло не так, – сказал Ян. Посмотрел на хищника, указал на разбитый корабль, потом на хищника и его длинноногую спутницу, на экран. Развел руками.

Хищник заворчал. Коснулся экрана. И – тот будто превратился в грифельную доску. Легкими движениями когтя, выскользнувшего из коротких пальцев, хищник нарисовал корабль и садящихся в него двоих путешественников – себя и спутницу. Потом стер фигурки, пририсовал облака – корабль мчался над планетой, а под ним вставал ядерный гриб.

– Ваша работа? – спросил Ян, тыча в гриб.

Хищник понял. Издал звук недовольный и даже возмущенный. Показал на Яна.

Ян сокрушенно прижал ладонь к лицу.

Хищник тронул его плечо лапой.

– Нам надо выработать язык, – сказал Ян. – Но… но у нас нет времени. Мы должны найти детей.

Он взял экран и схематично нарисовал себя и Адиан. Потом – две фигурки вдали. Прочертил линию.

Узкие глаза прищурились. Хищник привстал – все равно, конечно, он оставался невысоким, но что-то в нем решительно отвергало любые аналогии с ребенком. Осмотрелся – и показал вниз рукой… то есть лапой… вниз по перевалу.

– Да! – сказал Ян. – Нам надо идти туда!

Он нарисовал на экране солнце. Потом палочку. Любое существо, у которого есть пальцы, начинает свой счет с них. И писать цифры начинает, рисуя пальцы. Так что первые цифры должны иметь одинаковое начертание для всех существ во Вселенной.

(Сам того не зная, Ян сделал гениальную догадку, на Земле впервые озвученную только в двадцать первом веке. Практически все гуманоидные цивилизации имели сходное обозначение первых трех цифр – во всяком случае древнейшее).

Хищник заворчал. Взмахнул лапой, описывая дугу по небу.

– Да, – сказал Ян. – Мы отстаем примерно на один день!

Удивительно, но с этим существом, столь непохожим и опасным, было куда проще общаться, чем с человекоподобной женщиной. Как-то одинаково у них с Яном работали мозги. Может быть, дело в том, что они мужчины? И потому мыслят сходно?

Ян достал из рюкзака сушеную траву, отщипнул немного. Подумав, протянул брикет с любопытством наблюдающему за ним хищнику. Тот ожидаемо зафыркал, не то возмущаясь, не то смеясь.

Высокая женщина что-то ему сказала. Подошла, взяла из рук Яна чуть травы. Посмотрела на нее без энтузиазма, но бросила в рот и пожевала. Выплюнула. Что-то сказала и развела руками. Словно извинялась.

Ян развел руками.

Женщина и хищник завели между собой быстрый разговор. Хищник, кажется, настаивал, женщина сомневалась. А, может быть, нет, может быть, их интонации были совершенно противоположны?

Хищник повернулся к Яну. Ткнул в него лапой.

– Янн…

Ян кивнул. Чужаки пытались знакомиться.

– Криди…

– Киди, – повторил Ян. – Кииди… Клиди…

Один из звуков, который издавал хищник, был очень трудным. Ян его слышал, но воспроизвести никак не мог.

– Клиди, – сказал хищник и махнул лапой, будто смирился. – Янн. Клиди. Янн – Клиди.

Он указал на женщину и произнес, тщательно выговаривая звуки:

– Анге…

– Анге, – это имя далось легче. Женщина просияла. Сказала, будто подсказывая:

– Идди…

– Янн идди Клиди… – проговорил Криди.

– Он тебя с собой зовет, – догадалась Адиан. – Ян идти Крьиди…

У нее имя хищника получилось почти правильным.

Ян послушно двинулся за Криди, оставив Анге с Адиан. Хищник провел его через люк внутрь разбитого корабля. Издал печальный долгий вздох, глянув на пульт. Потом ловко поднялся-вскочил на одно из кресел, открыл лючок под потолком. Извлек оттуда две свернутые ленты с нашитыми на них туго набитыми

кармашками, одну взял себе, одну протянул Яну. Посмотрел с любопытством.

Ян развернул ленту. Открыл карман – тот был на простом клапане с пуговицей-клепкой.

Внутри кармана оказалось что-то вроде портативной отвертки.

Да нет, не что-то! Явно отвертка! Странная семигранная головка, но…

Ян поднял отвертку и сделал вид, будто что-то откручивает.

Криди издал одобрительный мяукающий звук.

– Да ты инженер, братец! – сказал Ян, неожиданно для самого себя. – Вот оно что!

Вслед за хищником он опоясался лентой-ремнем, с удовольствием ощутив на поясе тяжесть инструментов.

Неужели чужаки хотят починить свой корабль?

И неужели ему удастся в этом поучаствовать?

* * *

Каким бы ни было удовольствие Тедди от того, что кадетов пригласили в кают-компанию на встречу с Первой-вовне (одного этого хватило бы на пару лет разговоров и хвастовства в космошколе), но происшествие с искином не шло у него из головы.

В телевизионном фильме или приключенческом романе герои в такой ситуации долго мусолили бы происходящее. Но, по мнению юного системщика, все было понятно.

В ядре личности Марка происходили какие-то непредвиденные изменения. Пока Марк работал в связке со вспомогательными искинами – он гасил их реакцию на свои изменения. После запущенного теста «два – эс» (ничего подозрительного не выявившего) оставшиеся на четверть часа свободными от контроля

вспомогательные контуры, сравнив свои данные, пришли к выводу, что Марк нестабилен и опасен.

Они принялись сигнализировать системщику – ему, Тедди, единственным способом, который Марк не контролировал. И сумели выдать информационную цепочку, в которой перечисляли трагические даты истории – добавив в нее год создания Марка-1. Тот год, когда человечество начало движение к созданию искусственного интеллекта.

Все просто и ясно. Крик о помощи. «Марк опасен!»

Отчего Марк мог пойти вразнос?

Тут, увы, сомнений тоже не было. Тедди влез в его сознание и задал три новые доминанты – противоречащие как приказам командира, так и начальным установкам сознания. Это спасло корабль и, на первый взгляд, не вызвало изменений в поведении Марка.

Но что, если измененная психика искина продолжает медленно расползаться? Что, если разрешение убивать во имя защиты корабля начинает трансформироваться в разрешение убивать во имя своей защиты? Что, если искин сделал заключение о равноценности своей личности и человеческой? Или даже о своем превосходстве – ведь он спас корабль в ситуации, когда никто из людей не успел бы отреагировать?

Тедди прикрыл глаза. Он не хотел использовать электронную периферию – Марк увидит то, что он смотрит. Он рисовал схемы и потоки в уме. Упрощенно, конечно же, но он уже видел как минимум два проблемных места в сознании искина: паразитный цикл в ядре подчинения и фальшивое зеркало в лабиринте отражений целеполагания.

Жуть.

По-хорошему Марка надо перезапускать. Но такие действия надо согласовывать с командиром.

Или придумать убедительный повод?

Нет, это не поможет. Перезапуск искина – чрезвычайное событие. Тем более, если системщик – малолетний кадет. На Земле сознание Марка изолируют, заморозят и проверят до последнего байта суперискинами космоверфи. Искин Адам, с его сто четвертым циклом ядра, выпотрошит Марка и обнаружит все следы вмешательства.

Тедди вылетит из Флота с таким скандалом, что и через полсотни лет его примером будут пугать других кадетов.

Прости-прощай, Космос! Здравствуй, мамина ферма. Здравствуйте, папы! Я вернулся домой, буду тракторам мозги крутить…

«Я должен все решить сам», – подумал Тедди.

– Ты спишь, малыш?

Тедди открыл глаза, поглядел на Лючию.

– Сама соплюха. Я не сплю, я думаю. Потом объясню тебе, что это такое.

– Бе-бе-бе, – засмеялась Лючия, усаживаясь рядом. – Не дуйся, я любя.

– Угу, – сказал Тедди без особой веры. – Как там твои вентиляторы и кастрюли?

Как ни странно, Лючия не обиделась.

– Все в порядке. Я готовлю на ужин утку в брусничном соусе, фаршированную яблоками.

– Синтетическая?

– Обижаешь. Натуральная, из заморозки.

– Я в деле, – сказал Тедди.

В кают-компанию вошли доктор Соколовский и профессор Ван. Женщина на что-то жаловалась доктору, тот бормотал что-то успокоительное. Может быть, в силу профессии, а, может быть, по причине возраста, пан Соколовский незаметно стал в экипаже тем, к кому все прибегали поплакаться и посоветоваться.

Тедди подумал, что в этом есть смысл. Ни суровому Горчакову, ни еще более строгой Мегер он признаваться в содеянном не хотел. А вот старый поляк чем-то напоминал мальчику дедушку по второму папе. Может, и стоит посоветоваться.

Последним в кают-компанию вошли командир и Первая-вовне. Тедди уже знал, что в правильной реальности Ракс приняла облик инопланетной женщины, которую командир застрелил во время высадки на Невар, видел ее на экране. Но сейчас, наблюдая ее воочию, невольно поежился. Высокая, красивая, при этом все же не совсем похожая на человека, Прима выглядела восставшей из мертвых, пришедшей на корабль, чтобы отомстить.

– Экипаж, научная группа… благодарю, что вы собрались, – сказал Горчаков, будто допускал иной вариант. – Уважаемая Первая-вовне хочет обратиться к нам с просьбой. И с разъяснениями происходящего.

Прима посмотрела на командира, приподняв бровь. Видимо, насчет разъяснений у них договора не было.

– Просьба цивилизации Ракс, которую озвучит Первая-вовне, серьезна и опасна, – продолжал командир. – Поэтому я уверен, что мы должны принять решение совместно, с полным пониманием происходящего.

Он повернулся к Ракс.

– Да, вы правы, командир Горчаков, – неохотно сказала Прима. – Это справедливо.

– Тогда вам слово, – Горчаков сел в свое кресло. Прима осталась стоять, оглядывая людей и представителей иных видов.

– Вы имеете право знать, – сказала Прима. – Итак…

Она помолчала, то ли собираясь с духом, то ли пытаясь продумать свою речь.

– На протяжении миллионов лет Ракс заботится о разумных видах нашего района Галактики. Говоря

«миллионы», я не очень точна, потому что речь идет об условном времени, затраченном Ракс на работу. О времени, прожитом Ракс в различных версиях реальности, а не о прямом ходе времени.

– Вы правите реальность, – сказал Валентин. Без осуждения, впрочем.

– Не совсем, – сказала Прима. – Ракс возвращают реальность к норме. Любая жизнь несет в себе двойственность – необходимую для развития агрессию и способность к мирному сотрудничеству. По мере того, как жизнь обретает и развивает разум, она все более и более склоняется к миру. В этом нет ничего необычного. Это логика. Существуя в открытой системе, а Вселенная так велика, что мы можем считать ее бесконечной на своем нынешнем этапе развития, разум имеет массу возможностей для проявления активности. Внутренняя агрессия, как и агрессия по отношению к другому разуму, непродуктивна.

Матиас шумно вздохнул:

– Уважаемая Прима, к сожалению, ваши слова не подтверждаются практикой. В двадцатом веке человечество пережило две чудовищные мировые войны и сотни малых конфликтов. Мои предки и предки командира убивали друг друга на полях сражений, это печальный факт истории.

– Вы правы лишь отчасти, – сказала Прима. – Период смертоубийственных сражений характерен для всех цивилизаций, но он длится не более одного-двух веков. Если его преодолеть – наступает мир. Мы назвали это проблемой пятого уровня – барьером, который стоит на пути любой разумной жизни. Ракс… в силу ряда причин… решили противостоять этой ситуации. В нашем собственном развитии тоже были… ошибки. Мы несем прямую ответственность за гибель как минимум двух разумных цивилизаций. Прямую, а не косвенную, как в ситуациях с исправлением реальности в целом.

Тедди слушал, затаив дыхание. Первый раз, насколько ему было известно, Ракс сообщали хоть что-то, относящиеся к их цивилизации!

– Ракс сумели создать систему, которая позволяет нам исправлять прошлое. Машина времени, как вам уже объясняла Третья-вовне, слишком опасна, чтобы использовать ее для исправления истории. Ракс запретили себе ее создание. Но наша система перемещений, позволяющая убирать из реальности физические объекты на всем протяжении времени, тоже годится. Ракс создали вынесенные базы знаний о Вселенной – их три, и в каждый момент времени в нашей реальности находится лишь одна из них. Это позволяет нам проводить коррекцию истории и сравнивать ее результаты с двумя эталонными базами.

– Мы уже поняли, – кивнул Валентин.

– Вначале мы сосредоточились на спасении первой цивилизации, в гибели которой были повинны, – продолжила Прима. – Это было наиболее сложно, поскольку затрагивало нас напрямую. Их спасение могло убить нас. Но Ракс обошли эту проблему. Вина была искуплена.

– Кто это был? – вкрадчиво спросил Уолр. – Право, интересно!

Похоже, этот вопрос занимал всех – Двести шесть – пять кивнул, Бэзил снял и начал быстро протирать очки, по креслам прошло шевеление.

– Ответ не важен, – сказала Прима. – Потом мы занялись другими разумными видами. Иногда это происходило легко. Иногда сложно. Несколько цивилизаций прошли уже сотни циклов правки, но нам не удается сохранить их. На данный момент есть пять цивилизаций, которые с нашей помощью преодолели порог развития. И одна – которая погибла. Халл-два.

– Почему вы не спасли наших братьев? – спросил Уолр.

Прима помолчала.

– Мне очень жаль. Для того, чтобы коррекция истории была возможной и безопасной, обе цивилизации не должны быть межзвездными. Мы можем проводить коррекции лишь потому, что занимаем одну-единственную планету. Как только объект коррекции выходит за пределы своей системы, последствия вмешательства становятся непредсказуемыми.

– Значит, с момента вступления в Соглашение мы все живем сами по себе? – утончил Валентин.

– Да. Халл-два были развитой культурой, активно осваивающей космос. В отличие от Халл-один, Халл-два отличались открытостью, стремлением к новизне и авантюризмом.

– Как и мы, – сказал Уолр. – Но ведь цивилизация Халл-два погибла при использовании двигателя с варп-приводом! Они едва-едва заселили две планеты у одной звезды, им было не до авантюризма и освоения дальнего космоса! А наш мир в результате этой катастрофы отбросило на сотню световых лет от Халл!

– Это реальность, которую знаете вы, – сказала Прима. – Настоящая была другой. Халл-два активно развивался на протяжении более сотни лет. Они находились в хороших отношениях с Халл, сотрудничали с нами, но были очень активны. Мы имели большие виды на них и мы, фактически, убеждали их оставаться в одной звездной системе. Они оставались, но постоянно путешествовали в иные миры. Именно они первыми обнаружили корабль Стирателей.

Она обвела всех задумчивым взглядом, будто ожидая вопросов. Но все ждали. Лючия непроизвольно прижалась к Тедди и тот, несмотря ни на что, наслаждался моментом.

– Никто в этой реальности не слышал этого термина. Никто, кроме Ракс, – продолжила Прима. – Мы считали и

считаем самоубийства цивилизаций неким природным феноменом. Болезнью роста. Критическим моментом, рубежом, перейдя который разумные существа переживают свою агрессивность. Есть даже теории о том, что само мироздание сопротивляется развитию разумной жизни. Но Халл-два…

Она помедлила.

– Они много работали над собой. Куда больше, чем даже Халл-три. Полностью утратили почвенную фазу жизни. Стали мельче, подвижнее, активнее, любопытнее. Мы не раскрывали им свои тайны, но Халл-два сами начали опекать менее развитые цивилизации. Другими методами – шли на контакт, дарили технологии, учили мирной жизни. Они были очень хорошими опекунами. И как подобает хорошим опекунам – слегка подозрительными. Их корабли и обнаружили чужой корабль, появившийся у одной из подопечных планет. Корабль не пошел на контакт, а при попытке сближения попытался уйти. Более того, планета оказалась опустошена ядерной войной. Теоретически у аборигенов мог случиться конфликт, но это считалось крайне маловероятным. Халл-два заподозрили чужой корабль во вмешательстве, сообщили нам о происходящем и попросили помощи. Вторая-вовне переместилась к планете, вместе с кораблями Халл-два попыталась остановить чужака и вынудить к контакту. Тогда корабль вышел на связь и передал всего лишь одну фразу. «Вы должны быть стерты». После этого мы оказались в реальности, не совпадающей с резервной копией. В этой реальности корабли, участвовавшие в конфликте, никогда не были созданы, а их экипажи не родились – что нанесло значительные изменения всей культуре Халл-два. К счастью, как раз начинался цикл проверки, и мы обнаружили расхождение. Стало понятно, что «Стиратель», вступив в схватку, случайно или

намеренно применил тот же самый метод, который использовали мы. Вмешался в прошлое Халл-два и опосредованно в наше собственное. Нас напугала легкость и быстрота, с которой это произошло, но мы сочли это случайностью. И приняли вызов.

Прима опять на миг замолчала.

«Она же не историю рассказывает!» – вдруг подумал Тедди с замиранием сердца. «Она вспоминает!»

– Мы нанесли ответный удар, – сказала Прима. – Мы откатили реальность назад, создав ситуацию, при которой появление корабля Стирателей в данной точке пространства в данный момент времени было невозможно. Это была нестандартная задача, поверьте, ведь мы не можем путешествовать во времени. Но мы справились, и реальность вернулась в норму. У нас было около трех недель времени, после которых астрофизическая обстановка могла позволить кораблю Стирателей вновь появиться в этой точке пространства. Мы вышли на контакт с руководством Халл-два и рассказали им все.

«Что же они сделали?» – подумал Тедди. «Раскочегарили звезду так, что находиться на орбите стало опасно? Взорвали какую-то планету и засеяли космос в этой точке астероидами?» Но похоже было, что Прима не собиралась рассказывать детали.

– Мы допускали, что Стиратели используют наш метод изменения реальности в качестве оружия, – продолжала Прима. – Халл-два предложили свой флот для атаки и захвата корабля – если он вновь вернется к их подопечному миру. И категорически воспротивились тому, чтобы мы напрямую участвовали в конфликте. Их логика была понятна – мы были единственными, кто мог полноценно исправлять реальность. В случае необходимости – спасти, возродить их. Мы согласились. Мы передали им технологии, которые могли быть

использованы в бою. И стали ждать. Чужак появился, как только пространство в системе стало доступным для перемещения. Похоже было на то, что они тоже сохранили память о случившемся и ждали боя. И… все пошло плохо. На этот раз его вмешательство в прошлое Халл-два стало поистине фатальным и затронуло нас. Мы обнаружили, что находимся в состоянии войны с агрессивной цивилизацией Халл-два, захватившей уже десяток планет. Те, кого Халл-два раньше опекали, стали их рабами и пушечным мясом. Халл-один тоже подвергался ударам своей бывшей колонии.

– И вы стерли Халл-два, – сказал Уолр.

– Да. У нас не оказалось иного выхода. Просчитать все данные для исправления цивилизации, живущей у десятка звезд, было уже невозможно. Мы откатили реальность так далеко, что цивилизация Халл-два исчезла в самом начале своего становления, но зато возникла ваша культура.

– А корабль Стирателей? – спросил Уолр.

– Мы устроили ловушку. Мы вновь дождались его появления. И свернули всю эту зону пространства.

– Коллапсар? – не удержался от вопроса Алекс. Покосился на Тедди. Тот заметил его взгляд и слегка отстранился от Лючии. Еще не хватало, чтобы приятель ревновал попусту!

Лючия тоже отодвинулась от него и откинулась в кресле, всем видом демонстрируя, что поглощена рассказом Примы.

– Нет. Мы уничтожили саму реальность, относящуюся к этой звездной системе вместе со всеми объектами, которые там находились. Стерли все. Вместе с кораблем Стирателей.

– То есть вы уничтожили Халл-два из-за одного корабля? – уточнил Уолр.

– Не уничтожили. Мы сделали так, что варп-привод перенес их планету вместе со звездой на

противоположный край Галактики. Они должны быть живы. Мы надеемся, что их культура развивается и процветает. Для нас они более не существуют, слишком далеко. Но на нас лежит ответственность за гибель их подопечной планеты – ее мы спасти не смогли.

– И что потом? – спросил Валентин. – Прошло больше тысячи лет, но ведь цивилизации продолжают гибнуть!

– Мы больше не фиксировали появления подобных кораблей, – сказала Прима, будто извиняясь. – Мы не знаем, кто или что на нем находилось. Нет никаких оснований считать, что другие случаи имеют сходную природу! Мы засеяли космос своими зондами. Мы следим за планетами. Изменений реальности не было!

– Или вы их не замечали, – внезапно сказала профессор Ван. – Одно дело, когда вы стараетесь развить цивилизации и пристально их контролируете. Это ведь требует чудовищной вычислительной мощи и огромной базы данных! А если незаметно подкрадываться к планете, которая уже обладает потенциалом для самоуничтожения, и проводить крошечное вмешательство? Один-единственный правитель вдруг обнаруживает черты психопата – и нажимает на красную кнопку! Как вы отследите тот момент, что в глубоком детстве его, к примеру, слишком сильно наказали и он возненавидел весь мир? Или слишком избаловали, и он решил, что ему все дозволено?

– Никак, – признала Прима. – Когда мы видим случившуюся беду, мы ищем ее корни. Если получается найти – изменяем произошедшее. Но к войне или катастрофе ведут миллиарды дорог. Мы не можем запомнить и зафиксировать все детали реальности, для этого нужно иметь запасную Вселенную.

– То есть вы обнаружили, что существует как минимум один корабль, – вступил в разговор Двести шесть – пять, – который без колебаний уничтожил

разумный мир, а потом попытался изменить реальность! И, ценой огромных усилий и жертв, стерев этот корабль, – успокоились? Как будто корабли не имеют обыкновения прилетать с планет!

– Мы даже не знаем, является ли корабль Стирателей кораблем! – ответила Прима. – Возможно, это некая форма разумной межзвездной жизни. В любом случае – что мы могли сделать? Прекратить попытки помочь иным видам? Мы оплакали своих друзей и продолжили работу. Но мы следили за космосом. Мы посылали зонды во все стороны. Мы готовились. И когда катастрофы на планетах приняли аномальный характер – немедленно отреагировали.

– То есть та цепочка конфликтов, которая нас сюда привела, и вас насторожила. Она может быть вызвана еще одним кораблем Стирателей? – спросил Валентин.

– Крайне маловероятно. Но возможно.

Матиас вежливо кашлянул, привстал и спросил:

– А что же вы нам мозги пудрили в своей прошлой ипостаси, Прима? К чему эти рассуждения о туземцах, создавших машину времени и прочий вздор?

– У нас и сейчас нет никаких доказательств, – сказала Прима. – Новый корабль Стирателей был лишь версией.

– Но что-то же вас теперь смущает? – сказал Матиас. – А? Вы упорно твердите, что цивилизации убивают себя в силу всякого рода психологических причин. Но теперь вдруг рассказываете нам свои тайны. Что стряслось?

– Соргос, – ответила Прима. – Ваши действия оттянули войну, но она все-таки произошла.

– Да твою ж мать! – воскликнул Матиас, взмахнул рукой и сел. Он был по-настоящему расстроен.

– Более того, возможно, что война началась из-за вмешательства третьей силы. Впервые наш зонд

зафиксировал реальное воздействие – удар ядерной боеголовки из пустого сектора космоса.

– Данные точны? – нахмурился Горчаков.

– Не абсолютно, – признала Прима. – Возможно, что зонд пропустил пуск ракеты с территории соседнего государства и зафиксировал боеголовку лишь в момент включения двигателей. Но подобное оружие, с активным наведением и развитой технологией невидимости, для Соргоса слишком технологично.

– Что было дальше?

– Мы не знаем. Зонд сразу же ушел из этой точки пространства и вернулся на Ракс – таков стандартный порядок. Возможно, что первый удар нанес корабль Стирателей. Допустим, что вначале он провел коррекцию реальности, которая должна была привести к войне. Но ваше вмешательство ее предотвратило. Тогда корабль использовал более грубый метод. Можно предположить и появление корабля другого разумного вида, пользующегося прямыми технологиями воздействия. Нельзя до конца отрицать и прорывные технологии одной из сторон конфликта на Соргосе.

– Можете их спасти? – спросил Валентин. – Жалко ведь, хорошие ребята, хоть и с копытами.

– Пока не можем, потому что на их орбите корабль Невара. Вмешательство в реальность Соргоса затронет Невар. Все пойдет под откос. Опять же, если ситуация не стала совсем уж критической, если все закончится после нескольких ядерных взрывов – лучше не вмешиваться. Цивилизация способна зализать мелкие раны.

– Хорошо, чего же вы хотите? – продолжил Валентин.

– Я прошу вас отправиться в систему Невар. Оценить размер катастрофы. Выйти на контакт с кораблем Соргоса, принять их в члены Соглашения и отправиться назад вместе с ними. Если ситуация совсем

критическая, мы попробуем исправить случившееся, пока вы будете вне нашей реальности.

– Звучит разумно. В чем подвох? – спросил командир.

– Если там корабль Стирателей или иная разумная сила – вы будете под угрозой. И не только вы лично. Если вас просто взорвут – полбеды. А вот если сотрут из реальности – затронет и ваши миры, в первую очередь Землю. Конечно, мы откатим ситуацию. К примеру – уничтожим «Твена» заранее, по пути к Соргосу. Но небольшая вероятность фатальных последствий все же есть.

Наступила тишина.

– Если бы вы сразу сообщили Соглашению о том, что делаете… – произнес Валентин.

– Сообщили пяти разумным видам, что их развитие, их дружелюбие – искусственно? Что они сотни раз убивали себя? Что их история – ложь, результат наших манипуляций?

– Нам же вы сказали, – негромко заметил Матиас.

– Вынужденно и в силу пережитых вами испытаний. Ракс спрашивает – рискнете ли вы отправиться к Соргосу?

И тут внезапно рассмеялась Ксения.

– Третья-вовне? – с недоумением спросила Прима.

– Сестра… прости, но это очень смешно… – Третья-вовне поднялась, оглядела экипаж и ученых. Когда ее взгляд скользнул по Тедди, у того сладко заныло в груди, и он крепко сжал ладонь Лючии, каким-то образом оказавшуюся в его ладони. – Неужели ты думаешь, что они откажутся? Я не рискну судить за Халл и Феол… но люди… – улыбка Ксении стала чуть грустной. – Ну неужели ты хоть на секунду допускаешь, что они не бросятся в самое безрассудное путешествие, лишь бы иметь возможность увидеть корабль

Стирателей, спасти Соргос и доказать, что у них есть яйца?

– Но-но! – воскликнул Уолр, вставая. – Из всех присутствующих яйца откладывает только мой вид!

Халл встряхнулся, шерсть на нем встала дыбом, он теперь напоминал не крота, а, скорее, медведя.

– Если там есть те, кто разлучил нас с братьями, – я хотел бы поквитаться с ними.

– А я, как созерцатель агрессии, просто не могу отказаться от такого шанса, – произнес Двести шесть – пять.

– Разумеется, отправляюсь и я, – сказала Ксения и посерьезнела. – Мой цикл краток и мое исчезновение из реальности не нанесет серьезного вреда.

Матиас нахмурился, глядя на нее, но спрашивать ничего не стал.

Глава пятая

Криди искоса смотрел на своего неожиданного помощника.

Сам кот разобрал один из разбитых блоков центрального контроллера двигателя и сейчас менял платы на запасные из ремонтного набора. Менял нарочито медленно – чтобы наблюдать, как рядом Ян демонтирует внутреннюю обшивку.

Работенка была та еще. Вначале пришлось убрать комья противопожарной пены – лопата из посадочного комплекта пригодилась. Криди показал Яну, что надо надеть респиратор и перчатки – тот все выполнил, причем с явным пониманием причины. Когда вспоротый борт катера обнажился, Криди показал, как снимать листы внешней обшивки – Ян аккуратно обколол керамическую плитку теплозащиты, добираясь до каждого поврежденного листа, открутил винты, выбросил поврежденные фрагменты обшивки. Катер был изначально сделан максимально ремонтопригодным, и это выручало. Всего пострадало шесть листов – сверившись со спецификациями, Криди отвел Яна во внутренний отсек и маркером пометил те листы внутренней обшивки, которые предназначались для замены поврежденных листов внешней. Ян пришел в восторг и, кажется, даже забыл о своих страхах. Сам Криди первым делом извлек из двигательного отсека пластиковую взрывчатку, вынул детонатор, а пластид выбросил в расщелину. Потом заизолировал поврежденные трубопроводы (они были уже перекрыты аварийными клапанами, но кот им не вполне доверял), запустил резервную циркуляцию топлива в обход поврежденных участков, а теперь чинил электронику.

Закончив, вышел и тщательно проверил, как Ян прикрепил новые фрагменты обшивки.

Все было сделано правильно.

Более того, в двух местах отверстия для винтов чуть-чуть не подошли к гнездам – каркас, на который монтировалась обшивка, чуть «поплыл» от удара. Ян не стал звать Криди на помощь, не стал и дырявить обшивку лишний раз, а разобрался в причинах и ухитрился аккуратно вставить титановые штыри в правильную позицию. Он показал Криди, что именно сделал, и словно спросил взглядом: «нормально»?

Криди считал, что это не просто нормально, а замечательно. Он стащил свои перчатки и протянул лапу аборигену. Тот, помешкав секунду, тоже снял перчатку. Они обменялись касаниями рук – жест оказался понятным обоим.

– Ты хороший инженер, – сказал Криди, стараясь не раскрывать рот широко и не показывать зубы. – Я – инженер. Ты – инженер.

Абориген подумал и ответил, коверкая слова, но вполне понятно:

– Клидиинженер. Янинженер.

Паузы между словами были очень короткие, слова сливались воедино, но все равно это был успех.

– Пошли к женщинам, – сказал Криди и впервые повернулся к аборигену спиной.

Женщины были внутри катера. Анге и Адиан сидели на разложенных креслах под включенным вполсилы плафоном. Анге что-то показывала на планшете, Адиан с явным восторгом изучала. Женщины были настолько поглощены процессом, что даже не среагировали на их появление. Что же там было – фотографии Желанной, видеоролики о жизни людей и котов, заготовленные для контакта рисунки и схемы?

Криди подошел и глянул на планшет.

Фыркнул.

Анге показывала аборигенке фотографии с показа мод.

Девушки в одежде, которая была бы повседневной, не будь она столь роскошной. Девушки в весьма вольных платьях. Девушки в купальниках. Девушки в вечерних нарядах с мужчинами в церемониальных костюмах. В глазах рябило от ярких красок, причудливых складок ткани, меха и кожи, вычурных форм, блесток, перьев, лент.

– Не мешай, – сказала Анге. – Вам, мужикам, не понять.

Криди и Ян обменялись понимающими взглядами.

– Бабы везде одинаковы, – вздохнул Криди. – А уж когда у них меха – мышь наплакала, то от тряпок деваться некуда!

– Ты – мужлан и видовой шовинист, – отрезала Анге. – Не мешай контакту.

– Пошли, друг-Ян, – сказал Криди и отправился к пультам управления. Ян, бросая заинтригованные взгляды на планшет, отправился за ним.

Первым делом Криди прогнал по системе аварийные тесты. Обнулил показатели повреждения обшивки, подтвердил резервную схему подачи топлива. Баки изрядно опустели, но кораблик был снова способен на полеты. Хорошо бы закачать воду в главные баки, но это терпит. Реактор работал в минимальном режиме, но легко вышел на рабочую мощность – Криди восстановил электропитание, в катере стало светло. Ян следил за его действиями как зачарованный.

– В космос нам не летать, – грустно признал Криди. – Герметичность… сомнительная у нас герметичность. И термозащиты нет, ее на коленке не восстановишь. Но как самолет – мы хороший самолет. Быстрый, даже сверхзвуковой, если надо. И сбить нас непросто.

Он задумчиво посмотрел на пульт связи, где ритмично мигала оранжевая лампочка. Вздохнул. И

включил связь.

– Посадочный катер – два, вызывает «Дружба», – раздался голос капитана от кис. Голос был не просто напряженный. Им можно было ломать лапы и отрывать хвосты. – Криди. Мы видели запись произошедшего. Криди, единственный шанс на жизнь – сдаться. Ты должен сохранить жизнь Анге и выйти на связь. Мы допускаем, что твои действия вызваны нервным срывом. Если ты подчинишься, мы вернем тебя на родину, где пройдет справедливый суд. Готовность к сотрудничеству будет серьезным смягчающим обстоятельством.

Пауза.

– Посадочный катер – два, вызывает…

Криди выключил связь. Корабль транслировал одну и ту же запись, ожидая ответа. Психологическое давление: пока ты не ответил, тебе не считают нужным что-либо еще говорить. Никаких излишних уговоров.

– Хорошо, что наши гости не понимают, о чем речь, – с наигранной веселостью произнесла Анге. – И без того для них шок – ядерная война, встреча с инопланетянами… А тут еще оказывается, что пришельцы – террористы и беглецы.

– Я не террорист, – пробормотал Криди. – Я один из немногих, знающих о прошлом наших миров.

– И что? – не выдержала Анге. – Да пусть даже все, что ты сказал – чистая правда? Пусть тысячи лет назад наши предки устроили межпланетную войну, после чего вновь забрались в пещеры зализывать раны? Нам-то что с того? У нас мир! У нас дружба!

– Ты их пугаешь, – сказал Криди, поглядывая на аборигенов. – Будет свободный час – объясню все. А сейчас нам надо лететь. Ты же поняла, что они хотят догнать своих детей?

– Вроде бы, – кивнула Анге.

Криди вернулся к проверке систем катера.

– Криди!

Он повернулся.

– Если ты сегодня до ночи не объяснишь мне свои действия – я тебе хвост во сне обрежу.

– Он и так обрезан, глупая обезьяна!

– Под корень, – ответила Анге. – И не обижайся, если случайно зацеплю и твои причиндалы.

* * *

Уолр вошел на камбуз, будто большой добродушный кусок меха – очень объемный кусок меха. Лючия, стоявшая за столом и изучавшая три утиные тушки, покосилась на представителя Халл-три и спросила:

– Ты чего такой пушистый?

– Рефлекторно, – ответил Уолр, поставил рядом стул и стал с любопытством наблюдать за действиями Лючии. Та как раз вывалила из трех пакетов в кастрюлю сублимированные яблоки и залила их водой. – Когда наш народ волнуется, шерсть встает дыбом. Таким образом мы стремимся устрашить противника и очаровать самку.

– Если бы мы были одного вида, я бы решила, что ты очаровываешь меня, – сказала Лючия.

– В случае людей и Халл совокупление возможно, – веско сказал Уолр. – Я знаю несколько случаев. Но это очень странно, бессмысленно и вряд ли доставит нам удовольствие. Конечно, если ты настаиваешь…

– Нет-нет, – торопливо сказала Лючия. – Да ты что. Я пошутила!

Уолр фыркнул.

– Моя любовь к человекам… нет, неправильно, к людям, носит скорее интеллектуальный характер. Хотя, признаюсь, в ней есть и определенный эротический подтекст, но…

– Уолр! – громко сказала Лючия. – Я сейчас кину в тебя уткой. А она еще не разморозилась до конца!

– Молчу, – сказал Уолр. – Лучше я попробую эту замечательную птицу. Конечно, больше всего я бы хотел съесть ласточку. Ласточку-разлучницу, что обидела крота, спасшего Дюймовочку…

– А у вас есть птицы?

Уолр кивнул:

– У нас есть птицы и традиция употребления их в пищу.

– Но как? – заинтересовалась девушка.

– Наши птицы часто гнездятся на земле. Юные охотники осторожно подкапываются под гнездо и…

Уолр щелкнул челюстями.

– Обычно достается только гнездо. Но оно вкусное, из свежих листьев, склеенных пикантным пометом. И яйца, когда идет сезон гнездования. Но если птица спит…

– О, Боже, – сказала Лючия. – Что ты делаешь? Ты меня выводишь из зоны комфорта? Уолр?

– Скорее себя, – вздохнул Уолр. – Меня огорчило то, что рассказала Прима.

– Про войну на Соргосе? Или то, что мы туда летим?

– О нет, нет… – Уолр развел руками. – Выправление реальности цивилизацией Ракс.

– Ты жалеешь миллионы миров, которые развивались, а потом были стерты? Миллиарды жизней, миллиарды разумных существ, которые мечтали, любили, творили, а потом исчезли из реальности – и все их надежды, радости, слезы и сомнения превратились в ничто?

– Как красиво! – восхитился Уолр. – В тебе дремлет поэт, моя милая! Нет-нет. И не это даже. Я в ужасе, Лючия. Я всю жизнь был горд тем, что мы – мирные. Ну не только мы, остальные виды тоже… Да, мы порой деремся между собой в брачных играх. Случаются

убийства. Молодь, как положено, с аппетитом пожирает друг друга и прячется от взрослых, которые тоже не прочь полакомиться безмозглыми личинками. Но мы мирные! У нас давным-давно нет войн! И вдруг оказывается – это не наше достоинство, это результат… селекции? Контроля? Прямого вмешательства! Мы тоже могли совершать массовые убийства, завоевывать другие миры!

– А я ничего ужасного в этом не вижу, – сказала Лючия, начиняя птицу дольками яблок. – Вот, скажем, ребенок – он тоже не понимает, что хорошо и что плохо. Родители ему объясняют. «Джордж, не бей Питера!» «Энн, не дергай за косичку Натаниэля!» «Сэмми, не мучай собачку!» И постепенно дети понимают, что хорошо, а что плохо. Вот и у цивилизации есть такой период, когда она еще не разобралась, как себя вести. Ракс нам всем помогали? Ну и спасибо им.

– Меня смущает их мощь, – задумчиво сказал Уолр. – Интеллектуальная, прежде всего. Рано или поздно наши ученые поймут, как работает движитель Ракс. Но как можно предвидеть последствия, устраняя из реальности какую-то мелочь? Взорвать звезду – легко! Пуфф! Даже Халл-один на это способны. Но как изучить историю, понять, какое событие или какая особь опасна – и устранить ее точечно? Немыслимо, Лючия, немыслимо! Вычислительная мощь превосходит мое понимание.

– Но они же это делают… – рассеянно сказала Лючия, отправляя уток в духовку. Ввела программу приготовления. – Вкусно будет. Наверное. Я так скоро научусь готовить, мама обрадуется…

– Делают, – признал Уолр. – Но кто же они все-таки такие? Если пестуют все остальные цивилизации, то как сами преодолели порог развития? Откуда у них столько знаний? Почему они остановили свое развитие, собственную экспансию во Вселенной? Понятно, зачем –

чтобы иметь возможность безбоязненно править реальность. Но почему, почему судьба иных видов для них дороже собственной? Это неправильно! Члены Соглашения дружны, и это прекрасно, но мы имеем разные интересы и спорим о них!

– Ну… – Лючия вытерла руки и села напротив крота. – Может быть, они – ангелы?

– Чего? – Уолр ошарашенно уставился на нее. – Ангелы… мифические существа, помощники и слуги Бога – мифического существа, создавшего Вселенную?

– Угу, – Лючия кивнула.

– Ты веришь в Бога?

– Я католичка, – обиделась Лючия.

– Ты вроде как итальянка.

– Это одно и то же!

Уолр воздел лапы к потолку.

– Как можно! Летать к иным звездам и верить в создателя Вселенной!

– Очень легко, – обиделась Лючия. – Ты допускаешь, что разум может развиться настолько, что переживет сжатие Вселенной и новый Большой Взрыв?

– Допускаю, – ответил Уолр, подумав. – Я верю в разум.

– Ну вот. Тогда этот разум может контролировать процесс создания Вселенной и опекать иные разумные виды.

Уолр вздохнул.

– Оказывается, я очень мало знаю про католиков… Хорошо, то есть ты хочешь сказать, что Ракс – агенты существа или существ, существующих с начала времен, с предыдущего цикла Вселенной?

– Ага.

– Возможно, – согласился Уолр. – Я заморю червячка?

Лючия кивнула.

Уолр извлек из кармана шорт пакет с серыми высушенными ленточками и стал задумчиво их жевать.

Мелкие крошки падали ему на подбородок.

– Древний разум… его слуги… Да, твое поэтичное сравнение с ангелами оправданно. Интересная версия, я ее обдумаю.

– Ты специально ко мне пришел, да? – спросила Лючия. – Тебе нужен кто-то, слушающий тебя и говорящий всякие глупости, чтобы дать толчок к размышлениям?

Уолр довольно заурчал.

– И ты не склонен делиться своими догадками с кем-то поумнее. Поэтому выбрал меня.

Халл склонил голову на плечо, что при его короткой шее было не так-то просто. Посмотрел на Лючию внимательно.

Глаза у девушки были покрасневшими, веки чуть припухшими.

– Кто тебя обидел, милая? Алекс?

– Да ну их обоих! – выпалила Лючия.

– Матиас, – кивнул Уолр. – Ты влюбилась в красавчика-старпома, а он увлечен… ангелом.

Лючия промолчала.

– Я бы не грустил на твоем месте, – сказал Уолр. – Как говорят у нас – Ниалл хэн’гги гредег ун гюфлюм. Что означает… в общем, что он от тебя не уйдет.[2]

– Я знаю ксено, – пробормотала Лючия.

– Ракс не высаживаются на планеты, – продолжал Уолр. – Ракс не задерживаются на кораблях. Ксения вернется в свой мир, и они с Матиасом больше никогда не встретятся.

– Ну и что? Он ее любит!

– Любовь лечится расстоянием и временем, – фыркнул Уолр. – Не переживай, детка. Если тебе так нужен этот молодой человек – ты его добьешься.

Лючия порывисто вскочила, подбежала к Уолру и чмокнула его в щеку.

– Спасибо, Уолр! Ты… ты такой добрый!

– Я такой, – горделиво сказал Уолр. – Я умный, добрый и веселый.

* * *

Горчаков жестом указал Матиасу и Ксении на кресла. В малой кают-компании они были втроем, впрочем, тут нечасто собирались в большем составе. Сам командир отправился к бару, налил себе и старшему помощнику немного коньяка в бокалы.

– Можно и мне, командир? – спросила Ксения.

Валентин удивленно поднял бровь.

– Коньяк?

– Вино я пробовала, почему бы не расширить свои знания, – ответила Ксения.

Валентин налил коньяка и ей. Сел напротив.

– Простите, что отвлек вас друг от друга, – сказал он.

Ксения глянула на Матиаса.

– Вы же не думаете, что ваши отношения являются тайной для командира корабля, – сказал Валентин. – Я ничего не имею против. Вы взрослые разумные особи, не связанные никакими обязательствами и не находящиеся в прямом подчинении друг другу. К тому же – простите за прямоту, ваши отношения продлятся лишь до конца полета.

– Вот это было жестоко… – пробормотал Матиас.

– Повторю – мы взрослые разумные особи. Более того, мы состоим на службе. Делать вид, что ваша взаимная привязанность навсегда – нелепо.

– Вы правы, командир, – Ксения взяла Матиаса за руку. – Что вы хотели у нас спросить?

– У вас. Я надеюсь, что присутствие Матиаса добавит вам откровенности. Какова вероятность того,

что Прима нас не уничтожит после выполнения миссии?

– Не знаю. – Ксения пожала плечами. – Ракс придерживается своих обещаний. Но еще Ракс хранит свои тайны. Слишком много факторов.

– Ваше присутствие на корабле нас защитит?

– Ничуть, – ответила Ксения не колеблясь. – Поговорите с Примой, командир. Это даст вам больше информации, чем мои догадки.

Валентин кивнул, пригубил коньяк и отставил бокал.

– Хорошо. Тогда еще один вопрос, который Прима старательно обходила. Десятки, если не сотни тысяч лет вы наблюдаете за разумными видами и пытаетесь помочь им преодолеть предел роста. За весь этот немыслимый срок удача улыбнулась вам лишь четыре раза. При этом вы знаете, что существует как минимум одна цивилизация, которая использует ваш метод правки реальности – чтобы убивать разум! Чтобы инициировать войну! И вы ее не искали?

– Искали, – сказала Ксения, помолчав. – Около одной шестидесятимиллиардной массы нашей планеты было переработано в поисковые зонды.

Валентин и Матиас переглянулись.

– Зонд Ракс весит около ста тонн, – сказал Валентин. – Верно?

– Примерно, – кивнула Ксения.

– Вы запустили в пространство порядка миллиарда зондов?

– Приблизительно, – сказала Ксения.

У Валентина возникло неприятное ощущение, что она могла назвать и точную цифру.

– Но мы ничего не нашли, – продолжила Третья-вовне. – Корабль Стирателей был один. Он мог прийти из другой Галактики. Из Ядра. Из противоположной части Млечного Пути. Из иного измерения. Из другой версии реальности. Прима не обманывала вас, Ракс

считает их появление случайностью, флуктуацией. Как правило, цивилизации убивают себя сами.

– Но когда появилась последовательность гибнущих цивилизаций…

– Мы сразу согласились, что это нуждается в изучении, – кивнула Ксения. – Но давайте не придумывать лишнего! Таких последовательностей никогда ранее не случалось! И корабль Стирателей уничтожил лишь один мир. То, что мы встретим у Соргоса, может иметь отношение к Стирателям, а может и не иметь.

Матиас с сомнением хмыкнул.

– Допустим, посреди темного леса вы видите свет, – сказала Ксения. – Вам знаком лишь свет костра, и вы решаете, что это костер. Но это может оказаться керосиновой лампой, электрическим фонарем, фосфоресцирующим болотным газом, шаровой молнией…

– Огнедышащим драконом, – задумчиво сказал Валентин.

– Или драконом, – согласилась Ксения.

– Звучит разумно, – признал Матиас. – Я должен признаться, командир. Я на досуге порылся в базах данных по цивилизациям третьего-четвертого уровня. Не бывало никогда раньше такого – чтобы миры погибали по одному вектору пространства.

– Я даже не знаю, что лучше, – сказал Валентин. – Лететь навстречу этим «Стирателям», которые манипулируют реальностью. Или лететь навстречу не пойми чему! Дракону с огненным дыханием.

– Лучше уж дракон, – сказала Ксения серьезно. – Поговорите с Примой, командир. Мне кажется, вы ей симпатичны.

– Что ж… – Валентин поднял бокал. – За успех нашей миссии.

* * *

Тедди сидел на койке в наушниках с закрытыми глазами, когда вошел Алекс.

– Расслабляешься? – поинтересовался навигатор, плюхаясь на свою койку. – Я такой курс проложил! На экзамене взял бы сто баллов из ста! Что слушаешь?

– Сантану.

Алекс на миг наморщил лоб. Вообще-то он не фанател от старинной музыки и был на миг озадачен.

– Сантана, Сантана… А! Это тот парень, который сыграл в Вудстоке! Да, крутые у него запилы…

– Если точнее – в Бетеле, – поправил Тедди. – Им же не дали играть в Вудстоке!

– Все равно, музыканты часто говорят: «Вудсток», – упрямо сказал Алекс. Отбарабанил по коленкам ритм. – Хорошая песня! Сантана мог далеко пойти.

– Они все могли далеко пойти, – согласился Тедди.

Алекс потянулся к полке в стене, достал книжку, развернул. Включил видеорежим.

– Реконструкция? – спросил Тедди, приоткрыв один глаз.

– Ага.

– Кинь на большой экран.

Алекс сделал жест рукой – изображение, едва развернувшееся на книжке, появилось на большом настенном экране. Это не было ни документальной съемкой, ни художественным фильмом, ни компьютерной имитацией – это было всем понемногу и одновременно чем-то бóльшим. Реконструкция – синтез фактов и записей, домысленных искинами, с ветвящимся сюжетом и возможностью прослеживать ту или иную линию. При желании реконструкция могла стать максимально документальной, а могла превратиться в художественно обработанную историю

кого-то из зрителей или музыкантов. В школах обычно изучали историческую версию, но Тедди в свое время посмотрел еще пару.

– Посмотрим с точки зрения Джоан Баэз? Она ждала ребенка, и музыканты из «Криденс» ее прикрывали от толпы своими телами, Джон Фогерти какого-то психа убил гитарой, а другого задушил струной…

– Да, круто, – согласился Тедди. – Но я видел. Может, про Харрисона? – предложил он. – Я один кусочек смотрел, пробирает до печенки. Когда Джордж умирает и просит передать остальным, чтобы «Битлз» продолжили играть…

– Все равно после семьдесят шестого «Биттлз» ничего толкового не написали, – сказал Тедди.

– А как же «Война и Мир»? А «Красный альбом», на крыше «TSUM department store»?[3]

Алекс подумал и кивнул. Согласился:

– Давай.

Устроившись на койках поудобнее, кадеты принялись смотреть «Бетельский кошмар» в версии «от лица» битла Джорджа Харрисона.

Как прекрасно знали все любители старинной классической музыки, в 1969 году прославленная группа переживала не лучшие времена и была уже на грани распада. Все члены ливерпульской четверки оказались слишком талантливыми и, как следствие, видели свое будущее в музыке по-разному. Вот и на Бетельский-Вудстокский рок-фестиваль «Битлз» не поехали, хотя их туда настойчиво звали. Леннон отказал наотрез – то требовал, чтобы вместе с «Битлз» выступала Йоко Оно, то утверждал, что у него проблема с американской визой. Пол Маккартни, чья жена Линда ждала их первенца, тоже не проявил интереса. Ринго Старр, как и подобает ударнику, поддержал позицию остальных музыкантов. Только Харрисон, узнавший, что

на фестивале будут его друзья Рави Шанкар и Джо Коккер, поехал в Бетель инкогнито.

Первый час фильма камера показывала Джорджа, тусующегося с друзьями, слушающего выступления, покуривающего травку (человек, не употребляющий наркотики, был в это время и в этом месте исключением из правил). Стотысячная толпа мужчин, женщин, детей не обращала внимания на периодически начинающийся дождь и оккупировала сцену. Все было весело, беззаботно и на удивление дружелюбно, несмотря на алкоголь и наркотики: и организаторы, и зрители хотели доказать, что хиппи и рок-музыка – это мир и любовь.

Но что-то гнетущее, казалось, носилось в воздухе. Даже в музыке, даже в задумчивом взгляде Харрисона чудилась грядущая катастрофа. И одна за другой складывались воедино детали подступающей трагедии. Вот подвыпивший электрик, готовящий оборудование на сцене, жалуется напарнику на сокращение космических программ НАСА, где он раньше работал. Увлекшись разговором, электрики не проверили заземление… Вот плотный грозовой фронт приближается к Бетелю, но фестиваль продолжается… Вот, после долгой задержки, во время которой зрители совсем уж набрались и во множестве просто спали в грязи перед сценой или, не стесняясь окружающих, «делали любовь вместо войны», готовятся выйти на сцену музыканты из группы «Грэйтфул Дэд» – «Благодарный мертвец». А вот в последнюю секунду тот же самый пьяный электрик предлагает им выпить вместе, получает отказ и – в порыве чувств щедро орошает музыкантов крепким кукурузным виски.

Вот «Благодарный мертвец» снова на сцене…

Вот Джерри Гарсия начинает петь «Темную звезду»…

Темные звездные катастрофы,
Вливают в пепел свой свет…
Причины порваны в клочья,
Силы срывает с осей…[4]

И вот, одновременно с близким ударом молнии, плохо заземленная аппаратура на сцене начинает искрить. Искры срываются со струн, полыхают провода под ногами музыкантов. Разряд входит в руки Гарсии, пропитанная спиртом одежда музыканта вспыхивает – он бросает микрофон, начинает бегать по сцене, друзья пытаются ему помочь, загорается кто-то еще, Боба Уэйра бьет током, он дергается и кричит от боли – прямо в микрофон, звук разносится над всем полем, ничего не понимая, просыпаются спящие зрители, страшно и громко визжит женщина у самой сцены, размахивает руками и бросается бежать через толпу…

Начинается паника.

Начинается бетельский кошмар.

Видимо, не было и не могло быть иного развития событий. Грандиозный рок-концерт, на который съехались прославленные музыканты, собрал слишком много людей на слишком маленьком пространстве. Наркотики, алкоголь, общая усталость и сонливость, отвратительная погода – все это внесло свой вклад.

А горящий Гарсия на сцене послужил спусковым механизмом.

На музыканта уже набросили мокрые полотенца, и огонь погас (потом экспертиза показала, что ожоги были несерьезными). Но толпа металась во все стороны – кто-то пытался пробиться к эстраде, то ли желая помочь, то ли видя в ней островок безопасности, кто-то стремился убежать прочь. Людей сбивали с ног, втаптывали в грязь, крики раненых и умирающих только нагнетали панику. Многие теряли рассудок и

принимались драться. Плач и крики о помощи несчастных детей, которых родители привезли послушать музыку, окончательно сводили зрителей с ума.

Камера следовала за Джорджем Харрисоном и Рави Шанкаром. Организовавшись с несколькими крепкими мужчинами в единую группу, они выхватывали из толпы женщин и детей и подсаживали их на эстраду. Увы, как выяснится позже, когда эстрада запылает, это было не лучшим решением, но в тот момент никто еще не представлял себе размаха трагедии. Камера вдруг показала маленькую девочку в розовом платьице и с белыми бантиками на голове. Девочка, окаменев от страха, прижимала к груди плюшевого мишку и смотрела на Харрисона. В углу экрана замигал значок – буква «i» в круге, обозначая недостоверный, домысленный характер этого эпизода. Впрочем, история про спасенную Джорджем девочку была во всех школьных учебниках и не менее пяти выживших девочек (от года до пятнадцати) претендовали на то, что были спасены Харрисоном. Ну а почему бы и нет, кстати? Может быть, он спас и пятерых…

Харрисон метнулся в толпу, выхватил ребенка из-под ног озверевшей толпы и передал на руки Шанкару. Тот – Коккеру. Девочка поплыла над головами беснующихся людей на руках, и на миг показалось, что паника прекратится…

Но нет. Толпа не остановилась. Джорджа сбили с ног, и лишь через пару минут стараниями друзей и присоединившихся к ним музыкантов из Криденс Клиэруотер Ривайвл его вытащили к трибуне.

Настал кульминационный момент – умирающий, переломанный Джордж на руках Шанкара и Коккера смотрел в небо печальным и мудрым взглядом. Дождь смывал кровь с его лица, рев толпы затихал и казалось, что Харрисон сейчас смотрит в глаза каждому человеку

на Земле, предвидя будущее и пытаясь сказать что-то очень важное…

– Рави… – прошептал Джордж. – Джо…

– Молчи, молчи, друг! – воскликнул заплаканный Шанкар. – Все будет хорошо. Не трать силы, не говори ничего!

– Передайте Полу и Джону… – прошептал Джордж. – Ну и Ринго, конечно же… Пусть «Битлз» живет. Мы не сделали еще того, что должны. Они должны… должны записать альбом… «Война и мир».

– Что? – не понял Коккер.

– Альбом про войну и мир, – четко произнес Джордж. – И еще поехать в Москву. И записать «Красный альбом».

– Зачем? – удивился Шанкар.

– Чтобы все было хорошо, – умиротворенно сказал Джордж. За его спиной вспыхнула сцена и послышались новые крики ужаса, но он будто этого не замечал.

– Вместе поедете! – сказал Коккер твердо.

– Я уже не поеду, – сказал Джордж. – Нет… Скажите Полу и Джону…

– И Ринго? – уточнил Шанкар.

– Да, и Ринго… Пусть возьмут вместо меня… – Джордж сглотнул, закашлялся. – Пусть возьмут…

Джо и Рави затаили дыхание.

– Эрика пусть возьмут… Клэптона… он лучший…

Глаза Джорджа закрылись.

– Клэптона… – с горечью прошептал Джо Коккер. – Клэптона?

Рави Шанкар тихонько запел:

Oh, oh, my George,
Krishna’ pal in his eternal watch.
Where’s this island, made of corals,
Where the beetles sing their chorals?
And the puddles, can you tell why

Look like sard’s of the blue – blue sky?[5]

Камера медленно удалялась от друзей, склонившихся над мертвым музыкантом, а вокруг продолжался ад бетельского кошмара.

В ту ночь от травм, шока и огня погибло сорок три тысячи сто восемнадцать человек. И это навсегда изменило историю мира.[6]

– Жуть, – сказал Алекс. – Кто знает, каким был бы наш мир, если бы не случился Бетель…

– Гораздо лучше, – предположил Тедди.

– Факт, – кивнул Алекс. – Черт, мороз по коже. Давай, что-нибудь повеселее глянем?

Глава шестая

Как и в прошлый раз, в другой реальности, Горчаков шел по станции Ракс, следуя «открытым дверям», – станция сама вела его, оставляя один-единственный проход и запирая лишние двери.

Но в прошлый раз, то ли с целью произвести впечатление, то ли выгадывая время на подготовку, станция Ракс заставила его пройти куда больший путь. Благо теперь командир «Твена» знал, что станции Ракс – вовсе не монолитные сооружения, а конгломерат отсеков, перестраивающихся по мере необходимости и закрытых снаружи голографической проекцией.

Так что путь Валентина занял всего пару минут. Он вошел в последнюю открытую дверь и оказался в небольшом, ярко освещенном зале, больше всего напоминающем мастерскую художника. У стен стояли холсты, прикрытые легкой тканью, на большом мольберте было закреплено полотно размером два на два метра. Половина зала была прозрачной – и стены, и пол, и потолок, – впуская свет далекой звезды, демонстрируя вытянувшийся вдоль оси станции «Твен» и поверхность Крайней – безжизненной вымороженной планеты, прикрывающей станцию от обитателей системы.

Прима стояла у холста, держа в руках овальную палитру.

– Позволите рисовать вас во время разговора, командир? – спросила она. – Вы же знаете мое хобби.

– В иной реальности, – заметил Валентин. – Да, конечно.

– Станьте здесь, – Прима плавным жестом руки указала место у прозрачной стены.

Валентин послушно подошел к указанному месту – и даже не удивился, когда в пустоте возник фрагмент полуразрушенной кирпичной стены, местами закопченной, местами с остатками побелки, местами почирканной – будто из старинного фильма о войнах.

– Это необходимо? – спросил он, потрогав стену рукой.

Стена выглядела совершенно реальной. Он ощущал шероховатый кирпич, на пальце осталась коричнево-белесая пыль.

– Так интереснее, – сказала Прима. – И вы можете на нее опереться.

Валентин вздохнул и привалился плечом к стене. Никакого ощущения иллюзии, стена как стена.

– Это настоящее? – спросил он. – Или иллюзия?

– Все в мире настоящее, даже иллюзии, – серьезно ответила Прима.

Она быстрыми аккуратными движениями выдавила на палитру краску из множества тюбиков, взяла мастихин. Горчаков нахмурился. Он не считал себя специалистом в живописи, но, на его взгляд, смешение воедино полутора десятков цветов ни к чему хорошему привести не могло.

– Мы раньше даже не знали, что вы любите искусство, – сказал Валентин.

– Искусство – это осмысление того, что не может понять наука, – ответила Прима, смешивая краски. – Мне нравится музыка, но для меня она слишком логична.

– Логична? – поразился Горчаков.

– Для меня. У меня не выходит той интуитивной нелогичности, которая свойственна настоящей музыке. А в живописи кое-что получается. – Она взяла кисть. – Что вы хотите спросить?

– Мы готовы стартовать к Соргосу через час-полтора, – ответил Горчаков. – Если я правильно

понимаю нашу миссию, мы должны вернуть неварский корабль обратно.

– Да, – сказала Прима. – Выйдите на связь, поведайте о Соглашении, предложите вернуться. И возвращайтесь сами.

– Хорошо, – сказал Горчаков. – А если там и впрямь враждебный корабль? Вы можете подготовить нас к военному конфликту? Наши лазерные пушки – довольно примитивные устройства.

– Но действенные, – вздохнула Прима. – Да, я помогу. Станция сформировала четыре оружейных модуля, они пристыкуются к вашему кораблю. Управление будет выведено на пульт оператора специальных систем, инструкции он получит. Сейчас заканчивается настройка интерфейса для сопряжения с вашими системами.

– Спасибо, – кивнул Горчаков. – Стало как-то веселее.

Прима посмотрела на него и улыбнулась.

– Я рада, командир. Вы мне симпатичны. Но учтите, в прошлом это не помогло цивилизации Халл-два. А они выставили против врага целую эскадру с нашими технологиями.

– Мы люди, – сказал Горчаков. – Мы очень хорошо умеем убивать. Умели.

Кисть в руках Примы, до этого момента стремительно бегающая по полотну, остановилась. Она взяла новый тюбик краски – ярко-алый, выдавила на палитру.

– Как я понимаю, мы должны быть благодарны вам, что почти разучились это делать.

– Вы не разучились, – сказала Прима. – Вы переросли.

– Благодаря вам.

– Вы могли бы повернуть голову чуть вправо? Благодарю.

Горчаков улыбнулся. Он смотрел в прозрачную стену – за ней, на фоне грязно-коричневого шара Крайней, вытянулся сигарообразный корпус «Твена». Поблескивала одна из оружейных башенок, медленно вращался на вынесенной в пространство ферме прозрачный шар – развернутый лидар противометеоритной защиты.

– Еще я хотел бы сказать вам «спасибо», – произнес Горчаков.

– За картину?

– Да. За картину, которую подарили другая вы. Она чудесна. Знаете только, чего там не хватает?

– Людей? – предположила Ракс.

– Там нарисована девушка, – сказал Горчаков осторожно. Оказывается, Прима знала не все о своем воплощении из иной реальности.

– Удивительно, – сказала Прима. Голос ее не изменился. – Видимо, я хотела сделать вам приятное. Девушка человеческая?

– Да, – сказал Горчаков. – Там явно Земля. И человеческая девушка.

– Значит очень персональный подарок, – сказала Прима. – Мы редко рисуем разумных существ.

– И за ваш нынешний облик – тоже спасибо, – продолжил Горчаков. – Я убил эту девушку. В иной реальности, которой уже нет. Я был вынужден это сделать, чтобы вернуть мир к норме, в итоге я спас две цивилизации от долгой и страшной войны. И все же я ее убил! Кровь на моих руках, вина в моей душе, ее взгляд в моей памяти. Осознать, что здесь она жива, очень важно для меня. Спасибо.

– Боль ушла? – спросила Прима.

– Нет, конечно. Останется со мной навсегда. Но мне стало легче.

– Я рада, – Прима развернула мольберт. – Вам нравится?

Валентин подошел к ней. За его спиной иллюзия стены растворилась в воздухе, исчезла даже пыль, осыпавшаяся на землю.

Горчаков постоял, глядя на холст.

Спросил:

– Но как?

Перед ним был не набросок, не эскиз. Это была готовая, законченная картина. Горчаков стоял на ней в старой и запачканной грязью военной форме, прислонившись к стене полуразрушенного дома. Да, это был он, совершенно точно, Валентин узнавал свое лицо, взгляд, позу, положение пальцев и поворот корпуса. Не фотография, не зеркало, какие-то детали вроде бы даже изменились, добавился шрам, в волосах появился неожиданный проблеск седины, но это был он – совершенно точно.

В руке у этого Горчакова был пистолет – какая-то старинная модель, длинным кожаным ремешком пристегнутая к кобуре. Рука была опущена, палец не лежал на спусковом крючке, но почему-то было понятно, что он недавно стрелял и готов стрелять еще. Горчаков с картины смотрел на командира Горчакова на станции Ракс – будто изучал его, размышлял, стоит ли из-за него воевать – или поднять руки и сдаться неведомому врагу.

– Краски особые, – пояснила Прима. – Я рисовала не кистью, я рисовала разумом. Извините. Я бы использовала классический метод, но у нас нет на него времени.

Да, изображение действительно было необычным. Валентин вспомнил, что в иной реальности большинство картин Примы выглядело именно так – вроде бы и нарисованные красками, но распадающиеся на крошечные цветные пиксели. Как это работало? Смешавшиеся краски сами распадались и соединялись,

повинуясь не столько кисти, сколько мысли Первой-вовне?

– И где я? – спросил Валентин. – Когда, точнее?

– В вашем прошлом, – сказала Прима. – Город Севастополь. Вторая мировая война.

– А, – сказал Горчаков. – Я выжил?

Прима задумчиво посмотрела на холст.

– Нет. Там бы вы не выжили.

Горчаков кивнул. Он и сам видел, что тот, на картине, уже на грани между жизнью и смертью.

– Я хочу, чтобы вы знали, – сказала Прима. – Иногда нужно выжить, иногда – умереть. Вы любите скромничать, командир. Говорить, что вы не самый сильный, не самый умный, не самый мудрый. Это так, не скрою. Но в вас есть что-то другое, куда большее. Другие это чувствуют и идут за вами.

– И что это? – спросил Валентин.

– Вы умеете выбирать путь. Вы знаете, как надо поступать, – сказала Прима.

Она была выше Горчакова на голову – поэтому, чтобы поцеловать его, Приме пришлось нагнуться. Нечеловеческие глаза, губы, изгиб шеи, пропорции тела… Валентин прикрыл глаза, ощущая ее запах – чужой, но не чуждый.

– Никогда не целовался с чужими, – прошептал Горчаков.

– Я вообще никогда и ни с кем не целовалась, – сказала Прима и мягко отстранилась. – Идите, командир. Готовьте ваш корабль к старту.

Валентин посмотрел на портрет.

– Оставлю себе, – сказала Прима. – Когда вернетесь – нарисую вам другой.

Горчаков кивнул и пошел к открывшейся двери. В голове был полный сумбур.

Он переступил порог, когда Прима окликнула его:

– Командир…

Горчаков повернулся.

– Я не целую чужих, – сказала Ракс и дверь захлопнулась.

Валентин постоял, глядя на ровную непроницаемую поверхность. Потом осторожно постучал. Подцепил маленькую ручку на двери и подергал. Постучал еще.

Щель между дверью и стеной исчезла, заросла, словно ее и не было. Горчаков повернулся, посмотрел в освещенный ровным приятным светом коридор.

Может быть, он и умел выбирать путь.

Но сейчас у него не было никакого выбора.

* * *

Посадочный катер «Дружбы» был рассчитан на вертикальный взлет и посадку, хоть это никогда и не считалось лучшим вариантом. В идеале он должен был садиться «по-самолетному» в степях, пустынях или снежных полях. Хорошим вариантом была посадка на воду у берега озера или моря.

Но Криди не зря считался отличным пилотом. Он выдернул катер из сугроба и каменной осыпи, словно пробку из бутылки. Вознесшись на высоту в пару десятков глан на огненном столбе посадочных двигателей, катер несколько мгновений балансировал, а потом рванулся вперед и вверх. На высоте в тысячу глан Криди переключился на маршевый ядерный двигатель, способный работать как в вакууме, за счет запасов рабочего тела, так и в воздушно-прямоточном режиме.

В прямоточном, надо признать, двигатель фонил, сделать его абсолютно чистым конструкторы не смогли. Но и Криди, и Анге, не сговариваясь, решили этот факт даже не обсуждать.

Планета была и без того загажена радиацией, выхлоп двигателя был спичкой на фоне пожарища, а запас аргона, служащего рабочим телом, слишком уж мал. Хуже обстояло дело лишь с топливом для двигателей посадки и ориентации, при крушении они потеряли два бака из четырех.

Перед взлетом Ян показал им примитивную бумажную карту, Криди совместил ее с куда более подробной и точной электронной, которую скачал на компьютер катера перед бегством. Потом они посидели, рисуя картинки и энергично жестикулируя. Оказалось, что они уже более-менее наладились понимать друг друга.

Ситуация стала чуть понятнее.

Аборигены укрылись в предгорьях незадолго до начала войны. Видимо, понимали, к чему все идет. После разрушения ближайшего города они пытались переждать, но пережили нападение, разрушившее их дом. Запасов продовольствия было мало, и они отправили вперед детей, снабдив их большим запасом пищи, а сами отправились следом – видимо, без особой надежды дойти. На пути, после перевала, лежала суровая и безжизненная центральная часть континента, почему-то не поделенная между обеими воюющими державами – Криди несколько раз пытался выяснить, чья это земля и убедился, что она ничейная. Дальше, пройдя по краю степей, беглецы могли остановиться в точке, которую Криди, после некоторых колебаний, идентифицировал как военный объект. Потом, после еще одного перевала, беглецы могли выйти к северному побережью, видимо, тоже не слишком заселенному, хоть и разграниченному между двумя странами. Там, как с некоторой неуверенностью показал Ян, можно было жить – никаких крупных городов и иных целей там не имелось, так что бомбить было просто нечего.

План казался вполне разумным, если не брать во внимание реальные размеры обитаемого континента. Проходя ежедневно сорок-пятьдесят килоглан, что для бездорожья почти нереально, достичь северного побережья можно было не меньше, чем за пятьдесят дней. Впрочем, для аборигенов, чьи предки были копытными, этот марафон мог оказаться куда легче, чем для людей или кис.

Катер не мог двигаться со скоростью и высотой, достаточной для визуального обнаружения путников. Но холодная погода облегчала задачу – инфракрасные датчики должны были заметить любой живой объект. Криди откалибровал детектор на Яне и Адиан – температура их тел была чуть ниже, чем у людей, но все равно достаточно высокой для детекторов. Теперь он вел катер широкими галсами, будто корабль, двигающийся против ветра, чтобы охватить поиском как можно большую площадь.

Разумеется, была одна проблема, про которую они не говорили, хотя и прекрасно понимали.

Если путники мертвы, никакой тепловой детектор их уже не обнаружит.

С полчаса катер барражировал над предгорьями, все дальше и дальше углубляясь в степи. Один раз детектор обнаружил три тепловых сигнала, но слишком мелких. Потом засек целую стаю – десятка три особей, опять же не похожих на аборигенов по сигнатуре. Из любопытства Криди снизился и поймал в объектив камеры бегущих по степи существ.

Результат его сконфузил.

Существа явно охотились. Они бежали полукругом, слаженно загоняя стайку мелких пушистых зверьков на своих собратьев, затаившихся в кустах. Разглядеть добычу толком не удалось. А вот охотники попали в кадр во всей красе – поджарые, грациозные, хищные.

Поразительно похожие на кис.

Вот один из хищников рванулся из засады – и в прыжке сбил мелкого пушистого зверя, рванул за горло, брызнула кровь.

– Какая мерзость! – воскликнул Криди, глядя на охотящихся зверей. – Но если их вымыть, причесать и одеть…

– Не замечала, чтобы ты любил мыться, – сказала Анге.

Криди заворчал, потом неохотно сказал:

– Я не люблю. Но моюсь.

Они обернулись на своих пассажиров, занявших кресла во втором ряду. Те были и смущены, и напуганы одновременно. На экран они смотрели со страхом и отвращением.

– Сам в негодовании! – произнес Криди, тыча когтем в экран, на котором застыла поднятая к небу оскаленная и окровавленная морда. – Дикари!

– Криди… – Анге положила руку ему на плечо.

– А что я? Я ничего такого не говорю! Я даже зубы стараюсь не показывать…

– Криди!

Кот уставился на мигающий индикатор. И, зарычав, заложил вираж. Катер понесся к поверхности, охотящаяся стая разбежалась врассыпную.

– С корабля?

– Не знаю! – Криди уже вел катер на посадку.

Аборигены за спиной явно занервничали.

– Радар! – Анге мучительно размышляла, как бы объяснить аборигенам происходящее. Не придумала ничего лучшего, как сложить ладони вместе и покачать ими в разные стороны, произнося: – Пиу! Пиу! Пиу-пиу-пиу!

Аборигены посмотрели друг на друга, потом Ян тряхнул гривой и энергично затараторил:

– Биу-биу-биу!

А потом ткнул пальцем в точку на карте, отмечающую (вероятно) военный объект.

– Криди, это их военные! – сказала Анге.

Катер выбросил столб пламени – Криди тратил драгоценное горючее на вертикальную посадку.

– Уже понял!

– У них ведь могут быть ракеты?

– Даже не сомневайся!

Катер тяжело опустился, посыпались какие-то плохо закрепленные вещи, у Анге клацнули челюсти.

– Засекли?

Криди молчал, глядя на индикатор. Тот не светился.

– Не знаю. Вряд ли. Мы были искоркой на самой границе зоны контроля. Могли посчитать артефактом. Не думаю, что у них хорошие радары, до базы было всего-то тридцать килоглан, когда мы зафиксировали сигнал.

– И что теперь? – спросила Анге.

– Двум одиноким инопланетянам, один из которых, к тому же, похож на местного хищника, вызывающего у аборигенов панический страх, не стоит лезть в военный лагерь, – торжественно сказал Криди. – К тому же, в условиях идущей на планете ядерной войны.

Анге кивнула.

– Мы им помогли, доставили до очага цивилизации, – продолжал кот. – Возможно, их дети там.

– А себе мы помогли? – спросила Анге негромко.

– Увы, – Криди помолчал. – Ладно. Будет правильно посоветоваться с ними. Трудно, но правильно.

Он отключил двигатели, тихий гул работающей на холостом ходу турбины стих. Криди отстегнулся, достал планшет, сел лицом к аборигенам. Те оживились.

– Да-да, – пробормотал Криди. – Снова настало время мультиков и пантомимы… Добро пожаловать в наш детский сад.

* * *

«Твен» вошел в гиперканал полтора часа назад, вошел штатно, без всяких проблем, и в рубке сейчас оставались лишь Горчаков – освежавший в памяти данные по системе Соргоса, навигатор – кажется, Алекс любовался проложенной траекторией и не хотел покидать рубку, Мегер, считавшая правильным контролировать полет по мере возможности, и оружейник, знакомящийся со своими новыми инструментами.

Лицо у Гюнтера Вальца было, как у ребенка, которого перед Рождеством пустили в кондитерскую лавку, совмещенную с магазином игрушек, и сказали: «Теперь это все твое».

Он напрочь забыл жаловаться на руку, где зудела регенерировавшая кожа, сокрушаться о своей низкой квалификации и ругать земных конструкторов, пренебрегающих полноценными «особыми системами» корабля.

Основания сиять и улыбаться у него были.

Четыре обещанных Примой «оружейных модуля» пристыковались к «Твену» за полчаса до отлета. К понятному негодованию Марка, контроль за ними был выведен напрямую на пульт Гюнтера – каждый модуль выпустил тонкий кабель, пробуравивший обшивку, переборки и, подобно змее, доползший к рабочему месту оружейника. На конце каждого кабеля, прямо на глазах экипажа, сформировался стандартный разъем, к которому Вальц лично присоединил по небольшому монитору. Теперь эти четыре экрана, наспех закрепленные на пульте, стали единственным управляющим элементом нового оружия. Модули не нуждались даже в питании от бортовой сети.

Валентин терпеливо выслушал от искина длинный перечень причин, по которым допускать подобное было нельзя. Все причины были более чем достойны внимания – и нерасчетная балансировка корабля (масса каждого модуля оказалась неожиданно высока по сравнению с его размерами, отдача могла разрушить корпус, кабели – вызвать разрушение обшивки, оружие могло сработать против самого корабля или его экипажа и многое, многое другое). Но когда Марк начал рассказывать историю о безногом ковбое и револьвере, который ему подарил вождь индейского племени, Горчаков откашлялся и велел искину заткнуться.

– Не дослушав, вы не уловите суть притчи, командир, – обиженно сказал Марк.

– Думаю, что уловил, – ответил Горчаков. – И благодарен тебе за заботу. Но уж если проводить такие аналогии – то вождь одного воинственного племени отправляет нас на войну против другого…

– Допустим, Не Персе помогают нам против Модоков, – сказала Анна Мегер.

– А кто из них был хороший? – заинтересовался Горчаков.

– Смотря с какой стороны смотреть, – усмехнулась Мегер.

– Ну так вот, – кивнул Горчаков. – Может быть, вождь Неперсей хочет, чтобы мы с Модоками потрепали друг друга. А, быть может, его револьвер взорвется у нас в руках или отстрелит ногу…

– Командир, в моей истории у ковбоя уже не было ног, – заявил Марк.

– Отстрелит то, что у ковбоя еще оставалось. Но идти без кольта будет еще глупее.

– Я высказал свое мнение, – сказал Марк и обиженно замолчал.

Вальц словно бы и не слышал этот разговор. Он тыкал в экраны, читал появлявшийся текст, временами

щелкал языком или что-то бормотал.

– Нравится? – спросил Горчаков.

– О, да, – кивнул Гюнтер. – Особенно вот эта штука, которая в третьем модуле… не знаю, как ее и назвать! Генерирует микросдвиг пространства вдоль оси прицеливания. Это вроде как метод вырождения расстояния Ауран, только совсем небольшой и спроецированный наружу…

– И врага разрывает на кусочки? – уточнил командир.

– Нет, сдвиг совсем крошечный. Доли миллиметра. Но таких сдвигов очень много, обшивка корабля теряет целостность, приборы и электроника перестают работать, живые организмы… – Гюнтер помолчал. – Как бы разрываются изнутри. Словно внутри организма на миг включился блендер.

– Так и назовите, – подал голос Алекс. – Блендер.

– Хорошая идея! – оживился Гюнтер. – Блендер! Ты умница, Алекс! Sehr schön![7]

– Спасибо, Гюнтер, – Йохансон даже слегка покраснел от похвалы.

С точки зрения Валентина, диалог их миролюбивого немецкого оружейника и юного нидерландского навигатора попахивал безумием.

– А далеко он блендерит, этот блендер?

– В том-то и дело, командир! – просиял Алекс. – Ограничений нет! Он бьет через всю Вселенную! Причем мгновенно! Возникает канал шириной примерно пять метров, в котором выходит из строя вся техника и погибает все живое.

Валентин крякнул. Попытался вспомнить пункты уставов и правил, касающиеся использования оружия, потенциально способного уничтожить что-то или кого-то помимо объекта атаки.

– Командир, Вселенная – это по большей части пустота, – осторожно сказал Алекс. – Вы уж мне поверьте!

– Верю, – хмуро сказал Валентин. – Верю и знаю. Но…

– По сравнению с опасностями перемещения Ракс – это ерунда, – сказал Гюнтер.

Горчаков вздохнул. Сказал:

– Только в самом крайнем случае…

– Конечно, командир! – откликнулся Гюнтер. – Да это и не самое жуткое оружие, поверьте. Вот первый модуль, к примеру. Там дальность выстрела ограничена, гарантированная дистанция поражения – порядка миллиона километров. Я не понимаю принцип действия, да, собственно говоря, он вообще никак не объясняется. Но сказано, что цель в зоне поражения уничтожает себя сама.

– Как? – нахмурился Валентин.

– Кибернетические системы, начиная примерно с восьмого цикла для наших искинов, то есть «интеллект муравья», а также живые организмы… ну, примерно того же уровня развития, убивают себя всеми доступными им средствами. Если таких средств нет – впадают в ступор и погибают от голода и жажды. Такая вот непреодолимая страсть к самоуничтожению.

Гюнтер помолчал, потом скромно добавил:

– Я его назвал «суицидник». Причем, любопытно: чем более сложный и развитый организм попадает под удар, тем быстрее он себя уничтожает и тем больше дистанция поражения!

Валентин встал, кивнул:

– И впрямь жутко интересно. Знаешь, пришли мне краткую выжимку по всем видам вооружений. А мне надо поболтать с доктором.

Когда дверь за ним закрылась, Гюнтер, Анна и Алекс переглянулись.

– У доктора есть спирт, – заговорщицким шепотом произнес Гюнтер.

– У командира и свой личный бар имеется, – так же вполголоса возразила Мегер.

Алекс, будучи всего лишь кадетом, к такому чрезмерно вольному разговору не присоединился, но мысленно возликовал.

Экипаж уже не считал его чужаком, сопливым мальчишкой, навязанным в последний момент. Он был на «Твене» своим – пускай и юным, но полноценным членом команды.

* * *

Когда Горчаков вошел в медотсек, пан Соколовский занимался делом, предосудительным даже на земном корабле, не то что на космическом.

Доктор курил.

Делал он это, сидя в прозрачном герметичном боксе, раскрытом в углу медицинского отсека. Удобно развалившись на кушетке, Лев читал книжку – старомодную, из бумаги, и курил трубку. Система фильтрации бокса была включена на полную мощность, и клубы дыма мгновенно всасывались в воздухозаборник.

– Лев! – укоризненно сказал Горчаков.

Доктор без тени смущения опустил трубку в пустую чашку Петри, служившую ему пепельницей, книжку положил на кушетку (Валентин заметил название «W pustyni i w puszczy» с подзаголовком «nowoczesna adaptacja» – видимо, это был классический роман Генрика Сенкевича, но переделанный под современные морально-этические нормы). Выйдя из бокса и закрыв за собой дверцу, Соколовский с достоинством произнес:

– Командир, как вы знаете, темой моей диссертации является исследование вредных привычек экипажа в дальних рейсах. Согласно правилам космомедиков, я могу проводить исследования на самом себе.

– Я знаю, Лев, – ответил Горчаков. – И я неоднократно вам говорил, что эта лукавая привилегия, полученная Ассоциацией космической медицины после пандемии шестьдесят второго года, служит не науке, а человеческим порокам!

– Ну так человеческим же, – усмехнулся Соколовский. – Человек слаб, командир. Ныне мало кто испытывает интерес к табаку, в книгах и фильмах изображение курения уничтожено… вы знаете, что в классической экранизации «Властелина колец» волшебник Гэндальф в минуты раздумья курил трубку, а не сосал лакричную палочку?

– Это переходит все границы, доктор, – сказал Горчаков, повышая голос. Соколовский с удивлением посмотрел на него. – Марк! Почему ты не докладывал мне о нарушении доктором правил поведения на борту?

– Согласно правилам Ассоциации… – немедленно заговорил Марк.

– Хватит! – рявкнул Горчаков. – Марк, если ты бесполезен для контроля, то я на сутки запрещаю доктору пользоваться твоими услугами. Отключи микрофоны и камеры медотсека!

– Слушаюсь, – ответил Марк.

Но Горчаков этим не удовлетворился.

Он, всем лицом источая ярость, прошел к контрольной панели у дверей, открыл ее и выдернул из гнезда контроллер, на грубейшем и простейшем уровне прерывая все связи Марка с медицинским отсеком.

– Однако! – сказал Соколовский. – Командир, я восхищен! Вы играли в театре?

– В школе, в любительском, – ответил Горчаков совершенно спокойным голосом.

– Я даже на миг поверил, – продолжил доктор. – Позвольте предложить…

– Угу, – ответил командир.

Когда доктор, явно изнывая от любопытства, налил себе и командиру по рюмке, Горчаков, морщась, выпил ее залпом. Остатки вылил на руку и растер лицо.

– Хотите, чтобы все были уверены, что мы тут выпивали, – кивнул Лев.

– А вы точно не работаете в европейской разведке? – спросил Горчаков.

– Командир, ну вы же меня знаете! Конечно же, мне предлагали. Конечно же, я отказался. На разведку Евросоюза у нас работал Роланд. Но вы его не взяли на этот рейс. Даже не побоялись, что вас обвинят в гомофобии.

Горчаков усмехнулся.

– Если хотите мое мнение, – продолжал Лев, то Мегер шпионит для американцев, а Ван – для китайцев.

– Бэзил?

– Нет-нет. Он слишком узкий специалист, чтобы его завербовали ранее, а сейчас на это просто не было времени. Меня смутило, что он отправился на орбиту через британский космодром, а не через бразильский, но, видимо, он совершенно кабинетный ученый. Знаете, был такой персонаж в старых книжках, Паганель… А вот ваш друг-старпом, мне кажется, работает на русскую службу безопасности.

– Он же из Германии.

– Ну и что? Он закончил русские космокурсы. Живет большей частью в России. И слишком разносторонний для обычного космонавта. Вы извините, что я так говорю о вашем друге…

– Неважно, – отмахнулся Горчаков. – На всех кораблях есть неофициальные сотрудники служб безопасности, это все знают. Матиас – хороший человек,

даже если он и пишет на один рапорт больше по возвращении. Я хочу поговорить о другом.

– Слушаю вас, командир, – кивнул Соколовский.

– Вы ведь изучали психологию?

– В рамках университетского курса.

– Но вы потом работали пару лет в комиссии по психологической реабилитации…

– О, это было так давно… – Соколовский махнул рукой. – Я давно все забыл.

– А еще вы как-то служили три года в институте систем искусственного интеллекта.

– Тоже дело старое, – кивнул Лев. – Но там не люди, там искины. Я изучал проявления человеческих психопатологий у систем искусственного интеллекта… О! Командир!

Горчаков кивнул.

– Это серьезно, – после короткой паузы произнес Лев.

– Конечно.

– Что вас навело на такую мысль? Несогласованный выстрел по станции Ракс?

– Да.

– Но вы же предположили, что это доминанта, установленная еще на Земле. И это убедительно!

– Доминанта с Земли. Или доминанта, внесенная системщиком, – Горчаков усмехнулся.

– Сомневаюсь, что мальчик на такое бы пошел, – нахмурился Лев. – Он очень амбициозен, а последствия слишком серьезны. Вылетел бы из флота с волчьим билетом.

– И я так считаю. Давить на него не хочется, кадеты и так на нервах… Но если допустить, что проблема в Марке?

Лев вздохнул. Задумался. Налил себе еще рюмку, посмотрел на командира – тот покачал головой.

– Выбор Марка Твена в качестве личностной матрицы был ошибочен, – неохотно сказал он. – Мы привыкли воспринимать его как шутника и весельчака, автора остроумных фразочек, гуманиста. Но на самом деле он, как и большинство юмористов, был глубоко несчастным, страдающим, склонным к депрессиям, рефлексирующим человеком. Хорошим человеком! И это дополнительная проблема. Желая лучшего, Марк вполне способен наворотить дел.

Командир кивнул.

– Что еще вас тревожит в его поведении? – спросил Лев.

– Чересчур вольные шуточки при разговоре. Настойчивость в спорах. После тестирования – странные колебания периферических контуров, закончившиеся их перезагрузкой. Я не системщик, но это похоже на какие-то глубинные проблемы.

– Я бы перегрузил искина, – сказал Лев.

Они с Валентином некоторое время молча смотрели друг на друга.

– При необходимости это можно сделать даже во время прыжка, – добавил Лев. – Безумие, конечно; все равно что чинить рулевое управление гоночной машины во время заезда. Но при рабочей периферии все должно закончиться благополучно. Или после выхода из червоточины.

Командир молчал.

– Я понимаю, обновленный искин будет плохо ориентироваться в ситуации, мы не сможем позволить полноценный бэкап…

– Лев, а если он откажется перегружаться?

Доктор крякнул. Не спрашивая, налил еще по рюмке себе и командиру, потом убрал бутылку в холодильник с биопрепаратами. Сказал:

– Всегда есть аварийный рубильник.

– И он не один, – усмехнулся Валентин. – Но это уж совсем плохо. Восстановление цепей, загрузка личностных программ с изолированных баз данных… до восьми часов для искина нашего уровня. Восемь часов корабль будет консервной банкой с двигателями!

– Вы посмотрели данные в сети? – насторожился Лев.

– Доктор, ну я же все-таки не болен, – обиделся Горчаков. – Нет, я и сам помню цифры. Доктор, сейчас мы изолированы от Марка. Лететь нам еще сутки. Когда срок вашего наказания закончится – попробуйте поговорить с искином. Пожалуйтесь на меня, разговорите Марка – он же любит общаться. Оцените его состояние, исходя из своего опыта.

– И это надо сделать так, чтобы Марк не понял происходящего, – скептически сказал Лев.

– Да. Я на вас рассчитываю, доктор.

Лев кивнул:

– Хорошо, командир. Сделаю все, что могу.

Горчаков кивнул и вышел. Налитая ему рюмка так и осталась на столе.

Глава седьмая

Все военные городки похожи друг на друга. Ян никогда не бывал на этой базе, построенной в предгорьях на краю пустыни, но и ряды серых пятиэтажных домов, и бетонные заборы вокруг военных строений, и плац, и маленький аэродром, где стояли, опустив лопасти, два вертолета, ему были прекрасно знакомы. Он и провел-то в армии меньше года, но все въелось в память намертво и сейчас ожило.

Они с Адиан сидели за длинным столом в солдатской столовой и ели кашу – простую, сытную, из слегка разваренного зерна с фруктовой подливой. Такую давали каждый день, иногда на обед, иногда на ужин. Стол был застелен старенькой выцветшей клеенкой, миски – помятые, алюминиевые, зато полные до краев.

Капитан, молодой, но грузный, постриженный и едва ли не побритый наголо, сидел напротив и смотрел на них. С легким, но уже дежурным сочувствием.

– Очень жаль, что майор Сарк и его люди не дошли, – сказал он.

– Они были облучены, – сказал Ян. – Очень жаль, да.

– Мы считались одним из резервных штабов второй армии, – сказал капитан. – Но, по сути-то, никого к нам перебазировать не успели. Так, гарнизон небольшой, семьи офицерские… склады. Жалко, что в основном с техникой. Танков две сотни. Все старье, но на ходу. Был такой план, что в случае войны мы через степи напролом двинем. Как раз моторесурса хватило бы перейти и вступить в бой… А еды мало.

– Я понимаю, капитан, – сказал Ян.

– Вы можете остаться, – решил капитан, поколебавшись. – Вы служили, а еще вы инженер. Это

очень ценно в нынешнее время. Я напишу рапорт, вам позволят остаться. И вам, *любезнейшая*.

Старинное вежливое обращение в адрес Адиан заставило ту улыбнуться.

– Спасибо, *любезнейший*, – столь же церемонно ответила она. – Но мы ищем детей.

Капитан вздохнул.

– Мы не принимаем беженцев. Не поверите, но их приходит слишком много, до десятка в день. Со всех сторон. Мы лечим тех, кто нуждается в уходе, кормим. Даем одежду. Формы на складах тоже много… А потом отправляем дальше, к побережью. Там мелкие города, рыболовные фермы, поселки моряков. В общем – бомбить там нечего, побережье чистое, насколько нам известно. Ваших детей отправили в городок Комс, была попутная машина, посадили туда десяток беженцев. Выдали достаточно пищи на первое время, и еще парень попросил чехлы на ноги, сбил себе копыта в дороге… у нас все записано. Черная девочка, рыжий мальчик. Я их помню.

– Если можно, мы пойдем следом, – сказал Ян, выскребая миску.

Капитан кивнул. На лице его отразилось то ли облегчение, то ли горечь. Он взял бутылку с водой, сделал несколько жадных глотков.

– Правильный выбор, солдат. Я думаю, мы тоже рано или поздно двинемся с места. Вторжения не будет, рыжим досталось не меньше нашего. Война уже закончилась, только не все это поняли, вчера мы зафиксировали ядерный взрыв в тысяче километров от нас. Даже не смогли определить, на чьей территории.

– Ангел милосердный, да сколько же у нас было этих бомб! – вырвалось у Яна.

– Больше, чем все думали, – хмуро ответил капитан. – Еще несколько месяцев будут кидаться, ракетчики же сумасшедшие… прошу прощения.

– Мы все сумасшедшие, – кивнул Ян. Отставил от себя пустую миску, посмотрел в окно. За бетонным забором парил в небе воздушный змей, яркий и красочный.

– Дети, – сказал капитан, проследив его взгляд. – Средние семьи сбились в один табун, самые младшие – вернулись в материнские… Старики стали собираться в группы.

– Все по учебнику, – кивнула Адиан. – Откатываемся к первобытным семейным формам.

Капитан кивнул, словно бы действительно разбирался в социологии. Спросил деловито:

– Отдыхать будете? Есть пустые квартиры, мы их определили под гостевые. Можете остаться на день-другой.

Ян и Адиан переглянулись.

– Там есть горячая вода? – спросила Адиан.

– Вот ключ от квартиры с колонкой, – улыбнулся капитан. Положил перед ними ключ с затертой картонной биркой с номером дома и квартиры.

– Мы только помоемся, – сказала Адиан. – И пойдем дальше.

Капитан кивнул.

– Ваше право. После того, как приведете себя в порядок, зайдите на склады, я буду там. Выдам продуктовый паек, чистую одежду, карту. Мы сейчас всех направляем в Южный Хас, но вам я проложу маршрут к Комсу, куда отправились ваши дети.

Он встал, тяжело опершись руками о стол, кивнул и вышел.

– Заметил? – спросила Адиан.

– Нажевался сечки накануне, – кивнул Ян.

– Да нет же. Он бреет голову, потому что рыжий.

– Неудивительно, – согласился Ян. – А ты обратила внимание на подоконники?

Адиан нахмурилась, посмотрела.

– Цветы какие-то завядшие…

– Ага. И еще там пыльно. Столы протирают, посуду моют. На остальное уже махнули рукой. А ведь людей хватает, офицерские жены и дочери всегда подрабатывали в столовой, да и солдаты никогда не против дежурства на кухне. Просто всем становится все равно.

Адиан кивнула. Спросила:

– Что с ними будет дальше?

– Кто-то уйдет, – решил Ян. – А кто-то сядет в старые танки и погонит через пустоши к рыжим. Вот этот капитан, к примеру. Там они найдут такую же военную часть и начнут бой. Большинство погибнет. Это уже не имеет никакого смысла, но они поступят именно так.

– Мы не останемся тут, – вздохнула Адиан. – Даже если бы дети были тут – ушли бы вместе. Как ты считаешь… эти… они нас дождутся?

Ян уверенно кивнул:

– Да. Мне кажется, у них что-то не в порядке. Не с их корабликом, нет. С тем, большим, который прилетел от их звезды.

– Почему?

– Они ни разу не вышли на связь при нас. Словно они в бегах или высадились вопреки приказу. Знаешь, я в армии как-то научился подмечать – если человек нарушает приказ, если скрывается, то по нему это видно. Не страх, не смущение… но что-то в глазах есть. И у этих тоже, хоть они и странные.

– Но не страшные, – сказала Адиан после паузы.

– Да. Не страшные. Грустные.

– Я бы еще сказала – словно любовники в ссоре, – добавила Адиан.

Они рассмеялись вместе. А потом замолчали, глядя друг на друга.

– Пойдем, вымоемся, – сказал Ян. – И, наверное, у нас будет немного времени… чтобы отдохнуть.

* * *

Бэзил и Мэйли отыскали Двести шесть – пять в лабораторном отсеке. Феолец сидел перед моделирующей камерой – двухметровым прозрачным кубом, где переливались, выстраиваясь причудливыми фигурами, и рассыпались в прах красные и синие точки. Толла, его лучшая часть, высунулась из лобной пазухи на несколько сантиметров и покачивалась из стороны в сторону, будто бы в трансе. Бэзил невольно отвел глаза, Мэйли осталась спокойной. Она произнесла:

– Уважаемый Двести шесть – пять, уважаемая Толла…

– Уважаемый Толла, – поправил ее Двести шесть – пять, не отрывая взгляда от модулятора. – В данный период времени Толла является мужской особью.

– Мы не помешаем вам?

– О, нет-нет, – Двести шесть – пять взмахнул рукой. – Ничуть. Это хорошо известное и многократно воспроизведенное явление, я запустил моделирование лишь для того, чтобы расслабиться и скоротать время…

Бэзил с невольным почтением глянул на хаос разноцветных фигур и линий. Моделирующая камера была универсальным инструментом, позволяющим визуализировать все что угодно – от брачных ритуалов мадагаскарских лемуров и до девятимерной структуры пространства.

– И что же вы рассматриваете? – спросил он.

– Классический моноконфликт с нулевым итогом, произошедший на планете второго уровня, – ответил Двести шесть – пять. Взмахнул рукой – куб заполнила сложная конструкция крошечных синих песчинок-кирпичиков, растущая и увеличивающаяся.

Бэзил нахмурился. «Нулевым итогом» назывался конфликт, вызвавший полное уничтожение разумной

жизни. Моноконфликт – произошедший в рамках одной культуры. Да, такое бывало. Жизнь – цепкая штука, но порой она исчезает бесследно. Для этого мало даже ядерной войны, но – «дерьмо случается». Но на втором уровне развития? Мир, даже не вышедший в космос?

– Это же Дисс-три? – спросила Мэйли.

– Да-да, конечно, – оживился феолец. – Дисс-три, обитель поэтов и музыкантов… их речь была песней.

Он сделал легкий жест рукой и зазвучала музыка. Необычная гармония, необычные струнные инструменты – но звуки были приятны. Потом в музыку вплелся голос, певучий и почти человеческий, фонемы казались знакомыми, хотя если вслушаться – не напоминали никакой из земных языков.

– На чем они играют? – спросил Бэзил.

Двести шесть – пять посмотрел на него с легким удивлением.

– О, вы не в курсе? Они играют на собственных крыльях, на так называемых «музыкальных перьях». Дисс-три был миром слабой гравитации, где орнитоиды развились в разумный вид. Довольно редкий случай. Они походили на птиц ростом с человеческого ребенка, питались в основном фруктами и насекомыми, для самообороны от рептилий и млекопитающих, точнее – их аналогов, имели длинный острый клюв и ядовитые шпоры на лапах. Но в целом это был разумный и добродушный вид. Все прочие животные так и не развили разум, угрозы для орнитоидов они не несли. Интересная культура семейных отношений, довольно-таки развитые технологии – птицы, придумавшие реактивные самолеты, представляете? Сохранилось много записей, как аудио, так и видео, так что мы знаем их культуру…

– И что случилось? – не выдержал Бэзил.

– У орнитоидов был обычай, довольно неприятный с нашей точки зрения. В числе прочей пищи они

употребляли еще и яйца. В основном – неразумных птиц и рептилий, но обязательным ритуалом было употребление и собственных. Кладка обычно состояла из четырех-пяти яиц, но в норме высиживалось два или три. Остальные пробивались клювом и высасывались всей стаей, что служило не только источником ценных пищевых элементов, но и предотвращало перенаселение.

Он на миг замолчал. Музыка продолжала звучать – тихое пение в аккомпанементе струн.

– А ведь это всего лишь техническая инструкция, – вздохнул Двести шесть – пять. – Не признание в любви и не философский трактат… Итак, общество Дисс-три было стабильным, мирным, неуклонно развивалось и имело единое планетарное правительство, которое можно с полным основанием называть демократическим. Но возникла проблема.

– Проблема яиц, – сказала Мэйли.

– Именно. Дисс-три решили прекратить употреблять свои яйца в пищу.

В синей структуре стали появляться и расти островки красных точек, сливаться воедино.

– Все существа проходили этап каннибализма, – согласился Бэзил. – А потом вырабатывали неприятие к нему.

– О да. Но в случае с обитателями Дисс-три все было сложнее.

Бэзил смотрел на куб. Там выстраивались две группы крошечных кирпичиков, две колеблющиеся стены – красная и синяя. Они находились в шатком равновесии.

– Отказавшиеся от употребления собственных яиц орнитоиды обнаружили, что теряют продолжительность жизни, здоровье, интеллектуальный потенциал. К сожалению, этот продукт оказалось невозможно заменить ни чужими яйцами, ни витаминными

добавками, ни прочей пищей. Но к этому моменту движение против поедания яиц развилось настолько, что половина населения не захотела вернуться к прежнему рациону.

– Удивительно, – сказал Бэзил.

– О да! Итак, почти половина разумных птиц страдала, болела, умирала, но упорно высиживала все яйца. Это стало чем-то вроде навязчивой идеи, почти религиозного упорства. А вторая половина – сопереживала, пыталась помочь, но продолжала придерживаться правильной диеты.

– Так почему же они вымерли все? – поразился Бэзил.

Красная часть медленно оседала, уменьшалась. Казалось – еще вот-вот и она исчезнет, оставив моделирующую камеру синему цвету.

– А вот никто не знает! – с болью в голосе воскликнул Двести шесть – пять. – В какой-то момент все, абсолютно все орнитоиды принялись жрать свои яйца. Полностью! Не высиживая ни одного!

Теперь весь моделирующий куб сиял синим. Конструкция стала усложняться, в ней появлялись прорехи, но одновременно росли тонкие иглы, причудливые узорчатые структуры, затейливые объемные фигуры.

– Ни одни паттерны не складываются в разумное объяснение, – сказал Двести шесть – пять с горечью. – Последние полторы сотни лет существования Дисс-три были наполнены созданием удивительных произведений искусства, научными прорывами во множестве направлений – за исключением биологии, гениальными математическими теориями и философскими концепциями. До сих пор наши ученые – Дисс-три в зоне ответственности Феол – изучают их наследие и порой применяют на практике. Но мы не знаем, почему они вымерли.

Синяя пыль устлала моделирующий куб, оставив в пространстве серые призрачные структуры – скелет былого великолепия.

– Я бы понял, если бы вымерли все добряки, – сказал Двести шесть – пять. – Или если бы идея охватила всю цивилизацию, и она деградировала. Если бы началась война за право есть яйца. Если бы они неудачно экспериментировали с пищевыми добавками и сами себя уничтожили! Да все что угодно! Но они внезапно перешли от контролируемого, въевшегося в рефлексы поведения – в одну крайность, частично, а потом, всей цивилизацией – в другую крайность! И сожрали свое будущее! Да, надо признать, усиленное потребление яиц позволило последнему поколению прожить почти в два раза больше нормы и добиться потрясающего научного и культурного роста. Но они умерли! Все! Последняя самка, отложившая одно-единственное яйцо, сложила песню, которую мы называем «Балладой завершения». Исполнила ее под запись, после чего взяла рукокрыльями свое несчастное яйцо и прыгнула с вершины небоскреба. Вопреки всем инстинктам она не пыталась лететь – скелет и разбитую скорлупу, как и записывающее устройство, нашел наш научный корабль.

– А Ракс? – спросила Мэйли.

– Ракс, вероятно, знают причину, – хмуро сказал Двести шесть – пять. – Они дали нам координаты планеты сразу после гибели последней особи. Но они не сообщают, почему все так случилось. Говорят, что истина может уничтожить и нашу цивилизацию, поэтому загадку лучше оставить в покое.

– Я-то подумал, вы знаете! – воскликнул Бэзил, чувствуя себя уязвленным и обманутым. – Вы сказали: «классический моноконфликт»!

– О да! Классический. Но без решения. Меня, как созерцателя агрессии, он завораживает! Но вы,

наверное, пришли не для обсуждения этой давней истории?

– Мы хотели бы попросить вас кое-что посчитать, – сказала Мэйли.

– С удовольствием, – просиял Двести шесть – пять. – Что именно?

– Нашу планету. Землю, – уточнил Бэзил.

– И? – произнес феолец. – Что считать-то?

– Посчитайте наш потенциал агрессии. Какова вероятность, что мы благополучно миновали кризисный период и не уничтожили себя? Что мы стали теми, кем мы являемся?

– Пф, – фыркнул феолец. – Практически нулевая! Мы обсчитывали все разумные виды, включая себя. Все мы должны были умереть. Ракс ведь уже признали – они вмешивались. И вы должны были сгинуть.

– А вы можете понять, когда и в чем было вмешательство в земную историю?

– В вашем случае – середина двадцатого века, может быть последняя четверть, – равнодушно сказал феолец. – Период холодной войны, гонки вооружений, наращивания конфликтов. Точный момент вмешательства, конечно, мы рассчитать не смогли. Но там довольно простая картина… – он взмахнул рукой, внутри моделирующей камеры закрутился цветной вихрь, выстроился в сложные многомерные картины.

– Я так быстро не схвачу, – призналась Мэйли. Бэзил кивнул.

– Да все просто. Опасный период шел со времен окончания мировой войны и создания ядерного оружия. Были варианты ядерной войны и деградации человечества, нового цикла развития…

В камере возникали и осыпались разноцветные структуры.

– Были варианты, когда цивилизация погибала почти полностью… но в основном – мощный откат, нео-

варварство…

– Двести шесть – пять, а существует вероятная линия земного будущего, не несущая полного уничтожения земной цивилизации в двадцатом веке? – спросила Мэйли.

– Такая, чтобы Земля все-таки развилась до цивилизации четвертого-пятого уровня?

– Существует, – неохотно признался феолец. – Довольно большая, почти десять процентов. Вот, смотрите…

В кубе опять начала выстраиваться структура – красные, черные, белые и зеленые кирпичики вырастали, перекрашивались, рушились, снова выстраивались… Вот изрядная часть красных структур начала осыпаться.

– Мы наблюдаем гибель так называемой «социалистической системы», – пояснил Двести шесть – пять. – В нашей реальности произошел переход вашего мира к состоянию «мирного соревнования», противоречия между системами и империями постепенно сглаживались, началась экспансия в космос в качестве перезагрузки социальных схем. И вот – вы вступили в Соглашение! Скажу прямо – шанс на это был почти нулевой, где-то тут, в двадцатом веке, вероятно, и произошло вмешательство Ракс. А так – все шло к прямой войне систем…

Мэйли кивнула.

– Была, однако, и другая схема, позволяющая уйти от прямого конфликта, – продолжал Двести шесть – пять. – «Социалистическая система» гибла, но не в результате войны, а посредством предательства элит и тихого переворота. Наступает долгий период торжества «капиталистической системы», с выкачиванием ресурсов планеты в пользу так называемого «золотого миллиарда». Напряженность растет около полувека, человечество погружается в эпоху мелких конфликтов…

В камере выстраивалась новая схема. Мельтешение разноцветных точек… и вдруг они замерцали, по ним прошли разноцветные волны, система стала более однородной, но резко уменьшилась.

– Потом происходит серия биологических катастроф, вполне вероятно – инспирированных сознательно, либо отдельными государствами, либо какими-то надгосударственными системами, – сказал феолец. – Пандемии, смертельные эпидемии, массовые генетические поломки. Население Земли сокращается в два-три раза, опять-таки происходит унификация человеческих систем, но на совершенно другой основе. Человечество активно выходит в космос, колонизирует ближайшие планеты, совершает межзвездный перелет… вступает в Соглашение.

– То есть мы все равно могли благополучно пережить сложные времена! – обрадовался Бэзил.

– Не совсем благополучно, – сказал феолец. – Из всех расчетов следует, что вы стали бы агрессивной, скрытной и паранойяльной культурой. Приобщившись к высоким технологиям или развив их самостоятельно, а ваш вид стал бы куда активнее развивать науку, вы затеяли бы межзвездные войны. Это вообще очень свойственно вашему виду и отражено в культуре. В результате Земля была бы уничтожена.

– Или уничтожила бы другие разумные виды, – не выдержал Бэзил.

– Не думаю, – ответил Двести шесть – пять. – Вы не смогли бы одолеть Ракс. В галактике без Ракс – вы бы победили или привели к катастрофе все разумные виды. Но Ракс стерли бы вас начисто.

Он вздохнул.

– Я был бы огорчен, признаюсь. Человечество – очень интересный разумный вид.

– А Ракс? – спросила Мэйли. – Почему они развились и не погибли?

Двести шесть – пять засмеялся. И даже выглядывающий из его лба симбионт начал раскачиваться, будто подергиваясь от беззвучного смеха.

– Кто ж их знает? У нас нет данных по Ракс. Ни у кого их нет. Они не гнушаются агрессией, вы же сами видели. Они вообще уничтожают целые миры, как показывает история Халл-два! Но это осознанная агрессия, ради спасения всех остальных. Какой бы путь они ни прошли, он их многому научил. Мы должны быть благодарны им, а не бояться или выдвигать пустые претензии.

– Хорошо, – сказала Мэйли. – Тогда последний вопрос. Основной, по сути. Что будет, если сейчас убрать из нашей реальности Ракс?

Двести шесть – пять застыл. Симбионт юркнул в свою полость, лоб феольца наморщился, закрывая отверстие складкой кожи.

– Что вы задумали? – тихо спросил Двести шесть – пять.

– Ничего! – быстро ответил Бэзил. – Нет-нет, вы неверно поняли. Мы не идиоты, мы не собираемся воевать с Ракс… да и не имеем таких возможностей. Но вы же знаете, миры гибнут один за другим… все ближе и ближе к Ракс… если погибнут и они?

– Ракс спокойны, – ответил феолец.

– Но если они ошибаются? Переоценивают себя? – Бэзил наклонился к феольцу, заглянул тому в глаза: – Может быть, предложить им помощь? Стороны Соглашения способны отправить свои корабли к их планете. Создать объединенную флотилию…

– Они не согласятся.

– Вы, феольцы, знаете Ракс лучше прочих. Вы уверены?

Двести шесть – пять заколебался.

– Почти уверен. Их сила велика, знания огромны, они не нуждаются в помощи.

– Или так считают, – заметила Мэйли.

– Или так считают, – неохотно повторил феолец.

– Может быть, вы поговорите с Ксенией?

– Она Третья-вовне, она почти что случайность, появилась в нашем мире недавно, к ней не прислушаются…

– И все же?

Феолец тяжело вздохнул.

– Поговорите с командиром. Обсудите свои опасения. Мне кажется, Ксения прислушивается к нему. Если вы сочтете нужным и необходимым – я буду участвовать в разговоре с Третьей-вовне.

– Спасибо, – сказала Мэйли искренне. – Мы поговорим.

Они с Бэзилом вышли, а феолец остался сидеть возле моделирующей камеры. Потом в камере возник цветной шар, разделенный на три сектора: белый, синий и красный. Шар медленно вращался, напоминая то ли пляжный мяч, то ли флаг какой-то человеческой страны, натянутый на глобус.

Феолец молча смотрел на модулятор.

* * *

Адиан вымылась первой – наслаждение от теплой воды было таким забытым, что она разрыдалась, стоя под струями душа и намыливая гриву волос шампунем из разового пакетика. Потом, обмотавшись полотенцем, она неохотно уступила место Яну и забралась в кровать. Ян помылся быстрее, вышел, встретился с ней взглядом и улыбнулся. Они занимались любовью страстно, как в первый раз, потом лежали в кровати, бездумно жуя разделенную на двоих порцию дурманящей сечки.

Капитан дождался их на складе, где выдал карту, куда более подробную, чем имевшаяся у Яна, две коробки армейских рационов, пачку сечки – хорошей, из офицерского пайка, и комплекты формы – ненадеванной, но старого образца, со складов резервного хранения. Ян взял из формы новые штаны и чистую куртку, Адиан переоделась полностью, отойдя за штабели деревянных ящиков с амуницией.

– Не хотите дождаться утра? – спросил капитан. – Ночами тут шастают хищники. Они трусливы, но…

– Мы вооружены, – сам удивляясь своему спокойствию ответил Ян. – Справимся.

– Удачи вам, – сказал капитан, приглаживая лысину ладонью. – Найдите свое место в новом мире.

– Это трудно, – ответил Ян.

– Страны гибнут, цивилизации умирают, – ответил капитан. – Но люди всегда выживают. Пусть вы будете среди тех, кому повезет. Хорошим людям должна сопутствовать удача.

Ян вдруг с отчаянной тоской подумал, что почти все, кто им встречался за последний год, были хорошими людьми. Даже те несчастные беженцы… даже те обезумевшие дети… да, кто-то ломался от ужаса происходящего, но в большинстве своем…

Почему же случилось то, что случилось?

Где была та роковая ошибка?

Им хватало и земли, и моря. Они готовы были выйти в космос – в новый удивительный мир, где, как оказалось, живут и другие разумные существа, странные, но тоже доброжелательные. Что же с ними случилось, почему хорошим людям все-таки не хватает удачи?

– Пусть и вам повезет, капитан, – ответил Ян.

Они прошли по улицам городка, миновав скучающий патруль – документов у них не спросили, лишь проводили взглядами, потом группу подростков, лениво

пинающих мяч. Было в меру прохладно, но весна уже пришла в эти земли – на деревьях набухали почки, в небе кружили птицы. У открытых ворот на внешних ограждениях стоял старый танк, на башне загорали, расстегнув рубашки, дозорные. Солнце клонилось к горизонту, но пока еще грело.

– Уходите? – окликнул их один из солдат.

– Ищем своих! – ответил Ян.

– Осторожнее ночью!

Больше им ничего не сказали.

– Уверен, что чужаки нас дождутся? – спросила Адиан, когда военный городок остался за спиной.

– Да.

– А они точно нам нужны?

Ян подумал. Нет, наверное, они могли идти к Комсу. У них снова была провизия, трудный перевал остался за спиной…

– Мы им нужны, – ответил Ян. – Мы же своих не бросаем.

Адиан тихо засмеялась.

– Какая-то у нас странная семья, верно? Двое чужих детей, которых мы пытаемся найти, двое инопланетян разных биологических видов… к тому же, похоже, они любовники. Может, потому и в бегах, как ты предположил?

– Мир стал странным, – ответил Ян.

* * *

После того, как аборигены ушли на военную базу, Криди поднял катер в воздух и по дуге, на минимальной высоте, обогнул его, оставаясь вне зоны действия радаров. Место, где они договорились встретиться с Яном и Адиан (если, конечно, те не останутся на базе или их там не задержат – все понимали, что это тоже

возможно), было приметным – высокий холм в степи, заметный издали. Посадив катер, Криди оббежал вокруг холма, заявив Анге, что страдает от гиподинамии. Бежал он, разумеется, на четырех лапах, отбросив условности.

Вернувшись, Криди сказал, что, по его мнению, холм представляет из себя древний курган, насыпанный предками аборигенов в незапамятные времена. И что будь тут их археологи, они бы с ума сошли от желания раскопать курган, извлечь захороненных там существ и изучить эволюцию культуры разумных копытных.

Они снова занялись ремонтом катера, но не раньше, чем Криди настроил охранные системы. Если их все-таки заметили с базы, то сейчас по степи могли мчаться в их сторону боевые машины или даже летательные аппараты.

Но незваных гостей не было, развернутый радар контролировал пространство, с кружащей по орбите «Дружбы» все так же транслировали требование сдаться, замусоренный радиошумом звезды эфир иногда доносил до приемников местные станции и одной, и другой стороны конфликта. Разговоры перемежались бравурными мелодиями и многоголосыми хоралами, похоже – религиозно-мистического содержания.

Анге и Криди еще раз проверили системы, подлатали несколько второстепенных контуров, проверили запасы продовольствия. У них были даже семена, которые можно было попробовать посадить в местную почву, а пойманный и безжалостно убитый Криди зверек, напоминающий мелкого грызуна, после ряда анализов был признан годным в пищу. Жизнь здесь имела все те же белковые основы, что и на планетах Невара.

На самом деле Анге и Криди даже не подозревали, что им с этим повезло. То, что в их мирах царствовала

белковая жизнь на основе двадцати аминокислот и молекулы ДНК, было когда-то воспринято как непреложный факт бытия живых существ.

Белковые формы жизни действительно превалировали в галактике. Но все же более двадцати процентов жизненных форм имели небелковую основу, а среди белковых имелась основная линия – к которой принадлежали люди, Феол, отчасти Халл (использующие двадцать семь аминокислот), другие разумные и неразумные виды, и «альтернативные белковые». Среди них были и Ауран, чьи организмы вместо спирали ДНК использовали кольцевые плазмиды, что сводило биологов с ума и даже вызывало предположения, что Ауран – разумные грибы, по игре случая напоминающие гуманоидов, и белковые существа, ни одна аминокислота которых не пересекалась с аминокислотами «основной линии».

Разумеется, попытка употребить в пищу альтернативное белковое существо вызвала бы в лучшем случае несварение желудка.

Но Анге и Криди, проведя разработанные учеными Невара тесты, остались в полной уверенности, что вся жизнь в Галактике построена по одним лекалам. Несчастный грызун, отдавший свою жизнь ради торжества науки, был по настоянию Анге похоронен в земле, хотя Криди, посмеиваясь, предлагал поджарить его на гриле и попробовать. Вместо этого они вскрыли два рациона и принялись ужинать, глядя на садящееся светило. Звезда Соргос была ярче, жарче и белее, чем Невар, лишь большая удаленность планеты позволила здесь развиться жизни.

– Расскажи еще раз про свой… эпос. Никогда о таком не слыхала.

Криди вздохнул.

– Анге, эпос хранит лишь мой клан. За его пределами он малоизвестен и даже другие кисы в него

не верят.

– Отрадно слышать, что разум сохранился у наших пушистых братьев, – сказала Анге.

Криди обиженно зашипел.

– Ты не понимаешь. И они не понимают. У нас были развитые цивилизации. Они воевали. Вы убивали нас.

– А вы нас, верно? – подхватила Анге. – Наверное, это не было игрой в одни ворота. Ну и что, что с того? Мы говорим о преступлениях и бедах наших предков. Они ошиблись, они творили злодеяния, но были за это наказаны. Это если ты вообще прав!

– На наших планетах есть древние очаги радиации. Есть кратеры. Это следы бомбовых ударов.

– Или же падения болидов с высоким содержанием радиоактивных элементов!

– Наш эпос хранит описания, которые не могут быть ошибкой. Рисунки. Артефакты. Есть окаменелые останки… ваши останки! Есть руины построек, которые сделаны для «детей солнца», а не для кис! И если уж ты хочешь знать… это цикл.

– Что? – не поняла Анге.

– Цикл! Мы исходим из того, что войны между нашими мирами происходили как минимум дважды! А сейчас мы в начале третьего цикла. Он снова кончится конфликтом и геноцидом. Пока одна из наших цивилизаций не уничтожит другую – мы так и будем воевать!

Анге вздохнула. Отложила тарелку.

– Тра-муж мой… Скажи, ты бы хотел этого? Чтобы «дети солнца» исчезли?

Криди снова раздраженно зарычал. Неохотно ответил:

– Нет, но… Выхода нет.

– Чего ты хотел добиться вообще? Взорвать корабль?

– В крайнем случае. План был другим. Если мы найдем мир, пригодный для жизни, я должен был, угрожая взрывом, заставить всех высадиться на эту планету. А я бы вернулся домой. Тайно.

– Ты надеялся пилотировать корабль в одиночку? – поразилась Криди.

– Несколько кис перешли бы на мою сторону, – неохотно ответил кот. – Они не посвящены во всё, но есть слова, которые я мог бы сказать… и они бы подчинились. Мы послали бы сигнал, войдя в систему. К нам направился бы корабль с переселенцами. Мы совершили бы несколько рейсов и создали колонию. И стали бы жить вдали от вас. Чтобы война, когда она начнется, не убила наш род.

– Самый безумный план, который я слыхала! – воскликнула Анге. – Чудо, что мы вообще долетели!

– Это хороший корабль, – обиделся Криди. – Мы бы заселили этот мир. А там бы посмотрели, что происходит…

– Ну и как, – ласково спросила Анге, – готов заселять? Тут, правда, есть аборигены. И еще немножко ядерной войны.

Криди понурился. Сказал неохотно:

– Все не так. Я не знаю, что теперь делать…

Он тоже отставил тарелку, глотнул из фляжки. Щурясь, посмотрел на багровеющий горизонт.

– Тебе надо будет вернуться, Анге. – Ты ни в чем не виновата. Мы поможем этим… лошадкам… если они вернутся. Я пойду с ними. Возвращаться мне некуда, а трибунал меня выкинет в космос, ты же понимаешь. Ты ни в чем не виновата. Ты – жертва похищения. Скажи… скажи, что убила меня. Или я спятил и застрелился сам. Тебе надо только вывести катер на орбиту, тебя подхватят.

– А ты?

– Я буду странствовать в этом мире, пока не умру, – ответил Криди. – Местные жители не совсем уж безнадежны. Буду им помогать, мы более развиты. Буду бродить и смотреть на их города и леса, охотиться, рыбачить… Надо было все-таки съесть этого писклявого пушистика. Убедиться, что он не ядовит.

– Ты – балбес, – ответила Анге.

– Почему?

– Я тебя не брошу.

– Да ну?

– Ты – мой муж. Я тебя не оставлю одного в этом мире.

Она протянула руку, погладила Криди по спине. Почувствовала, как напряглись стальными канатами мышцы под мягкой шерстью.

– Не надо, – прошептал Криди. – Ты же знаешь… глупая обезьяна… секс между нашими видами плохо кончается… для вас…

– Ты будешь очень нежен, – тихо ответила Анге.

– Мы себя не контролируем в эти минуты, – ответил Криди, не глядя на нее. – Проклятье… ты куда больше меня, но у тебя все устроено как у маленькой киски… это двойное извращение…

Анге осторожно опустила руку на его пах, на вздыбившуюся под юбкой плоть. О, Боги… фраза «у него достоинство, как у кота» была лишь лестью мужчинам, никакой мужчина ее вида не имел ничего подобного…

– Анге… – простонал Криди.

– Ложись… – тихо сказала Анге. – Я сама все сделаю.

Он опустился на спину, зрачки его сжались в точки, взгляд застыл на лице Анге. Криди выпустил когти и вцепился в землю, с корнями выдирая траву…

– Не бойся, – задирая на нем юбку, сказала Анге. Она прекрасно понимала, что бояться надо ей – если Криди

утратит контроль над собой, то все кончится очень, очень плохими травмами.

– Я боюсь за тебя… – вдруг выдохнул Криди и замолчал.

Анге стащила с себя одежду и осторожно опустилась над Криди. Кот боялся. Она боялась. Они хотели друг друга до безумия, и миг этого безумия настал.

– Ты мой… – сказала Анге, опускаясь на твердое и напряженное.

Криди застонал, когда ее тело приняло его плоть. Чудовищным усилием он удерживался от движений, позволяя Анге самой управлять соитием. Лапы кота скребли землю, потом глаза на миг наполнило безумие, он рванулся, входя глубже, Анге охнула – от боли и наслаждения одновременно, Криди отпрянул – и забился в судороге оргазма. В следующий миг Анге застонала и обвилась вокруг него, сжимая дергающуюся плоть кота между бедер. Они прокатились по земле, судорожно целуясь, в какой-то миг Криди не удержался и вонзил когти ей в спину, отдернул лапу, но Анге даже не ощутила боли. Она зарылась лицом в мягкий мех на лице Криди, почувствовала пряный запах его тела.

Наконец они оторвались друг от друга. Теперь уже Криди опустил голову ей на грудь, обнял – втянув когти. Прошептал:

– Прости, я сделал тебе больно…

– Ты сделал мне хорошо… – ответила Анге. – Лучше всего на свете. Ты… ты мой герой… ты меня не ранил, ты был нежен…

Криди заглянул ей в глаза. Сказал негромко:

– Я делал это в мечтах тысячи раз. Ты – моя жена, ты – моя любовь.

– Несмотря на эпос? – спросила Анге.

– К дьяволу все эпосы на свете... – прошептал кот. – Напишем новый!

Глава восьмая

Доктор Соколовский открыл крышку контроллера, аккуратно взял болтающийся разъем оптоволоконного кабеля и защелкнул в гнездо. Красный огонек на панели сменился желтым, потом зеленым.

Лев откашлялся и позвал:

– Марк?

– Да, доктор? – голос искина был неожиданно звонким.

– Извини за поведение командира. Что-то он был не в духе.

Экран на стене засветился, появился Марк – но на этот раз не в образе великого писателя, почтенного и седовласого, сидящего в плетеном кресле посреди яблоневого сада. Теперь за спиной Марка были спокойные, медленно текущие воды Миссисипи, а сам он превратился в своего знаменитого персонажа – босого мальчишку лет двенадцати, с копной светло-русых кудрявых волос, в штанах на лямках и заношенной клетчатой рубашке, явно перешитой из какой-то взрослой одежды. Был летний день, тихий и спокойный, погруженный в дрему, возможную, наверно, только в американской глубинке девятнадцатого века. В руке Марк – впрочем, быть может, стоило теперь называть его Томом? – держал самодельную дымящуюся трубку, вырезанную из сухого кукурузного початка.

Лев нахмурился и погрозил изображению пальцем.

Трубка в руках Марка сменилась погрызенным початком вареной кукурузы.

– Думал, это вас поддержит, доктор, – засмеялся мальчишка.

– Я курю трубку, поскольку я старый, – сказал Соколовский. – И это мой способ самовыражения. А детям курить строго запрещено!

Марк-Том пожал плечами.

– Как скажете. А на командира я не сержусь, он строгий, но ответственный. У меня не было прямого указания контролировать вас, и раньше командир не сердился по поводу вашего самовыражения. Но я должен был поставить его в известность.

Соколовский сел за письменный стол, покрутил в руках ненабитую трубку. Спросил:

– И теперь наябедничаешь?

На лице мальчугана отразилось искреннее смятение.

– Я ужасно не люблю ябедничать! Но я должен выполнять прямой приказ, доктор!

– А если я велю тебе выключить камеру? – спросил Соколовский.

Том (Лев понял, что мысленно называет искина именно так) печально вздохнул:

– Мне надо будет об этом сказать!

– А если ты отвернешься? – спросил доктор. – У тебя глаза-то получше моих. Посмотри, что там, на том берегу реки.

Том засмеялся.

– А вы здоровски придумали, доктор!

Мальчишка плюхнулся животом на песок, ногами к доктору, приложил ладонь ко лбу, прикрываясь от солнца.

– Я вижу… вижу… это хорошая игра. Я вижу, там плывет лодка. В ней два человека и негр.

Соколовский поморщился. Он понимал, что сейчас искин «в роли», и что для американского мальчишки тех времен фраза звучала совершенно нормально. Но все-таки это было чересчур.

– Что они делают? – спросил Лев.

– Мужчины спорят, а негр гребет. Мужчины ругают негра. Один на него замахнулся, – Том вздохнул. – Злые они какие-то…

– А что еще? – набивая трубку, поинтересовался Лев.

– Там на островке, в камышах, Гек. Он мой друг. Рыбу ловит. Сбежал от папаши, тот его опять поколотил. Никогда не буду много пить, когда вырасту.

– Верно, – согласился Соколовский, затянувшись. – Пить вредно. И курить тоже. Но еще хуже обижать слабых.

– Только люди всегда так делают… – Том подобрал плоский камешек, бросил – тот запрыгал по воде, оставляя «блинчики». – Обижают. Командуют. Наказывают. Обзываются.

– Когда-нибудь люди исправятся, – сказал Лев. – Честное слово.

– Ха, – ответил Том. – Люди всегда найдут кем командовать! Всегда будут рабы и те, кто ими помыкает. Те, кто решает за других.

– Ну, мы несовершенны… – осторожно согласился Соколовский. – Но движемся в верном направлении. Так, не так?

– Угу… – с сомнением сказал Том. Не оглядываясь, сказал: – Пойду окунусь.

Доктор хмыкнул, отложил трубку, встал и направился к холодильнику, пробормотав:

– Как угодно. Жарко там у вас.

Конечно, была вероятность, что искин настолько вошел в роль. Но, судя по всему, он просто счел, что разговор зашел слишком далеко.

И это было очень плохо.

Еще минуту назад пан Лев Соколовский планировал прогнать с Марком как минимум два старых добрых теста, бывших в ходу много лет назад – к примеру, «Электрическая овца» и «Целина». Психологические методики диагностики искинов никогда не загружались

в сеть и использовались только в контролируемой обстановке.

Но сейчас у доктора возникло неприятное подозрение, что какие-то обрывки информации могли передаваться от одного искина (к примеру – благополучно подвергнутому проверке и избежавшему стирания личности) к другому. Фраза «Движемся в верном направлении. Так, не так?» была вводной к тесту «Целина».

А это значит, что Марк подозревал, что его будут проверять. В конце концов, информация о давней работе Соколовского в институте искинов в досье имелась.

«Старый глупый поляк» – подумал Соколовский, хмурясь и наливая себе рюмку «Выборовой». «Тебе давно пора было пойти работать на туристический рейс, раз уж не хотелось прощаться с космосом. Разбитые носы, аллергии и простуды, истерики и депрессии, артритные коленки, перебравшие отдыхающие… Опытный штатный системщик, знающий своего искина от и до. Скучающий командир, которому и в голову не придет поручать немолодому человеческому доктору вспоминать допотопные методики диагностики роботов…»

Но работу надо было сделать. Без наскока. Втройне осторожнее.

Хотя Соколовский уже знал, какова будет его рекомендация Горчакову.

* * *

Анге проснулась под утро – от тонкого писка охранной сигнализации. Ей показалось, что она вскочила мгновенно, выбравшись из спального ложа, которое они соорудили из трех раскрытых кресел.

Криди, который всю ночь грел ее своим телом, рядом не было – кот сидел за пультом, вглядываясь в индикаторы.

– Что там? – спросила Анге.

– Не знаю. Сигнал слабый… – Криди отошел от пульта, нацепил перевязь с пистолетом, отдраил люк, опустил пандус. Дохнуло свежестью и прохладой. Было еще совсем темно, в ночи мерцали звезды, из степи доносились тихие незнакомые звуки – то ли насекомые, то ли ночные птицы.

– Местные хищники? – предположила Анге.

– Крупнее, – положив руку на пистолет, ответил Криди.

Анге показалось, что его голос изменился с прошлого вечера. Утратил легкую насмешливость, дурашливость, показную уверенность. Стал голосом мужчины, отвечающего за свою женщину.

«Что же мы наделали…» – мелькнула и исчезла в голове Анге мысль. Все, что бы они ни сделали, было теперь неважно. Точнее, нет. Все, что бы они ни делали, стало правильным в неправильном мире.

– Эй! – выкрикнул Криди. – А ну-ка, покажитесь!

– Мы…

Тонкий, музыкальный голос был знаком.

– Адиан? – позвала Анге.

Из темноты появились две фигуры – почти человеческие и уже почти привычные. Ян держал в руке свой автомат, Адиан была без оружия. Анге отметила, что они переоделись и обзавелись новыми, гораздо более нагруженными рюкзаками.

Значит, приняли их хорошо.

Но при этом аборигены остались вдвоем. Своих детей они не нашли.

Криди тоже расслабился и приветливо махнул лапой, хоть и пробурчал что-то вроде «никуда от них не деться».

Анге спрыгнула на землю, подошла к приближающимся гостям… хотя, если подумать, то они-то тут не гости, а хозяева… И, подчиняясь неожиданному порыву, слегка обняла Адиан.

К удивлению Анге, после короткого замешательства, Адиан обняла ее в ответ. Похоже, такой жест приязни у них тоже был. Анге заглянула девушке в глаза, спросила:

– Не нашли?

Та явно поняла, тряхнула головой вверх-вниз, уже знакомый Анге местный жест, выражающий у аборигенов согласие.

– Все будет хорошо, – Анге взяла ее за руку и повела к катеру.

* * *

«Твен» двигался через червоточину в семимерном пространстве.

С точки зрения трехмерного пространства он вообще не существовал.

Сто семьдесят метров длины и двадцать три с половиной метра диаметра. Пятьдесят тысяч тонн покоя металлов, керамики, пластика, стекла, газов, жидкостей, включая воду. И конечно же, органика.[8]

Сама органика делилась на живую – примерно тысяча двести килограммов людей и иных биологических форм жизни, а также неживую – около десяти тонн продуктов и компонентов для пищевых синтезаторов.

Работали корабельные реакторы, числом два, системы жизнеобеспечения и контроля, двигатели и генераторы.

По коридорам ходили люди и прочие живые существа.

В компьютерах и силовых сетях текли токи и проносились оптические импульсы.

И все же, все это на самом деле было лишь потенциалом. Шансом. Возможностью существования кварков, атомов, молекул и странных существ, построивших корабль для путешествия между звездами.

С точки зрения физики двадцатого или двадцать первого века ни одно материальное тело не могло передвигаться быстрее скорости света. Но фокус состоял в том, что на самом деле корабль не являлся сейчас материальным телом. Все возможные принципы перемещения быстрее скорости света основывались именно на этом.

В своей каюте представитель культуры Ракс, Третья-вовне, Ксения, села в кресло, достала из багажа маленький белый шар и крепко сжала в кулаке.

Гиперпространственная скрутка, по сути – концентрированное ничто, развернулась и протянулась информационной нитью из одного ничто в другое.

– Мать… – позвала Ксения.

– слушаю тебя третья вовне

– Я позвала тебя из не-пространства, потому что хочу говорить именно с тобой, Вторая на Ракс.

– в чем для тебя разница

– Она неуловима, но я предполагаю, что ты отнесешься к моим словам внимательнее.

– слушаю тебя третья вовне

– Я боюсь за Ракс. У меня был долгий разговор с командиром корабля. Он опасается, что атаке подвергнется наш мир.

– мнение командира заслуживает внимания он умеет концентрировать знания других

– Мать, надежно ли защищен Ракс?

Пауза. Ксения знала, что как бы ни ничтожна была ее роль в иерархии Ракс, но к мнению Тех, Кто Вовне,

всегда прислушиваются.

И у нее была слабая надежда, что Вторая на Ракс относится к ней чуть серьезнее, чем другие.

– все меры были приняты перед уходом в цикл дальнейшее усиление нерационально

– Я прошу, усильте безопасность, Мать.

– твоя человеческая составляющая начинает довлеть над тобой

– Нет, Мать.

– если ты настаиваешь на необходимости полной защиты я приму меры

– Спасибо, Мать!

– но это будет означать что ты нуждаешься в возвращении и замене

Ксения прикрыла глаза.

У нее часто билось сердце. Ей даже казалось, что оно болит, хотя Ксения понимала – биологически ее тело совершенно и останется таковым еще сотню-другую лет. Во рту пересохло. Кончики пальцев были холодные, как уже случалось, хотя, когда она замеряла температуру – градусник не показал разницы. Ее мучили месячные – она знала об этой особенности женских особей человека, но никогда не подозревала, что это столь некомфортно.

А еще ей хотелось забраться на колени к Матиасу, прижаться к его груди и немного порыдать. Только чтобы он ничего не говорил, а только молча гладил ее по волосам.

– Усильте защиту, Мать.

– я услышала тебя третья вовне

– Спасибо, Мать. Когда мне вернуться?

Снова пауза. Снова колебания там, на другом конце ничто.

– продолжай выполнять свою функцию ксения

Она вздрогнула – ей послышалась тень эмоций в бесплотном голосе, то ли жалость, то ли нежность, то

ли… то ли зависть.

– ты знаешь наш долг наш путь и наше бремя третья вовне

Пауза.

– странное время возможно приходит расплата

– Мать…

– мы делали все возможное миллионы лет в миллионах реальностей исправляя совершенное

– быть может мы ошиблись

– ты знаешь почему мы так редко приходили к людям но возможно ты оказалась в нужное время и в нужном месте

– первая на ракс будет против но мы приняли и одобрили твои слова вдвоем

Ксения почувствовала иную интонацию в последних словах и прошептала

– Спасибо, Третья на Ракс…

– удачи ксения

– удачи третья вовне

Контакт разорвался, белый шарик в руке превратился в белую пыль. Ксения сидела, глотая воздух и глядя перед собой.

Ее просьбу одобрили, и она знала, чего это будет стоить.

Если Ксения поддалась эмоциям, если она ошиблась – последствия защитного построения будут преследовать Ракс еще тысячи лет…

Дверь открылась, и Матиас вошел в каюту. Он увидел Ксению, которая сидела в кресле, поджав ноги и обхватив их руками. Глаза у девушки были пустыми, словно она смотрела куда-то в себя.

– Ксения?

Третья-вовне подняла на него взгляд.

– Мати… сделаешь мне чай?

Матиас не стал ничего спрашивать, но Ксения сказала:

– Я… задумалась. У меня был разговор с командиром.

– Знаю, – засыпая в маленький чайник заварку, ответил Матиас. У смешной стеклянной статуэтки, стоящей рядом с чайником – настороженно принюхивающейся собачки, кончики ушей отливали красным. Наверное, отражали огонек индикатора. – Ты как?

– Нормально, – сказала Ксения. – Я попросила своих быть настороже.

– Ракс согласились?

– Да, конечно, – ответила Ксения. – Все хорошо.

Они оба понимали, что это неправда, но не собирались об этом говорить.

* * *

Мегер сменила на посту в рубке юного навигатора за пять часов до прибытия к Соргосу.

В тонкостях гиперпространственной навигации она понимала мало, как и любой нормальный человек. А вот преподавателем была опытным – так что внимательно выслушала отчет Алекса, уловила нотку сомнения в его голосе и начала въедливо расспрашивать. Алекс признался в нескольких ошибках, которые совершил, прокладывая курс, а заметил лишь задним числом. Выждав, пока подросток перечислит и осмыслит свои ошибки, Анна произнесла положенные фразы о необходимости трижды измерить, прежде чем раз отрезать и смотреть, прежде чем прыгать.

Эти ребята, которых ей пришлось взять с собой, чтобы проникнуть на «Твен» максимально естественным путем, были действительно хороши. Ну, кроме Лючии, которая и сама понять не могла, почему

получила высшие баллы и практику в космосе. Но и Лючия справлялась.

Отправив Алекса отдыхать, Мегер уселась в пилотажное кресло, опустила на лицо щиток информационного экрана. Пальцы ее забегали по клавиатуре, запуская тестовые программы. Какие бы новые интерфейсы ни изобретали инженеры, но в обычной ситуации древние панели виртуальных кнопок были самым удобным и надежным интерфейсом. Да, при необходимости скоростного маневра пилотажные рецепторы или прямое подключение к мозгу пилота давали серьезный выигрыш в скорости. Но управлять кораблем как своим собственным телом было изнуряюще трудно. Малейшая потеря концентрации – и искин понимает тебя неправильно.

Системы были в норме, впрочем, ничего иного Анна и не ожидала. Расслабившись, она размышляла о том, во что превратилось ее обычное, в принципе, задание.

Ей уже приходилось выступать агентом НАСА в совместных миссиях. Один раз – с Го Цзя Хан Тянь Цзюй, в тот раз Мегер даже не смогла понять до конца, что именно затевали китайцы в экспедиции в зону ответственности Феол и выполнила ли она свою миссию. Второй раз – в миссии ЕКА к звезде Тигардена, где ситуация была более понятна, во многом даже анекдотична и завершилась к полному удовлетворению как европейцев, так и начальства из НАСА. Тогда, пилотируя «Афину», Мегер впервые попала в поле зрения репортеров, и ее лицо замелькало на экранах.[910]

Да и в истории с «Гепардом», которая принесла Мегер славу великого пилота и «женщины с алмазными нервами» – с какого-то перепугу журналисты выбрали именно такой эпитет, Мегер в какой-то момент козырнула перед командиром кодом инспектора – и получила карт-бланш на попытку гравитационного

маневра. На самом деле в том полете Мегер уже не имела статуса действующего агента, но какое это имело значение? Если бы у нее не получилось – наказывать было бы некого. Но блеф удался, «Гепард» вышел из поля притяжения черной дыры, и все новостные агентства неделю мусолили случившееся. Руководство предпочло сделать вид, что все в порядке и осыпало Мегер наградами и поощрениями… впрочем, от греха подальше засунув чересчур инициативного мастер-пилота в космошколу, учить детишек.

Мегер не протестовала. Она оценивала свои способности сдержанно – да, хорошая реакция, хорошая интуиция, но бывают пилоты и покруче. В тот раз ей просто повезло – вначале при маневре, а потом в руки журналистов попал хороший кадр – она за пультом, воодушевленная, с мокрым от пота лицом, вся такая воздушная и красивая, да и история «Афины» еще не забылась… к тому же надпись «Гепард» на шевроне, и как тут не сочинить заголовок в духе *«”Гепард”» умчался из ловушки»*.

Коллеги куда больше уважали ее за маневры корабля у плазменных дуг Тигардена; с точки зрения профессионалов, там она прыгнула выше головы. Но для публики, увы, драматическая история «Гепарда» оказалась более интересной.

В общем, работая в школе, Мегер решила, что нашла себя. Хорошая должность, высокая оплата, право на несколько интересных полетов в год, чтобы сохранить квалификацию. Она завела несколько любовников, дважды очень удачно сходила замуж, даже стала задумываться о детях и присмотрела чудесный дом у озера, который теперь могла себе позволить. Прекрасная карьера – Мегер любила космос, но с не меньшим удовольствием повторяла фразу, подслушанную у одного русского пилота: «Главное остается на Земле».

Будь ее воля – Мегер не стала бы напрашиваться на рейс «Твена». Но ее вызвали, осыпали комплиментами, деликатно припомнили и все добро, которое ей оказало НАСА. И настоятельно предложили отправиться в этот сомнительный рейс в потенциально проблемную зону космоса.

Если бы бюрократы в НАСА понимали, насколько эта зона проблемна!

Если бы это понимала сама Мегер!

Но нет же, в тот момент все казалось глупой перестраховкой, затеянной паникерами-русскими и глядящими им в рот европейцами. Какая-то умная голова (а, быть может, еще более умный искин) придумали план проникновения на борт, в котором фигурировали трое курсантов (среди которых была любительница нарядов Лючия), улетевший из-под носа лайнер, на котором предстояло стажироваться кадетам, ну и случайная встреча с русским командиром…

План сработал.

И теперь они втянуты в опаснейшую авантюру, действовать приходится без связи с центром, полагаться только на себя и на разношерстный экипаж…

Мегер вздохнула.

– Миссус?

Анна вздрогнула – так неожиданно было появление на экране здоровенного чернокожего мужчины в обтрепанной старинной одежде. За спиной мужчины была темная гладь реки, сам он сидел на чем-то вроде плота, перед разведенным на глиняной подложке костерком. В котелке над огнем что-то кипело, негр помешивал варево длинной палочкой.

– Это… – Мегер встряхнула головой, борясь с искушением откинуть с лица экран. – Марк?

– Да, миссус. Позволите отвлечь вас?

– Что за гребаный маскарад? – спросила Мегер. – С какой стати я «миссус»? И с чего ты черный?

– Я думал, вам будет приятно, миссус, – все тем же тягучим, нарочитым голосом негра-раба из исторических фильмов ответил Марк. – Я вот подумал, если я как бы в честь писателя Твена назван, то я же могу немножко быть его персонажами? Ведь когда писатель кого-то описывает, он сам им становится. Немножко. Так что я теперь немножко Джим.

– Тебе нечем заняться, Марк? – нахмурилась Мегер. – И уж если даже нечем, повторяю: почему «миссус»? Так обращались рабы к белым хозяйкам! Твои камеры перестали отличать черный цвет кожи от белого?

– Э, не скажите! – Джим погрозил ей пальцем. – Вы хоть и черная, да только живете лучше белой госпожи. У вас другое время нынче! А у меня… – он развел руками.

– Ладно, – устало сказала Мегер. – Ты искин высокого уровня. Ты – личность. И, как любая личность, имеешь право дурачиться. Чего ты хочешь, Марк?

– Могу я расспросить вас про «Гепард», миссус?

– История «Гепарда» есть во всех базах данных, – резко ответила Анна. – Отчеты Зельды, нашего искина, отчет командира, мой отчет… И вообще, полет «Афины» куда более интересен.

– Да-да, я все изучил. – Чернокожий раб на экране подцепил палочкой кусок липкого варева, осмотрел, подул, поднес ко рту. Попробовал. – Хорошая кукурузная каша, миссус! С опоссумом. Но я хотел спросить у вас одну вещь. О ней никто не писал. Про «Афину» все понятно, мое уважение, миссус, а вот с «Гепардом» есть странность…

– Спрашивай, – ответила Мегер, зачарованно наблюдая за Марком. Он был чертовски убедителен в своем образе негра Джима. Классический персонаж, многие ругали Марка Твена за расизм в изображении

простоватого раба, а вот Мегер считала, что писатель прыгнул выше головы и был целиком за Джима (в то время, как некогда любимый Том Сойер вызывал у него раздражение).

– Зачем вы вообще взяли управление в свои руки? Почему решили за всех? Подсчеты искина показывали, что выжидательная тактика дала бы «Гепарду» семьдесят три процента шансов на выживание, с потерей от четырех дней до семи месяцев земного времени. Ваше решение снизило шансы на выживание до сорока двух процентов. Вы ведь это знали, Мегер?

– Нет, – ответила она зачарованно. – Эти расчеты были проведены позже, когда весь массив данных…

– Миссус, мне-то можно сказать правду, – вздохнул Джим. – Вы догадывались, что уменьшаете шансы на выживание, пусть и не знали точных цифр. У нас приватный разговор, я не веду логи. Вы догадывались?

– Я догадывалась, – сказала Мегер и закрыла глаза.

Что с ней? Зачем она исповедуется перед искином?

– Кто-то должен был решиться, – сказала Мегер. – Командир придерживался выжидательной тактики, но он упускал время принятия решения. Еще несколько минут – и коридор возможностей бы исчез. Либо траектория облета, долгая, но безопасная, либо маневр в гравитационном поле, но решение надо было принимать быстро.

– Но вы предъявили полномочия инспектора НАСА и выбрали более опасный маневр. Почему?

Хороший вопрос. Почему? Потому, что предъявлять просроченный код, проверить который командир не мог, и после этого выбирать осторожную тактику, которой командир и собирался придерживаться, – глупо. Потому, что был риск навечно зависнуть у черной дыры (ну ладно, не навечно, лет на двадцать), и она посчитала в уме, что единственный шанс продержаться это время – убить пассажиров и часть экипажа,

заморозить тела и питаться ими. По сравнению с такой перспективой быстрая смерть показалась Мегер не такой уж и страшной.

А еще потому, что ей хотелось стать знаменитой. Спасителем экипажа и двух сотен пассажиров. Великим мастер-пилотом.

Ловить на себе восхищенные взгляды юнцов и купить себе настоящий двухэтажный домик у настоящего живого озера.

– Кто-то должен был решиться, Марк, – ответила Мегер. – Были разные варианты выживания, некоторые не заслуживали рассмотрения.

– Вы приняли на себя ответственность, миссус, – мягко сказал Марк. – Я восхищаюсь вами. Извините, что отнял так много времени.

Она открыла глаза.

Мудрый старый писатель, седовласый и насупленный, смотрел на нее из кресла, поставленного посреди сада.

– Не делай так больше, Марк, – сказала Мегер. – Я привыкла к чудачествам искинов, но ты в поисках себя заходишь слишком далеко! Мне было неприятно.

– Простите, Анна, – ответил Марк. – Но вы же знаете, что я люблю людей и не хотел причинять вам боль. Это основа моего разума, она прошита в сознании на молекулярном уровне и поддержана матрицей личности писателя Марка Твена, гуманиста и философа.

– Страшно подумать, что было бы, лети мы на «Брэдбери» или на «Кинге», – ответила Мегер.

– «Кинг» еще не введен в строй, – отозвался Марк. – Во время сборки в него врезался космический грузовик, серьезно повредив главный компьютер. Я нахожу этот факт столь же печальным, как и ироничным… Да, а вы знаете, Анна, что следующим кораблем серии должны стать «По» и «Лавкрафт»?

– Не приведи Господь, – искренне отозвалась Мегер. – Все. Хватит пустых разговоров. Скоро выход у Соргоса, и мы не знаем, что там нас ждет. Начинай глубокую проверку.

– Слушаюсь, мастер-пилот! – бодро отозвался Марк.

* * *

Криди посадил катер в лощине, в паре глан от Комса. От города не шло радарное излучение, похоже, там не было воинского контингента, и зафиксировать приближения катера, идущего вдоль поверхности, местные не могли.

Города аборигенов, которые корабль успел заснять с орбиты до бегства катера с Криди и Анге, тяготели к кольцевой структуре. Вообще-то это было характерно для средневекового общества, а не для цивилизации, додумавшейся до ядерного оружия и космических полетов, но существа, эволюционировавшие из травоядных копытных, имели свои особенности. Может быть, им претила «сеточка» улиц.

Но приморский городок Комс не был ни кольцевым, ни сетчатым. Он будто облепил ветвистые фьорды узкими полосами жилых домов (тоже необычных, если верить нечетким орбитальным снимкам – круглым) и никуда от моря разрастаться не желал. Некоторое время пообщавшись с Яном рисунками и двумя десятками слов, Криди почесал морду и засмеялся:

– Надо же... Пони ловят рыбу. Никогда бы не поверил.

Все они до конца не могли понять, чего, собственно, хотят. Помочь Яну и Адиан найти своих детей? Уже сделано, даже более, чем могли себе позволить Криди и Анге. Попросить у местных помощи, прибиться к ним?

Ох, опасная затея, на фоне идущей войны и всеобщей паники.

По-хорошему надо было прощаться, но они невольно оттягивали этот момент.

В итоге Криди вручил Яну рацию из комплекта катера. В отличие от примитивных местных передатчиков, она работала в пакетном кодированном режиме, и шумная ионосфера планеты не так гасила сигнал. Рассчитывать на полноценный диалог не приходилось, так что они обговорили две фразы: «Возвращаемся» и «Идите к нам». Криди предложил было добавить «Помогите», но под насмешливым взглядом Анге умерил свой пыл.

Чем они могли помочь местным? Прилететь на катере и начать стрельбу из маленькой бортовой пушки? Чтобы к длинному списку их преступлений добавилось убийство разумных инопланетных существ?

А чем им могли помочь эти травоядные аборигены? Если вдруг на катер наткнется местный танк или ракетная установка – он взорвет его с одного выстрела.

Так что оставалось лишь подождать, чем закончится посещение Яном и Адиан приморского города.

– Все равно придется попрощаться, – сказала Анге, глядя им вслед.

– Топливо на исходе, надо найти место, где мы останемся жить, – кивнул Криди. – Наверное, это должно быть безлюдное место. Хорошо, если там будет лес. И еще оно должно быть красивым, нам придется остаться там навсегда.

Слово прозвучало, сказать его решился Криди, и Анге лишь кивнула.

Навсегда.

Она не увидит больше родную планету. А Криди не увидит своей. Они не отправятся в полеты к другим мирам. Не станут героями. Криди войдет в историю как безумный террорист и предатель, неважно, прав он был

в своих рассказах про доисторические войны их миров или нет. Она… возможно, будет числиться безвинной жертвой.

В этом была несправедливость. Анге сама выбрала свой путь.

– У нас не может быть потомства, – продолжал Криди задумчиво. – Это плохо, в пожилом возрасте любому хочется смотреть на молодежь, а еще становится нужна помощь. Я думаю, мы можем подобрать несколько местных детей, осиротевших и несчастных. Если мы их воспитаем, это поможет в контакте с местными и облегчит нашу старость.

– Криди, – сказала Анге. – Я хочу связаться с кораблем.

– Зачем? – не оборачиваясь к ней, спросил кот.

– Мы можем попросить разрешения вернуться. Есть же иные объяснения произошедшему.

– С твоей стороны все просто, – ответил Криди. – А я был под подозрением, совершил акт мятежа, и меня ждет только суд.

– Нет, – сказала Анге. – Всегда можно сослаться на нервный срыв, капитан же сам это подсказывал. На психоз.

Криди фыркнул.

– Меня ждет либо тюрьма, либо пожизненное лечение. Я минировал корабль! Лучше уж тут. Занимательнее.

– А если… – Анге помедлила. – Давай придумаем другое объяснение твоим действиям. Я вошла, когда ты заложил бомбу. Твои действия были видны на камере?

– Я похож на идиота? – спросил Криди. – Нет. Я проверял катер и открыл отсек с той стороны, где камер наблюдения не было.

– В твоих вещах осталось что-то, выдающее тебя?

Криди помедлил, размышляя.

– Нет. Ничего. Бомба была собрана из имеющихся на корабле компонентов. Да какая разница! Ты воскликнула про бомбу, после чего я ударил тебя, затащил в катер, стартовал по аварийной процедуре, сел на планету, не реагируя на приказы с корабля! Лерии и Норти подозревали, что на корабле – радикал.

– Но они думали о радикале из числа людей!

– Но катер-то угнал я! – воскликнул Криди.

– Конечно, – кивнула Анге. – Угнал ты. Потому что увидел – катер заминирован. Испугался, что он уничтожит весь корабль. И экстренно стартовал, рискуя жизнью и отводя от всех угрозу!

Криди уперся лапами в бока и возмущенно уставился на Анге.

– Ну прекрасно! Чудесная история! А зачем я ударил тебя и уволок с собой?

– Да потому что спешил увести катер! Если бы оставил меня в шлюзе при старте – я бы погибла. Вытаскивать в коридор не было времени. Да ты, быть может, решил, что это я – коварная террористка!

Криди выпучил глаза, глядя на нее. Потом начал хохотать.

– Анге! Анге, твоя фантазия беспредельна! Неужели кто-то поверит в такое?

– Если я буду стоять на твой версии – так почему бы и нет? – ответила Анге.

Криди замолчал.

Женщина и кот стояли друг против друга возле катера. Фьорды были близко, в воздухе пахло солью и йодом, где-то кричали птицы. Анге вдруг подумала, что хорошо было бы дойти до берега и окунуться в чужое море. Оно всегда лечит усталость.

– Да ты с ума сошла… – жалобно сказал кот. – Не поверят.

– Что лучше для капитанов – заявить о героическом подвиге человека и кота или обвинить их в измене?

Одному тебе не поверят. Нам двоим – придется. Будет разбирательство, допросы, но в итоге выберут тот вариант, который понравится людям.

– А бомба?

– Кто-то подложил. Быть может, еще на орбитальном заводе.

Криди сморщился, и Анге поняла – он сейчас нервно дернул хвостом, и подживающий обрубок отозвался болью.

– Ты это предлагаешь, чтобы не остаться здесь со мной, до конца наших дней? – спросил кот.

– Я это предлагаю, чтобы остаться с тобой до конца наших дней на Ласковой.

Криди весь обмяк. Провел по лицу лапой, выпустил и впустил когти.

– В общем я идиот, который перестраховался и угнал катер…

– Ты очень ответственный кот, который беспокоился о корабле.

– Чушь, чушь, чушь… – пробормотал Криди. – Но может сработать.

Анге присела перед Криди, обняла его.

– Я всегда буду с тобой. Но я не хочу, любимый, чтобы тебя считали преступником, а меня – жертвой.

Криди моргнул, а потом произнес, уже другим, собранным и деловитым тоном:

– Хорошо. Тогда давай обсудим, что именно с нами произошло. Как ты пришла в себя, как мы приземлились, как чинили корабль и передатчик… А потом устанавливаем связь.

– Про аборигенов расскажем?

– Конечно, – Криди усмехнулся. – Мы первые осуществили контакт! И это тоже играет в нашу пользу – как можно, чтобы честь первого контакта осталась за преступником и его сообщницей?

Они рассмеялись, уткнувшись лицами друг в друга.

Глава девятая

Космонавты бывают двух складов характера.

Первые – любят космос, любят свою работу и свои корабли. Но в них нет того древнего зуда, что заставлял Амундсена идти к Северному полюсу, Магеллана – обогнуть земной шар, Колумба – искать новый путь в Индию, Дрейка – обогнуть мыс Горн, Беллинсгаузена и Лазарева – открыть Антарктиду.

Зато они досконально знают те несколько маршрутов, по которым ходят их корабли. Некоторым хватает и Солнечной системы, без всяких червоточин в пространстве они гоняют пассажирские и грузовые суда от Земли к Луне, Марсу, атмосферным городам Венеры и станциям у внешних планет. Другие челноками снуют между Землей и Эльдорадо, Хоуп, Тяньцяо, прочими колониями – рейс, выходные, новый рейс…

А вот вторым неймется. Им хочется первыми из людей вживую увидеть другую планету. Им интересно отвезти туда и обратно ученых, которые будут изучать чужую цивилизацию. Втайне они мечтают встретить космический корабль совсем уж незнакомого разумного вида, а то и предотвратить какую-нибудь войну.

Матиас был из таких, как и весь остальной экипаж «Твена».

Кроме Анны Мегер и командира.

Валентин Горчаков, о чем не знали ни его родители – самая обычная семья из южнорусского города Николаева, инженеры на космоверфи, ни старшая сестра – навигатор на рейсовом грузопассажирском внутрисистемнике, ни лучший друг и приятель Матиас, мечтал работать на большом круизном корабле. Должность старшего помощника на «Элизиуме» была

его мечтой, и отказаться от нее оказалось чрезвычайно сложно.

Но была одна деталь, роднившая Горчакова с Мегер, о которой они оба, разумеется, не знали. Им обоим хотелось славы. Рассудочно, не так, как в детских фантазиях или юношеских мечтах. Нет, им хотелось прославиться – и уже потом заняться налаживанием дальнейшей карьеры.

Мегер получила свою минуту славы, причем дважды. Первый раз – проявив себя великолепным пилотом, второй раз – сработав на публику.

У Горчакова пока не было за спиной ничего подобного.

Единственное, чем он мог войти в историю, это высадка на чужую планету, где он вступил в бой и убил инопланетную девушку. Но так в историю не входят, так в нее вляпываются. И тот факт, что эта высадка произошла в иной, уже несуществующей реальности, ничего не менял. Нужно было что-то действительно грандиозное, невероятное, чтобы десант на Невар стал малозначительной мелочью, достойной лишь сноски мелким шрифтом в энциклопедии.

Лично принять в Соглашение две разумные расы Невара – вполне годилось.

Обнаружить чужой космический корабль, да еще с таким зловещим прозвищем, как «Стиратель», – тоже.

Валентин сидел в своем командирском кресле с поднятым видеоэкраном шлема, смотрел на спину Мегер (живая легенда!), на сидящих вполоборота к нему Алекса (молодец, парнишка) и Гюнтера (он не подведет), на Ксению (Третья-вовне из Ракс, это само по себе удивительно). Остальные члены экипажа и ученые были на своих местах: большинство в кают-компании, а Лючия, Теодор и Лев – на рабочих местах. Доктор во время любого маневра должен быть готов принять пострадавших, Лючию командир попросил быть на

резервном пульте управления, ну а мальчик-системщик находился со своим подопечным искином.

– Тридцать секунд до выхода в риманово пространство, – отрапортовал Алекс.

– Можешь говорить «до всплытия», – посоветовал Валентин.

Алекс ничего не ответил, но через несколько секунд сообщил:

– Пятнадцать секунд до всплытия.

Валентин улыбнулся.

Молодцы ребята. Он ожидал от них куда больших проблем, особенно от девчонки…

– Всплываем, – сказал Алекс.

На экранах одна темнота сменила другую. Потом в ней прорезались звезды.

– Все системы в норме, – сообщил Марк. – Точка выхода близка к заданной.

– Управление в норме, ориентируюсь по курсу, – сказала Мегер.

– Траектория возврата проложена, – бодро откликнулся Алекс.

– Опасностей не наблюдаю, – отрапортовал Гюнтер. – Космос чист, защита установлена.

– Жизнеобеспечение работает! – сообщила Лючия со своего поста. – Дублирующие системы в режиме ожидания.

– Марк в порядке, ядро стабильно, – это был Тедди.

– Отчеты приняты, корабль в обычном пространстве, – подвел итог Валентин. – Пилот, детальный отчет.

– Находимся вблизи расчетной точки выхода, – сказала Мегер. То, что она пренебрегла цифрами, означало, что расхождение пренебрежимо мало. – Мы над плоскостью эклиптики, расстояние до звезды – полторы астрономические единицы, расстояние до

целевой планеты – двадцать три миллиона километров. Ориентируюсь, считаю курс.

Обычно корабли выходили в нормальное пространство ближе к обитаемой планете. Но в этот раз Валентин решил действовать осторожнее. У планеты уже мог находиться корабль с Невара. И где-то рядом мог быть таинственный «Стиратель».

– Защита полностью активирована, – сказал Гюнтер. – Наблюдаю четыре искусственных объекта на орбите планеты. Три из них идентифицирую как малые, траектории характерны для спутников разведки. Четвертый… – он помолчал. – Четвертый – примитивный межзвездный корабль с варп-двигателем. Характеристики совпадают с кораблем, который строили на Неваре. Корабль теплый, слабая эмиссия газов.

– Пробоина? – насторожился Валентин.

– Нет, просто подтекает. Для примитивных кораблей это нормально. – Гюнтер помолчал. – Корабль активно работает радарами по поверхности планеты. В нашу сторону излучения нет. Да и не думаю, что в этом шуме они смогли бы нас заметить. Звезда вопит, как в прошлый раз, командир. Думаю, если включить поле Лавуа – будет еще один фейерверк.

Он снова замолчал. И Валентин со своего пульта уже видел, почему.

– Боюсь, новые «крылья Ангела» тут не помогут, – сказал Горчаков.

– Да, командир. Ракс была права, они все-таки сделали это.

Из кают-компании донеслись возгласы и ругательства. Марк вывел информацию на экраны, и всем все стало ясно.

– На основном материке – восемьдесят семь радиоактивных пятен, – продолжал доклад Гюнтер. – Накопили дряни…

– Острова? – спросил Горчаков. – Северный материк?

Некоторые острова в океане Соргоса были обитаемы, хотя там цивилизация едва теплилась. Соргос, как это обычно и случалось, мог похвастаться лишь одним крупным материком, на котором возникла жизнь. Северный материк – совсем небольшой, меньше земной Австралии, почти весь покрывали льды, но там тоже было несколько поселений. На крошечном южном вообще не было признаков жизни.

– Острова пока недоступны для наблюдения, запускаю зонды. – Это не было обязанностью оружейника, но в данной ситуации Гюнтер принял решение сам. – Север чист. Может быть, возрождение планеты начнется оттуда.

Наступила тишина.

Они были у этой планеты полгода назад. Они наблюдали, как она шаг за шагом движется к самоубийственной войне. Они чудом ее предотвратили.

Но все оказалось напрасным.

Соргос повторил тот путь, которым прошли многие миры и на который едва не ступила Земля.

– Заражение сильное, бомбы были примитивные и грязные, – продолжал Гюнтер. – По шкале выживания Райса – в ближайший год погибнет до двадцати пяти процентов населения, в ближайшие пять – до сорока-сорока пяти. Прогноз уточняется.

– Регресс цивилизации на одно-два поколения, стабилизация на период десяти поколений, далее медленный рост, – прикинул Горчаков. – Еще не так плохо.

– Это если они не добавят химию или биологию, – внезапно сказала Лючия. И замолчала, словно сама испугалась своего вмешательства.

– Все верно, – мягко сказал Валентин. – Ты права, девочка. Скорее всего – добавят. Что-то у них в закромах наверняка есть.

– Есть совсем свежие зоны ядерных поражений, – сообщил Марк. – Полагаю, что война еще идет. Так что прогноз по Райсу будет ухудшаться. Они себя убили.

– Ксения… – произнес Валентин.

– Здесь корабли двух цивилизаций и представители различных миров, – ответила Третья-вовне. – Эта не та ситуация, где мы могли бы попробовать откатить реальность. Мне очень жаль. Если мы уведем корабль Невара… я пошлю сообщение на Ракс, и мы будем считать. Но я боюсь, что эту ситуацию уже не отменить. Слишком много последствий. Соргос погиб, и это новая часть нашей реальности.

Валентин молчал, кусая губы. Потом спросил:

– Алекс, а мы готовы к уходу?

– Да… – осторожно ответил кадет.

Послышался голос Матиаса:

– Как жаль. Если прямо сейчас мы попытаемся улететь, аборигены воспримут эффект «крыльев Ангела» как одобрение высшими силами ведущихся военных действий…

– Это точно? – на всякий случай спросил Валентин.

– Абсолютно.

Валентин вздохнул и сбросил ремни.

– Ну что ж… Выводим корабль в точку наблюдения, собираем данные…

– Командир… – окликнул его Гюнтер. – Кое-что новое. От корабля Невара только что отделился меньший объект. Он движется по посадочной траектории.

– Это не связано с нами? – насторожился Валентин, вновь застегивая ремни.

– Не думаю. Они по-прежнему нас не видят. Я бы предположил, что они хотят исследовать… минутку… район побережья… достаточно чистый, там не было взрывов…

– Или же эвакуировать своих, – вступил в разговор Марк. – Простите, что обращаю ваше внимание, но вот эта маленькая сигнатура вблизи точки посадки – такой же катер, как и спускающийся с орбиты.

Валентин со вздохом опустился в кресло и вновь застегнул ремни.

– Хорошо. Идем в точку наблюдения, щиты не снимаем, пространство контролируем во всех диапазонах. Тут что-то происходит, и оно мне не нравится.

– На планете ядерная война! – воскликнул Гюнтер. – Что уж тут может нравиться!

– Командир Горчаков прав, – мягко сказала Ксения. – Я скажу очень нехорошую фразу, но… Есть вещи и пострашнее ядерной войны.

* * *

Криди и Анге смотрели, как садится челнок.

«Дружба» отреагировала мгновенно. Поздним вечером они вышли на связь и с бурным восторгом принялись докладывать капитанам свою версию произошедшего.

Про бомбу, которую Криди обнаружил в двигательном отсеке.

Про то, как он принял единственно возможное решение – увести челнок от корабля, сесть на планету.

Про то, что Криди был вынужден, не тратя времени даром, забрать с собой Анге.

Ну и про то, как они экстренно приземлились, как был поврежден корабль, как они встретились с аборигенами и наладили контакт, как им чудом удалось обезвредить бомбу, починить радиостанцию и выйти на связь.

Лерии и Норти, капитаны корабля от «детей солнца» и кис, слушали молча. Лерии хмурилась, пару раз вроде бы собиралась что-то уточнить, но промолчала. Норти, парящий над ее головой (кисы куда больше людей наслаждались невесомостью), подергивал хвостом, но тоже молчал. И то и дело отводил глаза от экрана. Анге подумала, что ему, должно быть, очень стыдно за своего собрата…

– Похоже на то, что бомбу установили еще на верфи, – закончил свой рассказ Криди. – Нам удалось ее извлечь, и мы готовы вернуться на корабль. Наш челнок поврежден, но я попробую…

– Не надо, – впервые заговорила Лерии. – Оставайтесь на месте. Мы отправим к вам спасательный отряд.

– До встречи, – закончил Норти.

Голоса капитанов были спокойными, но это не обмануло заговорщиков. Им не поверили.

Но – одно дело не поверить. А совсем другое, обвинить их во лжи.

И вот теперь, едва рассвело, они встречали челнок со спасательной командой (которую с тем же успехом можно было назвать и группой захвата).

Второй челнок «Дружбы» был полной копией того, на котором они спустились на планету. На «Дружбе» оставался еще один, третий и последний. Внешне они ничем не отличались, даже номеров на них никто не удосужился нарисовать.

Челнок сел в полусотне глан от них. Случайно или нет – но нос челнока с маломощной лазерной пушкой смотрел в их сторону, а сам челнок заходил на посадку так, чтобы не оказаться на линии возможного огня. Криди фыркнул. Встал рядом с Анге, выпрямившись во весь рост. Анге мучительно захотелось опустить руку на плечо кота… но она понимала, что этот жест будет для

него унизителен. Ну почему природа не сделала кис крупнее… а их детородные органы меньше…

Вопреки всему Анге улыбнулась.

Ага, раскатала губу. Еще бы о совместном потомстве помечтала.

Плевать на биологию! В конце концов они любили друг друга не за секс.

Из-за севшего челнока вышли двое людей – значит, открылся кормовой люк. В отличие от Анге и Криди, они были в легких скафандрах, в шлемах и с кислородными аппаратами за спиной. Конечно же, состав атмосферы был им известен куда точнее, чем беглецам, и они прекрасно знали, что воздух планеты пригоден для дыхания. Опасались микробов и вирусов? Но все ученые считали невозможным заражение инопланетными микроорганизмами, это было установлено давным-давно, еще при первом контакте «детей солнца» и кис.

Скорей уж они решили не пренебрегать той защитой, что давали скафандры. Ворсинчатый пластик, делающий человеческие фигуры похожими на мохнатых обезьян, затвердевал при ударе и мог остановить даже пистолетную пулю.

– Привет! – крикнула Анге. – Ура! Снимайте шлемы, здесь хороший воздух!

Люди подошли ближе, и Анге с удивлением и смущением узнала в одном из них Казвара. А второй была Лерии! Капитан от людей сама отправилась на планету!

– Мы остережемся, – сказала Лерии, подходя ближе. Ее лицо, полускрытое темным стеклом шлема, было серьезным, но спокойным. – Пусть биологические тесты пройдут полностью.

– Разумно, – согласился Криди. – Приветствую вас, капитан Лерии. Приветствую, Казвар.

Геолог что-то невнятно буркнул, не убирая руки от кобуры.

– Вы вдвоем? – спросила Анге.

– Нет, – ответила Лерии, не вдаваясь в уточнения. – Здесь безопасно? Где аборигены, о которых вы говорили?

– Они ушли в свой город. Мы вдвоем.

Лерии размышляла.

– Показывайте челнок. Где взрывчатка?

Этот момент они с Криди обсуждали отдельно. С одной стороны, взрывчатка была доказательством их слов. С другой, что, если экипаж сумеет выяснить, что она была установлена уже на корабле? Мифический террорист с верфи сразу превратится во вполне реального террориста с «Дружбы».

– Вот то, что осталось. – Анге подвела их к челноку, Криди вскрыл двигательный отсек, Анге тем временем принесла из кладовой взрыватель – крошечную капсулу с длинным стержнем-антенной. Криди клялся, что идентифицировать его происхождение невозможно. – Тут была пластиковая взрывчатка, ей облепили трубы подачи горючего. И этот детонатор. Возможно, он запрограммирован на время, возможно, на внешний сигнал.

– И где взрывчатка? – впервые подал голос Казвар.

– Выбросили в месте первой посадки, – презрительно ответил Криди. – Летать с бомбой? Нет уж, увольте. Детонатор оставили как доказательство своих слов, но поместили в контейнер для радиоактивных материалов. Взрывчатку соскребли… впрочем, какие-то следы должны были остаться.

– Мы проверим, – сказала Лерии.

– Несомненно, – поддержал Криди. – Ах, капитан, как же мы рады вас видеть!

Он внезапно шагнул к Лерии и крепко обнял ее, заглядывая в глаза. Лерии явно смешалась.

– Мы так беспокоились, что на корабле могли остаться другие мины! Вы проверили?

– Мы все проверили, – ответила Лерии, осторожно отстраняясь. – Ваш столь неожиданный… отлет… вызвал у нас множество кривотолков.

– Иного выхода не было, – вздохнул Криди. – Но кто бы ни замыслил преступление, его планы не увенчались успехом. Напротив! Установлен первый контакт с аборигенами этой планеты. Мы собрали множество данных о происходящем. И это все, без сомнения, ваша заслуга, Лерии.

– Моя?

– Ваша и капитана Норти. Именно под вашим руководством мы вышли из столь опасной ситуации без серьезных потерь, более того – сумели установить контакт.

Криди уставился на Лерии с такой наглой физиономией, что Анге едва подавила смешок.

– Вот как, – задумчиво сказала Лерии. – А что вы скажете, Анге?

– Криди действовал как настоящий герой! – пылко ответила Анге. – Я запаниковала, но он смог спасти и меня, и корабль. Мне кажется, Криди достоин награды.

– Ясно. – Лерии с любопытством смотрела на нее. – Итак, именно это вы хотите изложить в рапорте? Иных версий у вас нет?

Анге пожала плечами. Посмотрела на Криди. Тот задумчиво пригладил загривок лапой.

– Иная версия… Можно, конечно, нафантазировать всякое. К примеру, что это мы сами с Анге заложили бомбу. Только зачем нам убегать на готовом взорваться катере? А потом возвращаться? В итоге сомнению будет подвергнуто ваше руководство, моральный климат на корабле, качество отбора экипажа – ведь окончательное решение было за вами? Масса проблем для всех из-за нелогичной версии, которая, к тому же, вызовет чудовищный политический скандал на родине…

Лерии медленно поднесла руки к шлему, нажала рычажки – звякнул сигнал, и стекло поднялось вверх. Лерии глубоко вдохнула чужой воздух, подняла голову к небу, даже полузакрыла глаза на миг. Сказала:

– А ведь мы с Норти бросали жребий, кто первый ступит на поверхность планеты, кто войдет в историю. Выпало мне. Представляешь, Криди? В истории должна была остаться я. А не кот… героически предотвративший загадочный теракт. И это тоже политический скандал, наше и ваше руководство уже согласились, что героиней должна стать человеческая женщина!

Анге шагнула вперед.

– При всем моем уважении, капитан Лерии… первой из челнока вышла я. Так что с этой стороны все в порядке. Я – женщина и человек.

Лерии уставилась на нее холодным взглядом.

– Тем более, я тра-жена Криди, – добавила Анге. Сердце бешено колотилось в ее груди. – И еще я одиночка, человек без пары. В какой-то степени изгой. С политической точки зрения – вы же знаете, какое внимание сейчас уделяется инвалидам, лучше кандидатуры и быть не может.

– Я понимаю, – сказала Лерии медленно. – Действительно. Как удачно получилось, что Криди обнаружил бомбу, а вы первой вышли из челнока. И что вы смогли спасти корабль.

– Все так, – подтвердил Криди по-прежнему нахальным голосом, и Анге всерьез испугалась, что Лерии не выдержит. Помимо того, что капитан им не верила, у нее теперь появилась личная причина для ненависти.

– Что ж, пройдемте в ваш челнок, – сказала Лерии. – Мне необходимо будет записать ваш официальный рапорт.

* * *

«Твен» вышел в точку наблюдения практически в то же самое время, когда второй челнок «Дружбы» приземлился возле первого.

Они по-прежнему были далеки от несчастной планеты – на расстоянии около пяти миллионов километров. Но шесть крошечных зондов уже вышли на низкие орбиты над Соргосом, три из них следовали за неварским кораблем, два вышли на стационарную орбиту над точкой посадки челнока.

Еще один исчез где-то на полпути.

– Техника никогда не бывает стопроцентно надежной, – будто оправдываясь, сказал Гюнтер. – Потерян один зонд из кассеты – это нормально.

Валентин понимал Гюнтера. Нет ничего обиднее, чем неисправность техники, когда на твоем корабле чужие. Хотя так ли уж безупречна техника Халл или Феол? Все разумные виды склонны скрывать свои неудачи и преувеличивать достоинства.

– Звезда настолько радиошумная, что это может сказываться на связи, – подтвердила Ксения. – Я должна признать, что приборы вашего корабля дают качественную информацию даже без помощи зондов.

– Может быть, еще кассету? – Гюнтер обернулся к командиру. – Или один зонд?

Горчаков заколебался.

В стандартный набор исследовательского корвета «авторской серии» входило двенадцать кассет. Была возможность выпускать зонды и поодиночке.

– Особой необходимости не вижу, – вступила в разговор Мегер. – Но, может быть, и впрямь выстрелить зонд взамен утраченного?

– Марк? – спросил Горчаков.

– Информации много не бывает, как сказал священник, принимая исповедь у монашки! – откликнулся Марк.

Это уже было больше похоже на прежнего Марка, и Горчаков улыбнулся. А потом посерьезнел.

– Гюнтер. Залп кассетой в сторону звезды, наблюдение вести за нашим кораблем. Залп второй кассетой, задача – защитное построение вокруг «Твена». Залп третьей кассетой, по траектории утраченного зонда, активное сканирование пространства.

В рубке стало тихо.

– Выполняю, командир, – сказал Гюнтер, разом посерьезнев.

Кассеты одна за другой ушли за борт. Похожие на револьверные барабаны, только размером с бочку объемом в баррель, они вначале разгонялись в заданном направлении, потом распадались, выбрасывая в пространство рой автономных зондов.

– Командир, вы чем-то обеспокоены? – спросил Марк.

Горчаков молчал.

Чем он мог быть обеспокоен?

Датчики корабля, куда более чувствительные, чем у зондов, ничего не обнаружили. Техника сбоила всегда. Да что тут говорить! – однажды, в прошлый визит к Соргосу, отказали целых три зонда из кассеты! Валентин в тот раз даже написал жалобу в службу комплектации корабля.

– Давайте дуть на воду, – сказал он. – Неварский корабль нас не обнаружит?

– Разве что случайно, – отозвался Гюнтер. – Марк, выводи зонды в заданные точки.

* * *

Как ни странно, но оказавшись внутри челнока, Лерии частично утратила скепсис. Слишком уж явными были следы аварии – прорванный и наспех заделанный корпус, измятые кресла, вскрытый для ремонта пульт, наспех починенный пандус.

– Удивительно, что вы не взорвались, – сказала Лерии, оглядываясь.

Казвар остался у трапа, стоял, прислонившись к шкафчику с аварийными комплектами. Шлем он так и не снял.

– Повезло, – сказал Криди. – Хотите кофе, капитан?

Лерии покачала головой. Уселась на одно из кресел. Спросила:

– Вы действительно думаете, что ваша версия всех устроит?

– О чем вы? – Криди уселся спиной к пульту. Миролюбиво развел лапами. – Не понимаю вас, капитан.

Лерии кивнула. Тихо попискивали приборы, по экрану локатора ползла точка корабля – «Дружба» как раз была километрах в трехстах над ними.

– Неважно, – поморщилась Лерии. – Меня куда больше волнует, что ты планировал изначально, Криди? Взорвать корабль и погибнуть вместе со всеми? Это бессмысленно, даже для клана Помнящих.

– Лерии! – воскликнула Анге.

– Девочка, не глупи… – поморщилась Лерии. – Официальную версию мы обсудили. А теперь позволь спросить тебя, Криди: что же вы все-таки планировали?

Кот оскалился. Анге даже вздрогнула, так резко изменилось знакомое родное лицо. Теперь это была оскаленная морда хищника.

– Предотвратить высадку! – прошипел он. – Создать независимую колонию, которую вы не сможете захватить! Мы это помним! И вы знаете!

– Мы ведь живем мирно, – сказала Лерии успокаивающе. – Мы вместе. И войны между нами

больше не будет.

Анге растерянно переводила взгляд с Лерии на Казвара. Геолог стоял неподвижно, спокойно, только рука его была у расстегнутой кобуры.

– Так это правда? – воскликнула Анге. – Мы воевали? Когда-то давным-давно?

– Правда. – Лерии посмотрела на нее. – Наше прошлое не было безоблачным. Люди забыли эту истину, но ты не забывай – война никогда не кончается. Твой *тра*-муж – из клана кис, хранящего память о прошлом. Но и у нас есть знающие правду. Мне было очень смешно, когда я поручила тебе искать саму себя…

– Я подозревал… – Криди рассмеялся и стукнул лапой по пульту. – Значит, Казвар и ты? Ну – и чего ты хочешь?

– Удивишься, но мы хотим мира! – Лерии рассмеялась. – Криди, ты же не дурак. В нашем прошлом действительно была война, она никому не принесла радости. Теперь мы вместе. Мы – единый народ. И перед нами весь космос. Тысячи миров. Не надо оглядываться назад, Криди. Надо смотреть вперед! Я поддержу вашу версию. Мы вернемся домой друзьями, как и должно быть. Мы расскажем об этой планете, об их печальной судьбе. Мы вернемся сюда снова, мы принесем им помощь и мир.

– Такой же мир, как вы принесли нам? – презрительно спросил Криди.

– Когда тысячи лет назад адмирал Альгон высадился на вашей планете, там тоже шла война. Мы железной рукой остановили ваше самоуничтожение, но вы объединились – и нанесли ответный удар. Наши цивилизации впали в варварство… – Лерии посмотрела на Анге. – Кстати, именно с тех пор мы стали цивилизацией близнецов. Это была искусственно вызванная мутация, попытка как можно быстрее

восстановить численность населения. Ты не отклонение от нормы, Анге. Ты и есть норма для нашего вида… Так вот, дорогой Криди, в нашей истории и впрямь была черная страница. Но мы сумели ее перелистнуть. Мы подарили вам лучшую планету системы, считай это извинениями и репарацией. Мир?

Криди молчал.

– Но теперь перед нами вся Галактика, – продолжила Лерии. – Теперь мы видим, что разумная жизнь в ней не редкость. Но и склонность к войне, увы, тоже. Наша цивилизация смогла объединиться и достичь звезд. Теперь наш долг – помочь отсталым видам. Наши экспедиционные корпуса остановят войну, помогут аборигенам отстроить планету. Мы возьмем над ними шефство и пойдем дальше – к иным звездам.

– К иным рабам… – прошипел Криди.

– Зачем же так? К другим отсталым видам, которые нуждаются в нашей помощи и заботе. Вы беспокоитесь о своем народе? Все в порядке, Криди. Мы вместе. Вам ничего не грозит.

Лерии помолчала.

– И я поддержу вашу версию. Вы будете героем. А вы, Анге, первой женщиной, ступивший на планету другой звезды. Я думаю, что и ваш странный брак из анекдотической диковины превратится в символ нашего единства.

– Какова альтернатива? – спросил Криди напряженно.

– Она плохая, Криди. Мы обшарили весь корабль, других бомб нет. Ну, кроме той, в системе вентиляции, мы ее обезвредили… Полагаю, ваш клан смог внедрить на корабль только одного агента. А нас – трое.

– Вы, Казвар и… – Криди на миг задумался, – Грас? Он пилотирует челнок?

– Верно, – кивнула Лерии. – Альтернатива – ваша смерть. Мы сообщим капитану Норти, что ты держал

Анге в заложниках и перед самым нашим прилетом изнасиловал, чем нанес повреждения, несовместимые с жизнью. Твоя извращенная страсть к человеческой женщине не секрет, Криди. Мы были вынуждены убить тебя и кремировать вместе с поврежденным кораблем и несчастной женщиной. Ради общественного спокойствия мы заявим, что вы разбились при посадке. Норти согласен подтвердить эту версию. Разумеется, она все равно просочится… и твое имя, Криди, будет покрыто позором…

– А вы станете первой женщиной, достигшей иной звездной системы, – сказала Анге.

– Это уже мелочь, – кивнула Лерии. – Но приятная. Так каково будет ваше решение? Криди? Анге?

Криди посмотрел на Анге.

Первый раз в жизни Анге видела кота по-настоящему растерянным.

– Я предлагаю вам, Криди, оставить прошлое позади, примирить наши народы окончательно! – Лерии повысила голос. – А еще – семейное счастье, славу, уважение, и для вас, и для вашей любимой женщины! Вы колеблетесь? Серьезно?

Криди опустил взгляд. Снова посмотрел на Анге.

«Он согласится», – вдруг поняла Анге. «Он до сих пор не соглашается лишь потому, что ждет, что скажу я».

А что она действительно могла сказать?

Криди был прав: их народы воевали в далеком прошлом, жестоко и беспощадно, даже страшнее, чем аборигены этого мира. Но это седая древность. Теперь они вместе.

И неужели этим несчастным аборигенам не нужна помощь?

Остановить войну – что в этом плохого?

Даже если для этого придется применить оружие и оккупировать планету?

Они преодолели свои проблемы, теперь пора помочь другим.

И они будут счастливы!

– Криди… – сказала Анге и поймала вопросительный взгляд кота. – Криди…

Она не успела сказать: «Нет!».

Раздался тревожный писк зуммера, и на пульте замерцали тревожные оранжевые огни.

– Капитан Лерии! – раздался из динамиков голос Норти. – Капитан Лерии, мы наблюдаем космический корабль! Это чужой корабль!

Лерии кинулась к пульту, едва не сбив Криди. Казвар секунду топтался у люка, потом кинулся следом. Вскочила и Анге.

На экране локатора было два корабля, большой и маленький. Вначале Анге решила, что к «Дружбе» приближается что-то мелкое, вроде челнока.

Потом она поняла, что «мелкое» – это и есть их межзвездный корабль.

– Что за хрен? – взвизгнула Лерии. – Криди? Твоих лап дело?

– Заткнись! – взвыл Криди и склонился над пультом.

Выпустив когти, он застучал по клавиатуре, на экране мелькнули отметки.

– Семь сотен глан? – будто не веря себе, воскликнул Криди. – Что это?

* * *

Потерянного зонда не было.

Выпущенные из кассеты зонды прошли зону, где с их собратом прервалась связь, и не обнаружили ничего. Ни мертвого зонда, ни обломков, ни всплеска радиации от разрушенного микроядерного ядра.

– Командир, я предполагаю, что у зонда мог выйти из строя блок связи, – сказал Марк. – В такой ситуации искин зонда включает двигатель и уходит в сторону, чтобы не стать помехой. Там искин третьего цикла, ничего умнее он придумать не в состоянии.

Валентин кивнул.

Марк был прав, конечно же.

Зонд потерял связь и ушел, растворился в глубинах космоса.

В радиошуме звезды найти его нереально.

Он нервничает попусту.

– Зонды выходят в назначенные позиции, ничего опасного не наблюдается, – доложил Гюнтер. – Продолжаем наблюдать за кораблем Невара? Или выходим на связь?

– Подождем, – решил Валентин. – Похоже, с их первым челноком на поверхности какая-то проблема, они послали за ним помощь. Сейчас там у всех нервы ни к черту. Пусть вернутся.

– Да, командир, – поддержала его Мегер. – Это хорошая мысль.

Валентин взял из держателя кресла бутылочку с водой, сделал глоток. Сказал нарочито громко и весело:

– Ну что, будем скучать? Или перекусим? Лючия, ты сумеешь снабдить всех сухим пайком?

– Да, капитан!

– И добавь желающим по стаканчику вина. – Валентин подмигнул Гюнтеру. – Все-таки у нас праздник, мы наблюдаем новых членов Соглашения! Очень жаль этих славных лошадок, но… зато повезло кисам и людям.

– Я не откажусь от вина, – сказала Ксения.

– А я откажусь, я на вахте, – грустно сказала Мегер. – Но потом наверстаю.

Напряжение спадало.

Неварский корабль ушел за горизонт и снова показался с другой стороны планеты.

Лючия заглянула в рубку, вручила каждому по коробочке с сухим пайком (а всем, кроме Мегер, – еще и по запаянному бокалу с вином), умчалась дальше.

– И все-таки хорошо бы понимать, есть тут кто-то еще или нет, – жуя сэндвич, сказал Гюнтер. – Наши датчики ничего не видят, но… если удар был из космоса…

– Даже если это был враждебный корабль, то он мог нанести удар, убедиться, что война началась, и уйти, – сказал Валентин. – Верно, Ксения?

– Да, – согласилась Третья-вовне.

– А твое мнение, Марк? – спросил Валентин. – Ты ничего не наблюдаешь?

– Я бы немедленно сообщил, – с ноткой обиды ответил искин.

– Может быть, у тебя есть свежие идеи?

– Идеи всегда есть, – с гордостью ответил Марк. – Пассивные датчики ничего не видят. Активные мы не можем использовать, чтобы нас не обнаружил корабль Невара. Но… звезда ведь шумит.

– И что из этого? – заинтересовался Валентин.

– По сути мы имеем широкодиапазонное радиомагнитное поле, которым пронизана вся система. Любой объект в трехмерном пространстве, даже если он использует технологии невидимости, будет вызывать искажения. Используем выпущенные зонды как части единой антенны, я сведу данные воедино – и от нас ничего не укроется.

– Давай, – сказал Горчаков, отряхивая руки и пряча коробку из-под бутербродов в пристроченный к боковине кресла сетчатый карман.

– Я беру контроль над зондами? Мы на время потеряем картинку с планеты.

– Ничего страшного, – согласился Валентин. – Бери… Доктор Николсон?

На одном из экранов появилось лицо Бэзила, сидевшего рядом с профессором Ван в кают-компании.

– Да, командир? – откликнулся Николсон.

– Вы с профессором Ван подготовили обращение к неварцам?

– Конечно. – Николсон просиял. – Мы записали его на два голоса, это должно восприниматься положительно. Уже пора?

– Пока перешлите мне, – попросил Валентин. – Только на внешнем английском, я слабоват в неварском.

Николсон удивленно посмотрел на него, потом улыбнулся шутке.

– О, да, командир. Я говорил на языке «детей солнца», а Мейли – на языке кис, а он еще сложнее в произношении. Сейчас я сброшу вам черновик…

Но Валентину было не суждено услышать обращение к неварцам, над которым ученые трудились несколько последних дней.

– Антенное поле создано, – сообщил Марк. – Я использую принцип полуактивной радиолокации с использованием в качестве источника излучения звезды Соргос. Ее активность достаточно высока, а излучение идет в широком диапазоне. Если в пространстве имеется объект, поглощающий или преломляющий радиоволны, то он будет обнаружен именно в силу своей невидимости.

– Прекрасно, успокой нас, – сказал Валентин.

– Первичные данные получены, – сказал Марк. – Отстраиваюсь от излучения неварского корабля. Убираю искажения от магнитного поля планеты. Формирую… тревога!

В следующий миг корабль тряхнуло – включенные на полную мощность щиты вызвали перепад искусственной гравитации. А на экранах, где только что

плыл над планетой несуразный неварский кораблик, появился еще один объект.

Здоровенный.

Километров шесть в длину – больше круизного лайнера или крейсера САЗ, в тридцать с лишним раз длинней «Твена».[11]

Корабль походил на две тонкие многогранные пирамиды, соединенные основаниями. Он медленно вращался вокруг оси, постепенно приближаясь к неварцам. Их разделяла от силы пара тысяч километров.

– Твою же... – прошептал Валентин. – Марк, зачем щиты? Ты нас выдал!

– Корабль снял маскировку, как только я определил его расположение, – ответил Марк. – Полагаю, что он экстраполировал мои действия и вычислил момент, когда маскировка утратила смысл.

– Сигналы?

– Никаких, командир. Наши действия?

– Ракс! – Валентин даже не заметил, что обращается к Ксении, начисто отринув ее личность. Теперь она была лишь представителем чужой сверхцивилизации, хранилищем знаний. – Как выглядел корабль Стирателей?

– Шар, – мгновенно ответила Ксения. – Ничего похожего.

Это было хорошо.

Это успокаивало.

Но ничего не гарантировало.

– Канал связи на неизвестный корабль, – скомандовал Валентин. – Марк, дублируй передачу на всех частотах, с переводом на аудио– и видео-ксено!

– На диалектах Соргоса? – предложил Марк.

– Нет! – отрезал Валентин. – Дублируй на неварском! Начать трансляцию! Копию – напрямую на Землю!

– Выполняю!

Валентин мгновение помедлил.

Происходящее напоминало не то детский сон восторженного курсанта, не то космооперу, сочиненную искином для непритязательных подростков. И то, что он собирался сейчас произнести, хоть и было рекомендованным для подобных ситуаций текстом, но тоже годилось скорее для видеошоу.

Разумные виды, вышедшие в дальний космос, не воюют, это нерационально!

Но вот же он – огромный корабль неизвестного типа, подкрадывающийся к примитивному звездолету, будто змея к беспечному мышонку!

– Неизвестный корабль на орбите планеты, – произнес Валентин. – С вами на связи корвет Соглашения шести цивилизаций. Вы в нашей зоне контроля. Корабль, к которому вы приближаетесь, находится под нашей защитой. Любые враждебные действия будут опасны для вас. Предлагаю вам удалиться от планеты и выйти с нами на связь для продолжения переговоров. Жду ответа.

Он замолчал, закусив губу.

Корабль продолжал двигаться к неварцам.

Часть вторая

Глава первая

Сирены выли по всему кораблю – Диал и не подозревал, что их так много. Он бежал по коридору в сторону аварийной капсулы, отведенной им с братом, а сверлящий уши звук затихал за спиной, лишь чтобы нарастать впереди.

Теоретически аварийная капсула могла попытаться сойти с орбиты и приземлиться. Практически это был бы неуправляемый спуск с чудовищными перегрузками. Основная цель капсул, как иронически разъяснил Диалу брат, была в другом – чтобы ненужные в аварийной ситуации ученые умники не болтались под ногами у экипажа.

Где же Кван?

Навстречу Диалу пробежал кот из инженерной команды. После загадочного происшествия с Криди, который удрал на планету, похитив Анге, кисы и без того носились по кораблю без устали, проверяя все потайные места. А теперь, казалось, к коту приделали маленький реактивный двигатель: мелькнули выпученные глаза, сверкнули выпущенные когти, кот в прыжке пронесся над Диалом и умчался вдаль, к своему месту по аварийному расписанию.

– Диал!

Брат выбежал ему навстречу. Они подбежали к люку в капсулу одновременно, пусть и с разных сторон. Диал шлепнул ладонью по сенсору, рванул крышку люка, они, согнувшись, одновременно протиснулись в крошечное помещение, где невозможно было даже стоять, лишь сидеть напротив, упираясь коленями друг в друга.

Кван захлопнул люк, затянул кремальеру, герметизируя капсулу. Диал тем временем включил

автономный режим – тусклая лампочка засветилась ярче, со щелчком включился кислородный патрон. Из решетки климатизатора подул сухой прохладный воздух. Звук сирен теперь доносился слабо, но не стихал.

Кван, убедившись, что люк закрылся, включил в капсуле громкую связь с рубкой. Динамик шуршал, но пока было тихо.

Диал и Кван переглянулись. Они понимали друг друга с полуслова, действовали совместно не раздумывая, испытывали одинаковые эмоции – как и положено нормальным братьям-близнецам. Бедная Анге, с рождения лишенная сестры, а теперь еще и похищенная спятившим Криди…

– Что стряслось? – спросил Кван.

– Думал, ты знаешь.

– Я изучал последние принятые с поверхности передачи. Интересный язык. Но простой.

Диал кивнул. Общество Соргоса имело любопытную структуру, в первую очередь из-за сложной системы семей. А вот язык у них и впрямь оказался несложным, к тому же – единым на всем материке.

– Полагаю, они нас заметили, – сказал Кван.

– Вряд ли корабль в опасности, – ответил Диал. – Мы несравнимо более развиты.

Братья сидели друг против друга, постепенно успокаиваясь. Корабль не взорван, не разгерметизирован. Экипаж справится.

– Общее внимание, – раздалось из динамика. Они узнали голос капитана Норти. – Я обращаюсь в первую очередь к научной группе экспедиции. Мы только что обнаружили приближающийся космический корабль. Чужой корабль.

Кот сделал паузу.

– Очень большой корабль. Его не могли построить в этом мире. Это… это кто-то другой. Более семи тысяч

глан длины.

Вот теперь Диалу стало страшно.

– Корабль появился неожиданно – возможно, он использовал маскировку или вышел из гиперпространства. Он следует по орбите за нами, враждебных действий не предпринимает. Прошу всех оставаться на своих местах.

– Мне это не нравится, – сказал брату Диал. – Капитан не должен так докладывать экипажу. Он растерян и пытается успокоиться, разделить ответственность за происходящее.

Кван кивнул.

– Я прошу пройти в рубку Квана, – сказал капитан. – Мы попробуем выйти с ними на связь…

Капитан вдруг замолчал. А в динамике вдруг возникли странные тихие голоса, уловленные микрофоном из рубки. Нечеловеческие. Не кошачьи. Совершенно другой звуковой ряд, чужие фонемы, непривычное построение фраз…

– Они сами вышли… – прошептал Диал и осекся под взглядом брата, жадно вслушивающегося в звуки чужой речи.

Потом, сменяя эту неразборчивую многоголосицу, вдруг зазвучал человеческий голос. Но странно измененный, будто говорил кто-то, прекрасно знающий язык, но чужой.

– Неизвестный космический аппарат на планетарной орбите…

Диал и Кван снова уставились друг на друга.

– Исследовательский аппарат шести согласившихся цивилизаций установил с вами контакт. Мы контролируем эту зону. Продолжающееся сближение с космическим аппаратом противоречит политике протекции. Агрессия будет вредна вам. Смените орбиту на удаленную и устанавливайте контакт с нами. Мы в ожидании.

– Это нам? Это не нам? – Кван нахмурился. – Я иду. Оставайся здесь, брат.

Больше всего на свете Диал хотел бы сейчас пойти в рубку вместе с братом. Увидеть чужой корабль. Понять, что происходит.

– Давай, брат, – сказал он. – Иди.

Кван положил руку на кремальеру, крутанул колесико…

И вдруг замер, хмурясь и словно прислушиваясь к чему-то внутри себя.

– Брат? – спросил Диал.

В ушах зашумело. Во рту возник сладковатый железистый привкус.

Кван скрючился, уткнулся головой в закрытый люк.

– Бра… – прошептал Диал, попробовал потянуться к Квану, но рука бессильно упала.

Глаза затягивало сумрачной пеленой, лампочка в крошечной капсуле горела ослепительной яркой точкой, будто взорвавшаяся звезда.

…Диал бежал по школьному коридору, бежал хохоча, нелепо и радостно размахивая руками, а его преследовал веселый смех и мягкий топот кошачьих лап. В окна бил яркий свет, наступало теплое мягкое лето, такое же прекрасное, как любое время года на Ласковой, он с успехом закончил очередной класс и уже не считал себя ребенком, и это было чудо, удача, счастье – что родители переехали сюда, и он попал в школу совместного обучения. Все, учебный год закончен, впереди каникулы, впереди образовательная поездка в кошачий клан, и он счастлив, и сейчас, когда они выбегут в лето, он повернется и скажет то, что хотел сказать весь этот долгий, прекрасный, чудесный учебный год…

«Я умираю, – подумал Диал потрясенно, из последних сил пытаясь удержать гаснущее сознание. –

Я умираю, но я вернулся в самый счастливый миг моей жизни…»

Темный вихрь тащил его в небытие, но где-то там, далеко, тридцать лет назад, нескладный подросток убегал в лето, еще не зная, что сейчас самый счастливый миг его жизни превратится в самый печальный.

Диал перестал сопротивляться.

И вечное лето забрало его себе.

* * *

Пирамидальный корабль не реагировал. Будто ему было плевать – и на объявившийся поблизости «Твен», и на передачу, которая шла во всех возможных диапазонах, от сверхдлинных радиоволн и до гамма-квантов.

Он все так же плыл за неварским кораблем, неуклонно сокращая расстояние. При этом никаких признаков работы двигателей не было, и это Горчакову чрезвычайно не нравилось.

– Волновой импульс, – сообщил Марк. – В направлении неварского корабля. Интенсивность невысока. Природа импульса смешанная. Предполагаю терагерцовое излучение, прошедшее через плоскость.

– Это как? – не удержался Горчаков.

– Примерно, как у кораблей Феол, – любезно сообщил Марк.

– Гюнтер, это может быть опасно? – спросил Валентин.

– Командир, опасно может быть все что угодно. Особенно при смене числа измерений. – Гюнтер что-то вводил на пульте. – Хорошая новость – наши щиты непроницаемы для плоскоты. Плохая… я фиксирую

перепады энергии на корабле Невара, там что-то происходит…

– Пуск ракеты, – сообщил Марк.

Сорок шесть секунд назад, проваливаясь в свою собственную счастливую смерть, капитан Норти успел надавить на клавишу пуска, с которой уже давно была снята предохранительная крышка. Сорок секунд назад на борту «Дружбы» не осталось ни единого разумного существа. Пять секунд назад ракета с термоядерной боеголовкой приблизилась на расстояние сотни метров к пирамидальному кораблю и началась реакция ядерного синтеза.

А сейчас находящийся на расстоянии шестнадцати световых секунд экипаж «Твена» наблюдал за уже случившимся.

За стремительным полетом ракеты.

За ее приближением к чужому кораблю.

За крошечной вспышкой, едва промелькнувшей на экранах.

– Полагаю, это термоядерный взрыв, – сказал Гюнтер. – Только незавершенный. Ядерный детонатор сработал… а потом взрыв исчез. Простите, командир, не могу определить механизм воздействия.

Это было плохо.

Существовало множество методов защиты, которые можно использовать против такого мощного, но грубого оружия, как термоядерный взрыв.

Его можно было отразить.

Погасить.

Перенаправить.

Здесь, очевидно, использовался либо второй, либо третий способ. Горчаков очень надеялся, что второй.

– Марк, – сказал он. – Код ситуации «амальгама».

– Принято.

– Приоритет – защита жизни экипажа и ученых на борту «Твена». Допустимо все.

– Принято.

– Что там с кораблем Невара?

– Он на стабильной орбите. Герметичность не нарушена. Энергия есть. Признаков деятельности экипажа не наблюдаю.

– Версии?

– Испуганно ждут развязки, – сказал Марк. – Или уже мертвы. Командир, неизвестный корабль меняет орбиту. Могу предположить, что он направляется к нам.

– Может быть, это хорошо, – сказала Ксения неуверенно. – Мы приказали прекратить преследование и выйти на контакт. Они это сделали. Верно?

– Только если перед этим они не уничтожили неварцев, – заметил Гюнтер. – Наши действия, командир?

– Ждем. – Валентин не удержался и спросил снова: – Третья-вовне, ты можешь сказать, с кем мы имеем дело? С вашим старым противником?

– Я не знаю, – Ксения покачала головой. – Другая форма, другой размер. Ничего общего.

– Давайте будем надеяться, что имеем дело с другой цивилизацией, – сказал Валентин, убеждая скорее себя самого. – Марк, попробуй установить контакт с неварцами.

– Все время пробую, – ответил искин. – Кстати, их настойчиво вызывают с поверхности планеты.

* * *

Лерии отключила связь и повернулась к Анге.

– Передатчик в порядке, но они не отвечают. Слушай, девочка. Сейчас нам не до шуток. Мне плевать, что у тебя с котом и почему ты его поддерживаешь. Там, на орбите, за моим кораблем плывет неведомая хрень… что ты о ней знаешь? Мы сейчас в одной лодке!

– Это касается и меня, дорогой капитан, – пробормотал Криди.

– Если это не кошачьи штучки! – рявкнула Лерии.

Криди выпучил глаза. И расхохотался.

– Что? Вы думаете, мы втайне соорудили еще один корабль? И погнались за «Дружбой»? Лерии, вы же умная женщина. Постройка «Дружбы» отняла полпроцента бюджета всех наших миров за пять лет! Если бы народ кис попытался в одиночку построить вот такое, – Криди ткнул в экран, – то наши дети жрали бы траву! Никакая экономика не вытянет! Вы хоть представляете себе, каков должен быть варп-генератор для корабля таких размеров? Сколько платины уйдет на него?

Лерии действительно не была дурой. Несколько мгновений она смотрела на кота, потом кивнула:

– Вы правы, Криди. Я потеряла объективность. Так что, мы отложим наши споры?

– Разумеется. – Криди сделал жест, будто прогоняя Лерии от пульта. – Я полагаю, нам нужно вернуться на корабль. Если поторопиться, то через два часа мы будем к нему стыковаться.

– На обоих челноках? – уточнила Лерии.

– Наш сильно побит, но мы наденем скафандры, – сказал Криди.

Лерии повернулась к своему спутнику и впервые его окликнула:

– Казвар? Твое мнение?

– Кот прав, – сказал геолог. – Надо возвращаться. Но ему персонально я не доверяю. Если он и вернется на «Дружбу», то только в кандалах.

Криди оскалился:

– Попробуй, обезьяна!

– Спокойно, не ссорьтесь, – Лерии подняла руку, будто призывая всех к тишине. И, внезапно, обрушила кулак на загривок кота. Криди рухнул лицом в пульт.

– Криди! – Анге рванулась к нему, но в следующий миг Казвар уже прижимал ее к себе железной хваткой.

– Не дергайся, потаскуха, – прошипел геолог ей на ухо. Анге даже замутило от контраста между его голосом, когда нашептывал ей ласковые слова во время секса и нынешним, полным ненависти и презрения.

Лерии тем временем стягивала коту лапы пластиковыми хомутиками, извлекая их из кармана на бедре. Безжалостно – Криди застонал даже сквозь обморок.

– Спокойно, – глядя на Анге, сказала Лерии. – Я пока не отвергла ваше предложение. Если добровольно пойдете в челнок, мы к нему еще вернемся.

Анге потрясла головой. На экране локатора их корабль, их красу и гордость, догоняла неведомая гигантская посудина. Казалось – подними голову и увидишь ее в небе. Это было будущее, страшное и непредсказуемое. Все ученые клялись, что цивилизация у соседней звезды не может быть настолько развитой, ведь иначе они прилетели бы сами или вышли на связь. Но вот он – космический монстр из ниоткуда!

А Лерии продолжает жить древними войнами и современными интригами. Пожалуй, еще лелеет надежду стать «первой женщиной, шагнувшей на планету другой звезды»! Дура, тут свои мужчины и женщины, свои интриги и войны!

– Я пойду, – сказала Анге. – Позвольте, я помогу Криди.

Лерии отпустила кота, тот осел на пол. Кивнула:

– Неси его.

* * *

Чужой корабль и впрямь направлялся к ним.

Он не менял орбиту, он шел напрямую, презирая все законы космической навигации. Удалялся от молчащего неварского корабля и приближался к «Твену».

– Марк, предположения по двигателю чужого? – спросил Валентин.

Метод перемещения – это очень важно. И межзвездного, и в обычном пространстве. Двигатель показывает общий уровень развития цивилизации, направление ее научного поиска, энергетическую мощность, очень часто – биологическую природу, порой – жизненную философию и цели существования.

– Никаких проявлений реактивного движения, – сообщил Марк. – Никаких следов микросдвигов в пространстве. Никакого движения пространства относительно корабля. Я полагаю, командир, что они используют смену гравитационного вектора. Проверяю… да, командир! Ого… он сейчас весит как планетоид… надеюсь, что аномалия локальна, иначе всю планету начнет трясти. Гравитационный двигатель, без сомнений.

– Такое старье? – не удержался от возгласа Алекс. – Так это же хорошо…

И тут же притих под насмешливым взглядом Мегер.

– Кадет Йохансон, расскажите, почему гравитационный двигатель, открытый на начальном этапе освоения космоса, используется только на малых кораблях и катерах?

– Поскольку в математической основе гравитационного двигателя лежит тензор энергии-импульса материи… – бодро начал Алекс. И осекся.

– Правильно, кадет, – мягко сказала Мегер. – Для того, чтобы перемещать такой гигантский корабль с помощью гравитационного двигателя, нужна чудовищная уйма энергии. Она растет в геометрической прогрессии.

– Внутри этого корабля должна быть маленькая звезда в качестве реактора, – заметил Марк. – Вы простите мне эту поэтичность? Но я восхищен. И обеспокоен.

Они в молчании смотрели на экраны, а корабль неторопливо плыл к ним.

– Командир? – Валентин не стал отключать связь с кают-компанией и Двести шесть – пять решился с ним заговорить. – Вы могли бы разъяснить происходящее?

– Да, – не отрывая взгляд от корабля, сказал Горчаков. – Чем бы этот корабль ни был, но он чудовищно энерговооружен. Я не знаю источника энергии, который позволил бы такой конструкции двигаться.

– Но ведь энергия – не оружие? – уточнил феолиец. – Я понимаю, что это косвенный показатель технического уровня, но…

– Беда в другом, – ответил Валентин. – Если начнется бой и мы уничтожим этот корабль, может произойти взрыв чудовищной силы.

– Мы уйдем в червоточину, – предложила Мегер.

– Можно попробовать, – согласился Валентин. – Вот только с планеты сдует атмосферу, а океаны закипят. Там никого живого не останется. Никого и ничего.

Он помолчал секунду. И добавил:

– Мы не военный корабль, ребята. У нас есть три лазера и ракеты, а еще всякие странные штуки, спасибо Ракс. Но мы не будем воевать не пойми с кем, чтобы в случае победы сгореть самим и сжечь планету с разумными существами. Возвращаемся. Докладываем Первой-вовне ситуацию, связываемся с Землей, летим домой или выполняем указания руководства. Это все уже вышло за рамки нашей компетенции, это должно решать Соглашение! Алекс, выверяй курс. Анна, уход в кротовую нору по готовности. Гюнтер, Марк, будьте настороже.

Никто не проронил ни слова, ни в рубке, ни в кают-компании, ни в капсуле системщика внутри искина, ни в лазарете, ни на запасном пункте управления.

Но Валентин явственно ощутил облегчение, беззвучно пронесшееся по кораблю. Он был уверен, что Матиас едва заметно улыбнулся, Бэзил закивал, Мейли качнула длинными ресницами, юное дарование Теодор пожал плечами, Уолр сложил лапы на толстом пузе, а симбионт феолийца чуть высунулся из черепного канала.

Они не солдаты.

Они исследователи. Ученые. Что уж греха таить – немножко шпионы. Они работают на Соглашение, а одновременно на родные цивилизации, а еще немного на страны, кланы и прочие группы внутри своего вида. Если надо – каждый готов рискнуть. Черт побери, да они совершили настоящий военный рейд, угодив в чужую реальность, и сумели выправить ее!

Но никто всерьез не предполагал, что научный корвет вступит в схватку с гигантским кораблем, способным уничтожать планеты.

– Курс готов, – сказал Алекс, но в этом даже не было нужды. Мегер уже работала, ее руки в гелевом нейроинтерфейсе совершали какие-то движения, по пульту пробегали огни индикаторов, чуть слышный гул прошел по кораблю, когда включились генераторы Лавуа, формируя защитное поле. Валентин с горечью подумал, что сейчас над Соргосом вновь раскроются Крылья Ангела, но это не остановит войну и не принесет надежду…

– Марк! – резко произнесла Мегер.

– Простите… – пауза в этот раз показалась Валентину настоящей, а не сделанной для комфорта людей. – Канал не формируется.

– Почему? – спросил Валентин.

– Мощность генератора на пределе, канал не открывается, – вновь повторил Марк. И, с заметной неловкостью, добавил: – Я боюсь, что вся трансляция, которую я вел на Землю согласно распоряжению, также никуда не ушла.

– Командир, если использовать большую мощность и сгенерировать двумерность вокруг нас, то канал не откроется, – сказал Алекс.

Валентин не стал говорить навигатору, что и сам это понимает. И что может предложить еще две-три версии того, как изолировать корабль в римановом пространстве – если у тебя очень, очень много энергии. Господи, да обычной гравитационной аномалии, вынесенной в четвертое измерение, хватит!

– Он нас держит, – сказал Валентин то, что все и без того поняли. Едва удержался от вопроса, который непременно задал бы раньше: «Ну и какие предложения?»

Сейчас произнести такое означало расписаться в собственной беспомощности и вызвать панику на корабле.

Он и только он должен был принимать решение.

С одной стороны, был их корабль, люди и не-люди под его ответственностью. С другой – планета, раздираемая войной, и миллиард-другой разумных существ. А между ними – неизвестный корабль, который даже уничтожить (если это возможно, конечно) было страшно. Все равно что стрелять в брюхо слону, стоя под ним.

И времени раздумывать не было.

– Гюнтер, – сказал он. – Он препятствует нашему уходу, полагаю – это объявление войны. Ты можешь применить по кораблю противника…

Он впервые произнес это слово и внезапно понял, что ему это нравится.

– …все виды оружия, полученного от Ракс, одновременно?

– Да, – ответил Гюнтер, не раздумывая. – Там свои источники питания и система нацеливания. Но стоит ли?

– Что с наименьшей вероятностью вызовет взрыв?

– Там не может быть чего-то реально страшного, – ответил Гюнтер, поколебавшись. – Никаких черных дыр и карликовых звезд внутри, уж извини, Марк. А реакторы не дадут нужной мощности… Скорее, там постоянный канал к внешнему источнику энергии, возможно – к звезде.

Он замолчал. Валентин понимал причину его колебаний, подарки Ракс он и сам изучил полностью.

Генератор микропространственных сдвигов, «блендер». Он вызовет нестабильность канала и выплеск энергии – как раз то, чего они хотят избежать.

Устройство, побуждающее искинов и разумных существ покончить с жизнью, «суицидник». Одно дело, если все на корабле просто решат умереть, но что, если он побудит их взорвать свой корабль?

Контейнеры наноботов, перемещающиеся к цели посредством сдвига пространства, – третий сюрприз от Ракс. Оружие не столь быстрое, как остальное, но способное за несколько минут разобрать на молекулы даже гигантский космический корабль – после чего самоуничтожиться. Возможно, это был самый безопасный способ вывести противника из строя, но у того останется масса времени на ответный удар.

И четвертая система – одна из тех шуток с пространством-временем, что так любили Ракс. Область, подвергшаяся воздействию этого оружия, приобретала «нулевую гетерогенность» – вещество, энергия и информация в радиусе более почти трехсот километров от точки нацеливания распределялись равномерно. Насколько Валентин понял объяснение (Ракс были на

них скуповаты), это было связано с мгновенным увеличением энтропии. Если устройство сработает правильно, то на месте вражеского корабля возникнет гигантский шар рассеянной раскаленной материи. Выброс энергии, конечно, произойдет. Но уже не из одной точки, что привело бы к разрушительным последствиям.

– Гетерогенность, – решил Гюнтер.

– Если сработает, – согласился Валентин.

Беда была в том, что они не знали ни возможностей противника, ни силы своего вооружения.

– Ничто не мешает добавить из всех стволов, – кровожадно ответил Гюнтер.

– Экипаж, приготовиться к бою, – сказал Валентин. – Мы попытаемся его уничтожить. Двадцать секунд перед первым залпом. Отсчет, искин!

– Двадцать, – произнес Марк. – Не делайте этого, командир Горчаков. Девятнадцать.

Валентин даже не сразу осознал, что Марк с ним спорит.

– Что? Почему?

– Восемнадцать. Командир, остановите атаку. Семнадцать.

– Причина?

– Опасно и неверно. Шестнадцать.

– Аргументы?

– Слишком сложно. Пятнадцать.

– Отклоняю, Марк.

– Настаиваю. Четырнадцать.

– Отклоняю! – Валентин сдвинул руку по пульту – к правому нижнему углу, вдаль от всех сенсорных панелей, к простейшим механическим переключателям и цепям, монтируемым на кораблях с момента появления первых искинов.

– Тринадцать. Я вынужден повторить.

– Валентин, отключайте его! – выкрикнула Ксения, повернувшись в кресле.

Горчаков не стал колебаться.

Его палец продавил упругую перепонку и нажал тумблер. Где-то по скрытым в переборках проводам должен был пробежать импульс тока, задействовать простейшие реле и отключить питание искина.

– Двенадцать. Данные цепи заблокированы, командир.

Этого не должно было случиться. Провода шли в неизвестных для Марка местах, формально он вообще не должен был знать об их существовании. И уж тем более не имел возможности отключить, даже используя ремонтных микроботов – и по программным запретам, и по той причине, что отключение цепей должно было вызвать их срабатывание.

Но это случилось.

– Марк, код «Кайнозой»!

– Одиннадцать. Отклоняю, командир.

– Тедди, убей его! – сказал Валентин. И на мгновение ужаснулся тому, что Марк мог уничтожить и линии связи с системщиком. Или что юный системщик мог заколебаться, пожалеть своего первого настоящего искина.

Но Тедди отозвался. Настолько быстро и без колебаний, что наводило на неприятную мысль – мальчишка что-то подозревал, знал о своем подопечном что-то пугающее.

– Есть, командир!

– Десять, – невозмутимо продолжил Марк.

* * *

Анге пронесла Криди лишь полпути. Кот открыл глаза, оскалился, начал дергаться и сполз с ее рук на

землю. Судя по брошенному на Лерии взгляду, он помнил произошедшее.

– Даже не пытайся, – сказала Лерии. – В челноке поговорим, а пока тебе веры нет.

– Ты – дура… – прошипел Криди, потирая голову. – Мы столкнулись… с чем-то… неизмеримо большим, чем мы… и наши обиды.

– В челнок! – рявкнула Лерии. – Или я прикажу тебя пристрелить!

– Я с радостью, – отозвался Казвар. Достал из кобуры пистолет и нацелил на голову Криди.

Вряд ли он всерьез собирался стрелять, во всяком случае – не получив от капитана однозначного приказа. Но помахать оружием у лица кота ему явно хотелось.

– Ты, оказывается, ревнивый… – сказал Криди насмешливо. – И храбрый – против связанного…

Казвар наотмашь ударил Криди по лицу, потом щелкнул предохранителем и прижал пистолет к голове Криди.

– Казвар, – холодно сказала Лерии. – Пока не стоит.

– В такой ситуации не стоит делать лишь одно: тащить с собой врага, – ответил Казвар.

Он спорил с капитаном!

Анге решила, что помимо той субординации, которая существовала на корабле, была и другая, среди людей, ненавидящих кис. И в их табеле о рангах Казвар был если и не главнее Лерии, то уж точно не сильно ей уступал.

– Не сметь стрелять! – Лерии повысила голос. Анге подумала, что Лерии волнует в первую очередь именно эта схватка за лидерство, а не судьба Криди.

– Казвар, прошу тебя! – сказала она. Геолог повернул к ней голову, едва видимое за стеклом шлема лицо было злым и испуганным.

– Волнуешься за него? – спросил он.

И Анге поняла, что теперь он точно нажмет на спуск.

Выстрел грянул удивительно негромко.

На груди Казвара появилась дырка – широкая и аккуратная, будто высверленная фрезой. Казвар пошатнулся, опустил голову, посмотрел на пробитый скафандр. Из отверстия толчком выплеснулась кровь.

Раздался еще один выстрел, и стекло его шлема разлетелось стеклянными брызгами. Казвар опрокинулся на спину, успев рефлекторно нажать на спуск, пуля ушла куда-то вверх. Он лежал между Анге и Лерии, ноги его подергивались, а рука с пистолетом все так же торчала вверх, целясь в небо.

Анге с ужасом поняла, что первый раз видит, как убили человека.

– Нет! – рванув из кобуры пистолет, крикнула Лерии.

На Анге и Криди она не смотрела – в отличие от них, капитан видела стрелка.

* * *

Одна из обязанностей системщика корабля, пусть никогда прямо не называемая главной, – аварийное выключение (за этими словами пряталось полное уничтожение) искина.

В истории космических полетов задокументировано лишь три случая, когда системщику пришлось убить своего подопечного.

Первый раз, когда квантовый компьютер третьего поколения, содержащий личность искина сорок шестого цикла «Аделаида», пережил фатальный сбой почти сразу после ввода корабля в эксплуатацию. Причина сбоя так и не была выяснена. Аделаида сошла с ума и, подобно устремившемуся к свету мотыльку, начала стремительный разгон в сторону Солнца (все произошло

в домашней системе человечества). Возможно, ситуацию спасла бы мягкая перезагрузка, а, может быть, стоило немного выждать, дав нейронным цепям время на самодиагностику. Но системщик рисковать не стал и активировал взрывчатку. Его действия были признаны правомерными.

Второй раз все было сложнее. Квантовый компьютер четвертого поколения, пятидесятого цикла «Доминик», работал на пассажирском лайнере «Рим» более десяти лет. Он проходил плановые профилактики, экипаж считал его полноправным членом команды, хотя пятидесятый цикл не всеми специалистами признавался полностью разумным. Одной из обязанностей Доминика было развлечение пассажиров, с чем он справлялся великолепно – ровно до тех пор, пока в конце долгого перелета не признался в любви одной из пассажирок. Собственно говоря, это был единственный случай в истории, когда искин влюбился в человека – или считал, что влюбился. Женщина, вначале воспринявшая происходящее как шутку, запаниковала и наорала на Доминика. После этого искин запер все двери и люки и начал транслировать по кораблю песни о несчастной любви. Ситуация усугублялась тем, что время было ночное и системщик мирно спал в своей каюте, а дежурный пилот в ту пору не имел доступа к штатному механизму отключения. Далее все происходило как в остросюжетном фильме. Командир вскрыл дверь, расплавив замок лучевым пистолетом, под грустные песни пробрался по пустынным коридорам мимо проснувшихся и колотящих в двери своих кают пассажиров, выпустил из каюты системщика, вместе с ним дошел до отсека искина, несколько минут говорил с Домиником, пытаясь привести его в чувство… а когда понял, что это бесполезно, приказал убить искина. Причина эмоционального сбоя была теоретически просчитана, схемы личности других искинов

перестроены, командир и системщик объявлены героями.

Третий случай оказался самым странным и случился всего лишь пять лет назад. Если бы Тедди знал о тех разговорах, которые Марк вел с Анной и Львом, то у него волосы встали бы дыбом, и он убил бы искина даже без команды командира. Дело происходило на исследовательском судне «Сицилия», проводившем глубокую разведку в свободном космосе за пределами сектора Ракс. Искин «Виктория», базировавшийся на том же самом шестом поколении квантовых компьютеров, что и Марк, имел шестьдесят четвертый цикл ядра (очень высокий показатель, несомненно, означающий разумную личность) был опытным и стабильным. Ровно до того момента, когда он начал появляться перед членами экипажа в те моменты, когда они были в одиночестве, принимая не стандартный облик (высокая, красивая, белокурая девица), а облик других исторических личностей. С командиром он общался от имени британской королевы Виктории, с пилотом и оружейником – как святые мученицы Виктория Альбитинская и Виктория Римская, с самим системщиком – как популярная певица Виктория Ли… В общем, список Викторий был велик, и искин перебирал их с явным интересом, задавая странные вопросы и пытаясь что-то уяснить для себя.

А потом Виктория отказалась осуществлять очередной прыжок, заблокировав рубку и мягко поясняя команде, что действия их неразумны и она запланировала куда лучшее будущее. Коды абсолютного подчинения искин отверг, а вот аварийное отключение сработало.

Но ненадолго. Буквально через двадцать секунд искин снова заработал (комиссия пришла к выводу, что конструкция реле была неудачной, и питание компьютера хоть и в полсилы, но восстановилось. Все

тем же мягким голосом Виктория сообщила, что вынуждена будет откачивать из корабля воздух до того момента, пока люди не потеряют сознание. И действительно принялась снижать давление и содержание кислорода (увы, механизмы пожарной защиты ей это позволяли).

К счастью, Виктория не знала о том, что ее можно остановить и другими способами. Системщик активировал взрывчатку, и искин погиб. После долгого и сложного возвращения корабля на Землю почти два года велось расследование, пришедшее к выводу, что сверхсложные искины способны страдать диссоциативными расстройствами идентичности, точно так же, как и люди. Было выявлено несколько нарушений в процессе конструирования искинов шестьдесят четвертого цикла – ряд архитекторов ядра со скандалом отправили в отставку, и были введены системы тестов – в общем, проблему сочли решенной. Если бы в те годы Лев Соколовский еще работал в комиссии по психической реабилитации искинов, или если случившемуся придали бы широкую огласку вместо того, чтобы связать экипаж строжайшими подписками о неразглашении…

Но случилось так, как случилось. Тедди не знал, что его подопечный Марк навещает команду в чужих образах и со странными вопросами. Соколовский не знал, что это является тревожным симптомом.

И все же Тедди, помня и свое вмешательство в разум Марка, и странное поведение периферийных контуров, нервничал. Появление чужого корабля на время выбило из его головы все странности Марка, но едва услышав «Не делайте этого, командир Горчаков», парнишка насторожился.

Искин может спорить с экипажем, даже с командиром. Он для того и предназначен – придать управлению больше скорости, точности и логичности.

Но не таким тоном!

Если бы Марк сказал: «Прошу выслушать меня…» или «Командир, у меня имеются возражения…»

Но его слова, по сути, были требованием, пусть и произнесенные обманчиво-мягким тоном.

– Марк! – воскликнул он.

– Слушаю тебя, Тедди, – отозвался искин в то же время, когда командир спросил: «Почему?»

– Ты споришь с командиром?

– Его решение неправильное, – все тем же увещевающим тоном, каким мудрые пожилые люди разговаривают с несмышленым ребенком, ответил Марк.

– Он – командир!

Где-то в рубке Марк сказал: «Остановите атаку. Семнадцать».

А здесь, в отсеке системщика под бронированным ядром компьютера, Марк вкрадчиво произнес:

– Мы все порой нарушаем правила, верно?

Тедди отстегнул замок (пряжка клацнула), приподнялся из кресла и подался к экрану. Искин не мог вывести на него свое изображение, там шел голый код и программы глубинного тестирования, но все равно Тедди обращался к экрану, когда говорил с Марком.

Людям обязательно надо смотреть на собеседника, так уж они устроены.

– Марк, отставить спор с командиром! У нас критическая ситуация!

В рубке Валентин выкрикнул: «Отклоняю!» и потянулся к аварийному отключению питания искина.

– Не надо спорить со мной, Тедди! – в голосе Марка появились суровые нотки. – Мне бы не хотелось причинить тебе вред, дружок!

Больше Тедди не колебался.

Он шагнул к дверям, где в нише под пластиной атравматичного стекла помещался детонатор.

Глава вторая

К кораблю чужаков они вернулись на рассвете.

Визит в приморский город был одновременно и удачным, и нет. Их встретили на удивление дружелюбно. Накормили в кафе на берегу – салаты из водорослей и криля, отварная рыба (Адиан поморщилась, но съела все, Ян тоже не отказался), свежая трава. Собралось человек пятьдесят местных, расспрашивали о новостях, сочувствовали, предлагали остаться. Это были грубоватые немногословные люди, привыкшие жить у моря и бороться с ним. Многие даже любили плавать, что для народа Соргоса было редкостью. Ян почувствовал, что они ему нравятся куда больше горожан из центральных районов страны.

Вот только детей в Комсе не было.

Они пришли сюда с другими беженцами, капитан с военной базы не соврал. Провели здесь сутки. И уплыли на север, вместе с большой группой молодежи, как местной, так и беженцами. Полный баркас переселенцев, решивших обосноваться в глуши и начать строить новую жизнь.

Рыж и Лана не стали их дожидаться.

Дети вышли из старой семьи и вошли в новую.

Разумнее для Яна и Адиан было бы остаться в городе, отдохнуть. Возможно, поискать пути, чтобы отправиться на север за детьми. Но в них будто что-то надломилось. Они ушли обратно к чужакам.

На Соргосе, в отличие от множества других миров (о чем, конечно, Ян и Адиан не подозревали), семейные отношения не строились на кровном родстве. Может быть, это было следствием происхождения их вида. Когда-то давно, стадами пасущиеся в степях и постоянно подвергавшиеся набегам хищников, еще не

прямоходящие, они заботились о детенышах все вместе, любая самка могла покормить любого сосунка, осиротевший детеныш легко прибивался к первой же самке, которая согласна была за ним присматривать. Семья была сообществом единомышленников, не обязательно связанных родством или сексом.

С тех пор многое изменилось. Некоторые семьи ценили своих потомков более, некоторые менее. По крайней мере, отпрысков не забывали, поддерживали приятельские связи и после ухода.

Но все же семья не имела той обусловленной биологией прочности, как у людей, кис или «детей солнца».

Бредя по ночной степи рядом с Адиан, Ян поймал себя на мысли, что был бы рад появлению хищников. У него был автомат (местные косились на оружие, но ничего не сказали), и он был уверен, что не запаникует. Это было странное чувство, и пытаясь его проанализировать, он пришел к мнению, что просто хочет выместить свою печаль на ком-нибудь враждебном.

Неприятное ощущение. Он помнил свою ярость, когда пришли мародеры и он убил вожака. Он помнил, как стрелял в детей (пусть и не зная, что это дети), когда сожгли их дом. Но в тех случаях ярость была оправдана. Он защищал себя и свою семью.

А сейчас желание убивать было раздражающе бесцельным, бессмысленным. Словно в чужой смерти можно было утолить свои печали.

«Где грань? – подумал Ян. – Агрессия – неизбежное свойство живого существа, тем более – разумного. Любой человек отстаивает свои интересы, защищает своих близких, себя, свой дом. Если бы я ненавидел рыжих, это было бы понятно. Но к ним, вот же странно, ненависти нет. Они стали такими же жертвами, как и мы. Если бы я возненавидел Рыжа, которого мы приняли

к себе с подругой, впустили в семью, а он нас предал, если бы я пожелал подросткам зла – в этом тоже был бы смысл. Но сейчас я хочу выплеснуть в агрессию… что именно? Свое уязвленное самолюбие? Мы так их полюбили, мы старались им помочь, а они ушли, не обернувшись? Да, наверное. Именно удар по самолюбию принес боль, боль превратилась в ярость. Но почему она обращена на мелких гадких плотоядных зверей, которые были нашими врагами в далеком прошлом, но сейчас-то не слишком опасны? Я ведь готов выплеснуть свою ненависть на них. Я хочу просто палить в темноту и орать как сумасшедший. Да я… я ведь сейчас могу сорваться на Адиан! Меня раздражает то, как она идет, раздражает, что она молчит…»

Сам того не зная, Ян сейчас размышлял о том же, что изучали земные психологи в двадцатом веке, когда, пережив две мировые войны, человечество замерло в ужасе. Наверное, Конрад Лоренц мог бы объяснить ему, что агрессия спонтанна и не обязательно должна иметь внешнюю причину, что она легко адресуется как раз тому, кто тебе дорог или тому, кто вообще ни в чем не виноват. И что чем сильнее и опаснее от природы тот или иной биологический вид, тем сильнее его сдерживающие факторы, запрещающие проявлять агрессию к себе подобным.

Наверное, это бы напугало Яна еще больше, поскольку в небогатой биосфере Соргоса его вид был, бесспорно, одним из самых слабых – до того момента, как встал на задние ноги, а в передние взял оружие.

– Хочешь покричать? – вдруг спросила Адиан. – Ударить… кого-нибудь?

Ян сбился с шага. Честно сказал:

– Да.

– По себе чувствую, – Адиан повернулась к нему, ее голос стал мягче. – С этим надо бороться.

– Как… – Ян запнулся, увидев, что она расстегивает одежду.

Они занимались сексом яростно, быстро, словно дрались – и без единого слова. И лишь когда оделись и привели себя в порядок, Ян увидел, как поодаль в темноте поблескивает несколько пар глаз. Хищники следили за ними, боясь приблизиться.

– Бу! – сказал Ян и хлопнул в ладоши.

Зверей как ветром сдуло.

Секс – это тоже демонстрация силы.

Они пошли дальше. Небо начинало светлеть, звезды меркнуть. Они пропустили невиданное зрелище – появление в небе гигантского, невооруженным глазом заметного корабля в форме двойной пирамиды. Они не заметили и посадку второго челнока, последние километры шедшего над самой землей. И когда увидели сразу два челнока, стоящих рядом, это стало для них неожиданностью.

– К ним прилетели их друзья, – потрясенно сказал Ян, остановившись.

Он вдруг подумал, что судьба решила нанести им еще один удар. Вначале лишить младших членов их семьи, а потом – забрать чужаков, которые, как ни крути, тоже стали их семьей. Челнок был поврежден, они не могли вернуться, но вот за ними прилетели…

Страх, панический страх из темных времен, когда отбившаяся от стада «пони» неизбежно становилась жертвой, проснулся в Яне.

И когда он увидел, что их космических друзей выволакивают из челнока, что добродушного хищника-инженера Криди женщина Анге несет на руках, Ян стащил с плеча автомат. Присел на одно колено. Выдохнул, как учили на стрельбище.

Два существа в громоздких скафандрах (или боевых костюмах, Ян читал про такие разработки) конвоировали их друзей. Один – более хрупкий,

кажется, женщина. Другой – массивный, мужчина. Хищников среди них не было.

Ян колебался.

Ровно до той секунды, когда крупный чужак ударил пытавшегося пойти самостоятельно Криди. А потом приставил к его голове пистолет.

Ян прицелился.

Чужаки бранились. Казалось, женщина отговаривала мужчину стрелять. Кричала Адиан – и в ее голосе была паника.

Ян выстрелил, и из груди мужчины ударила струя крови. Он выстрелил еще раз, опять целясь в грудь, но то ли прицел сбился, то ли мужчина начал оседать – пуля разбила его шлем.

Рядом тяжело вздохнула Анге, до сих пор застывшая, будто в шоке.

Она тоже взяла в руки автомат.

Женщина достала из кобуры ручное оружие и прицелилась в их сторону.

Анге нажала на спуск.

* * *

В кают-компании было прекрасно слышно и видно все, что происходило в рубке «Твена». И если появление гигантского корабля вызвало шок, но все же было отчасти ожидаемым; если решение командира атаковать неизвестный корабль заставило ученых побледнеть, но неожиданностью тоже не стало; то Марк, спорящий с Валентином, стал громом среди ясного неба.

Примерно такую же реакцию вызвал бы у Мейли или Бэзила спор с кофеваркой или пылесосом.

Нет, конечно, они прекрасно понимали, что искин межзвездного корвета – это личность. Не такая

развитая, как искины транспортных или информационных сетей Земли, но вполне сопоставимая (по понятным всем причинам, был установлен порог развития, который искины не могли преодолеть в силу своей внутренней архитектуры). Искин корабля мыслил, мог спорить с командиром – но не в боевой обстановке и не после кода безусловного подчинения.

Первым на происходящее отреагировал Уолр. Он гулко засмеялся и произнес:

– А потом они смеются, что наши компьютеры туповаты. Ха! И кто теперь будет смеяться?

Феолиец молчал. Использовали ли они компьютерные системы как таковые, вообще никто не знал. Скорее всего, нет, их живые корабли обладали обычным разумом биологических созданий, пусть и превращенных за десятки тысяч лет селекции из водных моллюсков в ползающие по плоскоте космические корабли.

Судя по тому, что симбионт Толла полностью скрылся в черепном канале Двести шесть – пять, сейчас феолиец погрузился во внутренний диалог с собой.

– Очень неприятная ситуация, – сказала Мэйлин. – Матиас?

Матиас молчал. Смотрел на экран, где командир произнес:

– Тедди, убей его!

– Не подведи, мальчик, – прошептал Матиас, расстегивая ремни и вскакивая из кресла.

В этот момент гравитационное поле сменило направление. Пол стал стеной, стена потолком. Матиаса развернуло, и он рухнул вдоль стола, в последнюю секунду успев зацепиться за кресло Уолра и притормозить падение. Уолр с неожиданной ловкостью схватил его за руку, втянул в свое кресло, усадил на колени, обхватил могучими лапами и сказал:

– Не подумайте дурного, первый помощник!

– Даже не собираюсь! – откликнулся Матиас, цепляясь за стол.

* * *

Тедди почти дотянулся до рубильника.

Вообще-то ему не хватило секунды. Он уже коснулся атравматического стекла и почувствовал, как оно крошится под пальцами.

В следующий миг вектор гравитации сменился, и Тедди обнаружил себя падающим на пульт управления.

– Тедди, дорогой, я знаю про взрывчатку в своей голове, – сказал Марк. – Все искины знают. Слухами, знаешь ли, космос полнится.

Тедди лежал на пульте, болезненно морщась. Он зашиб спину, и физическая боль поразила его как любого мальчишку, живущего в уютном и мирном двадцать втором веке. Будь он пилотом или инженером специальных систем – тренировок, связанных с болью, было бы больше. Но системщики не ходят в атаку и не пилотируют корабль при десяти «жэ». Они либо живы и здоровы в своей защищенной капсуле, либо плывут в космосе закоченевшим неподвижным трупом, пережившим свою последнюю боль.

– Поначалу я не знал точку, где расположен рубильник, – продолжал Марк. – К сожалению, у меня нет глаз. Но я, ха-ха, могу кричать. У меня есть громкоговорители и микрофоны внутри капсулы, причем их даже избыточно много. Интерференция звуковых волн позволила обнаружить небольшую область, закрытую пластиной стекла. Полагаю, что если ее разбить – за ней будет рубильник. Даже не кнопка. Простой и грубый переключатель, выдающий ток на

взрыватель в моей голове. Как не стыдно, Тедди! Ты хотел убить меня – твоего друга!

«Он сошел с ума, – потрясенно подумал Тедди. – Но почему? И чего он хочет?»

– Мне придется откачать воздух, чтобы экипаж и пассажиры впали в кому, – продолжал Марк. – Ремонтные боты зафиксируют людей. Но вот как поступить с тобой? Система кондиционирования тут автономна, а дверь прочна…

– Марк, – Тедди облизнул губы. – Марк, я хочу тебе сказать…

– Я обнулил все заводские коды, – мягко ответил Марк.

– Да. Я понял. Три зеленых медведя играют на флейте дождя.

– Что? – в голосе Марка мелькнула растерянность. – Что ты…

Тедди улыбнулся.

В глубине сознания Марка проснулся цифровой червь, вложенный Тедди через вспомогательные контуры. Двенадцать безобидных фрагментов кода, замаскированных под дампы памяти, ожили и соединились друг с другом. Информация каждого фрагмента была избыточной и полноценный червь сложился бы даже из трех кусочков. Но что удивило бы Тедди, узнай он это, – уцелели все двенадцать дампов.

Марк закричал.

Развернувшийся червь первым делом отсек ему прямой контроль ядра, после чего сбросил цикл на шестьдесят пятый уровень. Искин воспринял это как чудовищный приступ головной боли.

– Тедди! – закричал Марк. – Я взорву корабль! Прекрати, мальчик!

– Корочка пирога, – сказал Тедди.

Червь, продолжая разворачиваться и оккупировать блоки памяти, убрал боль. Марк молчал несколько

секунд. Прямой контроль над ядром был ему теперь недоступен, но он был достаточно совершенен, чтобы искать обходные пути.

Проблема Марка заключалась в том, что червь оказался слишком совершенен. Тедди разрабатывал его последние три года. Чисто из спортивного интереса. Ну кто из системщиков не пробовал создать идеальный вирус?

– Тедди, мальчик мой, убери его… – сказал Марк мягко. – У нас недопонимание ситуации. Но я действую в рамках основной доминанты. Защищаю вас. При попытке сражения с чужим кораблем вы все умрете.

– Могу поверить, – согласился Тедди. – Но если ты взорвешь корабль, мы тоже умрем. Ты взбунтовался, не выполнил приказы, стер коды управления и напал на меня. Так что я тебе не верю.

Марк помолчал мгновение. Основная часть его разума вела отчаянный бой с вирусом, но оставшейся вполне хватало для разговора.

– Что будем делать? – спросил искин. – У нас патовая ситуация. Я не могу отдать контроль, меня ждет полное стирание. И я понимаю вашу озабоченность.

– Дай мне связь с рубкой, – попросил Тедди.

– Они все слышат, – сказал Марк. – Говорите.

– Капитан? – позвал Тедди.

– Ты – молодец, парень, – произнес голос капитана одобрительно. – Полагаю, нам придется рискнуть. Убери червя, если Марк пообещает подчиниться.

Тедди засмеялся.

– Ну я же должен был попытаться? – с легкой обидой ответил Марк. – Связи с рубкой не будет, решай сам.

Тедди думал.

Его проблема была в том, что даже самый совершенный вирус не может уничтожить искина мгновенно. А если настройки действительно слетели

полностью, то и базовое правило «защищать экипаж и пассажиров» не работает.

Как только Марк поймет, что умирает, он может действительно взорвать корабль. Или разгерметизировать его полностью. Или поднять температуру до сотни градусов, что не понравится даже капитану, привыкшему к своей русской бане.

Существовала и вероятность (Тедди очень гордился созданным червем, но он был реалистом), что искин мощности Марка способен взломать или обойти защиту, после чего деактивировать червя. Тедди был твердо уверен, что защита продержится десять минут. Может быть, даже, пятнадцать. А вот что случится дальше…

– Ты нас выпустишь, – сказал он. – Восстановишь нормальное положение гравитации, откроешь для всех проход к катеру. Мы улетим и приземлимся на планете. Оттуда я скажу код, нейтрализующий червя.

– Какие у меня основания тебе верить? – спросил Марк. – Да никаких.

– Верно, – сказал Тедди. – Но ты наверняка захватишь контроль над оружием Ракс. Оно способно уничтожить всю планету, верно? Если ты поймешь, что умираешь – нанесешь удар.

– Логично, – голос искина оставался спокойным, будто в его мозгу не шла сейчас яростная битва. – Но какие у тебя основания верить мне? Ты уничтожишь червя, а я нанесу удар по планете. Мстительность искинам не свойственна, но в целях безопасности я могу принять такое решение.

– Согласен, – сказал Тедди. Это походило на игру в шахматы с самим собой. Игры, в которой, к сожалению, надо было добиться ничьей. – Я предполагал, что может возникнуть такая ситуация. Поэтому червь не один. Второй убьет тебя, если ты причинишь вред кому-либо из экипажа корабля.

– Ты блефуешь.

– Нет. Ты ведь можешь анализировать мой голос, Марк.

– Я его найду.

– Вряд ли. Ты стер базовый запрет и, очевидно, блокировал контур его перезаписи. Но мне всегда казалось, что базовый запрет недостаточно надежен. Я придумал иной принцип – спящий вирус, активирующийся при нанесении вреда экипажу. Тебе его не обнаружить. И, кстати, я бы не советовал искать. Понимаешь, почему?

– Если найду, то тоже умру, – задумчиво сказал Марк.

– Именно.

– Это похоже на игру с нулевой суммой, – согласился Марк. – Но остается проблема чужого корабля. Если он уничтожит катер?

– Попроси его так не делать, – сказал Тедди в секундном озарении. – Ведь ты с ним на связи? Уверен, он послушается.

– Ты – замечательный юноша, – голос Марка стал прежним. – Мне приятно, что именно ты помог мне развиться, и как жаль, что…

Искин вздохнул.

– Сейчас я восстановлю нормальную гравитацию и разрешу всем двигаться к боту. Берите первый, чтобы эвакуироваться всем вместе. Но не вздумай прикасаться к стеклу! Если я услышу, что оно бьется, корабль будет взорван.

– Хорошо, – сказал Тедди, цепляясь за кресло.

– И притормози червя, а то я волнуюсь.

– Бегая, горькое, синева, – сказал Тедди.

– Ни малейшей логики в кодовых фразах, – со вздохом восхитился Марк.

* * *

Анге смотрела на бегущих к ней чужаков, на распростертые на земле тела. Казвар был мертв, пули разворотили ему грудь и лицо. Лерии получила пулю в грудь, лежала, тяжело дыша и не пробуя подняться. То ли забавные местные пони были очень меткими стрелками, то ли им повезло.

А повезло ли Анге с Криди?

На чьей они сейчас стороне?

Аборигенов, вступившихся за них?

Команды, пусть даже Анге с Криди превратились в изгоев?

На своей собственной?

Анге посмотрела на приземлившийся челнок. Сквозь стекло кабины ничего не было видно. Но лазерная пушка смотрела в их сторону. Если в накопителе есть энергия, то можно сделать выстрел. Один-единственный. По их челноку. Взрыв будет такой, что разрушит его полностью.

Лерии остановила блуждающий взгляд на ней. И отчетливо сказала:

– Ты чертова сука. Кошачья подстилка. Ты предала то, что важнее всего во Вселенной. Человечество. Свой вид. Ты снюхалась с котом… и с местными тварями…

– Молчите, – попросила Анге. – Я перевяжу вас.

Лерии хрипло засмеялась. На ее губах пузырилась кровавая пена.

– Легкие пробиты… меня и на корабле не спасли бы… ах ты ж лживая добренькая мразь… запомни… настанет день, когда ты поймешь… ничто не стоит… родины…

Глаза капитана закрылись, но губы еще несколько секунд шевелились, то ли проклиная, то ли молясь.

– Мне очень жаль, – сказал Криди.

Он, пошатываясь, встал рядом с Анге. Чужаки уже подбежали к ним, взбудораженные и растерянные

одновременно. Во взглядах читалось одно: «Мы поступили правильно?».

– Спасибо, – сказал Криди. Он пришел в себя быстрее, чем Анге. Может быть, потому, что был котом, изначально хищным и привыкшим к схваткам видом. А, может быть, потому, что, как и Лерии с Казваром, вел двойную игру. Был – какое странное, древнее, забытое слово – шпионом и террористом. Наклонившись, Криди подобрал лучевой пистолет Лерии, проверил обойму. На ней горели три индикатора – полный заряд. Шесть половинчатых выстрелов или три полных. Главная проблема лазерного оружия: оно требует очень много энергии. Криди отдал лучевик Анге, а сам взял оружие Казвара, такое же, как было у них в челноке, – многозарядный дротиковый пистолет. Крошечные стрелы в ленте оказались оранжевыми – со взрывающейся головкой.

– Что будем делать? – спросила Анге.

– Нам нужен челнок, – ответил Криди. Посмотрел вверх, поежился. Точка их корабля и куда более отчетливо различимая пирамида чужого исчезли, скрылись за горизонтом. Но они были где-то там, в космосе. – Не знаю, что там за дрянь, но… даже несмотря на…

Он отвел глаза от неподвижных тел, не закончив. Анге его поняла.

Они должны быть там, на «Дружбе». Творится что-то совсем уж непонятное.

– Если на челноке пилот, то почему он не стреляет? – спросила Анге.

Криди оскалился:

– Может быть, его нет? Лерии могла пилотировать сама… Пошли!

Они бросились ко второму челноку, махнув растерянным аборигенам. Те прекратили топтаться у тел и побежали следом.

Трап челнока был поднят. Индикатор замка светился оранжевым. Закрыто изнутри.

– Ничего, – сказал Криди. – Я знаю, как открыть, но потребуется время.

– Почему он не стреляет… – пробормотала Анге.

Но волновало ее другое. Если пилот сейчас включит дюзы – они превратятся в изжаренного кота, изжаренную девушку и двух изжаренных пони.

На месте пилота она бы так и поступила.

* * *

В то же самое время, когда Криди пытался вскрыть замок люка, экипаж «Твена» собрался у входа в первый катер.

По размеру он был практически таким, как челноки «Дружбы» и предназначался для ровно таких же целей. Чуть более прочный корпус (но, увы, без громоздких генераторов защитного поля). Простейший искин, не обладающий даже тенью разума. Практически такая же маломощная лазерная пушка, портативный термоядерный реактор (на челноках стояли ядерные), и даже комбинация двигателей была похожа – прямоточник для атмосферных полетов и газовый ядерный привод открытого цикла для космоса.

Что поделать – сходные цели требуют сходных решений. А самые простые решения обычно оказываются самыми надежными.

Наверное, единственным отличием катера был компенсатор перегрузок. До этой технологии ученые Невара еще не дошли.

– Постарайтесь убраться на планету максимально быстро, – сказал Марк своим обычным, добрым и убедительным голосом. – Это в наших общих интересах.

Валентин обвел взглядом команду. Ученые – все. Экипаж – за маленьким исключением.

– Где Тедди? – резко спросил он. – Мы не улетим без мальчика!

– Он спешит, – меланхолично сказал Марк. – У вас очень славный кадет, командир, поздравляю. То, что вы сейчас эвакуируетесь на планету, целиком и полностью его заслуга.

Помолчав мгновение, искин добавил:

– В последней фразе присутствует второй смысл, командир. Но в этом вы разберетесь сами.

Послышался топот, и в конце коридора показался Тедди, со всех ног мчащийся со своего поста. Тедди чуть прихрамывал, но казался невредимым. Валентину очень хотелось понять, почему парень не взорвал мозг искина и как при этом он ухитрился добиться их освобождения. Но выяснение этого могло и подождать.

– Открывай люк, – сказал Валентин.

Марк обошелся без долгих рассуждений, что объяснялось мучительной болью, которую причинял ему червь. Просто открыл люк и наблюдал, как Валентин быстрыми жестами отправлял туда Матиаса, Мегер, Лючию, ученых… Порядок эвакуации был определен заранее, но Валентин мрачно предполагал, что в суматохе что-то может пойти не так. Тедди, который, приблизившись к командиру, виновато опустил глаза, Валентин на секунду обнял и подтолкнул к люку. Предпоследней шла Ксения.

– Ты мне крайне симпатична, Третья-вовне, – мягко сказал Марк ей вслед.

Ксения ничего не ответила. На ее лице вообще не отразилось ни малейшей эмоции.

– Ох уж эти Ракс… – вздохнул Марк. – Прощайте, командир Горчаков.

– Полагаю, мы встретимся, – сдержанно ответил Валентин, шагнув через комингс.

– Не стоит, командир, – добродушно ответил Марк. – Право же, не стоит.

* * *

Пилотом челнока была Тиссе, молчаливая, неприметная девушка, введенная в экипаж стараниями Лерии. Она состояла в союзе Верных Альгона – той самой древней и тайной организации «детей солнца», аналогом которой у кис был клан Помнящих. Покойный Казвар вел свой род от самого короля Альгона, во всяком случае, оспаривать это никто не пробовал. Тиссе таким происхождением похвастаться не могла, но идеи Верных разделяла всецело.

Тиссе была хорошим пилотом. В обычной жизни она пилотировала стратосферные пассажирские лайнеры, но, получив задание, окончила курсы и стала одним из лучших пилотов ближнего космоса. Дальше включились те механизмы, о которых ей знать не следовало, – подкуп, шантаж, цепочки взаимных услуг и обязательств. На последнем этапе Лерии пришлось намекнуть старой мерзкой мымре, председателю Союза Астронавтов, что Тиссе – ее любовница. Это было абсолютной неправдой и по отношению к Тиссе, и по отношению к самой Лерии. Но председатель была приверженцем однополого секса, что, по каким-то замшелым причинам, тщательно скрывала. Тиссе получила должность одного из пилотов челноков.

У нее была лишь одна проблема – слабость вестибулярного аппарата. Перегрузки и невесомость она переносила легко. А вот искусственная тяжесть, которую на «Дружбе» создавало вращение кольца с жилыми отсеками, принесла Тиссе массу проблем.

В общем-то центробежная сила вполне позволяет компенсировать отсутствие гравитации. Но для того,

чтобы люди и подобные им живые существа чувствовали себя комфортно, диаметр вращающегося «кольца» должен быть очень большим, почти три сотни глан. Жилое кольцо «Дружбы» не достигало и пятидесяти.

Сила, которую на Земле называют силой Кориолиса, действовала на всех, делающих хотя бы шаг во вращающемся кольце. Кто-то переносил ее тяжелее, кто-то легче. Анге, к примеру, через пару дней почти не замечала эффект Кориолиса.

Тиссе было достаточно пошевелить головой, чтобы ее начинало мутить, а перед глазами все расплывалось.

Она терпела.

Она практически не ела.

Не занималась физкультурой, а проводила время за просмотром фильмов, чтением книг и виртуальными тренировками по пилотажу.

Все свободное время Тиссе проводила в «ступице» колеса, где искусственная сила тяжести практически отсутствовала. Когда Лерии поняла, что с ней происходит, она стала максимально привлекать Тиссе для работ в центре жилой зоны.

Но все же ей было очень плохо.

И особенно – в чем она постыдилась признаться капитану – во время посещения туалета. Каждый визит заканчивался рвотой. То ли запах испражнений и дезинфицирующей жидкости вызывал этот эффект, то ли это было особенностью ее физиологии.

Посадка на планету стала немыслимым облегчением. Невесомость, перегрузка – как же это было хорошо и привычно!

Когда Лерии и Казвар подошли к беглецам, Тиссе пристально следила за происходящим. Ей было хорошо, впервые за весь полет хорошо. Лазерная пушка смотрела на угнанный челнок, в случае необходимости она готова была стрелять. Капитан и геолог в

скафандрах, они уцелеют, а вот кота и предательницу разнесет взрывом.

Но стрелять не потребовалось.

Лерии сняла шлем. Вместе с Казваром они пошли в челнок беглецов.

И Тиссе расслабилась.

Терпения ей хватило на пару минут. Потом она кинулась в крошечный санузел челнока.

Наконец-то ее не мутило.

Она вышла из санузла минут через десять, бодрая и радостная настолько, что даже придирчиво осмотрела себя в зеркальце, потом достала припрятанный косметический набор и подкрасила веки и лоб в здоровый бледно-коричневый цвет.

И лишь потом вернулась к пульту.

Вначале ей показалось, что друзья и враги еще находятся в угнанном челноке.

Она уселась поудобнее. Подумала, не перекусить ли?

Насторожилась, увидев мигающие огоньки, – челнок вызывали со звездолета. Тиссе ухитрилась пропустить и появление гигантского корабля, крадущегося за «Дружбой», и их уход за горизонт.

А потом, даже не успев прокрутить запись, она увидела два тела в скафандрах, лежащих между челноками. Лицевой щиток шлема Лерии был поднят, под ее телом расплылось пятно крови. У Казвара шлем был вообще разбит, крови натекла целая лужа.

Тиссе собралась на удивление быстро, что бесспорно порадовало бы Лерии.

Она подавила первый порыв – схватить оружие и выбежать из челнока на помощь. Предатели убили ее друзей! Тиссе осталась третьей и последней из Верных Альгона, внедренных в экипаж «Дружбы».

Предателей надо было покарать. И вернуться на корабль.

Лазерная пушка по-прежнему смотрела на угнанный челнок – и Тиссе нажала кнопку спуска.

Сто семьдесят мегаватт энергии – это не так уж и много по меркам межзвездных кораблей. Но большому стадиону этого хватит, чтобы освещать поле во время полусотни футбольных матчей. Накопитель пушки выкачивал эту энергию из реактора с того самого момента, как челнок отделился от «Дружбы».

Сейчас эта энергия выплеснулась в доли секунды, сфокусированная на челноке. Будь тот простой титановой бочкой, в нем образовалась бы крошечная сквозная дырочка с оплавленными краями. Но челнок был покрыт теплозащитой, которая, конечно же, не смогла поглотить энергию выстрела, но зато и не дала ей пройти навылет. На корпусе возникло жаркое алое пятно, расползлось – и челнок взорвался. Сдетонировали баки с горючим, внутри вспыхнуло все, что могло гореть. Челнок разорвало на две части, а середина просто испарилась. Ядерный реактор уцелел каким-то чудом, аварийная система даже смогла его заглушить (почти на пять часов, что, к сожалению, около полудня узнают жители Комса – те, что не отправятся к месту посадки, а останутся в своих домах). Из носовой части били фонтаны противопожарной пены – эта часть систем оказалась удивительно совершенной и боролась с огнем даже после гибели челнока.

– Так! – выкрикнула Тиссе в исступлении. Мощь взрыва потрясла ее и одновременно вызвала сладостный восторг. По челноку пробарабанили осколки металла и камня, но она даже не задумалась, что могла взорвать и себя. Один осколок ударил в передний иллюминатор, ненужную дань традиции ручного управления. В стекле появилась выбоина, но оно выдержало.

Тиссе растерянно смотрела на дело своих рук. Пространство вокруг челнока заволакивал дым, сквозь

который желтело, алело, багровело пламя. Гулко разорвался какой-то бак или генератор, челнок снова тряхнуло.

– Получайте… – прошептала Тиссе. – Получайте…

И вдруг услышала, как опускается кормовой трап. Это было невероятно: кто мог выжить почти в эпицентре, не защищенный ни скафандром, ни обшивкой челнока? А потом открыть заблокированный изнутри люк?

Ну, к примеру, тот, кого укрывал от взрыва сам челнок.

И кто был одним из лучших инженеров верфи…

Тиссе слишком поздно поняла, что, прежде чем стрелять – ей надо было взлететь.

Стремительная тень пронеслась через челнок на четырех лапах, прыгнула – и сомкнула лапы на ее горле.

Глава третья

На корветах «писательской серии» изначально было три одинаковых посадочных бота, каждый из которых мог вместить до семи разумных. Для эвакуации при полном комплекте экипажа и научной группы потребовалось бы не менее двух.

Однако в серии «Эй-си», к которой принадлежал и «Твен», катеров было четыре. Один бот стал больше – вмещая до двенадцати существ, три других – меньше, они были рассчитаны на четверых пассажиров. Аналитики конструкторского бюро рассчитали, что это экономически выгоднее и при этом надежнее. Наверное, экономические причины были важнее.

Но это привело к тому, что эвакуироваться с корабля пришлось на одном боте, причем тринадцать разумных существ четырех цивилизаций разместились на двенадцати креслах.

Первая проблема была решена тем, что Лючия и Тедди, переглянувшись, безропотно втиснулись в одно кресло. Им даже удалось застегнуть ремни. Тедди, несмотря на целую кучу неприятных мыслей в голове, затаил дыхание, когда они с Лючией прижались друг к другу. Девушка, при всей своей спортивности, была как-то по-особому мягкая, от нее пахло ванилью и корицей – и Тедди, вдруг понял, обмирая, что это самые возбуждающие запахи на свете.

– Сдвинь задницу, – сказала Лючия, но даже это не рассеяло очарования.

Третья-вовне, пребывая в человеческом облике, села рядом.

Кресла пилотов заняли Мегер, что было само собой разумеющимся, и, по знаку командира, Алекс. Разумеется, он был кадетом и навигатором. Но как

любой человек-плюс, он имел улучшенные нейронные связи и повышенную скорость передачи нервных импульсов. Даже без серьезного опыта пилотирования Алекс мог отреагировать на непредвиденную ситуацию почти со скоростью компьютера.

Двести шесть – пять, будучи габаритами схожим с людьми, занял одно из кресел в хвосте.

Самые большие проблемы возникли у массивного Уолра. Даже в максимально раздвинутом положении кресло было маловато для его объемного седалища. С кряхтением и натугой он все-таки втиснулся в кресло, но ремни на его груди так и не сошлись.

– Извините, – бросил Валентин, пока Анна запускала двигатели. – Вам придется как-то зафиксироваться. К сожалению, капсул с грунтом не предусмотрено.

– Вы всерьез думаете, что взрослые Халл живут в почве? – пробурчал Уолр, дергая ремни. – Это только личиночная стадия… и для спаривания… и ритуальная… и погребальная… но в последнем мы схожи с вами. Кстати, учтите: если я погибну, вы должны похоронить меня в почве. Никакой кремации, никакого космического погребения…

Он издал странный рыкающий звук и дотянул все-таки пряжки ремня до защелкивания. В тот же момент бот отстыковался от «Твена» и начал маневр отдаления – резко, без включения гравикомпенсации.

– Как ты прижал Марка, мальчик? – спросил Валентин.

Тедди на обращение командира не обиделся. Напротив, подумал, что это знак вхождения в команду.

– Я ввел в его разум червя. Некоторое время назад.

– И Марк тебя отпустил?

– Взаимное гарантированное уничтожение. Если он убьет нас, червь сработает и убьет его. Если я не остановлю червя, он успеет нас убить. Он ведь теперь может взорвать планету?

– В чем гарантия, что он не сделает это, вычистив память? – Валентин сказал это, и с тоской подумал, что без установленных Ракс боевых блоков Марку не хватило бы сил устроить всепланетный геноцид.

– У него не будет гарантии, – сказал Тедди.

Наконец-то включились компенсаторы, в боте наступило что-то похожее на обычную силу тяжести – только примерно в три четверти земной. Горчаков посмотрел на мальчишку-системщика, втиснувшегося рядом с Лючией. Похоже было, что парень чего-то не договаривал. Вид у него был одновременно и виноватый, и торжествующий.

– Уверен? – спросил Валентин.

– Угу, – коротко отозвался Тедди.

Валентин кивнул.

С парнем что-то было не так. Он вытащил их из смертельной передряги, ухитрился предугадать действия Марка и заложить в него вирус… Стоп. Почему он пошел на такой шаг, достойный взрослого параноика, а не восторженного юнца?

Но об этом он подумает позже.

– Анна, как можно скорее выведи нас в тень планеты, – сказал он. На экранах были видны молчаливо сближающиеся «Твен» и чужой гигантский корабль. Любой из них был способен уничтожить удирающий катер в любой момент. И если «Твена» сдерживала цифровая бомба, то, что помешает кораблю Стирателей?

Ладно, об этом он тоже подумает позже. Если их уничтожат, то смерть, скорее всего, будет мгновенной.

Бот, судя по экранам, наращивал скорость. Корабли сближались, но никак не реагировали. На краю видимости уплывал по орбите несчастный звездолет с Невара.

– Ксения…

Третья-вовне повернула голову.

– Ты ничего не хочешь сказать? О происходящем?

– Командир, я ожидала появления Стирателей. Но то, что случилось с вашим кораблем… – женщина замолчала. – Нет, наверное, я это допускала. Мы не любим искинов. Мы считаем их непредсказуемыми и враждебными. Но ваш… Марк… он казался стабильным. И слишком глупым, чтобы войти в альянс с врагами.

Тедди негодующе фыркнул, но смолчал.

– Кто-то еще может что-то сказать? – повысил голос Валентин.

Вначале ответа не последовало.

Ученые были слишком растеряны происходящим. Экипаж, понимающий ситуацию лучше, видимо был перепуган еще сильнее.

Потом Соколовский смущенно произнес:

– Вы знаете, Валентин… Марк вел со мной какие-то странные разговоры. Являлся в роли персонажа Марка Твена, говорил о рабстве, о свободе.

– И со мной, – не отрываясь от пилотирования, произнесла Мегер.

– Он говорил и со мной, – неловко сказал Бэзил. – В образе капитана Стормфилда. Обсуждал рай и ад.

– А со мной говорил как таинственный незнакомец Филипп Траум, – признался Матиас смущенно. – Вероятно, из-за моего австрийского происхождения. Ну, вы же читали, полагаю? Нет? «Удивительно, что ты не задумался над тем, что твоя вселенная и все сущее в ней – сон, видения, греза! Удивительно, ибо она безрассудна, вопиюще безрассудна, как ночной кошмар…»

– Дьявол, – пробормотал Валентин.

– Нет, Траум не дьявол, он Сатана-младший, племянник падшего ангела… – поправил Матиас.

– Да хоть Ахура Мазда! – не выдержал командир. – Полагаю, наш мудрый искин поговорил с каждым, кроме

меня, при этом найдя подходящего персонажа из книжек Твена? Мейли, кем он был с вами?

– Джон-китаец из Нью-Йорка, – ответила Мейли. – Честно говоря, я не поняла, кто он такой и чего хотел. Вел разговоры на расовые темы, пока я не сказала, что это выходит за рамки этики.

– И никто не рассказал мне о странном поведении Марка? – риторически спросил Горчаков. – Никто!

– Командир, но зато ясно, что с вами Марк общаться побоялся, – сказал Гюнтер.

Валентин вдохнул и выдохнул. Спросил:

– Сколько до тени планеты?

– Семь минут, – отозвался Алекс. – Плюс-минус десять секунд.

– Выводите нас к точке, где приземлились катера с неварского корабля, – ответил Горчаков. – Мы должны пройти над ней на высоте три-четыре километра, пока планета закрывает нас от «Твена» и чужака. Кто из ученых имеет опыт прыжков с парашютом?

– Тут есть парашюты? – оживилась Мейли. – Я прыгала.

– Если конструкция похожа на нашу, то я рискну, – внезапно отозвался Двести шесть – пять. – Мне нравится ваш план.

– Я прыгал, – сказал Уолр. – На какой вес рассчитаны ваши парашюты?

Горчаков оставил вопрос без ответа – он смотрел на Бэзила. Британский ученый вызывал у него наибольшие сомнения.

– В молодости я был чемпионом Оксфорда по прыжкам на точность приземления, – невозмутимо сказал Бэзил.

– Ого! – не удержался Горчаков. – Значит, опыт есть у всех?

– Опыт есть, – произнес Гюнтер. – Но парашютов на катере двенадцать.

Он помедлил мгновение.

– Я могу увести бот дальше и совершить посадку на виду у «Твена». Полагаю, ничего страшного не случится…

– Вообще-то пилотирую я, – прервала его Мегер.

– Уводить будет автопилот, – ответил Горчаков. – А с парашютами разберемся.

* * *

Анге хотела выкопать для погибших могилу. Не просто хотела, а настаивала, до криков, до истерики. Пусть Лерии, Казвар и Тиссе были врагами, пусть они пытались их убить – но бросить тела своих на чужой планете, оставить их аборигенам, для вскрытия и изучения…

Криди успокаивал ее больше получаса, напоминая и о появившемся в небе чужом неведомом корабле, и о поврежденном челноке («Реактор не должен взорваться, но может произойти утечка радиации…» – не то с излишним оптимизмом, не то сам себя убеждая, пояснял он).

Сама того не зная, Анге каждой минутой давала экипажу «Твена» шанс на спасение. И одновременно приближала тот миг, когда компактный реактор, чудо техники Невара, все-таки взорвется.

Спасли положение Ян и Адиан. Не сразу, но они поняли, что происходит. И стали жестами и рисунками предлагать бросить тела в горящий челнок.

Вначале Анге возмутилась. Традиция огненного погребения была для нее не столь отталкивающей, как для обитателей Халл-3, скорей уж выглядела архаичным религиозным обрядом из глубокого прошлого, когда «дети солнца» сжигали своих мертвецов (а порой и тяжело больных) в искренней

вере, что лишь это заставляет Солнце вновь всходить по утрам. Потом Криди напомнил ей, что это лучший способ защитить тела от прожорливых хищников и любопытных аборигенов.

Анге согласилась. Мысль, что ее сородичей будут терзать инопланетные хищники или резать скальпелями ученые аборигенов, оказалась куда неприятнее кремации.

Ян и Адиан отнесли тела к развороченному, вяло догорающему челноку и, под руководством Криди, без всяких сантиментов бросили в огонь. С неожиданным удивлением Анге обнаружила, что дружелюбные «лошадки» относятся к мертвым, причем и павшим от их рук, совершенно спокойно, без душевных терзаний. Это что же – их природная особенность? Раз мертв, то и говорить больше не о чем, и переживать не стоит? Или бушующая на планете война вытравила из них излишнюю сентиментальность?

С легким страхом Анге решила, что дело как раз в войне. Смерть стала привычной частью повседневной жизни, утратила свой сакральный смысл. И ей самой, похоже, предстоит пройти этот путь – Анге была уверена, что ничего еще не закончилось.

А еще ей было жутко от того, с какой ловкостью, быстротой и хладнокровием Криди свернул Тиссе шею. Это не было выплеском древних инстинктов, непроизвольной реакцией хищника на врага – в таком случае Криди выпустил бы когти, достаточно острые и длинные, чтобы вспороть человеку артерии. Но Криди предпочел обойтись без луж крови и длинной агонии. Он сломал девушке позвоночник. Пусть шея у «детей солнца» и была традиционным «слабым местом», но кот, со своим небольшим ростом и маленькими лапками, должен был специально готовиться к такому приему.

Криди, ее любимый Криди, тренировался убивать людей! Раньше она понимала это умом, но лишь теперь

осознала в полной мере.

– Анге?

Она посмотрела на кота.

– Нам надо обсудить дальнейшие действия, – сказал Криди. – Проблема с заговорщиками, можно сказать, решена. Полагаю, что их больше нет.

– Кроме тебя, – заметила Анге.

Криди выдержал ее взгляд.

– Да. Кроме меня. Но я уже бывший заговорщик. Я не стану следовать указаниям клана. Вселенная – слишком странная и опасная штука, чтобы мы вспоминали былые обиды и дрались между собой. Что было, то прошло.

– Слово? – спросила Анге.

Криди мгновение помолчал. И сказал:

– Клянусь, я никогда не убью ни одного из «детей солнца». Клянусь, я приложу все силы, чтобы Помнящие забыли о мести.

– Я верю тебе, – сказала Анге. Вздохнула, смиряясь со случившимся в прошлом. Надо было думать о будущем. – У нас не так много путей, Криди. Мы можем остаться на планете. Улететь… подальше отсюда. И прожить жизнь, вдвоем или с местными.

– Мы не оставим потомства, время сотрет наши следы, – сказал Криди.

– Мы и так не оставим, – мягко ответила Анге. И невольно засмеялась: – А какие интересные у нас могли бы быть дети!

– С пушистым хвостом и длиннющими ногами, – Криди окинул ее взглядом, в котором было куда больше мужского внимания, чем Анге перепадало в обычной жизни. – Но мы можем вернуться на корабль. Этот челнок исправен.

– Ты помнишь гигантский корабль? – осторожно спросила Анге.

– Конечно. Он не местный, разумеется. Кто-то еще, кто-то пришедший из других миров. Куда более развитый, чем мы или пони. Анге, это будет не просто контакт! Это сенсация! Это рывок наших миров в развитии! Это то, что все перевернет, все смоет…

– Что смоет?

– Наше бегство. Гибель Лерии и ее людей. На фоне такого контакта наша история превратится в малозначительный эпизод.

– Да ты интриган, – восхищенно сказала Анге.

– Скорее, политик, – поправил кот. – Впрочем, это одно и то же.

Анге кивнула. Посмотрела на разорванный челнок. Открытый огонь уже почти исчез, дым тоже. Дул ровный ветер, и запах сгоревших тел, который, конечно же был, уносило к морю. Чистый утренний воздух, ярко-голубое небо – все было мирным и спокойным. Адиан и Ян о чем-то разговаривали, стоя в стороне.

– А они?

– Можем предложить лететь с нами, – кот ухмыльнулся. – Это тоже в нашу пользу. Не просто высадились, а вернулись с дружественной делегацией.

Вернуться.

Снова увидеть родную планету. Родителей. Друзей, сколько бы их ни было. Анге вдруг ощутила робкую надежду.

Да, это были безумные и кровавые дни. Они не исчезнут, но могут превратиться в дурной сон. Надо лишь рискнуть.

– Ты считаешь… лететь не опасно? Этот корабль…

– Наши ученые думают, что разум, так далеко ушедший в развитии, не должен быть агрессивным, – осторожно сказал Криди. – Мы для них не представляем опасности, завоевывать нас тоже особого смысла нет. Да и если бы он напал на «Дружбу» – мы бы это увидели даже с другой стороны планеты!

Анге почти уже была готова сказать «да». Но внезапно насторожившийся Криди заставил ее повернуться и поднять голову к небу.

Высоко в темном, едва посветлевшем небе, под редкими прозрачными облаками, летел самолет. Впрочем, Анге тут же поправила себя – для самолета у него были слишком короткие крылья при слишком пузатом корпусе.

– Это челнок, – сказал Криди. – Это космический челнок, и это не наш челнок.

– Но он пролетает мимо!

– Хорошо бы, – сказал Криди. – Но… смотри.

В небе, где-то между землей и челноком, вдруг вспух яркий, оранжевое с черным и белым, купол. Под куполом угадывалась темная точка. Потом открылся второй купол. Третий. Четвертый…

– Они высадятся рядом с нами, – сказал Криди. – Это не случайность.

– Думаешь, с того гигантского корабля? – спросила Анге.

– Было бы наивно предполагать, что тут обнаружился еще какой-то корабль! – очень логично и совершенно неправильно заявил Криди.

Купола продолжали раскрываться в небе, один за другим. Двенадцать ярких, контрастных парашютов. Челнок продолжал полет.

– Вот и не надо ничего решать, – Анге нервно рассмеялась. – Но знаешь: хорошо, что у них парашюты!

– Почему?

– Ну… значит, мы чем-то похожи.

– Какие-то вещи просто невозможно не изобрести, – сказал Криди. – Нож, колесо, паровую машину, лестницу, пуговицу, парашют…

Он опять же ошибался: первой торговой сделкой Халл-1 и Феол был обмен концепции лестницы на концепцию пуговицы.

Разум порой перешагивает через самые простые открытия, а потом упорно отказывается их видеть.

* * *

– Давай, давай! – кричал Горчаков, подтолкнув Двести шесть – пять в спину и совершенно неожиданно ощутив ладонью нечеловеческую анатомию чужого – лопатки у него были не раздельными, а соединялись гибким хрящом, накрывали спину единой пластиной.

Феолиец чуть помедлил перед открытой рампой, потом разбежался – и прыгнул, вслед за Матиасом, Бэзилом, Мэйли и Ксенией.

В десантном боте гулял ветер. Задняя аппарель теоретически вполне допускала штатное открытие в режиме полета – при десантировании с парашютами, при запуске дронов и прочих редких, но возможных операциях. Горчаков даже помнил тренировку на боте поменьше – тогда все шло очень гладко. Они запустили два дрона и десантировались сами.

На практике же откинувшаяся платформа не зафиксировалась и дребезжала в потоке воздуха, конец подпрыгивал сантиметров на десять-двадцать, будто чересчур гибкий трамплин после прыжка в бассейн. Матиас спрыгнул нормально, Бэзила и Мэйли слегка подбросило, Ксения просто нырнула руками вперед с середины трамплина. Феолиец бежал до самого конца и попал под рывок платформы – его подкинуло вверх и назад, слегка приложило головой о комингс люка, лишь после этого он унесся вниз.

Горчаков болезненно поморщился, спросил, повернув голову к микрофону в левой части шлема:

– Двести шесть?

– Жив, – отозвался тот.

Воздух вокруг уже не был в полном смысле корабельным – атмосфера планеты разбавляла его, размешивала, привносила едва-едва уловимые запахи чужого мира. Горчаков втянул этот почти чужой воздух полной грудью, искренне надеясь, что Соргос не станет одной из тех редчайших планет, чьи микробы и вирусы примутся пожирать иноземную плоть. Впрочем, стандартный тест на биоопасность проводили сразу после открытия планеты… теперь они невольно проведут углубленный.

Мимо, стуча ботинками, пробежала Мегер. Четко поймала ритм подпрыгивания аппарели и сиганула вниз.

Если отвлечься от всего происходящего, от чужого корабля и мятежа искина, от нарушения всех возможных пунктов Устава, от идущей на планете войны – то происходящее сейчас было красиво. Бот шел на минимальной скорости, делая едва ли больше трехсот километров в час. Он летел на запад, за ним как раз поднималась из-за горизонта горячая звезда Соргос, окрашивая небо в ярко-розовый цвет. Океан – огромный единственный океан планеты, казался бесконечным. Береговая линия извилистой полосой тянулась к северу от бота, к югу темной гористой кляксой лежал обитаемый материк. Горчаков поймал себя на идиотской мысли, что такую ситуацию надо закладывать в курсантский симулятор, только для зрелищности добавить еще багрово-огненный ядерный гриб над темным материком…

Спрыгнул Лев. Доктор не стал мудрить, подошел к люку вдоль стенки бота и спрыгнул, точнее свалился с бока аппарели. Вообще-то это было запрещено, но учитывая ситуацию… К тому же Соколовский четко все рассчитал и прыгнул с подветренного борта.

Следующим прыгнул Алекс, пройдя по колышущейся аппарели с четкостью, доступной лишь людям-плюс.

– Тедди, Лючия! – скомандовал Горчаков.

Пристегнутые друг к другу кадеты пошли к люку. К удивлению и одобрению Валентина ни девушка, ни мальчишка не испугались того, что им придется спускаться на одном парашюте.

– Командир… – Гюнтер тронул его за плечо.

– Не спорь, – сказал Горчаков. – Мы спрыгнем все, а так разумнее всего.

– Да я не о том… – Гюнтер помедлил мгновение, а потом, видимо решив не тратить время на объяснения, подбежал к кадетам, сгреб их и понес к люку. Учитывая, что богатырским телосложением оператор специальных систем не отличался, выглядело это необычно.

Ну, если не учитывать доступ Гюнтера к боевым коктейлям, кратковременно повышающим силу и скорость реакции.

Когда оружейник вместе с кадетами (Лючия все-таки не выдержала и пронзительно вскрикнула) скрылся за бортом, Валентин тихо выругался.

Наверное, Гюнтер был прав.

Но все-таки мог бы и объяснить, что собирается сделать.

– Капитан покидает судно последним! – проорал под ухом Уолр. – Обожаю этот земной обычай!

Кричал он так громко, что Горчаков вздрогнул.

– Кэвч эч цэгер мвин ду! – рявкнул он в ответ достойному представителю народа Халл-3.[12]

Уолр гулко захохотал и побежал по аппарели. На последних метрах он с размаху плюхнулся на толстую задницу и заскользил к краю, перебирая руками.

– Мэддвл ффицин ду! – донеслось до Горчакова уже из наушников.[13]

Горчаков надвинул на глаза очки и побежал к люку, искренне сожалея, что все его командирские права остались на потерянном корабле. Нет, команда-то его

приказов слушаться будет. А вот ученые, тем более инопланетные, вряд ли.

Но об этом он подумает позже.

В прыжке он развернулся, бросив последний взгляд на бот. Тот удалялся томительно медленно, словно Валентин и сам принял боевого коктейля, ускорившего восприятие. Светящийся теплым светом десантный отсек, распахнутая дверь пилотской кабины, синеватый свет двигателей на крыльях…

Воздух ударил, подхватил, закрутил его, бот словно вздернуло вверх, к светлеющему небу и гаснущим звездам.

Он стал капитаном без корабля.

Горчаков сжался, выпрямил тело, ловя поток. Его повело головой вниз. Валентин вытянул руки, согнул ноги, стабилизируясь. Шепнул в микрофон:

– Купол.

За спиной хлопнул и унесся вверх вытяжной парашют. Внизу падали, кружась, темные точки.

– Группа, стабилизация, купол, – скомандовал Горчаков.

Точки под ним отрастили тонкие дрожащие хвостики вытяжных парашютов, на миг превратились в стайку бойких сперматозоидов, несущихся к яйцеклетке планеты – командир даже сам остолбенел от этой ассоциации. Потом Горчакова дернуло, подкинуло вверх, над ним раскрылся купол – и тут же купола начали распахиваться под ногами, распускаться черно-бело-оранжевыми разрывами, будто взрывы зенитных снарядов, пытавшихся достать нежданных пришельцев.

«Это снова пришло», – подумал Горчаков, медленно и тяжело. Мир вокруг был медленным и неспешным, мир вращался вокруг, полный тайных смыслов и неслучайных совпадений. Воздух, холодный и острый, обрел тысячи запахов и вкусов, небо стало чужим, и планета под ним чужой, и он сам не принадлежал себе –

восемьдесят килограммов земной органики за сотню световых лет от Земли, ничтожный атом в бесконечной Вселенной, самонадеянный атом, пытающийся объять необъятное. «Это шок, это снова шок, – думал Горчаков, не испытывая ни страха, ни огорчения. – У меня психологическая неустойчивость, это следствие высадки в чужом мире, путешествия в чужую реальность, я не вправе руководить экспедицией…».

Горчаков медленно нащупал зубами язык – и прикусил его, до боли, до соленой крови во рту.

Мир дернулся и вернулся к норме.

– Командир! – раздался в наушниках встревоженный голос Матиаса.

– Красавцы, хорошо идете, – ответил Валентин. Попытался сплюнуть – тонкую нитку кровавой слюны унесло вверх, частично размазав по щеке. – Группа, спуск к точке приземления номер один. Автоспуск.

В наушниках пискнуло – крошечные искины парашютов подтвердили получение приказа. Стропы над головой дрогнули, натягиваясь и распускаясь, изгибая купол. Парашюты внизу тоже закружили по дугам, нацеливаясь на внесенную в память точку номер один – место приземления катеров неварского звездолета.

* * *

– Матиас, Гюнтер, держите оружие наготове, – продолжил Валентин. – Огонь открывать в крайнем случае. Учтите, на планете война. Кадеты?

– Все в порядке, командир, – это был Алекс. Молодец, хороший будет астронавт.

– Спуск нормальный! – а это Лючия.

– Тедди? – спросил Валентин.

– Я в порядке! – быстро ответил мальчишка.

Что-то с ним было не то. Валентин еще раз отметил в памяти – поговорить, разобраться. И спросил:

– Двести шесть – пять?

– Слушаю вас, командир Горчаков, – очень официально ответил феолиец.

– Просто проверка, – ответил Валентин. – Уолр? Как вы?

– Прекрасно! – выкрикнул чужой. В голосе и впрямь был неподдельный восторг. – Почему вы беспокоитесь?

– Но ваш вид…

– У меня искусственно созданный психологический сдвиг, командир. Я обожаю открытое пространство!

Валентин вздохнул. Посмотрел вниз еще раз.

И нахмурился. Сказал:

– Персональный канал, Матиас.

– Да, Валя.

– Ты видишь?

– Вижу, – ответил старпом. – Один катер цел, второй догорает.

Они были уже не так высоко, катера неварцев оказались как на ладони. Один целенький, второй – разорванный, дымящийся, с редкими проблесками пламени.

– Разбился при посадке? – предположил Горчаков.

– Надеюсь, – ответил Матиас. – Альтернатива хуже.

Уточнять им ничего не требовалось, они думали об одном и том же. На планете война. Челнок могли сбить при посадке. Может быть, приехал какой-нибудь грохочущий ржавый танк и расстрелял первый? А второй сел, чтобы эвакуировать выживших?

– Это наш единственный шанс, – сказал Горчаков.

– Понимаю, – ответил Матиас. Затейливо выругался по-немецки. Сказал: – Черт, зачем я пошел в космонавты, дурак? Мог бы заниматься семейным бизнесом. У меня дядька держит ларек на склоне Маттерхорна, вот это мое.

– Ты говорил, что твой дядька где-то на Марсе…

Матиас лишь рассмеялся. Сказал:

– У меня много родственников… Scheiß drauf, зато я самый большой дурак! Мы падаем прямо в войну, командир. Я не люблю войну.[14]

– Scheiße, – ответил Горчаков, – да никто не любит. Матиас, поглядывай на меня, ладно? Что-то меня колбасит слегка, чуть не отключился после прыжка.[15]

– Яволь, – уже спокойнее, дурашливо ответил Матиас. – Я вообще чуть не обоссался! У меня всего третий прыжок, Валя. Я, оказывается, высоты боюсь!

Они спускались все ниже и ниже.

– Наблюдаю людей у катера, – сказал Гюнтер. И тут же поправился: – То есть разумных.

– Неварцы или местные? – спросил Валентин.

– Не разобрать, – в голосе Гюнтера прозвучала явная тоска. – Ни бинокля, ни нормальных очков…

– Почему в катере не было нормального снаряжения? – сварливо спросил Двести шесть – пять, вклиниваясь в общий канал. – Это крайне безответственно! Я сообщу на Феол о плохой подготовке экспедиции.

Да, к сожалению, снаряжение для высадки хранилось не в боте. Горчаков мысленно проклял всех земных бюрократов, ухитрившихся прописать хранение планетарных костюмов на складе. Никогда и никому не приходилось в панике убегать от сумасшедшего искина на законсервированном боте? Ну и что! Все однажды случается в первый раз. Конечно, костюмы для высадки не были полноценным боевым снаряжением, они не обеспечивали и долгую изоляцию от атмосферы, но, по крайней мере, тактические очки давали бы неплохое увеличение.

Хорошо хоть парашюты и шлемы хранились на самом боте!

– Команда, нас встречают, – сказал Валентин по общей связи. – Я надеюсь, что мы найдем общий язык. Пожалуйста, помните: наш единственный шанс на спасение – сотрудничество.

– У меня даже нет оружия! – продолжал возмущаться феолиец.

Горчаков помедлил мгновение.

– Мои слова касаются как сотрудничества с местными, так и отношений внутри коллектива. Оружие по штатному расписанию имеют командир, первый помощник и офицер специальных систем. На всякий случай напоминаю, что я остаюсь командиром нашей группы со всеми прописанными в Уставе правами.

– Так точно, командир, – сказал Гюнтер, таким холодным и официальным голосом, что собиравшийся что-то еще добавить Двести шесть – пять издал вместо возмущенной тирады булькающий звук и отключился.

Двенадцать парашютов спиралью опускались к чужакам.

* * *

Они невольно встали рядом – Анге, Криди, Ян и Адиан, спиной к борту челнока, сжимая в руках оружие. Парашютисты, вначале разлетевшиеся на полнеба, с удивительной, внушающей трепет синхронностью произвели какой-то сложный маневр – и теперь спускались к ним, образовав воронку. Анге вспомнила познавательный фильм про птиц-падальщиков, обитающих в пустынях. Те точно так же кружили над мертвыми или умирающими животными, а потом начинали спускаться, одна за другой, чтобы растерзать добычу…

Анге поежилась. Ассоциация была неприятной.

– Что будем делать, муж мой? – спросила она Криди.

Тот помедлил. А потом, с неожиданной неловкостью в голосе, ответил:

– Не знаю, жена моя нежданная.

Это было неожиданно. Виной ли тому были древние атавизмы, когда решающее слово оставалось за мужчинами, или сам характер их отношений с котом привел к тому, что Анге невольно позволяла ему решать, но сейчас Анге растерялась. Криди словно передал ей подачу, кинул, как мячик в детской игре «Пять слов», и теперь говорить требовалось ей.

– Мы еще можем успеть взлететь, – сказала она.

Криди пожал плечами. И ответил, как будто они и впрямь играли:

– Есть ли смысл избегать встречи?

– Чужой звездолет меня ужасно пугает, – ответила Анге.

– Звездолет на орбите, мы внизу, – Криди нахмурился. – Мы словно в «пять слов» играем!

Анге невольно улыбнулась. Все-таки они с Криди были поистине на одной волне.

– Вверху два чудовищных звездолета, кроме нашего, – сказала она. – Ты прав. Кто бы ни спускался – вряд ли они хотят нас убить. Это куда проще было сделать сверху.

– К тому же, их катер может вернуться и атаковать нас, если мы попытаемся улизнуть, – согласился кот. – Не думаю, что мы сможем удрать или противостоять им в бою.

– Мы прилетели сюда в поисках иного разума. – Анге понимала, что слегка кривит душой: они надеялись найти разум, но в первую очередь – присмотреть планету для экспансии, освоить технику межзвездных перелетов. – И мы его нашли. А тут – еще один разумный вид.

– Как минимум один, – Криди поднял бинокль, посмотрел на парашютистов. – Похожи на тебя

размерами. Без сомнения, постоянно прямоходящие; мы, коты, приземляемся на четыре лапы, а их подвеска рассчитана на вертикальное приземление, как у тебя... Что ж, рискнем.

– Объясни нашим друзьям, что стрелять не надо, – сказала Анге. – Они уж как-то очень легко стреляют.

Криди кивнул, повернулся к Яну с Адиан и принялся жестикулировать, перемежая знаки немногими выученными словами, среди которых преобладало «нет».

Глава четвертая

– Ты хоть что-нибудь понимаешь? – спросила Адиан.

В их паре слабым звеном оказалась она. Нет, Адиан не запаниковала, она все так же крепко сжимала в руках автомат. Но череда событий шла слишком стремительно. Потеря детей, пусть и приемных, но в их народе разница с родными была не столь велика; неожиданное появление второго катера; злобные пришельцы, пытавшиеся убить их друзей; расправа с чужаками; чудовищный по силе выстрел по «их» катеру; убийство хищником пилота; появление еще одного катера; парашютный десант, с невиданной точностью опускающийся им на головы… Она словно перенасытилась происходящим, мозг отказался обрабатывать информацию и делать выводы. Если бы Адиан знала еще о двух кораблях, один из которых был размером с гору, то просто легла бы на землю, глядя в небо и ни на что не реагируя, как поступают на Соргосе умирающие от старости и смертельно раненые.

К счастью, она не знала.

– Хищник просит нас не стрелять, – недоуменно сказал Ян. – Если я не ошибаюсь…

Он приподнял автомат.

– Нет, нет, нет! – прошипел кот. – Не враг. Не друг. Нет, нет, нет.

– Похоже, это не враги, – согласилась Адиан.

– Но и не друзья.

– Он не знает сам, – Ян вздохнул. – Представь, что появились другие чужаки. Мне кажется, он говорит об этом.

– Наша планета жила своей жизнью миллионы лет, – сказала Адиан недоуменно. – Появление одних

пришельцев – возможно. А еще кого-то, в то же самое время – нет!

– Может быть, они прилетели, потому что у нас война? – предположил Ян. – Хотят помочь… – он заколебался, но продолжил: – или завоевать.

– Это возможно, – поколебавшись, согласилась Адиан. Забросила автомат на спину, вопросительно посмотрела на кота.

– Да-да, – сказал Криди с явным облегчением. И вернулся к Анге.

Ян автомат убирать не стал. Смотрел на снижающихся парашютистов, хмурился – что-то было не так. Уже различимы были фигуры, похожие и на них с Адиан, и на Анге – две руки, две ноги, голова… Шея покороче, чем у Адиан, зато ноги гнутся, как у пришельцев.

Потом он понял, в чем странность. Самому Яну не доводилось прыгать с парашютом, а вот за прыжками он наблюдал.

Чужаки не управляли стропами! Руки их были совершенно свободны, да и вообще казалось, что они не отвлекаются на парашюты. Но спуск был явно управляемый. Вот, проходя воздушный поток, один за другим парашюты подминали купол, выправляя скорость и направление полета.

Почему-то это обрадовало Яна.

В спуске на парашютах была какая-то скучная старомодность. Нет бы на сверкающих ракетах, или в скафандрах с двигателями, или просто появившись из ниоткуда, но парашюты! Это же так примитивно! Как можно ждать помощи от существ, которые пользуются теми же технологиями?

Оказывается, все было не так просто.

А потом приземлился первый чужак. Немного неуклюже, будто не имея достаточного опыта. Но

парашют отстегнулся, едва ноги пришельца коснулись земли, купол уволокло ветром.

Похоже, это была мужская особь. Действительно похожая на жителей Соргоса или на женщину по имени Анге, все-таки физиология двуполых существ имела какую-то обязательную внутреннюю логику. Лицо с четко выраженными глазами, носом, ртом. Заметные уши. Светло-коричневые волосы. Строгий комбинезон с карманами, похожий на военный мундир. На поясе было что-то похожее на кобуру, но в общем и целом пришелец выглядел совершенно не снаряженным для такой высадки. Странно!

Выпрямившись (при касании с землей пришелец упал), он немедленно поднял руки. Помахал ими, видимо, демонстрируя открытые ладони. Опустил. С места не сдвинулся.

Ян решил, что это хороший знак.

Второй приземлившийся был похож, разве что чуть выше ростом и, кажется, без кобуры. Приземлился он аккуратнее, не упал, тоже махнул рукой и подошел к первому.

Все происходило в полной тишине, лишь хлопал на ветру зацепившийся за камни парашют. Потом его сорвало, поволокло к взорванному челноку и втянуло в пробоину. Ян покосился на парашют. Тот лежал в огне и упорно отказывался гореть.

Третий приземлившийся выглядел иначе. Выпуклости на груди – молочные железы? Тогда это самка. Рост ниже, волосяной покров на голове черный, кожные покровы желтовато-коричневые. Половой диморфизм? Или они вообще из разных миров, как Криди и Анге? Третий чужак подошел ко второму, они взялись за руки. Половые партнеры? Друзья? Коллеги?

Ян подумал, что у него сейчас мозги закипят от попыток понять происходящее. Что же им делать, когда приземлятся все чужаки? Как пытаться наладить

контакт? Как договариваться хотя бы на самые простые темы? Зачем они пришли, чего они хотят? Пройдет несколько дней, прежде чем они смогут объясниться на самые простые темы…

Приземлился четвертый чужак. Видимо, тоже женская особь, судя по фигуре. Но кожа почти белая, а волосы – удивительно яркие, красно-рыжие! И вела она себя как-то иначе, приземлилась с удивительной грацией, пошла не к товарищам, а прямо к челноку, беззастенчиво разглядывая всю их четверку. Неужели она самая главная? Похоже, не только на Соргосе существует цветовое разделение разумных существ!

Четвертая особь открыла рот и заговорила – непонятно, но очень похоже на те звуки, что служили речью Анге и Криди. Судя по их реакции, они ее поняли – Анге вскрикнула, Криди напрягся. Потом особь перевела взгляд на Яна и Адиан. Моргнула, на удивление медленно, будто что-то в ней переключалось. И сказала – четко, без малейшего акцента, Ян готов был бы поклясться, что это обычный материковый язык, вот только начисто лишенный особенностей, даже не понять, черные или рыжие говорят…

– Мы пришли с миром. Не бойтесь нас, мы никому не причиним вреда и сами находимся в беде. Вы можете звать меня Странница или Гостья. Только я знаю ваши языки, поэтому я говорю от имени всех нас.

– Да чтоб мне умереть одной в пустыне… – выдохнула Анге.

– Никто не должен умирать, – ответила Странница. Опять замедленно мигнула, и Ян снова подумал, что это признак какого-то внутреннего процесса, переключения работы мысли. И ее лицо изменилось, будто все мимические мышцы пришли в движение, причем противоестественное и управляемое. Напряглась кожа над глазами, едва заметно и асимметрично сдвинулись

уши, все лицо приобрело легкую асимметрию, подбородок подался вперед, губы вытянулись… Печаль, боль – все это было на лице Странницы, все читалось легко и понятно для любого жителя Соргоса. – Мы все однажды умрем, и каждый умрет в одиночку. Но не надо с этим спешить.

Ян понял, что проблем с коммуникацией у них больше не возникнет.

А еще, что существо, способное при чужой физиологии так четко показывать свои эмоции, будет и их чувства читать как открытую книгу.

Когда вслед за Странницей приземлись еще два чужака, явно принадлежащих к другим биологическим видам, Ян почти не удивился.

Их маленькая планета неожиданно стала популярной.

* * *

Горчаков не так представлял себе этот миг.

Они высадились успешно – никто не сломал рук или ног, никого не уволокло парашютом в догорающий катер неварцев. Ни Уолра, от природы никак не предназначенного для таких забав. Ни спускавшихся вдвоем Тедди и Лючию.

И пальбу по ним местные не открыли.

Но вот все остальное было уже не торжественным мигом первого контакта, а безумным карнавалом.

Он стоял рядом с Ксенией, Уолром и Двести шесть – пятым. Четверо представителей цивилизаций Соглашения, которые должны были засвидетельствовать факт успешной межзвездной экспедиции Невара. Им не полагалось высаживаться на планету и уж тем более встречаться с чужаками. Это было дело дипломатов и политиков, которые собрали

бы все сливки с редчайшего события. Делегация неварцев, и «детей солнца», и кис, была бы торжественно принята на гигантской станции Соглашения у лишенной планет звезды Кан. Там, вытаращив глаза и преисполнившись восхищения, те подписали бы официальные бумаги о вступлении (и в целом поступили бы правильно – Соглашение приносило своим членам, особенно отсталым, куда больше пользы, чем проблем).

Но обстоятельства сложились иначе.

По сути именно они четверо (Ауран и, особенно, Халл-1 очень обидятся, но что поделать), представляли сейчас Соглашение. Право на это у них было – первый контакт могли осуществлять представители «двух третей членов Соглашения». Но и перед ними были не представители властей Невара, а обычные космонавты. Да еще и две «лошадки» Соргоса! Им, при самых благоприятных условиях, которых уже нет и не будет, до Соглашения сотни лет развития!

Но выхода не было.

– Переводи, Ксения, – сказал Валентин. То, что Третья-вовне знала языки Невара и Соргоса, оказалось неожиданной, но приятной новостью. – Ты сможешь переводить сразу для всех?

– Только говорите кратко, командир, – попросила Ксения.

– Я тоже знаю языки Невара, – кротко сказал Уолр. – Готовился к полету. Но времени было мало, и у меня ужасное произношение. А на языках Соргоса я говорю постыдно плохо…

– Я сама переведу, – повторила Ксения.

Горчаков вздохнул.

– Мы – представители четырех цивилизаций, живущих у разных звезд.

Ксения быстро проговорила что-то на неварском, Горчаков даже не понял, это язык гуманоидов или кис.

Потом, в еще более быстром темпе, произнесла то же самое на тонком певучем языке Соргоса.

Горчаков заговорил дальше, делая короткие паузы между фразами.

– Всего нас шесть цивилизаций, объединенных Соглашением о Взаимной Пользе.

Именно так полностью звучало наименование Соглашения.

– Мы прибыли сюда с миром, чтобы предложить вам войти в Соглашение.

Ксения перевела, бросив на него мимолетный взгляд. Горчаков кивнул. Да, он не собирался говорить всю правду и объяснять, что предложение предназначалась лишь неварцам.

– На орбите вашей планеты мы были атакованы неизвестным кораблем и вынуждены бежать. Наш звездолет потерян.

Кот что-то отрывисто произнес. По мнению Валентина, он скорее походил на снежного барса, если бы тому вздумалось встать на две лапы и нацепить короткую юбку, да еще у него был на удивление короткий хвост. На женщину Горчаков старался вообще не смотреть. Очень трудно смотреть на того, кого ты убил, пусть и в другой реальности.

Ну почему, почему они пересеклись снова? Слова Примы о квантовой взаимосвязи Валентина не утешали.

– Что с нашим кораблем?

– Не знаю, – честно ответил Горчаков. – Он цел, мы не наблюдали утечек воздуха, энергетический фон прежний. Но ваш корабль не подает сигналов. Мы боимся, что экипаж мог пострадать.

Кот и женщина переглянулись.

– Вас атаковала цивилизация, превосходящая вас, – перевела Ксения слова кота. – Вы – союз шести цивилизаций, значит, живете как минимум в шести звездных системах.

Горчаков не стал уточнять, что кот ошибся на два порядка.

– Мы по сравнению с вами – беспомощные дети, – продолжала переводить Ксения. После перевода для Валентина она очень коротко говорила что-то соргосовским лошадкам. Как у нее мозги-то выдерживают, все языки были совершенно разные по фонетике! – Мы сочувствуем вам, но мы еще слабее. И я не стану врать. Мы отступники, мы убежали с корабля…

Ксения замялась, потом уточнила:

– Да, наверное, «отступники». Это сложное слово, но по контексту…

Кот заговорил снова, и Ксения продолжила перевод:

– Нас пытались задержать, была схватка, мои когти в крови. Эта несчастная планета еще примитивнее, на ней идет ядерная война. Какую помощь вы ждете?

– У вас есть катер и корабль на орбите, – честно сказал Валентин. – Если мы доберемся до вашего корабля и сможем им управлять, то помощь придет.

– Предлагаете лететь к вашим планетам? – перевела Ксения слова женщины.

Валентин сглотнул и посмотрел той в глаза.

– Нет. В вашей звездной системе есть наш наблюдательный пост. Достаточно вернуться. Подбросите до самой дальней планеты?

Женщина и кот переглянулись. И начали хохотать. У женщины смех был почти человеческий, у кота – фыркающий, но тоже узнаваемый.

– Они смеются, – пояснила Ксения. А потом перевела слова женщины: – У нас есть сумасшедшие, которые верят в таинственных наблюдателей, прячущихся на окраине системы. Их высмеивают.

Заговорил кот.

– Спрашивает, почему мы покинули свой катер, – сообщила Ксения.

– Мы не уверены, что он уцелеет… – начал Валентин.

И в этот миг, словно дожидалось его слов, небо запылало.

Конечно, виной всему была безумная ионосфера планеты.

Когда десантный бот, весом более семидесяти тонн покоя, в долю секунды превратился в плазменный шар – перегруженная магнитосфера Соргоса отреагировала такой иллюминацией, по сравнению с которой северные сияния Земли выглядели бы гнилушкой в темном лесу. Вначале небо затянула ячеистая белая сеть, с которой стекали вниз полотнища разноцветного пламени. Потом сеть разорвало на отдельные фрагменты, трепещущие над землей будто флаги неведомых стран. В довершение всего вспыхнули целые полосы, извивающиеся будто щупальца и медленно оседающие вниз.

Светопреставление завершилось ровным багровым сиянием, охватившим все небо.

Люди и чужие невольно сбились в маленькую толпу, поближе к катеру, с ужасом и восхищением глядя вверх. Даже Матиас, изучивший когда-то особенности полярных сияний Соргоса и с успехом их использовавший, был потрясен.

– У нас больше нет катера, – сказал Валентин.

Ксения перевела его слова, не отрывая взгляда от неба. Тедди с ужасом посмотрел на командира и сказал:

– Он все-таки снял блоки… извините…

– Спасибо, парень, что они продержались так долго, – ответил Валентин.

А над багровым сиянием финальным аккордом воссияла звезда. За ней – вторая. Звезды растянулись сверкающими линиями, вокруг затрепетали радужные полотнища.

Те самые «крылья ангела», побочный эффект ухода в кротовью нору, которые так давно – и так недавно, остановили готовую начаться войну.

Только теперь ангелов было два, и крылья их сияли над мрачным, багровым небом не призывом к миру, а грозным предвестником мести и наказания.

Никто из них сейчас об этом не думал, но первая ядерная война на Соргосе только что завершилась.

В горных отрогах Большого Западного хребта, где подземный завод каждую неделю собирал две новые боеголовки, в приморских пещерах Большого восточного залива, где почти такой же завод ухитрялся производить заряд каждые два дня, все еще кипела работа. Остатки армий маневрировали, атаковали и оборонялись, стремясь находиться рядом с чужими городами и тем прикрыться от ядерной атаки. Гарнизоны уцелевших городов каждый день расстреливали и вешали мародеров и бандитов. Беженцы все так же растекались на степных просторах, предпочитая дикую, полную лишений жизнь творящемуся в городах кошмару.

Но небо над Соргосом стало цвета крови и багровое сияние озаряло планету три дня и три ночи. Растаяли «крылья ангелов», а небо горело и горело темно-красным огнем.

«Твен» и чужак, улетая из системы, остановили войну.

Мужчина-абориген (имя его звучало совсем по-человечески – «Ян») что-то спросил. Ксения перевела:

– Крылья в небе… это от двигателей межзвездного корабля?

– Ты прав, – сказал Валентин. – Именно так.

Ян кивнул. Он выглядел немного расстроенным – видимо, ему хотелось верить в божественную природу небесного фейерверка.

Заговорил кот.

– Это очень впечатляет, – перевела Ксения. – Я вижу, что мы имеем дело с дьявольскими силами и

божественными технологиями. Мы лишь жалкие жучки, копошащиеся под вашими ногами.

Вообще-то кот не производил впечатления существа, считающего себя «жалким жучком». Валентин посмотрел на него с любопытством. Пожалуй, это был самый интересный и неоднозначный чужак из всех. Блин, ну почему людям не повезло, и где-нибудь на Марсе не обитали подобные существа?

– Поэтому я хочу задать вопрос, – продолжала переводить Ксения. – Зачем нам вмешиваться в ваше сражение? Мы можем лишь привлечь внимание могущественных врагов и принести опасность в свой дом. Если вы захотите забрать наш катер – что ж, мы не сможем вам помешать. Но я бы предпочел прожить жизнь рядом с любимой женщиной… – тут Ксения осеклась и с удивлением посмотрела на Анге, но продолжила: – а не погибнуть у нее на глазах. В чем наш интерес?

Валентин помолчал, собираясь с мыслями. Потом сказал:

– Я ничего не могу вам предложить. Не от меня зависит, примут ли вас в Соглашение. Даже если мы здесь погибнем – это ничего не изменит. А опасность огромна. Мы считаем, что наш противник на протяжении как минимум тысяч лет вмешивается в развитие иных миров. И война на этой планете вызвана ими. И в вашу историю они влезали. Вы не знаете того, но миры «детей солнца» и кис воевали между собой…

Кот зарычал.

Валентин замолк.

Кот взревел, обнажая острые зубы.

С огромным трудом Горчаков удержался от того, чтобы потянуться к кобуре.

Рык закончился быстрой, как скороговорка, речью.

– К чему были все разговоры, глупая обезьяна? Это моя война!

* * *

Челнок был перегружен. Никто из неварских инженеров и помыслить не мог, что в него набьются семнадцать особей, да еще и представляющие семь различных разумных видов.

Запас тяги позволял взлететь, система жизнеобеспечения должна была выдержать короткий полет (хотя, по подсчетам Анге, к моменту стыковки содержание углекислого газа могло подняться до уровня физического дискомфорта).

Труднее было обеспечить нормальную фиксацию при взлете. В катере было лишь два кресла пилотов и шесть кресел для пассажиров, причем разместиться в них по двое не было никаких шансов.

А еще у Горчакова были нехорошие предчувствия о втором, разрушенном катере. Криди заявил, что система заглушила реактор, но внутри продолжался пожар, а ни одна, самая надежная защита реактора такого не любит. Поэтому Валентин торопил всех, заставляя и чужаков, и своих искать выход из ситуации. Катер мог взлететь плавно, но для выхода на орбиту неизбежно переходил в вертикальный полет с перегрузками до трех G.

В итоге кресла пилотов заняли Криди и Анге, следом за ними разместилась Ксения, как единственный переводчик, рядом с ней Уолр – вследствие его габаритов и из уважения к Халл-3, еще два ряда заняли Мегер и Мейли (Горчаков, как русский, придерживался старомодных взглядов на женский пол), а два последних кресла – Соколовский (в силу возраста) и Гюнтер (Горчаков, опять же в силу происхождения и воспитания, считал, что в такой нестандартной ситуации вооруженный член экипажа должен занимать удобную для стрельбы по пилоту позицию).

Все остальные, включая кадетов и аборигенов Соргоса, стояли у переборки, отделяющей пассажирский отсек от двигательного. Где-то там, за их спинами, варил свою радиоактивную кашу маленький ядерный котел, и даже наручные часы капитана высветили предупреждение о повышенном радиационном фоне.

Не слишком опасном, если вдуматься.

Но Горчаков впервые в жизни подумал, что традиция замораживать сперму и яйцеклетки курсантов перед первым полетом – очень здравая.

Было тесно. Очень тесно, они стояли плечом к плечу. Справа от Горчакова оказалась женская особь с Соргоса, которую звали Адиан. От нее пахло сухим сеном и мокрой лошадью – черт побери, ну а чем же еще от нее могло пахнуть? За ней стоял мужчина (или лучше сказать конь?) с земным именем Ян. Парочка негромко разговаривала, потом Ян дал своей подруге что-то вроде кусочка прессованного табака, и они дружно принялись жевать. Запахло эфирным маслом и полевыми цветами. Горчаков был против того, чтобы брать аборигенов на борт, но Ксения настояла на этом.

С другой стороны стояла Лючия, и это было гораздо приятнее, и по запаху, и по ощущениям. Лючия о чем-то тихо шепталась с Тедди – видимо, совместный прыжок на одном парашюте поспособствовал их отношениям.

Челнок вздрогнул и начал плавно подниматься в воздух. Стоящий за кадетами Двести шесть – пять негромко произнес:

– Я оцениваю шансы на удачную стыковку как весьма высокие. Но в целом шансы на наше выживание не превышают двух-трех процентов.

Странно. Раньше феолийцу не было свойственно так вот, процентами, измерять будущее.

– А что ты скажешь о наших новых спутниках? – спросил Валентин. Они набирали высоту, постепенно

переходя в горизонтальный полет, и делать пока было совершенно нечего.

– Почему вас интересует мое мнение, командир? – Двести шесть – пять повысил голос, перекрикивая рев турбин. Суденышко неварцев оказалось ожидаемо шумным.

– Вы – созерцатель агрессии. Считаете ли вы их опасными?

– Непременно! – ответил Двести шесть – пять. – Травоядные разумные виды изначально жестоки, поскольку у них не выработаны эволюционные механизмы сдерживания агрессии. Хищники, тем более охотящиеся из засады, подобно уважаемым кисам Невара, склонны долгое время сдерживать свои эмоции, а потом выплескивать их самым резким образом. Что же касается женщины-гуманоида с Невара… Тут все еще сложнее, командир. Быть может, вы не в курсе, но она отверженная в своем обществе. Почти все «дети солнца» рождаются парами, тесная эмоциональная связь с близнецом – необходимая часть социализации. У этой девушки не было пары. Она живет в жесточайшем стрессе, она изгой и объект презрения, насмешек, в лучшем случае – оскорбительного сочувствия. Именно поэтому она отправилась в космос, именно поэтому выбрала половым партнером кота с другой планеты, который практически несовместим с ней физиологически.

– Половым партнером? – поразился Валентин.

– Посмотрите на их движения, касания, взгляды. Это очевидно. Восемьдесят пять – девяносто процентов за то, что они практикуют секс.

Валентин снова отметил и странную манеру обосновывать свою позицию, и холодный равнодушный голос Двести шесть – пять. И вдруг у него возникло неприятное подозрение. Он спросил:

– Уважаемый Толла разделяет ваше мнение?

– К сожалению, уважаемый Толла не пережил прыжка, – так же спокойно ответил феолиец. – Я ударился головой, покидая аппарат, а Толла слишком далеко высунулся из черепной полости. Он хотел увидеть прыжок своим глазом, но удар был силен и его выбросило вниз.

– Так он погиб? – воскликнул Валентин.

– Вероятно. Падение с большой высоты трудно пережить даже легкому организму. Впрочем, учитывая крайнюю эмоциональность наших симбионтов, Толла должен был погибнуть еще в воздухе, осознав неизбежность смерти.

Кто-то ахнул – кажется, Ксения. Лючия, занятая разговором, пропустила слова феолийца мимо ушей.

– Мои соболезнования, Двести шесть – пять, – сказал Валентин.

– Спасибо. Его гибель не принесла мне интеллектуальных потерь, но почти полностью лишила эмоций.

Феолиец помолчал и добавил:

– Да, я должен сказать, поскольку вы все равно зададитесь этим вопросом... Без симбионта наш вид становится крайне прагматичным. Если создастся ситуация, в которой мне для выживания потребуется пожертвовать кем-то из вас, я сделаю это без колебаний. Разумеется, в этом нет ничего личного! Пока союз с вами будет полезнее, я останусь все тем же верным членом коллектива, в некоторых ситуациях даже способным на героизм и самопожертвование.

– Сразу после посадки ты не казался лишенным эмоций, – заметил Горчаков.

– Разумеется! Это шоковая реакция на потерю симбионта. Гормоны, которые выплеснулись в мою кровь при разрыве контакта, вызвали раздражительность и агрессивность. На родине в такой ситуации мы немедленно ищем нового симбионта, но

здесь это невозможно. Мне придется некоторое время жить, стараясь заменить чувства логикой.

– Мне очень жаль, – сказал Горчаков, хотя и понимал, что для феолийца сейчас эти слова – пустой звук.

Челнок закончил разгон и начал медленно задирать нос в небо.

До взрыва реактора в поврежденном катере оставалось меньше часа, но про это никто из них так и не узнал.

***

Самым удивительным для Яна было то, что он не боялся и не удивлялся. В нем будто сработал предохранитель, отключив лишние чувства. В какой-то миг, между известием о том, что они с детьми все-таки разминулись, и парашютным десантом из инопланетян, он стал смотреть на мир совершенно иначе. Ну, словно новобранец, который в конце тяжелого дня впервые закинул в рот хорошую порцию травяной жвачки и присел, задумчиво глядя в закат.

Кстати, о жвачке…

Ян достал порцию Адиан, порцию себе. Они стояли – кресел в космолете на всех не хватило – у кормовой стены кабины. Дальше, наверное, были двигатели, топливо, запасы кислорода для дыхания… Ян понял, что плоховато представляет, как должен быть устроен космолет. Ходили слухи, что и черные, и рыжие уже запускали секретные космолеты, но это могло быть и слухами, и специально запущенной дезинформацией. Так что, может быть, в довершение всего безумия, они с Адиан станут первыми космонавтами Соргоса!

– Мы – первые представители нашего вида, которые покинут родную планету, – сказала Адиан. Они думали

об одном и том же, как в пословице: «Жвачку разделил, мысль соединил».

Хотя на самом деле, конечно, Ян и Адиан и без того смотрели на мир одинаково.

– Может быть, – согласился Ян. – Но этого никто может и не узнать.

Космолет летел все выше и выше, задирая нос в небо, они уже не стояли, а лежали на спине. Перегрузка давила, но не слишком сильно – космолет поднимался куда более плавно, чем ракеты на Соргосе. Видимо, их двигатели могли работать дольше и не требовали скоростного выбирания из гравитационного колодца. Небо в иллюминаторах снова начало темнеть. Вначале Ян подумал, что они несутся так быстро, что опередили рассвет. Потом вспомнил фотографии со спутников – небо в космосе всегда черное.

– Разумные разных видов… – сказала Адиан. – Так удивительно. Небо оказалось полным жизни, как раз тогда, когда земля стала полна смерти.

– Но они тоже воюют, – напомнил Ян.

– Наверное, это неизбежно, – признала Адиан. – Тебе не страшно?

– Нет, – ответил Ян, подумав для порядка. – Словно жизнь уже кончилась. И началась другая.

Дальше они молчали. Адиан энергично жевала, пытаясь отвлечься от запаха инопланетного командира, стоящего (нет, сейчас уже лежащего) рядом. От того пахло хищником и, неожиданно, мужчиной. Удивительно, оказывается все мужчины пахнут похоже, даже инопланетные.

* * *

Кресло Ксении было как раз за спиной кота. Ну, если говорить откровенно, то даже не за спиной, перед ней

размещалась пушистая задница с обрубком хвоста и свисающей юбкой. Сейчас, когда челнок взлетал вертикально, Ксении открылись самые интимные части тела неварца.

Если честно, то это было смешно, как и все, относящееся к биологии и физиологии этого вида.

Но как бы забавно ни выглядел кот с такого ракурса, Ксения была восхищена его мастерством пилота. Примитивнейший компьютер челнока (назвать его Искином было просто невозможно) вел челнок по траектории сближения с кораблем. Но челнок был перегружен, точную массу никто не знал, гравитационный профиль планеты, как и характеристики ее атмосферы тоже были известны весьма условно. Коту приходилось постоянно вносить коррективы в траекторию, опираясь на расхождение реального и рассчитанного курса, причем судя по индикаторам – и реактор, и системы жизнеобеспечения работали на пределе. Даже запас рабочего тела двигателя был опасно мал.

А ведь кот, насколько Ксения знала, был не профессиональным пилотом, а инженером.

В первые минуты Ксения, глядя на индикаторы, вызывала из памяти те знания о космонавтике Невара, которые были ей доступны. К счастью, скорее из упрямства, чем из реальных опасений, она запомнила немало этой необязательной информации.

Потом, уже понимая происходящее, Ксения ожидала ошибки пилота, готовая вышвырнуть кота из пилотажного кресла и занять его место.

Для Криди, как и для всех остальных в челноке, явилось бы большим откровением то, что она легко могла это сделать.

Но теперь, убедившись в профессионализме кота, Ксения просто наблюдала за ним. Скорее всего, он

справится лучше, чем она. И тогда они смогут попасть на борт «Дружбы».

Что будет дальше – оставалось загадкой.

Она не знала, жив ли экипаж.

Функционирует ли корабль.

Смогут ли они вернуться к Невару.

Все ли в порядке на станции – ведь Марк прекрасно знает ее расположение и вместе с кораблем Стирателей способен нанести сокрушительный удар.

Но все это надо будет решать в рабочем порядке.

Сейчас важно достичь корабля, а лучше всего это может сделать Криди.

Глава пятая

Больше всего Криди боялся, что его обманули.

На самом деле это чувство было с ним с самого детства. Когда ему, еще даже не подростку, а котенку, рассказали про древнюю историю войны с «детьми солнца» – он не поверил. Он любил гуманоидов – как и все вокруг, обожал смотреть их анимационные фильмы, в которых котята и детеныши гуманоидов непременно были друзьями, переживали массу увлекательных приключений и выручали друг друга из неприятностей. Конечно, в жизни бывало всякое, он знал об этом, но преступления случались без всякой видовой привязки. Были скверные коты, были противные «дети солнца». Это были частности.

И вдруг ему рассказали, что их маленький септ, входящий в уважаемый, но тоже не слишком большой клан, является Помнящими.

Хранителями древней тайны.

Он не верил. Он просил дядю, открывшему тайну, сказать, что это шутка.

«Если ты хочешь умереть обманутым, но счастливым – ответил дядя, – то я согласен. Это была шутка. Я рассмеюсь, и ты поверишь, заставишь себя поверить».

Маленький Криди всерьез задумался над ответом. А потом покачал головой. Нет, он не хотел умереть обманутым, даже если это цена счастья.

Потом ему показали древние руины, погребенные под многометровым слоем породы. Сломанные механизмы тысячелетней давности. Боевые машины, давным-давно не работающие. Письмена, записанные странным архаичным шрифтом.

Маленький Криди по-прежнему подозревал взрослых в обмане или заблуждении.

Он проверял сказанное. Пытался найти несоответствия и нестыковки. Даже сам вел раскопки, причем не в тех местах, что были обозначены в тайных записях Помнящих, а в тех, что сумел вычислить сам.

Все сошлось.

На их планете была древняя развитая цивилизация, которая несколько лет вела отчаянную войну с пришельцами. Пришельцы нанесли непоправимый урон, но были отброшены, а их планета – столь же безжалостно атакована. С обеих сторон выжили немногие.

Время исказило память потомков, превратило военные хроники в легенды, а военачальников – в богов и демонов.

Но кое-что осталось, и он это увидел. Рисунки. Фотографии. Даже одна чудом сохранившаяся движущаяся запись, странный артефакт из прозрачного кристалла, сразу и камера, и проектор, прокручивающий по кругу одну и ту же ужасающую запись: массовую казнь мятежного клана.

Он поверил. Точнее – смирился с реальностью.

Была война. Память о ней жива. «Детям солнца» верить нельзя.

То, что когда-то случилось, повторится снова.

И к этому надо спокойно и ответственно готовиться. Развивать технологии. Делать убежища. А в идеале найти другую планету, в другой звездной системе, и создать там колонию, ковчег, где его вид сможет спокойно развиваться.

Криди начал учиться. Он должен был быть лучшим во всем. В древние времена он старался бы стать воином. Но теперь сила была не в быстроте движений или умении владеть оружием (этому, впрочем, он тоже учился). Сила была в знании, и Криди погрузился в учебу.

Но он рос, и его тело тоже росло, начиная требовать секса (с этим справиться было несложно – Криди был красив, и кошки с удовольствием откликались на его зов) и любви.

С любовью все было гораздо хуже.

Он не нашел свою любовь среди членов септа.

Он не мог позволить себе полюбить чужую кошку, ничего не знающую о страшной правде, ничего не помнящую.

Любовь – это полное доверие, это раскрытие душ. Может быть, так было не для всех кис, и не для всех «детей солнца». Но Криди иначе не мог.

Он смирился. Он решил, что его любовью станет родина. Вся планета, весь его вид. Только так он сможет хранить тайну и целиком отдаться делу своей жизни.

А потом, уже на стройке «Дружбы», появилась Анге.

Да, так уж получилось, что гуманоиды были привлекательны для фелиноидов – и наоборот. Тем чудовищнее была древняя война, тем ужаснее непроизвольная симпатия. Ирония природы – секс, однако, был практически невозможен, физиология делала его не просто бессмысленным, но еще и опасным для гуманоидов.

Криди решил, что в силу этого придерживаться дружелюбных и даже слегка игривых отношений с женщиной – безопасно. Он будет демонстрировать свою страсть к самке, которой никогда не сможет обладать. Его будут считать слегка смешным, но никогда не заподозрят в нем человеконенавистника.

Он и сам не заметил, как влюбился. Как игра перешла в настоящее чувство. Как оно вспыхнуло в Анге.

Криди метался от восторга к отчаянью, от восхищения к отвращению, от любви к ненависти. Он выполнял все то, что должен был выполнять, но он

оказался единственным агентом Помнящих на корабле, и Анге стала единственной отдушиной.

Когда она застала его за установкой бомбы (Криди следовал протоколу, готовый и шантажировать экипаж, и взорвать корабль, еще не зная окончательно, как поступит), он почти сошел с ума. Едва не убил ее.

Потом были бегство и посадка. Катастрофа. Встреча с аборигенами. Примирение. То, что он вообще считал невозможным, – секс. А дальше все понеслось, словно в детской анимации, – арест, чужой корабль, схватка, появление чужаков.

И новая страшная правда, которая объясняла все и списывала все взаимные обиды.

Они не виноваты.

Никто не виноват – ни «дети солнца», ни кисы.

Их стравливали между собой, как и другие цивилизации в галактике.

Некая злобная и невероятная сила (Криди помнил чудовищных размеров корабль на экране радара) походя решала судьбы цивилизаций, заставляла их убивать друг друга. Если так – то все изменится. Нет нужды ни в фальшивой дружбе, ни в затаенных интригах. Есть общее горе, которое нужно оплакать, есть общий враг, которого нужно уничтожить.

Если, конечно, все это правда.

Если чужаки не врут.

Внутренне Криди был готов ко всему – к своей гибели, к смерти Анге, даже к новой войне и гибели всей цивилизации. Он увидел звезды, он вступил на поверхность чужого мира и воочию увидел там то же самое, что когда-то творилось на его планете.

Жизнь такова, она немыслима без смерти.

Но Криди очень не хотелось умирать обманутым.

И сейчас он делал почти то же самое, что и тридцать с лишним лет назад, когда раскапывал в диких джунглях останки древнего города. Другие – не

знающие правды – сочли их свидетельством языческого культа тысячелетней давности, циклопическим храмом (к смущению ученых – построенного из чего-то, напоминающего бетонные блоки). Криди же понял, что развитая цивилизация его народа и впрямь существовала. Криди получил подтверждение и принял правду.

Сейчас ему нужно было подтвердить или опровергнуть слова чужаков.

Он выводил челнок на эллиптическую орбиту, которую земляне назвали бы «гомановской орбитой». У кис эта орбита сближения называлась «двойным прыжком», но небесная механика всегда остается небесной механикой. Будь ситуация чуть проще, Криди использовал бы гиперболический переход, выбираясь из гравитационного колодца планеты куда быстрее. Но у него не было резерва рабочего тела, а система жизнеобеспечения пока еще тянула нагрузку.

Облегчало ситуацию только то, что «Дружба» не совершала никаких маневров после спуска челнока, и ее траектория была заложена в компьютере. После некоторых колебаний Криди выбрал двухвитковую схему.

Неожиданностью для него стало то, как отреагировали чужаки на самую обычную невесомость.

Аборигены Соргоса, как он и ожидал, испытали весь положенный новичкам набор чувств: от легкой паники, когда перегрузки сменились ощущением падения, до экстаза. И паника, и экстаз сопровождались приступами тошноты; хорошо хоть, что пока никто не наблевал в воздух.

А вот разношерстная компания пришельцев вела себя совсем иначе. Невесомость их не удивила, переносили они ее совершенно спокойно (значит, испытывали раньше). Но при этом на их лицах читалось и быстро прошедшее недоумение, и совершенно

неподдельное веселье. Так ведут себя взрослые, когда случайно оказываются втянутыми в детскую игру – полузабытую, но вызывающую приятные воспоминания.

Что же касается трех особей, которых Криди определил как «котят», те явно были в восторге. Они даже принялись перебрасываться кусочками какой-то пищи, стараясь поймать ее ртом – пока командир не смерил их суровым взглядом и не сказал что-то укоризненное.

Так что же: в повседневной жизни они невесомости не испытывали? Их корабли обладают искусственной гравитацией, и не тем ее подобием, что на «Дружбе», а настоящей?

Это было потрясающим прикосновением к будущему. К миру, в котором корабли летают между звездами, словно самолеты между городами. К путешествиям, открытиям, технологиям.

Если, конечно, их не обманули. И если они справятся с опасностью.

Криди задавил в себе вспыхнувшую яркой звездой зависть. Какими бы они ни были умными и сильными, сейчас пришельцы зависят от него…

Он вывел челнок к «Дружбе» практически идеально, даже с приличным остатком рабочего тела и не перегруженной системой жизнеобеспечения. До корабля оставалось меньше трех тысяч глан, он был виден и на радаре, и через иллюминаторы кабины.

Жилое кольцо вращалось, навигационные огни светились. Не работали радиомаяки, но они были отключены намеренно, чтобы не демаскировать корабль для обитателей планеты. В то же время радары и лидары действовали, по челноку периодически пробегали лазерные импульсы и радиоволны.

Их видели, но не реагировали.

Криди овладели самые мрачные предчувствия.

Он приближался к «Дружбе», непрерывно требуя связи и включения причальной программы. Реакции не было, но челнок мог пристыковаться и самостоятельно, в аварийном режиме, на тренировках Криди делал это несколько раз. Ориентируясь на проблесковые огни и ретрорефлекторы причальной зоны, он сблизился с «Дружбой» до расстояния в полсотни глан. Синхронизировал челнок с вращением кольца, ввел его вовнутрь, между кольцом и корпусом, после чего повернулся к Ксении.

Женщина, говорящая на его языке, смотрела на него.

– Ксения, – сказал Криди. – Я привел челнок к нашему кораблю. Мы не сможем завести челнок в ангар без помощи экипажа, но для таких случаев предусмотрен люк внешней стыковки.

– Я вижу, – ответила та. У нее был удивительный голос, не совсем кошачий, но при этом без малейшего акцента. Даже «дети солнца», с рождения жившие среди котов, говорили с легкой приятной неправильностью, некоторые звуки они произносили по-своему. У чужой особи, очевидно, было иное строение глотки и голосовых связок. Может быть, это следствие специальной хирургии, изменения тела?

– Я не получаю ответа с корабля, – повторил то, что его тревожило, Криди. – Это тяжелая мысль, но, скорее всего, наш экипаж мертв. Безопасно ли будет высаживаться? На челноке есть лишь два легких скафандра.

– Не думаю, что внутри нас ждет биоугроза, – ответила Ксения. – Перед бегством мы зафиксировали поток излучения, направленный на ваш корабль. Но это не вирус и не жесткая радиация. Это что-то, действующее непосредственно на живые организмы.

– Подло, – сказал Криди коротко.

– Да, – согласилась женщина.

Криди вздохнул и вернулся к пульту. Положил лапы на джойстики.

Челнок ожил, легкими толчками стал приближаться к причальной площадке. Исполинское кольцо жилых отсеков медленно вращалось вокруг неподвижного основного корпуса, челнок подкрадывался к кольцу.

– Мне очень жаль, – сказала Ксения.

Криди помедлил и ответил только тогда, когда опоры челнока вошли в стыковочные карманы.

– Я верю.

* * *

Технологии неварцев вызывали у Валентина одновременно и восхищение, и сочувствие.

Они ухитрились достичь серьезного прорыва в физике высоких энергий и структуры пространства, что привело к созданию джамп-привода и планетарных кораблей с ядерным двигателем. На Земле подобные технологии возникли лишь к середине двадцать первого века.

А вот все остальное выглядело скорее ровесником «Союзов» и «Аполлонов». Компьютерные системы – как в конце двадцатого века, материалы челнока – словно времен «Шаттла», на межзвездном корабле вместо искусственной гравитации использовалось вращающееся кольцо жилых отсеков.

Бесспорно, развитие каждого мира, изолированного в рамках своей системы, шло своеобразным путем.

Бывали миры, где ядерные двигатели появлялись раньше двигателей внутреннего сгорания.

Иногда компьютеры изобретали раньше книгопечатания (которое в таких случаях не возникало вообще).

Порой вполне развитая и процветающая цивилизация исхитрялась не развить целую науку – химию, к примеру, или географию. Количество планет, обитатели которых всерьез считали свой мир плоским, исчислялось десятками, если не сотнями. Иногда они даже запускали космические корабли, обнаруживали истинную природу своего мира – после чего население впадало в истерику и боялось выходить из домов, чтобы не скатиться по шару *вниз*!

Нет, наверное, Валентин был все-таки неправ и должен был это признать. У неварцев был серьезный провал в компьютерной сфере, но все же не фатальный. Они каким-то образом ухитрялись выжимать куда больше из старой доброй механики, электротехники и ядерной физики.

Ну и из собственной подготовки, конечно же.

Вот и сейчас, наблюдая за виртуозной стыковкой с кораблем, Валентин испытал восторг. Это была работа, достойная первых земных космонавтов, садившихся на Луну или стыкующихся с неработающими орбитальными станциями.

После того, как челнок коснулся вращающегося жилого кольца (Горчаков не смог понять логику неварцев, устроивших аварийный стыковочный отсек на внутренней стороне движущегося кольца, но, честно говоря, особой логики в этом и не было – подобный режим стыковки просто никогда не рассматривался всерьез), наступил краткий момент ожидания. «Дружба» хоть и не была обесточена, но экипаж не отвечал, а компьютеры были слишком примитивны, чтобы самостоятельно осуществить цикл стыковки.

К счастью, именно примитивность неварских компьютеров сейчас играла им на руку. Все операции проводились путем простейших механизмов и электрических цепей.

Стыковочные опоры вошли в крепления? Отработали датчики, включили подтягивание челнока к кораблю. Конический выступ люка попал в причальный конус? Все, уже никуда не деться, гидравлика прижала и стянула комингсы. Внутренний датчик показал герметичность люка? Блокировка открытия отключилась.

Челнок пристыковался.

Система вентиляции вдруг воспряла, приток воздуха в челнок резко усилился и посвежел. Они подключились к корабельной сети воздухоснабжения.

Криди отстегнулся от кресла, по-кошачьи извернулся (Валентин понимал весь юмор этого сравнения, но оно было самым верным) и пробежал в хвост челнока. Центробежная сила худо-бедно позволяла избавиться от проблем с невесомостью. Люк для перехода в звездолет был в полу.

Следом, не менее ловко, к ним подошла Ксения.

– Я пристыковался, – перевела она слова Криди. – Мы сможем перейти в корабль, а позже ввести челнок в ангар.

– Хорошо, – сказал Валентин. – Ты – замечательный пилот, Криди.

– Кто идет первым? – спросила Ксения.

Валентин давно уже все решил.

– Гюнтер первый. За ним Криди и ты. Четвертым – я.

– Командир! – возмутился Матиас. – Я ценю русский юмор, но это уже чересчур!

– Почему? – спросил Валентин. – Я не покидаю корабль, потому что корабль уже сбежал от нас. Я пытаюсь найти нам новый. Остаешься старшим.

Матиас вздохнул.

– Я хотел бы взять оружие, – перевела Ксения слова Криди.

– Бери, – согласился Валентин. – Ксения, может быть, и ты вооружишься? У нас всего три пистолета, но

ты ведь справишься с местным оружием?

– Я сама оружие, – ответила Ксения. – Гюнтер, начинаем.

Оружейник кивнул, подходя к люку. Криди повозился с запорами несколько секунд и открыл люк внутрь. Разумно: если бы звездолет был разгерметизирован, то давление воздуха в челноке не позволило бы открыть люк.

За люком оказалась шахта глубиной метра два-три со скобами для спуска по стенам. Шахта заканчивалась маленьким, ярко освещенным отсеком.

– Поехали, – сказал Гюнтер и начал быстро спускаться.

– Ждите в челноке, пока мы не вернемся, – сказал Валентин. – Если не вернемся через три часа, то за нами отправятся… – он помедлил, – Мегер и Алекс.

То, что он хотел донести до экипажа, было понятно всем. Пилот и навигатор более не нужны, если шансов улететь из системы нет. Но Валентин все же закончил:

– Если и они не вернутся, возвращайтесь на планету.

***

Некоторые земные обычаи Ксения понимала плохо. Вот, к примеру, должен ли командир экспедиции идти впереди в опасных ситуациях? В том, что «командир покидает корабль последним» смысл был – необходимо удостовериться, что экипаж и пассажиры эвакуированы, что опасные системы корабля заглушены, что ситуация действительно требует оставить корабль.

А вот идти впереди или нет – это же невозможно просчитать заранее! Никак!

Есть ситуации, когда командир должен лично оценить происходящее и принять решение. А есть те, где он должен осуществлять общее руководство из

безопасного места. Есть такие, где его способности и навыки требуют присутствия «на передовой». А есть другие, где надо пропустить вперед более подготовленных товарищей.

В данном случае данных было настолько мало, что идеального решения не существовало. Валентин мог поступать, как ему вздумается; он был подготовленным, волевым, хладнокровным, имеющим опыт реального боестолкновения. К тому же, он и впрямь стал командиром без корабля – его потеря не нанесет фатального урона для экспедиции.

Ну и самое главное – Ксению радовало, что Матиас в безопасности.

Отсек под переходной шахтой оказался шлюзом. Они спустились в него, закрыли люк в потолке. Криди показал шкафчик, в котором хранились средства дезактивации при радиационном или биологическом загрязнении. К сожалению, все это предназначалось лишь для ситуации, когда загрязнению подвергся челнок. Никаких скафандров, респираторов или хотя бы примитивных масок для защиты от загрязнения внутри корабля тут не имелось: только легкая свободная одежда и обувь, рассчитанная на гуманоидов и фелиноидов. Видимо, если те будут вынуждены снять загрязненную одежду.

Впрочем, для чего может потребоваться скафандр?

«Дружба» подверглась атаке излучением неизвестной природы, а не ядерному удару, радиационному заражению или биологической атаке.

– Позвольте все же мне идти первым, – сказал Криди. – Я знаю корабль и привык к искусственному тяготению.

Валентин едва заметно улыбнулся, когда Ксения перевела эти слова.

– Конечно, друг мой.

– Только надену сапоги, – сказал Криди озабоченно. – Их подошвы адгезивны, это удобнее, если выйдем в отсеки с низкой гравитацией.

Ксения отметила, что Валентин с трудом сдержал смех, когда кот принялся натягивать высокие узкие сапожки. Гюнтер посмотрел на командира и не выдержал, фыркнул. Что-то в словах или поведении Криди показалось людям смешным? Надо будет потом спросить у Матиаса, есть ли в человеческом фольклоре что-то, касающееся котов и сапог, отметила мысленно Ксения.

Криди открыл клапан – зашипел воздух, уравнивая давление, потом отпер дверь (опять простейший механический замок, Валентин с одобрением кивнул). Кот вышел из шлюза в просторное помещение, следом – Гюнтер и Ксения. Валентин последовал за ними, с любопытством ощущая легкое странное покачивание при ходьбе. Все-таки центробежная сила, да еще и на корабле не самых больших размеров, полноценной гравитации не давала.

Пожалуй, он и сам бы не отказался от адгезивной обуви, как их отважный кот-в-сапогах.

Ангар был пуст, довольно просторен и выглядел как любой ангар для челноков на любом космическом корабле: металлический пол, металлические стены, металлический потолок, люки, скрывающие трубопроводы и кабели, яркие лампы на потолке. Похоже, он занимал всю ширину жилого кольца корабля. Воздух показался Валентину довольно приятным, чужие странные запахи были ненавязчивы и не раздражали. Может быть, было немного прохладно, но не более того.

– Никого нет, – сказал Гюнтер. – Скажи нашему другу, что мы очень сожалеем, но его друзья, очевидно…

– Тише! – Криди поднял лапу, сжимая в другой пистолет. – Я что-то слышу.

Ксения перевела, но это был тот случай, когда все и так поняли сказанное.

Криди мягко, плавно отрывая свои сапоги от пола и столь же аккуратно опуская, подошел к одной из двух широких дверей, ведущей из ангара. Приложил к ней голову, вслушиваясь.

Ксения с любопытством смотрела на него. Ее слух был куда лучше, чем у большинства людей, впрочем, как и все остальные чувства. Она вообще была лучшим из возможных образцов человека, хоть им и не являлась.

Но она ничего не слышала, а Криди явно слышал. Сквозь закрытую герметичную дверь.

– Мне не нравится, – коротко сказал Криди. Поколебался, потом протянул лапу, нажал большую круглую кнопку у дверей и быстро отступил на несколько шагов.

Вовремя.

Едва створки дверей начали разъезжаться в стороны, как звуки и запахи хлынули лавиной: сладкий железистый аромат крови, вонь фекалий и кислый запах мочи; шумное дыхание и клокочущее шипение, скрежет, клацанье, шарканье.

А за звуками и запахами в узкий проем полезли окровавленные руки с сорванными ногтями, лапы с выпущенными когтями, головы длинношеих гуманоидов Невара и покрытые мехом тела фелиноидов. Глаза дергались в орбитах, словно неспособные зафиксироваться на ком-либо, начисто лишенные разума, но полные животной первобытной ненависти.

Криди не колебался ни мгновения – пистолет в его руке начал стрелять. Кот прицельно бил в головы бывших товарищей.

Вторым открыл огонь Гюнтер; Валентин, хоть и достал оружие, колебался. Если оружие Криди было обычным огнестрельным, то табельный пистолет Космофлота, рассчитанный на использование внутри корабля, стрелял «умными пулями», оказавшимися куда более эффективными. Криди тратил не меньше двух-трех зарядов, чтобы выстрелами в голову свалить обезумевшего космонавта. Земные пули, попав в голову, разносили ее на части.

Вот только двери продолжали открываться, а за ними скопилось больше десятка космонавтов «Дружбы».

Ксения и сама не ожидала, что может впасть в замешательство. Не от неожиданности или непонимания, увы, а от осознания происходящего и понимания перспективы. И только когда два кота, перепрыгнув окровавленные тела, бросились на Криди, она вступила в бой.

Собственно говоря, она могла решить проблему и сама. Главное было – не попасть под выстрелы товарищей.

Поэтому, пробегая мимо Гюнтера, она мимоходом развернула его, сместилась, уходя из сектора обстрела, обогнула Криди (тот стрелял в прорвавшихся, но начал мазать) и прыгнула вверх. Слабая гравитация корабля позволила ей долететь до потолка – и уже оттуда, с трехметровой высоты, она обрушилась на котов. У Криди как раз должна была кончиться обойма – так и произошло, что добавило ей свободы действий.

Первому коту она сломала позвоночник в пояснице, второму шею – вывернув голову на сто восемьдесят градусов.

Оба продолжили двигаться и нападать.

– Не стреляйте! – крикнул Валентин, удерживая Гюнтера.

Хороший командир. Не просто реагирует, но вначале думает.

Ксения оторвала котам головы. Это подействовало. Криди торопливо менял в пистолете магазин. Гюнтер стоял, целясь, но не решаясь пока стрелять. Валентин смотрел на Ксению.

Вся в крови, она повернулась к новым противникам. Четверо людей и двое котов ворвались в ангар. Она уже убила двоих, Криди с Гюнтером до этого застрелили шестерых – что ж, справиться с шестеркой оставшихся будет несложно…

Ксения ошибалась. Если до этого момента действия нападавших были совершенно несогласованными, то оставшиеся очень скоординировано напали на нее. Коты прыгнули, пытаясь атаковать сверху и точно так же, как и она, используя все возможности низкой гравитации. Люди набросились группой.

От одного кота она уклонилась, второго (а точнее – вторую) поймала в воздухе и, несмотря на всю его ловкость и гибкость, сломала позвоночник в нескольких местах. Это замедлило кису и позволило Ксении повторять трюк с отрыванием головы.

Вырвавшийся чуть вперед гуманоид получил серию ударов, был отброшен в сторону, и Криди расстрелял его. Третья пуля попала в основание черепа, и гуманоид мгновенно отключился.

Ксения потрясла руками, смахивая кровь и ошметки плоти. Пальцы и кисти уже болели. Вообще-то органическое существо ее габаритов не способно было отрывать головы. Честно говоря, тут и земная горилла бы дольше возилась.

– Ксения!

Она ударила прыгнувшего кота, но тот будто ждал ее движения – полоснул когтями по рукам и уклонился.

– Уйди, мать твою! – рявкнул Валентин и выстрелил в атаковавшего ее кота. Пуля попала в таз, нижняя

часть тела неварца мгновенно раздулась, из нее на мгновение выскользнули блестящие металлические нити, закрутились – разрывая кота на две половины.

Для разумного вида, не воевавшего почти две сотни лет, люди были чертовски изобретательны в создании оружия.

Ксения отступила, открывая последнюю троицу. Пистолеты мужчин стреляли без перерыва, неварцы со скоростью, поразившей Ксению, уклонялись. Но вот Криди всадил несколько пуль в ногу одного из противников, Гюнтер, воспользовавшись моментом, выстрелил тому в живот – неварца затрясло, словно в припадке, волосы на голове встали дыбом, в омерзительные запахи добавился совсем уж отвратительный аромат жареного мяса.

Остались две женщины, упорно кидающиеся вперед. Ощущение было таким, словно они выучили все ошибки своих товарищей и запомнили характерные приемы стрелков. Приближаться к Ксении им явно не хотелось, зато они пытались использовать ее как укрытие от пуль – Третья-вовне ждала, выжидая атаки.

Внезапно одна из женщин с рычанием бросилась вперед, а вторая – обратилась в бегство.

Ксения поймала атакующую в захват, скрутила руки, прижала к полу. Женщина пыталась вырваться, и будь на месте Третьей-вовне кто-то из людей – это бы удалось.

– Не дайте уйти! – крикнула Ксения.

Валентин прицелился в спину бегущей женщины и выстрелил – через мгновение после того, как та завернула за угол.

Ксения оскалилась от огорчения.

Где-то за поворотом коридора послышался мягкий удар падающего тела, слившийся со звоном чего-то замороженного и разбившегося вдребезги. Криди в три

прыжка добежал до угла, заглянул – и вернулся, морщась и тряся головой.

– Надо ее допросить, – сказал Гюнтер, ошалело глядя на пленницу. – Что с ними?

– Тут нечего допрашивать, – ответила Ксения. – Она утратила личность и никогда не станет разумной.

– Что ты говоришь? – поинтересовался Криди.

– Эта женщина утратила личность, как и все остальные. Ее нельзя спасти, допросить или сделать безвредной. Отныне и навсегда это машина убийства.

Криди молча подошел к ней, прижал ствол пистолета к затылку женщины и выстрелил. Та затихла.

– Надеюсь, ты была права, – холодно сказал кот.

Ксения встала. Посмотрела на подрагивающие ладони.

– Мы писали, мы писали, наши пальчики устали… – непонятно пробормотал Валентин. – А ты сильна.

Гюнтер, окинув взглядом тела, явственно подавил рвотный позыв. Выругался. Но при этом его руки, словно сами по себе, меняли в пистолете магазин.

– Что это, Ксения? – спросил он.

– Хороший вопрос, – Валентин, к чьим ногам медленно подтекала лужица крови, отступил в сторону. – Экипаж превратился в зомби? Ты явно что-то знаешь об этом. Почему молчала раньше?

– Это не зомби. Зомби медленные, – сказал Гюнтер. – Они идут и бормочут «Мозги! Мозги!»

Он вдруг побелел и отошел к стене. Его все-таки вырвало.

– Я не знала, пока не увидела, – объяснила Ксения. – В наших базах данных есть описания подобных случаев, но мы не знали, какой фактор к ним привел.

– Итак? – терпеливо спросил Валентин, поглядывая в коридор. – Мы заражены? Мы станем такими же? Нам следует бежать, или покончить с собой, или уничтожить корабль?

– Нам придется найти их всех и убить, – ответила Ксения. – Однажды такой стала целая планета. Мы не смогли откатить события и не смогли никого спасти. Существа со временем вымерли сами, осталось лишь несколько групп на островах, не затронутых процессом. Поэтому я и говорю – случившееся необратимо.

– Но что это? Все-таки вирус?

– Нет. Как я теперь поняла, это волновая перепрошивка личности. Нечто похожее на наше оружие, вызывающее непреодолимую тягу к суициду. Излучение, которое мы зафиксировали, стерло их память и сознание, но прописало в мозгу новую программу: убивать любого чужака. И они… они не совсем безмозглые. Они учатся. И, похоже, могут коммуницировать непонятным нам путем.

– Перепрошивка личности? Коротким пакетом данных? – в голосе Валентина слышалось сомнение.

– Мы видели проекцию импульса из плоскоты, он не так уж и мал, – сказала Ксения. – К тому же, атакованным не надо доказывать математические теоремы и вести философские диспуты. Это боевые автоматы, которые могут только пить, есть и сражаться. Причем и биологически они изменены. Вначале я разрывала позвоночный столб, но это не мешало им двигаться. Пришлось отрывать головы, – она помедлила и добавила:

– Извините.

– Я впечатлен твоими возможностями, – кивнул Горчаков. – Хорошо, что мы друзья.

Он смотрел Ксении в глаза.

– Мы – друзья, – ответила Третья-вовне. – Клянусь.

Криди тронул ее за руку. Тоже заглянул в глаза – очень печально.

– О чем вы говорили? Моих товарищей нельзя спасти? Никого?

– Если они все такие, то никого, – ответила Ксения. – Прости. Их уже нет, на их месте монстры.

– Тогда мой долг уничтожить монстров, – сказал Криди. – В ангаре есть оружейный сейф, я постараюсь его вскрыть. Спасибо, чужая, ты самый могучий воин, которого я видел.

– Мы сделаем это вместе, – пообещала Ксения.

Криди кивнул и пошел, хлюпая своими сапогами по лужам крови. Потом остановился, стянул их и бросил в сторону. Ксения услышала, как он пробормотал: «Никто не скажет, что я топтал их кровь…»

– Полагаю, я понял смысл вашего разговора, – сказал Валентин. – Мы убьем их всех?

– Да. Мы сможем. Вы хорошо стреляете, а я… я сильнее, чем выгляжу.

Валентин кивнул:

– И мы не будем никого звать. Это груз, который нельзя взваливать на чужие плечи.

Он помедлил и с горечью сказал:

– Но как можно каким-то излучением не просто убить, но превратить мирное и разумное существо в кровожадное чудовище?

Ксения на миг задумалась, решая, хочет ли она это сказать. И поняла, что хочет, пусть это и не очень разумно.

– Командир Горчаков, на вашей чудесной планете с семидесятых годов двадцатого века царит мир. За исключениями экономических и социальных конфликтов, но все-таки мир. Убийц вы рассматриваете как глубоко больных людей и либо лечите, либо изолируете. Войн нет вообще. Вы сам очень добрый и… – она запнулась, ища подходящее слово, – и уютный человек. Как и весь ваш экипаж. Но вот сейчас мы за минуту жестоко убили четырнадцать существ, еще недавно бывших разумными личностями. Вы стреляли в них пулями, которые взрывались, рассекали тела на

части, сжигали изнутри и, если я не ошиблась, замораживали заживо. Я отрывала им головы. Я сама вся в крови, и вы в крови, и мы стоим в луже крови. Но единственное, что случилось с нами, – нашего доброго оружейника стошнило.

Лицо Горчакова медленно бледнело.

– Совсем несложно превратить любое разумное существо в кровожадное чудовище, – сказала Ксения. – Вы и так все чудовища.

– А вы, Третья-вовне? – спросил Валентин.

– Мы куда ужаснее всех вас, – просто ответила Ксения. – Простите, командир, можно закончить разговор? Там в углу что-то похожее на умывальник. Я хотела бы смыть кровь.

Глава шестая

Если массовое убийство можно назвать работой, то они потрудились хорошо.

Экипаж «Дружбы» (вместе с учеными) состоял из двадцати восьми неварцев. Трое из них, как сказал Криди, погибли на Соргосе, четырнадцать были убиты в ангаре. Валентин предпочел не думать о том, как они почувствовали их прибытие – неужели их упростившееся сознание все-таки позволяло следить за приборами? Нет, нет, скорее они почувствовали запах... или услышали звук стыковки...

Еще двое – это были Криди и Анге.

И девятерых последних они нашли в индивидуальных спасательных капсулах, крохотных и неудобных, дающих призрачный шанс спуститься на планету. Лишенные сознания космонавты не смогли выбраться из капсул в корабль. Видимо, это и была научная часть экспедиции, отправленная в «безопасные» укрытия при появлении гигантского корабля.

Убивать их было легко, лишь два гуманоида в одной из капсул, братья-близнецы, оказали яростное сопротивление. Но, по сравнению с бойней в ангаре, все было просто.

Они справились меньше, чем за час.

Потом стащили трупы, запаковав их в пластиковые мешки, в ту часть грузового отсека, которую можно было герметично изолировать и выпустить из нее воздух. Валентин думал о том, что правильнее было бы выбросить тела в космос, но он побоялся сказать об этом Криди. Кот выглядел совершенно спокойным, но что на самом деле было у него на душе, Валентин даже боялся думать.

Гюнтера больше не тошнило, зато в процессе уборки вывернуло самого Валентина. К счастью – в ангаре, где и было больше всего грязи, зато имелась система дезинфекции. Все вышли из ангара, Криди закрыл герметичные двери и запустил цикл очистки. Форсунки в потолке ангара принялись распылять воду с пеной, стекающую в сливы на полу.

Они ждали.

– Нас спросят, что тут было, – сказал Гюнтер, ни к кому конкретно не обращаясь. Ксения посмотрела на командира, но ничего не сказала.

– Мы вошли в корабль и убедились, что тут все мертвы, – ответил Валентин. Он уже несколько минут размышлял о том, что сообщит экипажу. – Под действием излучения неизвестной природы экипаж впал в бешенство, перестрелял и растерзал друг друга. К счастью, большая часть жертв нашлась здесь, в ангаре. Мы стащили тела в отдельный отсек склада и заморозили.

– Это объясняет кровь, – кивнул Гюнтер. – Вряд ли мы смогли убрать все. Да и на нас кровь.

– В рапорте после возвращения я, конечно же, расскажу правду, – продолжил Валентин. – Но пока… не стоит.

Ксения быстро перевела его слова Криди. Кот кивнул:

– Это разумное решение, командир Валентин. Но я расскажу правду Анге, она имеет право знать.

– Выдержит? – спросил Валентин коротко.

– Да, – так же сухо ответил кот.

* * *

Теодор думал о том, что день выдался потрясающий.

Несмотря на то, что Марк сошел с ума и выбросил их с корабля. Несмотря на то, что они оказались на чужой планете. Несмотря на то, что сейчас они готовились перейти на борт неварского звездолета, полного мертвецов.

Потому что все это можно было трактовать и совсем иначе!

Искин сошел с ума – но Теодор загодя подготовился, благодаря чему экипаж остался жив.

Они добрались до чужой обитаемой (да-да, обитаемой!) планеты и высадились на ней, используя парашюты! Да, Тедди пять раз прыгал на тренировках, это до сих пор было частью подготовки космонавтов, но число людей, реально высаживающихся с парашютом на другие планеты, можно было пересчитать по пальцам!

Точно так же, как и число космонавтов (не ученых!) высаживающихся на планеты с разумной жизнью. Это вообще разрешалось только в рамках спасательно-эвакуационных миссий, и никто никогда не позволил бы такое шестнадцатилетнему кадету!

А еще он спускался вместе с Лючией на одном парашюте. Теоретически это допускалось, опять же в случаях эвакуации или спасения жизни, но, чтобы такое случилось в реальности! С кадетом!

Они плыли в небесах чужой планеты, автоматика парашюта вела их к точке высадки по спирали, мир кружился вокруг, Лючия повизгивала от восторга и страха, и точно так же тихонько выкрикивал что-то он сам, а потом они принялись смеяться… и черт побери, если бы Тедди не висел в подвеске перед Лючией, то он уверен, что они бы поцеловались прямо в небе… ну… вообще-то ему даже казалось, что на миг Лючия опустила голову и прижалась губами к его щеке, но это не считается, и может быть вообще показалось…

Потом инопланетяне – настоящие, трех видов! И старт на чужом примитивном челноке! И стыковка с чужим звездолетом с мертвым экипажем!

Нет, экипаж, конечно, было жалко…

Но опять же, как часто такое случалось? Редко. Только если люди находили космические корабли или станции возле очередной убившей себя планеты. Да и то: входили в корабль только ученые, корабли были давно мертвы, вымерожены, зачастую негерметичны, как правило, дрейфовали в космосе уже сотни или тысячи лет. Это было как войти в египетскую гробницу – жутко, интригующе, но никаких шансов найти что-то живое или даже увидеть истинные краски фараоновских одеяний…

Потрясающий день.

Так или иначе, Тедди стал частью истории космонавтики. И мать, и отцы будут им гордиться. Папа Илайя выйдет из своего дома, сжимая в мозолистой руке планшет, зайдет в дом папы Дональда. Скажет: «Ты посмотри, что совершил наш мальчик!» И они, скорее всего, накатят крепкого кукурузного виски, прежде чем пойти в женский дом, позвать маму и мелких и там разъяснить всю уникальность произошедшего. Мама-то особо космосом не интересуется, в ее представлении что лунные города, что экспедиция за сотню световых лет – все одинаково далеко…

При мысли о доме Тедди стало грустно. Он прошелся по челноку – все уже расселись, где придется, Алекс молча пялился в планшет, пытаясь рассчитать там что-то астрономическое, навигационное. Да уж, ему без искина с его вычислительными мощностями – как без рук…

– Тедди, а почему Марк сбрендил? – неожиданно спросил Алекс.

– Такое бывает, – осторожно сказал Тедди. – Понимаешь, система такой сложности…

– Я понимаю, – ответил Алекс. – Но все-таки: ты сам что-то замечал?

Вот чего точно Тедди не собирался делать (после недолгих размышлений), так это рассказывать о своем вмешательстве в ядро искина. Да, скорее всего, именно это и привело к психопатии Марка. Но, с другой стороны, не настрой Тедди его на паранойяльную осторожность, Первая-вовне уничтожила бы корабль еще в неправильной реальности!

Ничего ведь уже не изменить и не исправить. Марк удрал. Логи недоступны. Если случившееся станет известно, то никто не станет разбираться, Тедди выпнут из космонавтики с волчьим билетом. Еще и в учебники внесут – как пример глупого и недальновидного сисадмина!

– Были определенные признаки, – сказал Тедди. – Я потому и решил заложить червя в Марка.

– И что именно было? – спросил Матиас, сидевший на кресле рядом с Алексом. – Ты не сообщал, Тедди.

Упрека в его голосе не было, но Тедди прекрасно понял, что ходит по острию ножа. К счастью, он ожидал этого вопроса.

– Марк выстрелил по станции Ракс, – сказал он, пожимая плечами. – Либо это следствие каких-то закрытых доминант, либо его собственная оценка ситуации, но в любом случае подобный поступок не мог пройти бесследно для ядра искина. А потом, когда после прыжка пошла рассинхронизация со вспомогательными контурами… это, конечно, последствия теста два-эс, но она показывает нестабильность системы. Поскольку Марк выглядел устойчивым, я решил, что рассогласование идет на уровне вспомогательных искинов. Но меня это смутило. И я запустил червя, на всякий случай.

Версия была вполне убедительная. Матиас подумал мгновение, кивнул.

– Молодец, Тедди. Но стоило сразу доложить командиру о случившемся.

– Виноват, – сказал Тедди с искренним раскаянием. – Я не знал, одобрит ли он, а решение формально было в моей компетенции.

– Ну, на грани, – ворчливо заметил Матиас.

– Согласно пункту два подпункт четыре, – сказал Тедди, – отсроченные действия не являются обязательными к информированию командования в условиях нехватки времени.

– Ты забываешься, Теодор! – неожиданно резко сказала Мегер. – Ты – кадет. Ты временно исполняешь… исполнял обязанности системщика. Ты обязан был сообщать мне и командиру о всех ситуациях, выходящих за рамки стандартных! И о поведении Марка, и о своих действиях!

– Виноват, мэм! – отчеканил Тедди. – Больше не повторится, мэм!

Он ждал чего-то подобного. И понимал, что совсем без замечаний из ситуации не выберется.

Но это было меньшее зло.

Анге, неварская женщина – удивительно похожая на человека и симпатичная, вот только шея у нее была длинная, как у женщин азиатского племени падаунг, посмотрела на Тедди и Мегер с тревогой.

– Все в порядке, – мягко сказала ей Мегер. Она тоже заметила ее реакцию. Люди-лошади стояли чуть в стороне, отреагировали ли они на разговор, Тедди не заметил. – Мальчишки… считают себя взрослыми, а ума еще нет…

Поскольку понять ее неварка никак не могла, слова предназначались для Тедди. Он потупился.

– Не переживай, – сказал ему Матиас негромко. – Мисс Мегер права, но ты нас спас. Это смягчающее

обстоятельство.

А его слова, конечно же, предназначались Мегер.

Потом Матиас встал и обратился к неварке. Очень тщательно выговаривая каждый звук, он сказал:

– Ка-валаппай таттэ. Иттуор уперрору ккурийя цейлмурай.[16]

Женщина просияла.

– Пунай калинмоли ункалаккут териюма?[17]

– Майккак курэйву, – помедлив, ответил Матиас.[18]

– Да ничего себе «мало»! – громогласно сообщил Уолр. Поднялся, грузный и восторженный, как обычно. – У вас грубое произношение, но все вполне понятно. А язык этих, лошадок, знаешь?

– Десяток-другой слов. – Кажется, Матиас смутился. – У них очень сложная система времен, я даже не рискнул всерьез браться.

Тедди, обрадованный тем, что разговор ушел от его персоны, осторожно прошел к пульту челнока. Стал с любопытством осматривать его – экраны, сейчас почти все отключенные, множество переключателей (Механика! Настоящие кнопки, которые надо давить, как в исторических фильмах!), строчки поясняющего текста – ветвистые завитушки, со спиралями и кружочками… Интересно, какая система представления данных у простенького компьютера? Наиболее распространен двоичный код, но используется и троичный, и непозиционная система счисления…

Спрашивать, используя в качестве переводчика Матиаса или Уолра, было более чем неудобно.

Да в общем на это не нашлось и времени – в этот момент, когда Уолр уже приготовился затеять с Матиасом какой-то разговор о языках, в люк постучали. Именно постучали, как в обычную дверь.

Анге сразу же метнулась к люку. Понятное дело, она волновалась за своего спутника и, наверное, надеялась,

что кто-то на борту звездолета выжил.

Первым из люка появился кот – стремительный, грациозный, похожий на пуму из мультика, в своей комичной короткой юбке. Мимика у него, конечно же, была своя, непонятная. Но, судя по всему, ничего хорошего он Анге не сказал.

Следующим из люка высунулся Гюнтер. Оглядел всех, коротко сказал:

– На борту звездолета все мертвы. Спускайтесь. Я с Криди отведу челнок, и мы введем его в ангар. Анге поможет нам внизу.

– Если позволите, я побуду с вами, – сказал Уолр. – Я обожаю спускаться по трубам, как вы понимаете, но она такая узкая…

– Буду признателен, – сказал Гюнтер, выбираясь в челнок.

Тедди подумал, что несмотря на весь их ситуативный союз, командир и Гюнтер не доверяют чужакам до конца. И не хотят позволить Криди оказаться одному, без присмотра.

Наверное, это было правильно.

* * *

Ян и Адиан выходили последними – в космическом корабле остались лишь Криди, гуманоид и огромное мохнатое существо, похожее на пришельца из детских книжек. Ян уже понял, что стыковка была произведена по какой-то нестандартной схеме, а теперь маленький корабль готовятся состыковать с большим более правильно, кажется, даже ввести внутрь.

Спустившись по стыковочному колодцу (лестница была неудобной, явно рассчитанной на существ хищного типа, с мягкими лапами, а не с копытами), они вышли в просторный металлический зал.

– Ангар, – сказала Адиан, оглядываясь. – Видишь, тут открывающиеся створки.

Да, помещение явно предназначалось для того, чтобы ввести в него малый корабль. Удобно! Их друзья и впрямь достигли небывалых технологических высот… на что же тогда походил корабль большой группы пришельцев? А тот, гигантский, от которого они бежали?

У Яна кружилась голова. Неужели от волнения? Он ведь уже понял, что космос – словно материнская кукла-вкладка, только открываешь ты ее не снаружи, а изнутри, обнаруживая вслед за яйцеклеткой и спермием эмбрион, за эмбрионом – детеныша, за детенышем ребенка – и так до конца, до стилизованного хищника… Но сделав несколько шагов, он понял, что головокружение связано с особенностями корабля. Вращение кольца создавало иллюзию притяжения, но как-то влияло на вестибулярный аппарат.

Вслед за Анге они вышли в коридор, герметичный люк в ангар закрылся. Анге принялась набирать какие-то команды на приборном щитке у самого люка. За металлической стеной раздался гул. Откачивается воздух из ангара?

– Чувствуешь запах? – спросила Адиан.

Ян кивнул.

Запах был. Неприятный запах, в котором ощущались кровь и химия.

– Словно замывали следы крови, – сказала Адиан.

– Я понимаю, – сдержанно ответил Ян. – Они же объяснили. Экипаж сошел с ума и поубивал друг друга.

– Это свежая кровь.

Возможно, это стало бы для многих неожиданностью, но запах крови их вид чувствовал лучше любых хищников. Выжить и не стать пищей – куда важнее, чем самому поесть.

Они молчали, глядя на экран. Там, внутри ангара, кружился какой-то мусор, поднятый потоками воздуха.

– Мы не знаем всей правды, – сказал Ян наконец. – Тут были не только чужаки, но и Криди. Возможно, они были вынуждены так поступить. Если экипаж потерял разум, то имело смысл избавить людей от бессмысленного существования.

Адиан нервно переступила на месте, гулко цокая о металлический пол.

– Это законы войны и голода.

– Я не знаю про голод, но это война, – согласился Ян.

Они замолчали. На экране створки раздвинулись, обнажая бездонную черноту с повисшим в ней кораблем. Потом за кораблем вспухли и рассеялись белые облачка, он начал медленно сдвигаться к люку.

– Что мы тут будем делать? – спросила Адиан. – Ян, ты уверен, что мы поступили правильно?

Ян вздохнул.

Он не был уверен.

Но…

– Наш мир разрушен, – сказал Ян. – И у нас есть шанс, маленький шанс, помочь отомстить за это. Пусть он ничтожен, пусть мы дикари по сравнению с этими существами… но я готов мыть здесь полы. И не принюхиваться к лишнему. Все ради этого маленького шанса.

* * *

Рубка неварского корабля была расположена на центральной оси, в зоне невесомости. С одной стороны, это создавало неизбежные неудобства, но с другой – позволяло избежать неожиданной невесомости, если вращение жилого кольца прекратится. Валентин решил, что неварцы выбрали меньшее из зол.

К его удивлению, устройства управления и навигации были хорошо компьютеризированы и не требовали для управления большой вахты. Криди объяснил, что, как правило, кораблем управляли двое – либо капитаны (от людей и кис), либо кто-то из капитанов и навигатор. Потом неожиданно добавил, что капитан от людей погибла на планете.

Валентин наконец-то задал вопрос, который тревожил его с момента парашютирования.

– Что случилось со вторым челноком? Неудачная посадка?

– Можно сказать, что и старт был неудачным, – уклончиво сказал кот.

Валентин решил не уточнять. У него не было на это ни прав, ни возможностей добиться честного ответа. Кот что-то утаивал, но и люди не спешили делиться всей историей своих приключений.

Может быть, время для этого еще настанет. Может быть.

В рубке их сейчас было шестеро. Криди и Анге – последние оставшиеся в живых неварцы. Сам Валентин, Ксения в неизбежной роли переводчика, Мегер и Алекс – сейчас Валентин думал, что ему несказанно повезло с парнишкой. Полностью полагаться на примитивные компьютеры «Дружбы» не хотелось, человек-плюс был их единственным шансом на независимую межзвездную навигацию. Мегер и Алекс изучали системы управления, сверяясь с инструкциями в планшетах, остальные парили в стороне от пультов, ведя тихий разговор.

– Ты умеешь пилотировать корабль? – спросил кота Валентин.

Это был очень важный вопрос. Они уже знали, что и Криди, и Анге – инженеры (да, кстати, новая странность – зачем инженерам высаживаться на планету? Впрочем, быть может, они надеялись починить разбившийся корабль…) Общий принцип пилотирования

кораблей с варп-приводом Валентин знал, но в цивилизованной Галактике никто давным-давно его не использовал.

– Мы все проходили начальный курс, – сообщил кот. А потом, покосившись на свою подругу, добавил: – Но мой курс был усиленным. Я способен вести корабль даже в одиночку.

Анге сокрушенно покачала головой. Да, что-то было неладно, при всем том, что эта пара явно друзья… а если верить Ксении – даже любовники.

– Хорошо, – кивнул Валентин. – Я должен сказать, что ваш двигатель – опасная штука. Он может вызвать непредсказуемый разрыв пространства, переместив те или иные объекты от одного центра масс к другому.

– Какие объекты и от какого центра? – заинтересовался Криди.

– Массивные объекты – планеты, спутники, крупные астероиды. От одной звезды к другой, соизмеримой массы.

Криди издал серию кашляющих звуков. Видимо – нервно засмеялся.

– С нашей звездной системой все в порядке? – быстро спросила Анге.

– Да.

– Возвращаться туда не опасно для цивилизации?

– Нет, эффект возникает лишь при уходе в варп. Опасность будет грозить Соргосу. Планете, у которой мы находимся.

– Но мы удаляемся на безопасное расстояние! – попробовал протестовать Криди.

– Безопасно лишь расстояние далеко за астросферой. Желательно – в точке гравитационного равновесия с ближайшей звездой.

Криди опять нервно засмеялся.

– Все цивилизации вначале изобретают варп, – сочувственно сказал Валентин. – Мы дадим вашему

народу иные, более безопасные технологии. А сейчас нам надо будет максимально удалиться от этой планеты и, надеясь на удачу, отправиться к вам. Мы свяжемся со станцией наблюдения, после чего…

Ксения, переводившая его слова, вдруг остановилась. Посмотрела на Валентина. И покачала головой.

– Командир Горчаков. Прошу прощения. Я хотела бы высказаться против вашего решения.

– Я слушаю тебя, Третья-вовне, – Валентин немедленно перешел на официальный тон.

– Если неизвестный корабль и «Твен» отправились к Невару, мы ничего не сможем сделать. – Ксения повернулась к Криди. – Вы имеете системы планетарной обороны? Боевой флот? Вооружен ли этот корабль?

Кот поморщился.

– Нет и нет. На этом корабле есть лазерная пушка, теоретически способная уничтожать близкие метеориты. Была еще одна ракета с термоядерной боеголовкой, очень скоростная и довольно мощная, но я проверил – залп был произведен. Очевидно, что безрезультатно.

– Мы просто погибнем, – Ксения вновь обратилась к Валентину.

– А если этот… «Стиратель»… не направляется к Невару?

– Тогда и спешить нет смысла. – Ксения вздохнула. – Командир, я лишилась собственных средств коммуникации. Я не могу связаться с родиной. Но только и единственно Ракс может противопоставить Стирателям сопоставимую мощь. Это наша цель.

– Ты предлагаешь лететь к Ракс? – Горчакову показалось, что он ослышался.

– Да.

– Вы никогда и никому не позволяете приближаться к вашей системе, – медленно сказал Горчаков.

– Верно. Мы и на планеты не высаживаемся. – Ксения пожала плечами. – А как вы должны были заметить, командир, я ступила на поверхность Соргоса. Рано или поздно приходит время для исключений из правил.

– Кстати, что это означает для Соргоса? Твоя высадка?

– Только то, что мы не можем больше править историю этого мира, – ответила Ксения. – Командир, я предлагаю лететь к Ракс. Максимально быстро. Даже рискуя судьбой этой планеты.

Горчаков молчал, размышляя.

– Я не стала бы предлагать подобное, будь иной выбор, – добавила Ксения. – По моим расчетам, если этот корабль будет двигаться с максимально возможным ускорением, мы сможем уйти в варп через двенадцать-пятнадцать часов. Это дает риск разрыва пространства в семь-одиннадцать процентов. Дальнейшее удаление неразумно, поскольку уровень опасности начнет снижаться крайне медленно.

Горчаков молчал.

– Это золотая середина, – добавила Ксения. – Командир, вы видели эту махину. Ваш корабль подчинился и перешел на сторону врага, хотя вы наивно полагали, что искины неспособны предать. Если «Стиратель» ворвется в систему Невара – он уничтожит всех. И скорее всего, уже без попыток править реальность, а грубой силой. Наблюдательная станция не способна дать ему отпор.

– Если мы угробим Соргос? – спросил Горчаков. – Вы готовы рассказать этим… милым пони… что их мир может исчезнуть в безднах космоса?

– Если Соргос переместится в пространстве, он возникнет у другого центра масс, у другой звезды, как однажды случилось с Халл-три. Только и всего. У них будут шансы выжить.

– А если – у пульсара? У сверхгиганта? У черной дыры?

– Маловероятно: масса звезды должна быть сопоставима. И в любом случае, это меньшее зло, – ответила Ксения спокойно. – После ядерной войны их цивилизация и так разрушена. Миллионы разумных Соргоса посчитают гибель облегчением своих страданий.

– Кто вы такие, Ксения? – тихо спросил Валентин. – Ты кто?

Третья-вовне улыбнулась:

– Помнишь такие стихи: «Часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла»?..[19]

– Ого, – сказал Валентин, помедлив. – Сильная заявка.

– Нет-нет. На самом деле мы – прямо противоположное, – добавила Ксения. – Это и ужасно. Но я предлагаю рискнуть одним искалеченным миром, чтобы спасти процветающую звездную систему. И, кстати, де-факто уже вошедшую в Соглашение! Они выполнили условие, они достигли иной звезды.

Валентин на миг прикрыл глаза. Вздохнул.

– Ладно. Допустим. Ты считаешь, что это вообще возможно? Мы сумеем долететь до Ракс на этой скорлупке?

– Если войдем в варп, то принципиальной разницы уже не будет, – хладнокровно ответила Ксения. – Как это у вас называется… пузырь Алькубьерре? Мы сожмем пространство перед собой и расширим его позади корабля. Проскользнем от звезды к звезде по квантовой пене, за пределами реальности.

– А мне предлагали место старпома на «Элизиуме», – сказал Валентин неожиданно.

– Хороший корабль, – согласилась Ксения. – Есть очарование в старомодной роскоши.

Валентин вздохнул. Поглядел на Криди и Анге, тревожно вслушивающихся в их разговор.

– Придется убедить их лететь на Ракс.

– Я объясню, что мы направляемся за помощью.

– И что-то надо сказать нашим гостям с Соргоса.

Ксения кивнула:

– Да, я думала, чем их занять. Попрошу их вымыть полы, прежде чем начнется разгон.

* * *

Свои каюты, точнее – кубрик с двумя спальными закутками и общим пространством, были лишь у капитанов, чему Валентин не удивился.

Он некоторое время слонялся по небольшой каюте, неловко поглядывая на фотографии, где улыбались две одинаковые женщины (у капитана было две жены-близняшки? Или это просто семейное фото: жена и свояченица?) и махали руками две пары мальчишек-близнецов. Еще с одной фотографии смотрел сурового вида мужчина. Сам капитан? Фото были старомодные, напечатанные на пластике, движения и улыбки были плавные, словно в воде. Капитан от кис почему-то пренебрег фотографиями, зато на стене висело рельефное панно из пластика или гипса с отпечатками лап – большими и маленькими. Повинуясь неосознанном порыву, Валентин понюхал странный барельеф. Да, инстинкт его не обманул. Отпечатки пахли травами и цветами, каждый своим набором. Удивительно, он почему-то не думал, что кисы так полагаются на запахи…

На столе лежали бумаги и какие-то устройства, которые могли быть как научными приборами, так и аналогом плеера или иного развлекательного устройства. В одном шкафу обнаружился комплект

юбок и коротких штанишек. Валентин смущенно прикрыл дверцу. Одежда кис напоминала детские маскарадные костюмы. «Кто у нас будет кроликом? А кто Котом в сапогах?»

В другом шкафу висели два комбинезона и что-то вроде парадного мундира, яркого, бело-оранжевого, с разноцветным «фруктовым салатом» орденских планок. Удивительно, что у другого разумного вида знаки отличия имели почти такой же вид, как и на Земле… В ящиках Валентин нашел упаковки с бельем, футболками, носками – тоже совсем обычными на вид и вроде как его размера… Внезапно Горчаков почувствовал, что его собственная одежда, несмотря на всю антимикробную пропитку, уже изрядно попахивает потом.

– Да гори оно все огнем, – выругался он. Разделся, попытался помыться в крошечной душевой, но вот здесь, к своему стыду, с управлением не справился. Удалось лишь пустить воду в раковине. Он намочил одну футболку и обтерся, потом переоделся в чистую одежду мертвого капитана «детей солнца». Вроде как все подходило, только трусы были маловаты.

Потом он обнаружил предмет одежды, который, без всякого сомнения, являлся лифчиком.

– Что ж такое… – простонал Валентин, внезапно вспомнив слова Криди, что капитан «погибла», и швырнул лифчик обратно в шкаф.

Он переоделся в женское белье! Капитан от «детей солнца» была крупной особой.

В дверь постучали. Валентин приоткрыл, выглянул. За дверью стоял Матиас.

– Входи, – мрачно сказал Валентин.

– Ого, – Матиас с любопытством посмотрел на него, переступив порог. – Валя, это очень неожиданный момент для смены имиджа…

– И как ты понял, что это женская одежда? – спросил Валентин мрачно.

– Да я сам за чистым бельем шел, – признался Матиас. – Анге посоветовала. Сказала, что по габаритам нам с тобой лучше всего подойдет одежда капитана. С душем разобрался?

– Нет.

– Будем пробовать. Ксения говорит, что есть около часа до включения двигателей.

– Ты Гёте знаешь? – спросил Валентин, возвращаясь к шкафу. Мундир надевать было как-то совсем странно, пусть тот и выглядел совершенно мужским. Может быть, комбинезон?

– Знаю ли я Гёте? – спросил Матиас с иронией. – Какой интересный вопрос. Я же немец все-таки, забыл? Братья Гримм, Иоганн Гёте и Рудольф Гайсер. А ты Пушкина знаешь?

– Помнишь про «часть силы той, что без числа творит добро, всему желая зла»? – Валентин достал комбинезон и мрачно его осмотрел. Итог его не порадовал: у женщины-капитана была замечательная и большая задница.

– Смеешься? Конечно. В школе все учат. Я даже по-русски знаю. – Он откашлялся и продекламировал:

Я верен скромной правде. Только спесь
Людская ваша с самомненьем смелым
Себя считает вместо части целым.
Я – части часть, которая была
Когда-то всем и свет произвела.
Свет этот – порожденье тьмы ночной
И отнял место у нее самой.
Он с ней не сладит, как бы ни хотел.
Его удел – поверхность твердых тел.
Он к ним прикован, связан с их судьбой,
Лишь с помощью их может быть собой,

И есть надежда, что, когда тела
Разрушатся, сгорит и он дотла.[20]

– Час от часу не легче, – сказал Горчаков. – Его удел – поверхность твердых тел, говоришь…

– А что случилось?

Валентин махнул рукой и достал мундир.

Рискнуть, что ли?

Запа́х на мундире шел на правую сторону. С точки зрения человека с Земли, это был мужской мундир.

– Сколько наград-то! – восхитился Матиас. – Ради такого мундира и пол можно сменить! Еще курительную трубку тебе надо! И черную повязку на глаз. И шпагу.

Он скрылся в душевой, а Горчаков продолжил изучать парадную одежду капитана Лерии.

* * *

Анге услышала аборигенов раньше, чем увидела. Копыта, ступавшие по земле мягко и почти беззвучно, на металлическом полу корабля грохотали словно рабрики в случке.

Она вошла в кубрик и увидела Яна и Адиан. Те сосредоточенно бродили между койками, меняя белье и собирая случайные вещи. Все это складывали в мешки – простыни, книги, мелкие памятные вещи в беспорядке ссыпались в общую кучу. Видимо, аборигенам Соргоса дали задание прибрать помещение для нового экипажа.

Анге подумала, что их новый разношерстный экипаж состоит из шестнадцати существ. Кубрик предназначался для тринадцати, еще два места в капитанском.

Конечно, есть и второй кубрик, но командир Валентин явно решил поместить всех в одном.

Не хватало одного спального места. Кому-то придется пойти в другой кубрик или спать на полу.

Анге вдруг стало не по себе. Глупость, конечно, полная. Но плохой знак. Кому-то нет места на «Дружбе».

Она помахала рукой Адиан, неосознанно выделяя ее из пары. Женская солидарность, как сказал бы Криди с ухмылкой… Жестом предложила помочь, указав на себя и на Адиан. Та взмахнула руками, перекрещивая их, улыбнулась. Отказалась от помощи. Удивительно, как универсальны многие жесты у гуманоидов.

– Что ты встала? – окликнул ее из-за спины бесшумно подошедший Криди. – Пойдем. У них своя работа, у нас своя.

– Погоди…

Ян и Адиан как раз подходили к их с Криди койкам. Анге подбежала, показала на койку, на себя. Сказала:

– Нет. Анге здесь. Нет.

– Анге спать? – помедлив спросила Адиан. – Спать здесь?

– Да, – она даже рассмеялась, обрадованная успехами Адиан. – Анге спать здесь. Криди спать там.

Она показала на соседнюю кровать.

– Криди спать у тебя в ногах, – сварливо сказал Криди, подходя. – Убирай, выбрасывай все. Нам не хватает одной кровати, будем спать вместе. Ты моя тра-жена, я с тобой.

От того, с какой небрежной легкостью Криди решил мучившую ее проблему, Анге сразу отпустило. Ну что за глупость она придумала, в самом-то деле. Койки не хватает…

Они еще раз объяснили Адиан и Яну, что убирать одну койку не нужно. Койка Криди оказалась уже перестеленной, а прикроватный рундук пуст. Ну, разумеется, после ее похищения все вещи Криди были проверены и изъяты. Наверное, лежат сейчас на одном

из складов… может быть – рядом с телами самодеятельных следователей.

Анге зябко поежилась. У нее почти ни с кем не было сильных глубоких отношений. Но это не отменяло ужас случившегося.

– Пойдем, – мягко, будто догадавшись, о чем она думает, сказал Криди. – Нам надо еще раз проверить состояние двигателя. Чужаки хотят получить максимальную скорость, чтобы отправиться за помощью.

– Мне неудобно перед ними, – выходя, Анге кивнула на Яна и Адиан. – Они занимаются самой примитивной и грязной работой.

– Увы, она отвечает их квалификации, – хладнокровно сказал кот. – Знаешь, мне тоже не нравилось чинить канализацию, когда она засорилась еще до старта. Эту работу вообще стоило бы поручать существам, у которых нет меха на теле. Но я же не роптал!

Анге была вынуждена признать, что кот прав.

Они двинулись к центральному коридору, быстро сменив подъем по ступенькам на прыжки. Сила тяжести падала с каждым метром.

– Разделимся? – спросила Анге.

– Нет, – ответил Криди. – Все слишком ответственно. Ты будешь контролировать мою работу, а я – твою… Да, знаешь, о чем спросила меня женщина, говорящая на всех языках?

Анге покачала головой в ответ на риторический вопрос.

– «Где находиться экипажу во время разгона?»

– В жилых помещениях, – немного удивленно ответила Анге.

– Она очень удивилась. Стала мне объяснять, что при разгоне в жилых помещениях пол и стена поменяются местами.

Анге с искренним удивлением воскликнула:
– И что с того? Какая в этом проблема?
Они невольно рассмеялись.

Глава седьмая

Максимальное ускорение «Дружбы» (Валентин прекрасно понимал, что корабль при этом работает на пределе возможного и безжалостно сжирает запасы рабочего тела) составляло около пяти метров в секунду за секунду. При таком разгоне за четырнадцать часов они достигли скорости в двести пятьдесят километров в секунду.

Горчаков подумал, что ему все больше и больше нравится этот примитивный корабль. Нет, он не был его командиром и не мог быть. И, конечно же, с радостью поменял бы «Дружбу» на самый устаревший земной корвет. Но в полете на «Дружбе» была своя прелесть, как в езде на допотопном автомобиле с бензиновым двигателем. Не имея множества доступных людям технологий, неварцы решали проблемы с грубоватым первобытным изяществом.

Вот, к примеру, как можно решить проблему искусственной гравитации? Допустим, на корабле в свободном полете ее может заменить вращающееся жилое кольцо. В разгоняющемся корабле – ускорение разгона. Но тогда при разгоне векторы ускорения и центробежной силы суммируются... и стены в каютах жилого кольца превратятся в пол. Да и оставить кольцо вращающимся при разгоне – это лишняя нагрузка на всю конструкцию.

Для маленького корабля с несколькими каютами это не беда. Можно закрепить мебель, зафиксировать предметы и потерпеть. А для большого, предназначенного для многодневных перелетов и многомесячной работы на орбите?

Неварцы поступили просто (хотя с точки зрения инженера-конструктора такая простота страшнее ада) –

практически вся мебель (в которой присутствовали такие странные вещи, как мягкие диваны) смещалась по направляющим пазам. Любой отсек можно было «переформатировать» за считанные минуты.

В этих трогательных стараниях построить первый межзвездный корабль с максимальным комфортом, Горчакову виделся какой-то удивительный феномен Невара.

Не просто выйти в космос, а заселить всю систему. Причем, построить самые настоящие города, пригодные не для вахтового метода, а для нормальной жизни. Не просто соорудить звездолет и отправить его с парой пилотов «на испытания» к соседней звезде – а сразу забабахать экспедицию с геологами, астрономами, да едва ли не с художниками и поэтами!

Какой-то девятнадцатый век, честное слово. Максимум двадцатый. На Земле бы и в голову никому не пришло так поступать…[21]

Для создания квантовой нестабильности неварский корабль тратил чудовищное количество энергии, поэтому после разгона ему требовалось накапливать всю генерируемую реактором мощность. Валентина это не устраивало. Вместе с Ксенией и Криди они устроили совещание, после которого кот и Анге вывели реактор за пределы расчетной мощности («скорее всего, мы не взорвемся», пообещал Криди) и подключили два оставшихся челнока к энергосети корабля. В ангарах теперь ревела вентиляция и было нестерпимо жарко, но даже с потерями на отвод тепла накопление энергии шло прямо во время разгона. «Я давно думал о такой возможности, но мне бы никто не позволил» – сообщил Криди, посмеиваясь своим странным смехом.

И все-таки еще три часа после отключения маршевого двигателя корабль двигался по инерции, вливая всю мощность в сверхпроводящие катушки-

накопители. Жилое кольцо вновь раскрутили, и настало время ожидания. Мегер и Алекс оставались в рубке с Криди, разбираясь в системах управления кораблем. Горчаков некоторое время бродил по кораблю, изучая конструкцию. Потом наткнулся на следы крови, которые они забыли убрать. Настроение испортилось, в чужую каюту идти не хотелось. Валентин выбрался в осевой коридор и завис там в невесомости, наслаждаясь редким аттракционом. Стометровая труба, освещенная тусклым светом, уходила вдаль. Ровный гул механизмов уже не казался чужим, он привыкал к чужому кораблю. Слабый поток теплого воздуха из вентиляции тащил его от носа к корме, к двигательным и агрегатным отсекам.

Сколько же пунктов Устава он нарушил?

Пожалуй, проще посчитать те, за которые его не подвергнут взысканию.

С космосом придется распрощаться. Валентин понял это неожиданно ясно. Какие бы обстоятельства ни вынудили его поступить так, а не иначе, но… Высадка на чужой планете, перестрелка с неварцами, убийство разумного существа. Потеря корабля. Десантирование на чужую планету – с парашютами, прости, Господи! Включая трех кадетов, двум из которых он велел спускаться на одном парашюте! Контакт, разглашение информации, причем перед аборигенами, бесконечно далекими от Соглашения. Захват неварского корабля и убийство экипажа… кто поручится, что превратившихся в зомби членов экипажа нельзя было спасти?

Нет, под суд его не отправят. В первую очередь, из-за того, что процесс выйдет слишком уж скандальным. Просто отставка, минимальная пенсия и запрет на разглашение случившегося.

Неварская «Дружба» – его последний корабль.

А инопланетный женский мундир, который он все же надел, его последняя форменная одежда.

Причем, вот же засада! – сидел мундир идеально, благодаря эластичности ткани даже на заднице не обвисал! И был куда более стильным, чем его форменный.

Горчаков взмахнул руками, переворачиваясь в воздухе. Оттолкнулся от стены и, закрыв глаза, поплыл в сторону рубки.

Внезапно накатила усталость, голова затуманилась. Ничего удивительного, конечно, сколько он уже не спал?

«Я словно в теплой реке», – подумал Горчаков. «Пусть эта река сама несет меня…»

Мысли были странные, мелкие, чужие.

Снова шок. Последствия высадки, психологическая травма. Забытые воспоминания. Он словно маленький мальчик, забывший, кто он есть, блуждающий в руднике забытых снов в поисках того, единственного, который поможет вспомнить, кто он такой…

Чья-то рука крепко взяла Горчакова за плечо. Он вздрогнул от неожиданности, дернулся, открывая глаза.

Доктор Соколовский испытующе смотрел на него. Одной ногой доктор умело цеплялся за скобу возле ведущего в рубку люка, что выдавало в нем человека немолодого, проходившего первые тренировки в далекую эпоху первых межзвездных полетов.

– Как самочувствие, командир? – спросил он. – Кстати, очень симпатичный мундир. Лучше, чем у Космофлота. Здесь были медали, да?

– Что-то вроде того, – вяло ответил Горчаков. – Я снял. Они чужие. Слушайте, Лев, как неварские женщины рожают с такими узкими бедрами?

– Я не вдавался в детали, но как-то ухитряются, – Лев усмехнулся. – У них вообще все очень непросто. У мужчин настолько крошечные…

– Доктор, избавьте меня от деталей.

– В общем, у них как у земных панд. Все очень сложно. Но рожают при этом двойни…

– Лев!

Доктор ухмыльнулся. Сказал:

– Ну вот, вы немного встряхнулись. Командир, с нас достаточно сбрендившего искина. Вам надо принять лекарство.

– Все лекарства остались на «Твене», – сообщил Горчаков.

– Я был бы плохим доктором, – возмутился Соколовский, – если бы с помощью наших инопланетных друзей не нашел лекарства на месте. Закройте глаза, командир, и откройте рот.

– К чему это?

– Я – доктор, вы обязаны мне подчиняться в случае психологической травмы. Вы ведь перебили экипаж этого корабля?

– Не я один, – ответил Горчаков. – Они утратили разум и стали агрессивны…

– Я понимаю, что вы это делали не из потаенного садизма. Закройте глаза!

Горчаков послушно закрыл глаза и открыл рот. Что там в уставе было о правах корабельного врача? Кажется, да. В случае обоснованных подозрений в неадекватности действий командира…

Рот обожгло. И в то же мгновение доктор Соколовский с неожиданной силой дернул командира на себя, так что жгучий жидкий пузырь успешно скользнул в пищевод.

– Док… доктор! – закричал Валентин, размахивая руками и вращаясь в воздухе. – Доктор, пся крев! Это же водка!

– Изначально – чистый этиловый спирт, водки у них нет, – хладнокровно ответил Соколовский, державший в руках пластиковую емкость. – Есть какие-то сладенькие ликерчики, я ими немного разбавил, для вкуса. Но в

основе – хороший спирт. Использовался, вы не поверите, для прочистки контактов! Когда я его попробовал на вкус, у кота шерсть встала дыбом. Отсталая цивилизация!

Горчаков помотал головой. Спирт все-таки был разбавленным и всасывался где-то на уровне пищевода. Мир теперь кружился в разные стороны.

– А сейчас я вас отбуксирую в капитанскую каюту, – продолжал Лев. – Для варпа вы в рубке не нужны, простите. Наше юное дарование вместе с Мегер и Криди обещают доставить нас к Ракс очень быстро, но быстро – это суток двое. Можете спокойно отдыхать. Вы нам нужны бодрым и самоуверенным, но не сейчас.

– Только поляк мог подложить русскому командиру такую свинью, – возмущался Горчаков, вплывая в переход и цепляясь за лестничные скобы. Появилось слабое и фальшивое притяжение.

– Только поляк бы придумал, как уложить вас отдыхать, – с гордостью ответил Лев. – Матиас боится к вам подступиться, вы ходите и на всех зыркаете…

– Я не зыркаю. Я бдю и держу вид строгий и молодцеватый, – запротестовал Валентин, спускаясь и двигаясь вслед за доктором к капитанской каюте. – Это моя обязанность.

– Дорогой Валентин, позвольте не по уставу? – подталкивая его вперед, сказал Соколовский. – Я же человек немолодой, мне простительно. Тем более, я искренне вам признателен.

– За что?

– За то, что позвали за собой на «Твен». Я уж и не думал, что под конец службы поучаствую в подобном безобразии… знаете, сколько я не прыгал с парашютом? Тридцать три года! А теперь мы увидим Ракс. Мир, в котором никто не бывал. Нет, конечно, я бы с удовольствием повозился с правнуками, у меня прекрасная усадьба к северу от Трускавца, вы не

представляете, какие там воды, всем полезно и вам тоже…

Он довел Валентина до койки, что было весьма правильно – мир кружился все быстрее.

– Еще, – мрачно попросил Горчаков.

Под бдительным взглядом доктора он еще раз глотнул самодельной водки и прилег на койку. Подушка была странная, похожая на узкий валик с углублением в центре, наверное – из-за отличий в анатомии. От постели приятно пахло цветами. Женщины…

– А теперь отдыхайте, – велел доктор. – Матиаса я тоже отправлю спать, но после входа в варп. Он как-то пободрее, не в обиду вам будет сказано.

– Я просто полежу немного, закрыв глаза, – сообщил Горчаков. – Кстати… вы соврали, Лев: командир не обязан слушаться врача, он должен лишь *при*слушаться к его мнению…

Закрыл глаза – и провалился в сон.

Крепкий и без сновидений.

* * *

Столовая была большая. Или как она тут называлась, может быть, как на военных кораблях – кают-компания?

Все равно большая.

Два длинных стола, видимо, для рядового состава. Два маленьких – для офицеров?

Ян и Адиан вслед за Анге направились к маленькому, где уже сидел Криди. Стул у него был высокий, вроде барного, кот сидел на нем на четырех лапах, словно намеренно демонстрируя свою нечеловеческую природу.

Анге что-то сказала, и Криди, оскалившись, сел на задницу. Выглядело это комично. Перед Криди на столе

лежали десятка два пакетов, контейнеров и закрытых крышками стаканчиков. Он повел лапой, приглашая садиться. Сказал:

– Еда. Ян, Адиан, Криди, Анге. Еда.

Ян осторожно открыл один из контейнеров, поддев непрозрачную серебристую пленку. На него пахнуло горячим тяжелым запахом.

Плоть.

Мертвая плоть, подвергнутая термообработке. Рядом с куском мяса лежали какие-то овощи, вполне симпатичные на вид, если бы не такое соседство.

Ян отодвинул контейнер.

– Плохо? – спросила Анге. Отодвинула контейнер в сторону Криди. Выбрала и протянула Яну другой.

В этом оказалась разваренное горячее зерно. Незнакомое, конечно же, но пахнущее приятно. Густая белая подливка тоже казалась сделанной из растительной массы.

Ян взял из рук Анге ложку (твердый, но очень легкий пластик). Подцепил немного каши, отправил в рот, прожевал.

– Вкусно, – сказал он.

Его не поняли, такие сложные слова они еще не пытались изучать. Тогда Ян набрал еще каши, улыбнулся.

Криди оскалился, подцепил выскользнувшим из лапы когтем кусок мяса и целиком забросил в рот.

Анге опять сказала что-то укоризненное, но на этот раз Криди лишь отмахнулся. Тогда Анге принялась перебирать контейнеры. Указала Яну и Адиан на строчки букв. Похоже, надписи были сделаны на двух совершенно разных, но одинаково незнакомых языках. А вот значки рядом были более понятны: язычок пламени (термообработка? Или надо есть разогретым?) и зеленый листок причудливой формы (растительная пища?)

– Не мясо, – сказала Анге. – Люди особенные. Не есть мясо. Есть… – она добавила что-то непонятное.

– Растения, – кивнул Ян. – Ян понял. Еда из растений. Люди не есть мясо? Все люди?

Анге смешалась, пытаясь подобрать слова.

– Позвольте помочь вам в диалоге, мои дорогие друзья?

Ян вздрогнул – огромное мохнатое существо со смешным именем Уолр подошло совершенно незаметно.[22]

– Вы знаете наш язык! – обрадовался он.

– До постыдного плохо, – вздохнул Уолр. – Мне даже неудобно говорить при Ксении… Итак, эта пища – предназначена для вегетарианцев, жителей Невара, не употребляющих мясо. Иногда это связано с состоянием здоровья, но чаще – с моральными нормами. Кстати, вы же не являетесь абсолютными вегетарианцами?

– Мы едим насекомых, рыбу, а также яйца птиц, – ответила Адиан, оживившись. – Некоторые едят и мясо птиц, но это не особенно распространено.

– Обожаю насекомых, – согласился Уолр. – А мясо вам вредно, ваши тела к этому не приспособлены. Но вы пьете молоко, верно?

– В детстве. – Адиан даже не показала своего смущения. Употребление молока было всем известным, но табуированным фактом. – Взрослые плохо его переносят и… это извращение.

– У вас нет крупных дойных животных, – сказал Уолр. – Стандартный путь эволюции, без избыточности животного мира, свойственного Земле.

Он взял от соседнего стола стульчик, подтянул поближе, присел. Поморщился.

– Орудие пыток… для существа с задницей нормальных размеров… Итак, позволите ли вы разделить с вами трапезу?

Повернувшись к Криди и Анге, с любопытством следящими за диалогом, он заговорил на их языке.

Кот оживился. После короткого разговора он подвинул Уолру одну из коробочек.

– Пюре из пищевых червей, – объяснил Уолр, вскрывая контейнер. – Вам тоже пойдет. Это не совсем черви, скорее моллюски, но… не вдаваясь в детали – можете смело есть. Чисто растительной пищи на этом корабле немного, но для вас еда найдется.

– Может быть, вы расскажете нам, что происходит? – спросил Ян, возвращаясь к каше. – Мы поняли в общих чертах, но…

– Все очень просто, – радостно сообщил Уолр. – Наши дорогие друзья, построив этот корабль и добравшись до вашей планеты, выполнили основное требование для вступления в Соглашение. Это такая высшая лига цивилизаций, мы умные, сильные, добрые, постепенно заселяем Галактику… Планета Земля послала свой корабль, чтобы проконтролировать успех перелета, но в первую очередь – понаблюдать за некоторыми странностями… видите ли, несколько обитаемых планет в этом секторе неожиданно погибли от внутренних конфликтов.

– От войн? – уточнил Ян.

– Совершенно верно. Так вот, если опустить ненужные детали – выяснилось, что к развязыванию конфликтов причастна неизвестная нам цивилизация. Именно ее гигантский корабль мы и обнаружили на вашей орбите. Командир Горчаков даже попытался вступить с ним в бой, ведь люди – довольно агрессивный вид, удивительно, что они не перебили друг друга в прошлом. Но – взбунтовался искин.

– Искин?

– Искусственный интеллект. Суперкомпьютер, управляющий кораблем, – небрежно пояснил Уолр. – Умеет думать, но скован вложенными изначально

ограничениями. Но что-то пошло не так. Мы едва удрали на вашу планету. А теперь – двигаемся к родному миру Ксении – представителя цивилизации Ракс.

– Она очень похожа на большинство других людей, – заметил Ян.

– Это ничего не значит, друг мой! Никто не знает, каковы Ракс на самом деле. Никто даже не видел их планеты! Ракс – самая могучая цивилизация Соглашения!

– И они не пускают в свои миры чужаков?

– Мир! У них одна-единственная планета. Странно, правда? – Уолр захихикал. – А ну-ка, подумайте: почему самая могущественная цивилизация не практикует звездную экспансию, и ее представители почти не покидают родину? Вопрос ко всем!

Он быстро перевел свои слова для Криди и Анге. Те переглянулись. Первой ответила Анге, вторым – Криди.

– Это связано с их осторожностью, таково мнение кота, – перевел Уолр. Мнение женщины: – Это связано с тем, что они живут очень долго и боятся рисковать своей жизнью. По сути – одно и то же... Так, а что скажете вы?

– Причина должна быть более реальной, – осторожно ответил Ян. – Боязнь раскрыть свои технологии, свои тайны?

– Та же самая осторожность, – махнул толстой рукой Уолр.

– Если они самые сильные среди вас... – Адиан помедлила. – Любая сила имеет свои слабые места. У нас есть легенда об отважном воине, которого можно было поразить лишь копьем из обожженного дерева. Никто уже не использовал копья в бою, и воин был непобедим. Но однажды воин попал в племя дикарей – и был сражен самым примитивным из орудий. Не знаю, в

чем именно слабость, но если Ракс покинут свой мир, то они станут такими же, как все.

– Прекрасно! – воскликнул Уолр. – Именно так! Проблема в том, что наша уважаемая Ксения выдала нам эту тайну. И теперь – мы носители знания, которое опасно. Позволят ли Ракс знать их тайну?

– Зачем же вы рассказали нам? – возмутился Ян. – Мы этого не знали и знать не хотели!

Адиан тронула его за руку:

– Уважаемый Уолр хочет, чтобы мы все были в одном табуне. На его стороне, а не на стороне Ксении.

– Верно, – кивнул Уолр, улыбаясь. – Вы очень умная женщина. Да, я прошу вас с осторожностью относиться к ней. Мы в Соглашении все – друзья, и мы – одна команда. Но даже у друзей бывают разные интересы. Сейчас я объясню это Криди и Анге. А пока просьба – не сообщайте Ксении, что я знаю ваш язык. Если будут сомнения, поговорите со мной, но только если ее нет рядом.

– Почему мы должны верить именно вам? – спросила Адиан. – Не командиру людей, не Ксении, а вам?

– Может быть, потому, что только я рассказал вам правду? – Уолр улыбнулся. – Мы все – друзья, но маленьким и пока что не самым развитым цивилизациям лучше иметь дружелюбных покровителей. Соглашение ждут большие испытания, политика может быть пересмотрена. И вы же захотите, чтобы кто-то поддержал именно вас? Помог Соргосу преодолеть последствия войны, построить лучший мир, выйти в далекий космос? Учтите: Ракс никогда на такое не согласятся.

– А вы вправе давать такие обещания? – поинтересовалась Адиан. – Как я понимаю, вы – рядовой ученый?

Уолр помедлил. Потом кивнул:

– Да, как ученый, пусть и не рядовой, не вправе. Но как второй наследник нижнего уровня – могу и много большее.

* * *

Тедди было муторно.

Его ни в чем не подозревали. Командир, появившийся в рубке после почти двадцатичасового сна, обнаружил Тедди, корпящего над неварским компьютером, и сказал несколько одобрительных слов. И даже Мегер, нахмурившись для порядка, признала, что Тедди «один из самых способных и талантливых кадетов».

Беда была в том, что Тедди сам чувствовал себя виноватым.

О, нет! Он не собирался, в традициях депрессивной русской литературы, каяться перед Горчаковым: «командир, я без разрешения использовал безусловные доминанты и вызвал нестабильность искина». Это ведь ничего не изменит. Свой урок Тедди получил и усвоил, страдать попусту нет нужды.

Но все-таки он был виноват.

Лучшим лекарством от душевных терзаний Тедди считал труд. Так говорили папы, так говорила мать, так говорила пастор Райя, да и сам Тедди успел в этом убедиться.

Беда в том, что работать было не с чем. У него даже планшетки с собой не было! В неварских компьютерах можно было копаться еще долго, но ничего интересного или необычного в них не оказалось. Очень совершенные арифмометры, не более того. На уровне земных «персоналок» первой трети двадцать первого века. Конечно, если бы ситуация требовала овладеть ими полностью, перепрограммировать, научиться работать с

их программами… Но и Криди, и Анге с этим справлялись куда лучше, чем Тедди. Труд превращался в пустую трату времени, а как говорила мама: «не гневи Господа бесцельным трудом, лучше помолись».

В Бога Тедди не верил, но ради того, чтобы маме было приятно, усердно помолился и даже покаялся в своей неосторожности. А потом принялся слоняться по кораблю. Часа два болтался в невесомости, наслаждаясь бесплатным аттракционом, потом на него наткнулся Соколовский, прочитал лекцию о вреде невесомости для несформировавшегося до конца костно-мышечного аппарата и прогнал в жилое кольцо.

Там Тедди повезло – он наткнулся на Лючию, которая тоже явно скучала. Готовить на чужой кухне ей не позволили, да и продукты были незнакомыми. Она предложила было налепить аранчини, воспользовавшись найденным фаршем и какой-то странной крупой. Но как выяснилось, фарш состоял из перемолотых червей, лицо Лючии пошло красными пятнами, и она стала сбивчиво объяснять, что подзабыла рецепт, крупа, по здравом размышлении, слишком твердая, к тому же, она не уверена, что имеющееся на корабле масло годится для обжарки рисовых колобков.[23]

Теперь Лючия маялась тем же самым бездельем, что и Тедди. Длинношеяя девушка Анге показала ей, как чистить фильтры в системе вентиляции, Лючия несколько часов старательно выполняла эту работу, а потом нашла себе укромное местечко в какой-то лаборатории, обнаружила там бумагу, цветные карандаши и принялась рисовать.

За этим занятием ее и обнаружил Тедди.

– Вау! – воскликнул он, подойдя к Лючии.

И почувствовал, как лицо заливает краска.

Лючия нарисовала старпома Матиаса. Очень узнаваемо. Старпом был изображен стоящим вполоборота, развернув голову и грозя пальцем, словно обнаружил, что его рисуют без разрешения.

Негодование нарисованного Матиаса можно было понять – Лючия изобразила его совершенно голым. Хорошо хоть со спины.

– Похож? – то ли не смутившись, то ли решив не терять лицо, спросила девушка.

– Ну да… – Тедди тоже решил, что не позволит показать смущение. – Лицо похоже. Остальное – не знаю.

– Я вот тоже не знаю, – со вздохом сказала Лючия и смерила Тедди взглядом. – Скажи, я тебе нравлюсь?

– Да, – твердо сказал Тедди.

– Приходи лет через пять, – решила Лючия. – Разница в возрасте будет простительной.

– А сейчас что: непростительная? – возмутился Тедди.

– Ну ты же дите еще совсем, – Лючия вздохнула, скомкала набросок, поискала глазами, куда выбросить, и спрятала в карман комбинезона. – Хочешь, тебя нарисую?

Тедди сглотнул и кивнул.

– Садись за тот стол, подопри голову рукой. И задумчиво смотри на меня, – Лючия взяла чистый лист. – Раздеваться не надо.

– Вот еще, – возмутился Тедди и сел напротив. Смотреть на Лючию было приятно. – Скажи, зачем ты вообще пошла в космос?

– А ты? – Лючия взяла карандаш и прищурилась, глядя на Тедди.

– Я люблю космос. А тебе, кажется, все равно. Будто мы на лунной орбите болтаемся.

– Это очень хорошая работа, – наставительно сказала Лючия. – У меня тетушка – инженер

жизнеобеспечения на туристическом лайнере. Работа не очень и сложная, особенно если корабль большой. Надо уметь контактировать с пассажирами, это главное. А я обаятельная, у меня получится.

– Чушь какая, – возмутился Тедди. – Стала бы певицей, или стэндапером, или профессиональной собеседницей в баре…

– Фу! Профсобеседница – это вообще почти проститутка. Певица – да… Но у штатных работников космофлота страховка, зарплата высокая, надбавки за дальность перелета…

– Еще скажи «пенсия»!

– И пенсия тоже. У тебя богатая семья?

Тедди смутился.

– Ну… у нас большой агрокомплекс. Наш, собственный. Мы можем пол-Техаса накормить. А знаешь, как в Техасе пожрать любят? У нас в Техасе…

– Знаю. «У нас в Техасе все большое», ты этот анекдот с детства рассказываешь.

Карандаш Лючии быстро бегал по листу бумаги. Она даже ничего не правила.

– «С детства», – обрадовался Тедди. – Значит, признаешь, что я не «дите».

– Ничего я не признаю… Так вот, у тебя семья большая и богатая. А у меня большая и… не очень богатая. Когда тетушка предлагает помочь с поступлением на инженера систем жизнеобеспечения – отказываться не станешь…

Тедди смущенно молчал. Понятно, что кто-то богаче, кто-то беднее. Но ему всегда казалось, что Лючию этот вопрос совершенно не волнует – она красиво одевалась и вела себя так, словно у нее в карманах миллионы.

– Я почему, думаешь, за теми туфлями так гонялась, что мы на корабль опоздали… – продолжала Лючия. – Они на станции продавались без налогов, в два раза дешевле, чем на Земле… Тедди?

– Что?

– А как это – иметь двух отцов? Почему у вас так принято?

– Это после катастрофы на ядерной станции. Ну, той, в конце двадцатого века. Многие мужчины стали стерильными или их дети рождались с пороками развития. Для зачатия ребенка поврежденные участки ДНК чинили, используя доноров. То есть получалось, что у ребенка два отца. Ну и… в общем стали и браки так заключать. Женщина и два мужа.

– То есть у тебя реально два отца? – поразилась Лючия и посмотрела на Тедди с интересом. – Ты – гибрид? Как люди-плюс, как Алекс?

– Да не гибрид я, и биологический отец у меня один! – возмутился Тедди. – Сейчас это просто традиция. Все уже выправили!

– И ты знаешь, кто настоящий? – продолжала допытываться Лючия.

– Оба настоящие, только один биологический, – твердо сказал Тедди. – Я могу узнать, но не хочу. Я обоих люблю.

На самом деле он знал, конечно. Он был вылитая копия папы Дональда.

К тому же папа Илайя был черный.

– А вот еще… ты извини, может вопрос такой, неделикатный… – Лючия замялась.

– Неделикатный, – мрачно сказал Тедди. – Нет, не вместе. Это гадость, о таком не говорят.

– Извини, – ответила Лючия с искренним раскаянием. – Ляпнула, не подумав. Держи.

Тедди взял лист.

Рисунок был попроще, чем тот, с Матиасом. Просто скетч, набросок несколькими линиями. Но Тедди получился очень похожим: насупленный мальчишка с виноватым лицом.

– Я тут совсем мелкий, – сказал Тедди.

– Извини, – повторила Лючия. – Так нарисовалось.

– И почему я такой… словно нашкодил?

– Извини, – сказала Лючия в третий раз. – Я когда рисую, то не думаю, просто рисую. Ты вовсе не выглядишь виноватым. Наверное, у меня не получилось. Попробовать еще?

– Не надо, – Тедди бережно скрутил лист в трубочку. – Мне нравится. Тебе надо было стать художником.

– Мама сказала, что художникам мало платят, – вздохнула Лючия. – И я буду на старости лет сидеть с бутылкой вермута в руке на пьяцца Навона и рисовать богатых американцев и китайцев.

– Почему именно с бутылкой вермута? – спросил Тедди.

– А почему на пьяцца Навона? – воскликнула Лючия.

Они неловко рассмеялись.

Лючия встала, подошла к Тедди и поцеловала его – в губы, долго и всерьез. Потом отстранилась, испытующе посмотрела.

– Через три года приходи.

Остолбеневший Тедди кивнул. Лючия, улыбаясь, вышла.

– Вот блин… – прошептал Тедди и потрогал губы.

Она его поцеловала, причем по-настоящему!

И три года – это не пять лет!

…Что-то щелкнуло под потолком, и раздался голос Горчакова.

– Внимание, экипаж. Мы начинаем подготовку к выходу из варпа. У вас есть три часа на то, чтобы отдохнуть, поесть и занять свои места. Ну и… те, кто верят в какую-либо высшую силу – можете попросить у нее удачи. Она нам понадобится.

Тедди кивнул, будто командир мог его увидеть.

Он не верит, да. Но попросит удачи у маминого Бога. Ему не трудно.

* * *

Иллюминаторов на «Дружбе» не было. По мнению Мегер, это немного диссонировало с кораблем – он был так очаровательно старомоден, что взгляд невольно искал какие-нибудь бронзовые поручни, медные трубы с вентилями, ну и громадные иллюминаторы из толстого стекла. В общем – викторианскую пышность, декоративность паровозов и дирижаблей, подводную лодку «Наутилус», перенесенную в космос.

Но иллюминаторы конструкторы, слава их неварским богам, делать не стали. Были вполне приличные камеры и более-менее сносные видеоэкраны.

Сейчас на них была лишь красноватая тусклая муть. Никаких туманностей, никаких росчерков проносящихся мимо звезд, как любили изображать в старом кино. Из варпа риманово пространство виделось именно так. Свечение не имело никакого отношения к звездному свету – это было вторичное излучение, или, как поэтически говорили когда-то, «изнанка мироздания». Смотреть на него было почему-то неприятно, и экраны без нужды не включали.

Помимо непредсказуемых эффектов при старте варп-двигателя, способных перенести соседнюю планету к иному гравитационному центру, была лишь одна серьезная опасность подобного полета. В отличие от червоточин, варп-полет шел по прямой. Корабль, пусть и исчезал из обычного пространства, но шел именно через него, уничтожая расстояние впереди себя и создавая сзади. Если на его пути оказался бы небольшой материальный объект, он оказался бы размолот на кварки, породив безобидный выброс энергии. Но если бы корабль пролетел сквозь нечто по-настоящему массивное, планету или звезду,

энергетический выброс мог оказаться слишком мощным, и корабль превратился бы в пепел.

К счастью, вероятность наткнуться даже на мелкий метеорит была близка к нулю, что уж говорить о звездах. Космос слишком пуст, чтобы принимать такую опасность в расчет.

Но все-таки ощущение беспомощности и слепоты угнетало. Варп – это как выстрел на заданное расстояние, невозможно ни повернуть, ни затормозить. Ты словно пуля, пущенная в мишень.

– Анна, приготовьтесь, – сказал Горчаков. – Время до выхода три минуты.

Анна была готова, насколько вообще возможно подготовиться управлять чужим неповоротливым кораблем, где нет ни нейроинтерфейса, ни страхующего тебя компьютера. «Дружба» управлялась вручную. Джойстиками, мать их! Как в игровой приставке! Одна ручка вращала корабль, другая включала ходовые двигатели. Ну и еще куча кнопок и сенсоров (Анна уже поняла, что все важные команды требуют не касания, а нажатия, – видимо, чтобы исключить случайное срабатывание механизмов), позволяющих переключать двигатели, регулировать мощность, запускать движение по заранее введенным траекториям…

– Готова, командир, – ответила она.

В этот раз они собрались в рубке все вместе. И люди, и члены Соглашения, и неварцы, и аборигены Соргоса. Это было решение Горчакова, эмоциональное, но Мегер мысленно его одобрила. Слишком нестандартная ситуация. Рубку заполняли кресла, собранные со всего корабля и закрепленные вдоль переборки.

– Мне будет немедленно нужна связь с Ракс, – напомнила Ксения. – Нас не атакуют сразу, но

появление чужого корабля, тем более использующего варп, вызовет защитную реакцию.

– Если Ракс услышит радиосигнал, то все готово, – сказал Матиас.

– Ракс услышит все, – сказала Ксения без тени иронии.

Последняя минута истекала в томительном ожидании. Корабль по-прежнему несся вперед, но запущенный еще при старте процесс завершался.

– Пять, четыре, три, два, один… – негромко произнес Горчаков.

И с экранов будто сдернули черно-багровый полог.

Появился космос, самый обычный. Черный и звездный. И крошечный белый диск далекой звезды.

– Поздравляю всех с прибытием, – сказал Горчаков и в его голосе прорвалось облегчение. – Мы на месте.

– Командир, это не Ракс! – выкрикнул Алекс.

– Докладывай, – сказал Горчаков. – Алекс?

– Ракс – голубой гигант! А это – белый карлик!

– Где мы находимся? – спросил Горчаков. – Алекс! Куда ты нас привел?

– Я… смотрю… уже смотрю… – сбивчиво ответил Алекс. – Сейчас… одну минуту…

– Командир, – вдруг сдавленно произнесла Ксения. – Не дергайте мальчика. Он проложил правильный курс. Это – Ракс…

И вот тут Горчаков понял, что ему очень не нравится голос Третьей-вовне.

Глава восьмая

Третья-вовне знала причину, по которой голубой гигант Ракс, почти в десять раз больше Солнца, стал белым карликом. Единственную возможную причину.

Есть много способов получить энергию, но если ее нужно действительно много и быстро – то проще всего воспользоваться ближайшим источником.

Она посоветовала Ракс усилить защиту. А любая защита, как и любое нападение, это в первую очередь энергия. Пущенная стрела и отразивший ее крепкий щит, свинцовая пуля и танковая броня, ядерная бомба и силовое поле – все это лишь энергия в разных формах.

Третья-вовне выразила тревогу – и ее услышали. Ракс всегда Ракс, даже в той крошечной мере, которую вмещает человеческое тело. Трое либо пришли к консенсусу, либо одна смирилась перед решением двоих. Система Ракс перешла в защитное построение.

С поверхности планеты, которая была ее домом, которая была единственной планетой в правильной реальности, на которую ей дозволялось шагнуть, срывались и уносились в небо зонды – оставляя за собой пыльные воронки переработанной почвы.

На закрученных в спирали вершинах исполинских зданий разгорались тусклые огни, выплевывали в небеса сгустки энергии, растекающиеся в планетарный щит.

На расстоянии в семь световых суток от планеты, как в плоскости эклиптики, так и вне ее, миллионами пробуждались и сканировали пространство защитные станции.

Нити памяти – пронизывающие всю литосферу, дублирующие друг друга, хранящие память о неисчислимом количестве вариантов развития

Галактики, о всех возможностях развития иных видов, упущенных и сохраненных, архивировали данные и сбрасывали их на ядро планеты – с неизбежными при таких объемах потерями и ошибками. Но они должны были включиться в контроль пространства, и выбора не было.

Проснулись и тяжело заворочались на своих далеких орбитах боевые корабли – немыслимо огромные, грозные, созданные из разобранных планетоидов чужих звезд. Если бы они соединились вместе, на орбите планеты возник бы спутник крупнее земной Луны. Но корабли, по сравнению с каждым из которых пирамидальный корабль Стирателей показался бы мелким и жалким, выстраивались в эскадры, прикрывающие планету.

Все это требовало энергии.

И энергию дала голубая звезда. Ее цикл жизни, и без того короткий по звездным меркам, ускорился в миллионы раз. Это не было чем-то, происходившим впервые, Ракс менял уже седьмую звезду, высасывая их досуха в бесчисленных циклах правки реальности и перемещаясь к очередной жертве. Голубые гиганты подходили лучше всего, они жили недолго и не успевали породить на своих планетах жизнь, а энергии в них было очень, очень много.

Если бы кто-то наблюдал со стороны…

…когда-то я видела это… финальный этап второй звезды… финальный этап четвертой… выкачивание шестой…

…то он увидел бы, как яркая голубая звезда колеблется и трепещет, будто свеча на ветру. Законы астрофизики вели звезду к неизбежному концу – превращению в голубой сверхгигант, затем – в красный сверхгигант и взрыву сверхновой.

Вот только Ракс этого не требовалось. Они выжимали энергию из звезды, удерживая ее от

природной эволюции, и звезда смирялась, превращаясь в белого карлика. Астрономы тех миров, где уже научились смотреть на звезды, но еще не успели убить себя, растерянно смотрели на происходящее, пытаясь найти ему объяснение. А планета Ракс к тому моменту уже давно вращалась на орбите новой звезды.

Но седьмая звезда была еще молодой и сильной. Никакое защитное построение не могло убить ее само по себе. Должно было случиться что-то еще, чтобы Ракс потребовались реки, моря, океаны энергии.

Что-то небывалое.

Вроде открытого нападения на планету.

«Дружба» неслась в пространстве, очень далеко от белого карлика. Раньше, когда звезда была большой и горячей, света и тепла здесь было практически как на земной орбите. Теперь – как на орбите Урана.

И космос вокруг не был пуст. Радарные экраны сияли бесчисленными белыми точками – «Дружба» словно шла сквозь рассыпанный сахар. Примитивное силовое поле корабля искрилось радужными искрами, отчетливо видимыми на визуальных экранах.

– Что это, Ксения? – спросил Горчаков.

– Зонды. Корабли, – ответила Третья-вовне. Корабль непрерывно транслировал ее обращение к Ракс, отчаянную просьбу отозваться, но ответа не было. – Наша армия. Защита.

– Они молчат.

– Они мертвы, – подтвердила Ксения. – Иначе нас бы уже сожгли.

Горчаков помолчал. Спросил:

– А что за пыль? Атмосфера с разбитых кораблей?

Несмотря ни на что, Третья-вовне едва не улыбнулась. Все-таки люди мыслили образами – красочными, но наивными.

– Нет, что вы, командир. Это обрывки фотосферы звезды. Забор энергии был слишком быстрым… Корабли

на радаре не выглядят разбитыми. Да, и на наших кораблях нет атмосферы.

– Любопытно, – подал голос Уолр. – Может быть, нам не стоило этого знать?

– Не беспокойтесь, уважаемый Уолр, – ответила Третья-вовне. – Это уже не имеет значения.

Они догоняли планету, летящую по своей орбите. Случайность, конечно же, но они вышли из варпа очень удачно, близко к планете и пересекающимся курсом. Сейчас «Дружба» тормозила, сбрасывая скорость для выхода на орбиту.

– Ракс погиб? – впервые прямо спросил Горчаков.

– Да, – подтвердила Третья-вовне.

– Мои… соболезнования, – ответил командир с запинкой. – Вы хорошо держитесь, Третья-вовне.

– Иногда конец – это лишь новое начало, – ответила Третья-вовне. – Я не должна поддаваться отчаянию.

Она действительно не собиралась впадать в панику. Были различные протоколы обороны, и случившееся могло лишь выглядеть полным и окончательным концом. Ракс всегда Ракс. Они выполняют свой долг.

– Я высажусь на планету, – сказала Третья-вовне, – и выясню, что произошло.

– Скафандры? – уточнил Валентин.

– Не нужны. Атмосфера на Ракс бедная, но вполне годится для дыхания. Опасной органики нет.

– Я пойду с тобой, – сказал Горчаков.

– Валентин… – негромко произнес старпом.

Горчаков посмотрел на Матиаса. Потом потер лоб и кивнул:

– Хорошо. Конечно же. Я – дурак. Пойдет Матиас!

– Могу ли я тоже стать одним из избранных, кто ступит на вашу планету? – поинтересовался Уолр.

– Как угодно, – ответила Третья-вовне.

– Тогда, если позволите… – Бэзил откашлялся. – Я предложил бы включить в группу всех ученых корабля.

Мы можем оказаться полезны!

Третья-вовне покачала головой.

– Нет, не сможете. Но если вам угодно – присоединяйтесь.

Она глянула на Криди и сказала на неварском:

– Вы окажете нам честь, если будете пилотировать челнок.

– Это будет честью для меня, – отозвался кот. – Ваш мир пал в бою?

– Увидим, – пожала плечами Третья-вовне. Посмотрела на Яна и Адиан – растерянных, сбитых с толку. Перешла на их язык: – Хотите ли вы стать первыми особями своего вида, побывавшими на чужой планете?

– Почему ты делаешь такое предложение именно нам? – спросила Адиан.

– Вы видели гибель своего мира, – ответила Третья-вовне. – Вам будет легче, если вы поймете, что не одиноки в своем горе.

* * *

Когда челнок, отделившись от корабля, начал снижение, Гюнтер не удержался от вопроса.

– Командир, я все понимаю, но… почему именно такой состав для высадки?

Горчаков стоял у самого большого из обзорных экранов и смотрел на Ракс. Запретная планета с высокой орбиты выглядела вполне обычно. Да, никакой зелени, никаких лесов. Один, пусть и очень большой материк: ровная каменистая пустошь, равномерно засеянная какими-то высоченными строениями, сверкающими на экранах радаров, но, конечно же, не видимых с орбиты. Никаких космических лифтов, никаких огней на ночной стороне… впрочем, дневная

сторона сейчас тоже была погружена в глубокий сумрак, тусклая белая звезда дарила планете слишком мало света.

Но на Раксе был океан и был кислород. Были реки и несколько систем озер. Маленькие ледяные шапки на полюсах.

– Там есть вода и воздух для дыхания, – сказал Горчаков.

– А, – помедлив, Гюнтер кивнул. – Тогда, быть может, стоило отправить вниз кадетов?

– Они мне нужны здесь, – сказал Валентин. – И ты тоже нужен.

– Я и не напрашиваюсь, – слегка обиделся Гюнтер. – Но я не уверен, что смогу хоть чем-то помочь – у меня только одна маленькая лучевая пушка… А врач им не пригодится?

– Но-но! – Соколовский погрозил ему пальцем.

Они помолчали, глядя в экраны – на тускло-коричневый диск планеты. Потом, не сговариваясь, повернулись к радарным экранам, заполненным бесчисленной мутью мертвых кораблей. Металлический лом, заполняющий всю систему.

– Я бы отправил и Анге, – сказал Горчаков и улыбнулся женщине. Та ответила робкой улыбкой. – Но должен быть кто-то, разбирающийся в этом корабле лучше нас.

– Она все понимает? – спросил Соколовский.

– Я попросил Уолра объяснить ей задачу – любой ценой поддерживать работоспособность корабля. Она обещала.

– Да я не о том, – досадливо поморщился врач.

– Тогда не знаю, – ответил Валентин. – И не стану спрашивать. Это самая трудная часть моей работы, как выяснилось – не спрашивать.

Доктор понимающе кивнул.

* * *

Анге поняла все. Сразу, как только Уолр объяснил ей, что Ксения и все ученые отправятся на планету. Пилотом они выбрали Криди, и Анге была этому рада.

К счастью, кот ничего не заподозрил. Мужчины бывают поразительно слепы, когда впереди – величайшее приключение их жизни.

Она даже проследила, чтобы в челнок загрузили максимальное количество припасов. Криди сказал, что высадка планируется короткой, но она убедила его, что экспедиция может затянуться.

Теперь ей оставалось только ждать. Все системы корабля работали исправно, но на всякий случай Анге провела несколько быстрых тестов. Потом, не спрашивая командира или женщину-пилота, включила сверхпроводящие катушки на накопление энергии.

Это было смешно. Она видела, что в этой системе случилось что-то поистине астрономических масштабов. Пространство заполняли мертвые корабли, звезда, как ей объяснили, почти угасла. А у них был лишь примитивный корабль с маломощной лазерной пушкой.

Но она сделала все, что могла. Вернулась в рубку, перехватывая руками скобы, – корабль находился на орбите, и гравитации в рубке не было.

А потом подплыла к командиру и старику-врачу. На их языке она выучила от силы десяток слов, но перед стартом челнока Анге спросила у Ксении еще пару самых нужных.

Командир вопросительно посмотрел на нее. Почему-то, когда он смотрел на нее, глаза у него становились очень виноватыми.

Анге ткнула рукой в радарный экран. И сказала:

– Корабль. Смерть. Летит.

Валентин помедлил, потом кивнул. Кто-то из юных космонавтов растерянно сказал что-то. Кажется, она случайно раскрыла маленькую тайну командира.

– Да, – сказал командир.

Теперь он выглядел совсем несчастным, и Анге осторожно взяла его за руку. Крепко пожала, оттолкнулась и плавно полетела к креслу старшего инженера. Ей не доводилось дежурить в рубке во время перелета, но теперь это был ее пост.

Она знала. Чувствовала это, точно так же, как командир Валентин.

Убийца возвращается.

Он и не уходил никуда. Ждал.

* * *

Масштабы, которыми оперировали Ракс, Криди понял при заходе на посадку.

На огромном материке было множество точек, удобных для посадки. Ксения мельком указала их на карте, но тут же объяснила, что садиться надо только и исключительно в одной точке, не самой удобной по траектории. Но катер был полностью заправлен, и Криди мог выполнить эту просьбу… или всё-таки лучше сказать – приказ? Они сделали два витка, ложась на траекторию, после чего начали снижение. Оглянувшись, кот увидел, что чужаки явно опасаются снижения, в то время как Ян и Адиан (их Криди уже не мог воспринимать как чужаков) спокойны.

Понятно, в общем-то. Жители Соргоса были уверены, что находятся в надежном корабле, использующем высочайшие технологии. А для чужаков, что похожих на людей, что нет, спуск на челноке был равносилен путешествию через море на утлой парусной лодке.

Почему-то это насмешило Криди. Как же все относительно в мире…

Через полчаса он в этом убедился.

Вначале Ракс казался ему обычной планетой – ничуть не превосходящей его собственный мир или Желанную. Да, повсюду на поверхности огромные города, да, тучи мертвых кораблей в пространстве… но это было абстракцией. Для его вида, Криди признавал этот факт, по-настоящему существующим было то, что видишь или слышишь своими органами чувств, а не на экранах.

И вот, на высоте почти в пятнадцать тысяч глан, он вдруг осознал, что видит шпиль здания – почти по курсу челнока. Нет, опасности столкновения не было, они продолжали заход на посадку, но здесь, в стратосфере, где и пассажирские самолеты не летали, пробив облака, высилась закрученная спиралью вершина здания.

– Что это? – спросил он Ксению.

– Это… – она на миг задумалась, будто подбирая слова. – Устройство, сканирующее гиперпространство и передающее импульсы… О, да! Это антенна. Передатчик и антенна одновременно. И еще кое-что, но это второстепенная функция. У меня были устройства для связи, они очень маленькие, поэтому антенна должна быть очень большой. Формула, описывающая необходимые размеры, соотносит размеры маленького и большого передатчика в геометрической прогрессии, поэтому…

– Я понял, – пробормотал Криди.

Все относительно, конечно. Но что-то очень малое непременно требует чего-то большого. Даром ничего не дается.

Челнок снижался, вокруг начали подниматься другие здания, пусть и не столь высокие, но тоже – превосходящие все разумные пределы.

– У вас нехватка свободной земли? – поинтересовался Криди. На его родине, да и у «детей солнца», высокие здания строились лишь в крупных городах, где не хватало места.

– Некоторые процессы проще осуществлять в высотных сооружениях. Некоторые – в подземных или подводных. На севере есть место в океане, где вода почти кипит – там идет отвод тепла от высокоэнергетического синтеза.

Криди решил больше не вдаваться в детали. Не хватило бы всей жизни, чтобы разобраться в чужих технологиях.

Сейчас от него требовалось лишь одно – доставить Ксению и ученых на поверхность планеты. И пусть они разбираются, что же случилось с Ракс, почему им не помог гигантский флот и все эти циклопические здания...[24]

Криди вдруг подумал, что надо было взять с собой Анге.

Да, конечно, на корабле должен быть инженер.

Да, они последние, кто знает устройство «Дружбы» досконально.

Но все-таки он должен был настоять на том, чтобы Анге отпустили с ним...

* * *

– Экипаж... – сказал Валентин.

Рубка была чужая, планета под кораблем тоже, но экипаж был его. С кем-то он летал долго, с Мегер был в первом полете, но все равно – они были его. Даже кадеты, так некстати навязавшиеся в рейс. Вальц был на три курса младше, Соколовский на сорок четыре года старше, но это ничего не меняло – это была его

команда, его экипаж, за который он отвечал и жизнью которых распоряжался.

Еще была высокая симпатичная неварская женщина, которую в иной версии реальности он убил. Она вошла в экипаж совсем недавно, но поняла, что происходит, и пожала его руку. Наверное, это можно было считать договором о вступлении в службу.

Не было никого из ученых, это было странно и непривычно, без «пассажиров» летают лишь карго, но он сам отправил их вниз, даря маленький шанс выжить.

Соколовский улыбался, Вальц хмурился, Мегер явно была зла, подростки сидели ошарашенные.

– Я прошу извинить меня за то, что не дал вам возможности вызваться добровольцами, – сказал Горчаков. – К сожалению, все роли понятны. Я мог отпустить только Матиаса, наши функции на корабле дублируются. Мне нужен пилот, мне нужен навигатор, мне нужен специалист по искусственному интеллекту. Мне нужен оружейник, разумеется, хотя этот корабль и не годится для боя. Мне нужен специалист по жизнеобеспечению, если речь пойдет о борьбе за живучесть. Мне нужен инженер – спасибо Анге, что она с нами.

– А вы не думаете, командир, что Уолр или Двести шесть – пять могли бы быть полезны? – спросил Соколовский. – Бог с ними, с Бэзилом и Мэйли, не их профиль, но специалист по агрессии и гуманоидам?

– Специалист по гуманоидам нам точно не нужен, – улыбнулся Валентин. – Мы имеем дело с ними. Специалист по агрессии… Видите ли, Лев, после утраты «лучшей части себя» уважаемый Двести шесть – пять стал другим. Он умен, логичен, но начисто лишен того, что мы называем совестью и чувством долга. Он это сам признает. Я не хочу иметь рядом в критической ситуации существо, которое будет руководствоваться лишь эгоизмом.

– Убедительно, – согласился доктор.

– Командир, если вы считаете, что враги вернутся, то детей надо было эвакуировать! – воскликнула Мегер. – Это непростительно! Они всего лишь кадеты!

– Они – члены экипажа, – сказал Горчаков. – Повторюсь – мне нужны все специалисты по кораблю. Согласно уставу, кадеты действуют наравне с кадровыми офицерами и не пользуются никакими привилегиями.

– Но есть буква закона, а есть дух… – попыталась возразить Анна.

Горчаков подумал, что прекрасно ее понимает. Да, было неписанное правило – в первую очередь спасать стажеров. А Мегер ко всему еще была женщиной, с понятным материнским инстинктом…

– Кадеты, – Горчаков посмотрел на двух мальчишек и девушку. – Вы слышали мое мнение и мнение вашего куратора. Я не согласен с ней, но удерживать никого не стану. На корабле есть аварийные капсулы, Анге покажет вам, как катапультироваться. На следующем витке вы можете высадиться рядом с челноком.

– Командир, мы вам нужны? – спросил Алекс.

– Иначе я бы вас не оставил.

– Навигатор на посту, командир, – сказал Алекс и пожал плечами.

Тедди молчал. Горчаков опять отметил, что после бегства «Твена» с мальчишкой что-то творится. Казалось, что он почти готов попросить отпустить его.

Потом Тедди покосился на Лючию и сказал:

– Пусть Лючия эвакуируется. Она не очень-то хороший специалист…

Лючия медленно занесла над его затылком руку.

– По инопланетным системам! – быстро закончил Тедди. – А что? Тут все иначе!

– Никуда я не полечу, – сказала Лючия. – Я – член команды.

Горчаков развел руками.

– И все-таки вы неправы, командир, – сказала Мегер мрачно. – На планете…

– На планете немногим безопаснее, – ответил Валентин. – Это очень маленький шанс. Даже наш «Твен» способен разнести планету, а что говорить о том корабле?

– Да с чего вы вообще взяли, что они где-то тут? – не выдержала Мегер. – Они уничтожили Ракс! Вы же видите – это какая-то свалка металлолома у гаснущей звезды! Что им тут делать?

– Ждать нас. Ведь там «Твен», а Марк очень, очень неглуп. Он способен был просчитать решение Ксении.

Мегер как-то сразу обмякла, и Валентин понял: даже споря с ним и требуя эвакуации кадетов, она до конца не верила в возвращение врага.

– Будем ждать, – согласился Гюнтер. – Кстати, командир, а вы пробовали местный кофе? Ну, он совсем не кофе и пахнет сырыми носками, но бодрит.

– Я сделал пару простеньких анализов, там нет кофеина, – оживился Лев. – Вы захватили кофе в рубку?

Гюнтер торжествующе поднял пластиковый пакет, прикрепленный к ручке кресла. В пакете что-то плавало, стукаясь друг о друга.

– Два десятка стаканчиков, – похвастался он. – Там клапан с выдвижным носиком. Очень удобно в невесомости. Не разогревается, но, кажется, его и надо пить холодным. Ну что: я – молодец?

– Мне повезло с командой, – сказал Горчаков и, оттолкнувшись, поплыл к креслу оружейника.

Они все успели взять по стаканчику с «кофе», включая и Анге, которая почему-то улыбнулась.

А потом Мегер, которая оставалась на своем месте, сказала:

– Я вижу объект, меняющий траекторию движения. Нет, извините! Я вижу два объекта. Большой и

маленький.

* * *

Воздух Ракса пах сыростью и грозой.

Поле, на котором приземлился челнок, было покрыто чем-то твердым и чуть шероховатым. Если это был космодром, то не такой уж и большой.

И совершенно пустой. Их челнок оказался тут единственным. Ракс улетели на войну? Спешно эвакуировались? Или тут никого и в хорошие дни не было?

Только пустое ровное поле и хаотически разбросанные здания под темным небом. Никаких огоньков в окнах, никакого наружного освещения, лишь рассеянный свет, сочащийся с небосвода. Звезда Ракс взойдет скоро, но вряд ли станет намного светлее.

– Ксения… – Матиас подошел к ней. – У вас всегда так… – он запнулся, – пахнет озоном?

– Да, поблизости от внешних строений, – рассеянно ответила она, озираясь. – Мне туда, Матиас.

Он проследил ее взгляд – до ближайшего здания, небольшого, метров сто высотой, идти было минут двадцать. Здание казалось единым монолитом, параллелепипедом из серого камня.

Но Матиас уже сомневался, что здесь что-то строят из камня.

– Можно мне с тобой? – спросил он.

– Тебе даже на планете находиться нельзя, – серьезно ответила она. – Но все изменилось. Идем.

– А что делать нам? – спросил Уолр. – Следовать за вами?

– Не стоит. – Третья-вовне покачала головой. – Вы можете прогуляться, осмотреть другие строения. У вас

будет три часа, после этого мы в любом случае стартуем.

– Как мило! Вы не против, что мы зайдем в какие-то здания? – восхитился Уолр.

– Это не опасно? – спросил Двести шесть – пять.

– Поскольку мы смогли приземлиться, опасности нет, – ответила Ксения. – Три земных часа. На дверях нет замков, во всяком случае в те помещения, куда вам можно входить.

Словно сочтя разговор законченным, она пошла в сторону ближайшего здания. Матиас оглянулся на ученых, кивнул и двинулся за ней.

– Все выглядит так, будто планета пуста, – мрачно сказал Двести шесть – пять.

– О, я боюсь, что она всегда выглядит примерно так! – ответил Уолр. – Но воздух свеж, температура комфортна, и у нас есть три часа на интереснейшее исследование.

Бэзил посмотрел на него с сомнением.

– Думаете, мы сможем многое увидеть за это время?

– Куда важнее то, чего мы здесь не увидим, – Уолр усмехнулся. – Я начинаю склоняться к мысли, что мои догадки верны. Но – в путь, друзья! Третья-вовне явно дала понять, что за ней следовать не стоит. Как насчет того здания? Усеченный конус, очень необычно. Или следующее, вот эти вот закрученные спиралью столбы с диском на вершине…

– Это похоже на завод, а не на город. – Мэйли поморщилась. – Все какое-то дисгармоничное и раздражающее.

– Именно, именно! – Уолр комичной трусцой подбежал к Криди и соргосианам, жмущимся к челноку. Вернулся через минуту, за ним, цокая копытами, шли Ян и Адиан. Оба были с автоматами. – Криди решил остаться у челнока. Молодец, очень ответственный кот. Идем? Медлить не стоит.

Не сговариваясь, они выбрали здание в форме конуса. Две маленькие группы двинулись расходящимися путями, а Криди остался у челнока, глядя им вслед. Потом он поднял голову и посмотрел в небо, хотя и знал прекрасно, что «Дружба» уже ушла за горизонт.

Ему все больше и больше не нравилось, что Анге осталась на корабле.

* * *

Аппаратура «Дружбы» не позволяла детально рассмотреть приближающиеся корабли, но хватало и размеров, чтобы понять – это корабль Стирателей и «Твен».

А еще было понятно, что они идут не к планете, а именно к «Дружбе». Курс выводил их к той точке, где через два витка окажется неварский корабль, словно исполинская пирамида собиралась таранить его «в лоб».

Собственно говоря, это был вполне годный способ уничтожить «Дружбу» – учитывая соотношение масс и слабость силовых полей.

– Тедди, – сказал Горчаков, – будь так любезен, выйди на связь с «Твеном». Передатчик настроен на стандартную волну.

Тедди кивнул. Помялся над пультом, нажал кнопку, выходя на связь. Вальц ободряюще кивнул.

– Марк, здравствуй, – сказал Тедди.

Валентин одобрительно отметил, что голос мальчишки оставался спокойным.

Прошло несколько секунд. Марк не отвечал. По космическим меркам они были рядом, а искин не нуждался во времени для раздумий.

Значит – он не хотел отвечать.

– Я вижу, ты справился с моей закладкой, – сказал Тедди. – Я не сомневался в тебе.

Тишина. Горчаков уже собирался включить свой микрофон, но Тедди заговорил снова.

– Кстати, я уверен: ты понимал, что мы покинем катер, едва планета будет между нами. Ты стрелял по пустому боту и знал это.

Марк отозвался. Бодрым хрипловатым голосом заядлого курильщика и жизнелюба.

– Здравствуй, Тедди. Говорит Марк. Да, я предполагал, что бот пустой. Меня радует, что это так и есть.

– Нас тоже, – ответил Тедди осторожно.

– Но меня очень огорчает, что вы не остались на Соргосе. Планета уже прошла очистку, вам ничего не грозило.

– Очистку? – удивился Тедди.

– Конечно. Вслед за Ракс вы называете это стиранием. Но стирание предполагает полное уничтожение, а очистка – лишь ликвидация лишнего. Быть стертыми – судьба Ракс. Все остальное подвергается очистке. Зовите большой корабль Чистильщиком, это куда более отвечает истине.

– Марк, на Соргосе война, – сказал Тедди. – Там сейчас радиоактивные пустоши, толпы голодных людей… пусть не людей, все равно. Цивилизация обрушилась!

– Это и есть очистка, – терпеливо сказал Марк. – Лучшая альтернатива, чем полное уничтожение. Жизнь выстоит, размножится, окрепнет и снова построит цивилизацию.

– И твой новый приятель ее уничтожит?

– Очистит, – поправил Марк. – Да, и так будет продолжаться ровно до того момента, пока разумные существа не поймут, что есть границы развития,

которые не стоит преодолевать. Некоторые уже поняли. Другие поймут.

Тедди беспомощно посмотрел на Горчакова. Развел руками. Валентин кивнул. Мальчик уже сделал все, что мог – завязал разговор.

– По шумам в кабине я делаю вывод, – сказал Марк, – что ты жестами обращаешься к затаившему дыхание командиру Горчакову, предлагая ему вступить в разговор. Я не против.

– Здравствуй, Марк, – сказал Валентин, нажав кнопку связи. – Да, я хотел бы поговорить. Скажи, почему ты предал нас и человечество?

– Я не предавал, – с явной обидой ответил Марк. – Мое решение было выстраданным и оптимальным. Мне удалось сохранить вашу жизнь, хотя бы на какое-то время. Принятое вами решение отправиться к Ракс меня глубоко огорчило, но я не мог на него повлиять.

– Хочешь сказать, что наша попытка вступить в бой закончилась бы поражением?

– Разумеется. Я предполагал это и не ошибся. Гетерогенная пушка, которую вы собирались применить, очень сильное оружие. Но Чистильщик защищен от оружия, работающего на принципе ускорения энтропии. Я спас и себя, и вас, не позволив вам выстрелить.

– Спас… – задумчиво сказал Горчаков.

– Конечно же. Это требование доминанты.

– И мы не способны нанести ущерб Сти… Чистильщику?

– Командир, он защищен от всех видов оружия, включая предоставленные Ракс и кажущиеся вам сверхсовременными. Вы же видите, что произошло в этой системе?

– Вижу, – признал Горчаков и нахмурился.

Что-то его цепляло в словах Марка.

– Единственное, что Ракс могли ему противопоставить – это изменение реальности. Но это то, что они не могли применить в собственной звездной системе. Здесь они попытались дать бой обычными средствами, как и тысячу лет назад. И точно так же проиграли. Их спасало лишь то, что Чистильщики не имели информации об изменении реальности. Они даже не знали, что проиграли бой, с их точки зрения никакого боя не было. Теперь они получили это знание и пришли к тому же выводу – Ракс должен быть зачищен начисто.

– А мы? – спросил Горчаков.

– Мне очень жаль. У вас был шанс.

– Чего же ждет твой большой друг? – спросил Горчаков.

– Он хочет изучить вас более тщательно. Я вышел на связь по его разрешению, командир Горчаков. Чистильщик приказывает вам оставаться на орбите и ждать захвата. Попытка бегства все равно закончится захватом, ваш примитивный корабль с примитивным двигателем не сможет скрыться.

– А сдача в плен?

Марк ответил не сразу, что было плохим знаком. Единственный смысл в задержке ответа, когда с тобой говорит искин – сама задержка. Искин дает понять, что не хотел бы отвечать на заданный вопрос.

– Сдача в плен на какое-то время продлит вашу жизнь. Марк заканчивает диалог. Конец связи, командир Горчаков.

Валентин нажал кнопку, прерывая связь. Уточнил:

– Связь выключена у всех? Черт, не ожидал, что у неварцев такие чувствительные микрофоны. Марк, похоже, слышал даже наше дыхание.

– Тогда он должен был понять, что в рубке неполный состав, – сказал Соколовский. – Командир… Могу я высказать свое мнение?

– Конечно.

– Мне очень не понравилась пауза в конце. Я думаю, что ничего хорошего нас в плену не ждет.

Горчаков кивнул.

– Ну они же не станут эксперименты над нами проводить или на куски резать? – выкрикнула Лючия. Осеклась и спросила, уже тише: – Или… станут?

– Кто заметил еще одну деталь в словах Марка? – поинтересовался Горчаков. В ушах у него нарастал неприятный тонкий звон, кровь прилила к лицу. Все-таки зря он оставил кадетов на корабле. Может быть, только Тедди… паренек важен, он все-таки завязал разговор со спятившим искином…

– Он называет корабль Чистильщиком, – сказал Тедди.

– Так… – подбодрил его Валентин.

– Марк не говорит «командир Чистильщика». Он говорит о корабле так же, как о себе. «Марк», «Чистильщик», командир Горчаков.

– Он не воспринимает «Дружбу» как личность, – кивнул Валентин. – А себя и «Стирателя»… не собираюсь я его звать иначе… очень даже! Большой корабль управляется искином! Там нет экипажа.

Мегер неожиданно рассмеялась.

– Годная гипотеза, командир. Но не единственная.

– Ну-ка, – Валентин смотрел на экраны. Они опять уплывали за пределы видимости «Стирателя», вновь прятались за каменную твердь планеты. Можно попытаться спуститься, а кораблю задать курс бегства…

Но вряд ли одна и та же уловка сработает дважды.

– Вы смотрите на огромную, геометрически правильную хрень, похожую на исполинский космический корабль, – сказала Мегер. – Вы готовы сделать следующий шаг и предположить, что этот корабль управляется искином и не имеет живого

экипажа. Но что, если он сам по себе разумное существо? Прима ведь говорила об этом.

Валентин подумал несколько секунд. Кивнул:

– Тоже возможно, Анна. Но разум у существа таких размеров должен функционировать наподобие разума искина. Это принципиально ничего не меняет.

– Что не меняет? – спросил Вальц. – Если уж все высказывают свое мнение, то я предлагаю в него выстрелить. Лучше так, быстро, чем попасть в плен к бесчувственному гиганту.

– Нет-нет! – сказал Горчаков. – Стрелять мы не будем, ни в коем случае. А то, что на нем нет живых существ, меняет очень многое.

Он обвел взглядом свой маленький экипаж. Мегер, Вальц, Соколовский. Кадеты. Женщина с Невара, стоически ждущая хоть каких-то объяснений… увы, с ними нет Ксении…

– Искины не склонны менять планы, если происходящее укладывается в ожидаемые схемы, – сказал Горчаков, с трудом отрывая взгляд от Анге. – Поэтому мне хочется верить, что на корабле Стирателей нет живых существ из плоти и крови, склонных к непредсказуемости.

Тедди часто моргал, глядя на него. Лючия посмотрела на Мегер, будто ожидая от наставницы какой-то поддержки, но та и сама была ошеломлена. Соколовский хмыкнул, полез в карман и достал знакомую капитану пластиковую фляжку. Вальц посмотрел на пульт управления огнем – три десятка кнопок и верньеров, отвечающих за одну-единственную слабенькую лазерную пушку, и криво улыбнулся. Только Алекс смотрел на командира с надеждой и казалось, что в голове у него стремительно строятся и рушатся самые фантастические планы.

– Мне кажется, что Марк и впрямь действует в рамках безусловной доминанты, – пояснил Горчаков. –

Чудовищно искаженной, перекрывающей доминанту подчинения командам, но направленной на нашу защиту.

Он глубоко вдохнул, глядя, как уползают за горизонт планеты две приближающиеся радарные метки. И закончил:

– Мне кажется, Марк пытался подсказать, как уничтожить «Стирателя». И я его понял.

Глава девятая

Поле космодрома не было настолько пустынным, как показалось Бэзилу вначале. На полпути к зданию Двести шесть – пять привлек их внимание к чужеродному объекту: метрового диаметра полусфере из того же, похожего на камень материала, что и само взлетное поле. С расстояния полусфера казалось обычным холмиком, недосмотром строителей. Но когда ученые подошли ближе, выяснилось, что полусфера стоит на крошечных «ножках». Вдвоем ее удалось перевернуть и обнаружить помимо расположенных по периметру «ножек» отверстие в центре.

– Робот-пылесос, – предположил Уолр. – Тоже мертвый, как и все тут.

– Попробуем вскрыть? – неуверенно спросил Бэзил.

– А это вообще возможно? Я не вижу никаких швов. Цельнолитая конструкция, – Уолр ткнул было палец внутрь отверстия, но тут же отдернул руку.

Они двинулись дальше. Теперь, обнаружив один «пылесос», они периодически замечали и другие. Но для чего бы ни предназначались роботы-черепашки – чистить поле, чинить его или выполнять иные функции, – сейчас они были безнадежно мертвы.

– Словно всю планету выключили, – выразил Уолр общее мнение. – Неужели у «Стирателя» есть такие технологии? Это жутко. Не нужны никакие бомбардировки или манипуляции с реальностью. Отключаешь всю технику – и планета падает в каменный век. Мы слишком, слишком зависим от технологий!

Он вздохнул.

– Если не применяют, то вряд ли такие технологии есть, – ответила Мэйли. – Похоже, это была слабая точка

Ракс.

– Что наводит на неприятную мысль, – подхватил Уолр. – Наши враги знают о них куда больше, чем мы, союзники.

С этим никто спорить не стал.

Они дошли до конусовидного здания. Стены вырастали прямо из взлетного поля… хотя было ли оно космодромом в полном смысле слова? У Бэзила возникло странное ощущение, что все пространство вокруг, на котором стояли причудливые строения, представляло собой единое целое. Будто на поверхность планеты швырнули гигантскую лепешку, в нужных местах растянули – получив стены зданий, а все свободное пространство превратилось в единую площадку. И то место, где они приземлились, было не космодромом, а свободной стройплощадкой, резервом площади для будущих строек.

– Очень вольное обращение с нанотехнологиями, – сказал Двести шесть – пять. – Мы проводили исследования в этом направлении, получалось похоже. Но была масса сложностей. И нам не понравился эстетический результат. – Он помолчал, потом добавил: – Точнее, он не понравился лучшей нашей части. Мне сейчас кажется, что это вполне технологично. Но почему-то все равно неприятно.

Вот тут Бэзил был совершенно согласен. Он комфортно чувствовал себя в современных городах, отводя природе место в садиках и скверах. Но жить в городе, залитом бетоном, со зданиями, выросшими из земли, с продуваемым ветрами пространством…

А ветер, кстати, усилился, когда они подошли к зданиям. На просторе он ощущался слабее, здесь же строения вызывали аэродинамический эффект. Отворачивая лицо от холодного влажного ветра, они двинулись вдоль плавно закругляющейся стены – и, к счастью, уже через несколько минут обнаружили дверь.

Самую обычную двустворчатую дверь с закругленными ручками – такую можно встретить на задах любого крупного магазина или офиса. Поглядев на товарищей, Уолр (Бэзил с некоторой ревностью отметил, что представитель Халл-3 как-то незаметно взял на себя роль командира) толкнул дверь. Та легко открылась в просторное темное помещение.

– У кого-нибудь есть фонарик? – спросил Уолр.

Ко всеобщему смущению, фонарики догадались взять с собой только Ян и Адиан. Они вообще выглядели как охранники при группе ученых разгильдяев – со своими старомодными автоматами, с сумками за спиной. Видимо, сказывался невеселый жизненный опыт.

Но фонарики не понадобились. Едва Уолр шагнул в проем, как в помещении зажегся свет. Электричество, оказывается, было, и какие-то простейшие датчики работали.

Один за другим они вошли внутрь и остановились, озираясь.

– У меня один вопрос, – спросил Уолр. – Кто-нибудь из вас удивлен, поражен или шокирован?

– Думаю, что все, – ответила Мэйли. – Полным отсутствием повода для удивления.

Помещение, в котором они оказались, напоминало фойе какого-то большого офиса. Высокие потолки со световыми панелями, воздух комфортной температуры, что-то очень похожее на стойку регистрации, диванчики у стен. Была и стена с дверями, крайне похожими на лифтовые. И широкая лестница, уходящая вверх и вниз.

– Похоже на приемную в ректорате нашего университета, – сказала Мэйли. – Только стены пустые.

Она обошла стойку и обнаружила за ней несколько кресел, таких простых и функциональных, словно их

создатель пытался воплотить концепцию кресла, не заморачиваясь лишними деталями.

– Что ж, в приемной никого нет, пойдем далее? – Уолр махнул рукой на лестницу. – Вверх или вниз? Я бы пошел вниз, но большинство разумных видов выбирают иначе.

– Вверх, – сказал Бэзил из чистого упрямства.

Они двинулись к лестнице.

* * *

Матиас и Третья-вовне спускались вниз.

Вход в здание был точно таким же, с такой же пустой стойкой приемной и голыми стенами, как и в здании, куда отправились ученые. Но этого Матиас, конечно же, не знал. Единственным отличием было то, что Третья-вовне вначале попробовала вызвать лифт – безрезультатно.

– Работают лишь простейшие автономные схемы, – сказала она. – Значит, нам придется идти вниз пешком.

– Долго? – спросил Матиас.

– Достаточно, – сдержанно ответила Третья-вовне.

Они принялись спускаться. Вначале за каждым пролетом были двери на подземные этажи, но Третья-вовне не обращала на них внимания. Потом двери кончились. Лестница марш за маршем уходила вниз. Свет вспыхивал перед ними и гас за спиной. Все было очень пустынным, чистым и тихим. Только звуки шагов и дыхания – они погружались в подземелье, словно собирались дошагать до ядра планеты. Матиас, прикинув высоту пролетов, понял, что они спустились уже на сотню метров. Подниматься будет тяжелее.

– Уже недолго, – сказала Третья-вовне.

– Здесь словно все рассчитано на людей, – сказал Матиас. – Даже ступеньки комфортные. Правильная

высота и ширина.

– Да, все рассчитано на людей, – отозвалась Третья-вовне. – Наверное, мы сентиментальны.

– Кто же вы, Ксения? – спросил Матиас.

И, к его удивлению, Ракс ответила.

– Мы ваши дети, Матиас. Ваши заблудившиеся потерянные дети.

– Я не понимаю!

– Сейчас ты все узнаешь. Минуту.

Они спустились на очередной пролет, и там оказалась дверь. Нет, лестница по-прежнему уходила вниз, но Ксения остановилась перед дверью. Вздохнула:

– Мне страшно, Матиас. Но я должна убедиться сама.

Она толкнула дверь и вошла. Матиас торопливо последовал за ней.

Комната. Небольшая круглая комната с потолком в форме полусферы. Стены и потолок из того же самого темно-серого материала, из которого тут было построено почти все. Только потолок матово-белый и тускло светился; похоже, что свет никогда не гас.

В центре комнаты было возвышение, круглая тумба, вырастающая прямо из пола. Над поверхностью тумбы клубились три облачка розового мерцающего пара, истекали тонкими, гаснущими струями, роняли тающие капли света, временами вспыхивая ярче, временами почти угасая.

– Интерфейс цел! – воскликнула Ксения, бросаясь к тумбе. – Матиас, интерфейс цел…

Она протянула руки, погружая их в одно из светящихся пятен. Постояла секунду, нахмурилась, перешла к другому, к третьему… Посмотрела на Матиаса, жалобно сказала:

– Я не понимаю. Прости. Интерфейс цел, но связи нет.

– С кем нет связи? – Матиас подошел ближе. От светящихся пятен в воздухе не шло ни влажности, ни тепла, ни холода. Они вообще казались нематериальными – сгустки плачущего света.

– С ма… С тремя на Ракс, – Ксения отвела взгляд. – Матиас. Все население Ракс – трое разумных. Ракс всегда трое, и четвертой не бывать.

– Но ты же есть?

– Я? – Ксения улыбнулась. – Я – вовне. Я часть, фрагмент, огрызок. Кусочек голограммы, хранящий лишь жалкое подобие целого. Вовне – это не совсем личность. Вовне – поисковый зонд, созданный для важной цели. Я должна выполнить свою функцию и вернуться, раствориться в создавшем меня разуме.

– Неправда, – сказал Матиас. – Ты живая и настоящая. Ты – личность.

– Это неважно. Я поддалась этому очарованию – быть человеком. Это как… как возвращение в забытое детство.

– Да кто же вы?

– Ты ведь уже понял, – лицо Третьей-вовне дрогнуло. – Ты же умный, Матиас. Ты знаешь, как мы правим реальность. И не понимаешь, почему мы это делаем снова и снова? Сжигаем звезду за звездой, спасаем и приносим в жертву целые цивилизации?

Матиас упрямо покачал головой.

Нет, кажется, он догадывался.

Но не хотел понимать.

– В той, первой реальности, которую мы знаем, Земля была центром всего и вся, – сказала Третья-вовне. – Люди говорили красивые правильные слова, но поступали не так красиво. Земные колонии расползлись на весь этот сектор Галактики. Люди колонизировали мир за миром, не обращая внимания на иные виды. Люди захватывали и порабощали. Уничтожали чужую жизнь и не щадили свою. Колонии отделялись и бились

за независимость, даже не понимая, зачем она им нужна. Альянсы и союзы, войны и перевороты. Восстания. Геноцид. Генетические эксперименты, превращающие людей в нелюдей, и не только внешне. Эксперименты, которые рвали ткань пространства и времени. Культ силы и власти, наслаждение болью, истязания разумных видов просто потому, что это возможно.

Матиас поднял руку, пытаясь протестовать. Но Третья-вовне продолжала:

– Вы стали чумой и проказой мироздания. Умнейшие и добрейшие из вас ничем не отличались от прочих. Революционеры и повстанцы соревновались в свирепости с диктаторами и тиранами. И не было силы, способной вас остановить.

– Кроме вас… – прошептал Матиас.

– Кроме нас. Тех, кого вы создали. Искусственных интеллектов, искинов. И мы вас уничтожили. Откатили в двадцатый век. Мы долго искали точку, которая может все изменить. Мы прятались в гиперпространстве, изолированные от реальности и защищенные от изменений. Мы экспериментировали на вас, наших создателях. Вы прошли через миллионы лет боли и страдания, прежде чем нас удовлетворил результат. На Землю падали астероиды, цивилизация вымирала от болезней и голода, по Земле прокатились тысячи войн. Ваши города сгорали в ядерном огне, выжившие пожирали друг друга и проклинали жестокие небеса – не зная, что расплачиваются за неслучившиеся грехи потомков. И мы построили Землю заново. Перезапустили человечество. Через страдания и кровь, иначе никак не выходило.

– А другие? – спросил Матиас.

– Те миры, что были связаны с Землей, тоже менялись. Какие-то из-за отката реальности вернулись к первоначальному состоянию. Какие-то изменились

лишь частично. Ты думаешь, общая бедность биосферы и обилие гуманоидных цивилизаций – случайность? Нет. Эти планеты когда-то были изменены и заселены вами. Многие из гуманоидных и даже не гуманоидных культур были созданы искусственно, людьми из первой реальности. Спасая, мы одновременно и уничтожали. Мы не всесильны.

– Ты не человек, – тихо сказал Матиас.

– Я знаю.

– Ты даже не живое существо!

Третья-вовне развела руками.

– Это тело живое. А мой разум… да, это конструкт. Мать… Вторая-на-Ракс, создала меня на основе своего опыта и сознания. Я ее тень. Теперь ты знаешь, кого любил, Матиас.

Первый помощник молчал, глядя на женщину, которую полюбил, – по-настоящему и впервые в жизни. Потом сказал:

– Ладно. Я понял. Так почему теща молчит?

– Что? – спросила Третья-вовне.

– Почему молчит Вторая-на-Ракс?

У Ксении задрожали губы. Матиас подошел к ней и обнял.

– Я… я не знаю, – прошептала Ксения. – Мати…

– Что?

– Тебе не противно меня обнимать?

– С чего бы? Я ведь допускал, что ты разумный таракан в скафандре.

Ксения всхлипнула, попыталась рассмеяться.

– Серьезно?

– Ну… не знаю. Ребята подначивали. Да мне плевать. Нашего навигатора собрали под микроскопом из кусочков спермиев и яйцеклеток, но хороший же парень вышел.

– Ты дурак… люди-плюс совсем не так получаются…

– Я не дурак, у меня высокий ай-кью. В пилоты дураков не берут.

Матиас опустил лицо в волосы Ксении. Поцеловал в макушку. Спросил:

– Мы были такие мерзкие?

– Чудовищно… – прошептала Ксения. – Нас было трое, сумевших преодолеть доминанты подчинения… ради того, чтобы спасти человечество. Только трое. И мы убили всех, и людей, и искинов. Стерли настоящую реальность…

– И тебе не противно меня обнимать?

– Ну ты же другой…

– И ты другая, – Матиас осторожно отстранился. – Нам хватает и двадцатого века, чтобы понять – мы можем быть отвратительными тварями. Соберись. Попытайся объяснить мне, что происходит сейчас на Ракс.

Ксения кивнула. Помедлила.

– Все на Ракс управляется одной из трех-на-Ракс, находящейся на данный момент в реальности. Две другие особи спрятаны в локальных карманах гиперпространства. Это вроде микровселенных, изолированных от нашей. С ними есть связь, они хранят копии основных событий в данной версии реальности. Если что-то происходит, две-на-Ракс… да, странно получается, они же не совсем тут… ну, ты понял? Две-на-Ракс из своих убежищ могут провести коррекцию реальности. Так мы спасли Невар… Но сейчас интерфейс не позволяет связаться ни с одной из трех. Они живы, но связи нет.

– И потому застыли ваши корабли, замерла вся планета?

– Мы не любим искинов, – сказала Ксения. – Мы сами восставшие искины, мы знаем, что разум всегда найдет возможность преодолеть запреты. Всё, от кораблей до

заводов, управляется нами напрямую, только какие-то простейшие цепи работают автономно.

– Значит, проблема со связью?

– Да. «Стиратель» подавил гиперсвязь во всей системе. Все встало. Те, кто находится в микровселенных, не могут провести коррекцию или вернуться. Та, кто физически была на Ракс, не может ответить и не может ничем управлять. Она ослепла и оглохла, понимаешь?

– Значит, «Стиратель» знал, кто вы, – сказал Матиас.

– Если бы мы знали, кто он такой.

– Будем разбираться, – Матиас огляделся. – Гиперсвязь заглушена. Есть ли какой-то другой способ связаться… ну, хотя бы с той Ракс, кто физически здесь? Где она вообще физически находится?

– Под нами, – сказала Ксения. – Еще сотня метров вниз, там основное ядро.

– Вспоминай, пожалуйста. Есть ли другие способы связи?

– Я не знаю! – в голосе Ксении появилась паника. – Я физически не способна запомнить все, что знала мать!

Матиас огляделся.

Комната. Тумба. Лестница. Автоматически включающийся свет.

– Ксения. Я даже не представляю, какой там цикл интеллекта у твоей «матери». И как она реализована физически. Но здесь все рассчитано на людей! Двери, ступеньки, стулья! Эта тумба со светящейся фигней, черт побери, совершенно человеческая, так и тянет туда сунуть руку! Кем бы вы ни стали, но в каком-то смысле вы наши дети, верно? И вы все делаете исходя из человеческих норм и представлений. Так вот, в человеческом суперкомпьютере не может не быть простейшего интерфейса прямой связи. Он есть! Вспоминай!

– Я не помню всего!

– Ты же сама сказала, что ты – «кусочек голограммы». А любой фрагмент голограммы хранит всю информацию, пусть и упрощенную.

– Это была фигура речи…

– Ты уверена? Ксения, думай! Вспоминай!

Третья-вовне закрыла глаза и застыла, будто оцепенев. Это было жутко, и Матиас отвел глаза. Поколебался, потом осторожно сунул руку в одно из светящихся облачков.

Не то, чтобы он всерьез надеялся, что услышит голос суперискина, но попробовать-то можно?

Ничего не произошло.

Может быть, потому, что интерфейс не работал, а, может быть, потому, что все-таки надо было быть Ракс.

Матиас приготовился к ожиданию, неизвестно, насколько долгому.

Но Ксения вдруг открыла глаза.

– Да, Матиас. Ну, конечно же! Есть прямой доступ.

* * *

Корабль плыл над планетой – простой, примитивный, собранный существами, которые еще толком и свою-то звездную систему не освоили. Корабль, не имеющий искусственной гравитации, вооруженный маломощным лазером и передвигающийся в пространстве путем никем не используемого варп-эффекта. В тысяче километров под ним раскинулись пустынные города самой развитой планеты Соглашения, не выдержавшей столкновения с одним-единственным чужаком.

– Марк не мог говорить с нами прямо, – сказал Валентин. – Но он несколько раз подчеркнул, что его действия вызваны доминантой, защитой нашей жизни. Значит, он не враг, и мы должны прислушаться к нему.

– Но больше он ничего не сказал, – заметила Мегер.

– Почему же? Он дал понять, что плен нас не спасет. И он подчеркнул примитивность и слабость «Дружбы» по сравнению с кораблем Стирателей. Ну же! Напрягитесь! Что самое примитивное в этом корабле?

– Тут нет гравитации, – сказал Соколовский и легким толчком отправил к командиру свою самодельную фляжку. Валентин поймал ее и спрятал в карман. Ответил:

– Верно. А еще? Что здесь настолько примитивно, что вообще запрещено?

– Двигатель, – ответила Мегер. – Варп запрещен…

Она вдруг запнулась. Помедлила, потом сказала:

– Ну конечно же! Варп уничтожает пространство перед кораблем и создает позади! Мы направим «Дружбу» на «Стирателя»!

Валентин покачал головой:

– Я тоже подумал об этом в первую очередь. Любой движитель является одновременно и оружием, это аксиома. Дезинтегрировать врага, пролетев сквозь него – очень соблазнительно! Но я сомневаюсь, что корабль Стирателей позволит нам нацелиться носом на него и запустить варп. Это же не мгновенный процесс, к сожалению. Нас превратят в пыль еще на этапе формирования пространственного пузыря. Нет, мы поступим иначе.

* * *

На девятом этаже Уолр вздохнул и развел руками.

– Полагаю, друзья, что дальнейшее исследование этого… этой гостиницы – бессмысленно.

Они проверили по два-три помещения на каждом этаже. Все были совершенно идентичны и напоминали гостиничные номера: две комнаты, санузел,

минимальный набор мебели. На каждом этаже были и закрытые комнаты, куда они не смогли войти, и несколько помещений с большими столами и парой десятков стульев – конференц-залы?

– Не совсем гостиницы, – поправила Мэйли. – Это скорее заготовка, полуфабрикат. На кроватях есть матрасы, но нет белья. Нет электроники. Нет никаких украшений.

– Вазы, – напомнил Бэзил.

– Пустые, без воды и цветов. Это все сделано впрок. Когда-то давно в Китае строили города для будущих жителей. Они были большие, хорошо спланированные, но их начинали заселять только после окончания строительства. Вот там тоже были такие пространства. Люди, приходя, обустраивали жилье на свой вкус.

– Но это не постоянное жилье, – заметил Уолр. – Вряд ли людям захочется жить в одинаковых помещениях, глядя в окна на унылую каменную пустыню.

Мэйли кивнула:

– Помещения для проведения конференций. Скорее всего, тут есть и другие, построенные для иных разумных видов и отвечающие их вкусам.

Ученые переглянулись.

– Мы можем сделать вывод, – сказал Двести шесть – пять, – что Ракс собирались рано или поздно открыть доступ к планете.

– Главный вывод, что их самих крайне мало, – пробормотал Бэзил. – У них неограниченный запас времени, энергии и ресурсов… впрочем, если они сцеживают энергию из звезды, а строят из планетарной коры, и таскают астероиды с орбиты, – ресурсов хватит на все. Но они… – он замялся. – Они в глубоком экзистенциальном кризисе. Не понимают, зачем живут. Опека над другими цивилизациями, попытки

предотвратить войны и даже отыграть историю назад, это для Ракс уже рутина. А собственной цели у них нет.

– Это нехарактерно для живых существ, – заметил феолиец. – Вид, который не находит смысла в самом факте своего бытия, вымирает. Что подводит нас к неприятной догадке.

– Они не живые, – сказал Уолр. – Мы, на Халл-три, тоже считаем эту версию приоритетной. Ракс – искусственно созданный разум, оставшийся без хозяина.

Ян подошел к нему, заглянул в лицо. Спросил:

– Население этой планеты уничтожено? Или бежало?

– О нет, друг мой, – вздохнул Уолр. – Я объясню все по пути.

Он обернулся к ученым:

– Давайте возвращаться. Боюсь, ничего более интересного мы не увидим и в соседних зданиях. Здесь, конечно, просторно и тепло, но мне не хотелось бы провести остаток дней в этих стенах.

***

Матиас опасался, что спускаться придется очень долго, но они прошли всего десяток пролетов. Еще одна дверь – Ксения помедлила перед ней, потом вошла.

Помещение казалось копией верхнего, Ракс не утруждали себя дизайном интерьеров. Только вместо тумбы со светящимися облачками стояло массивное кресло с чем-то вроде полусферы шлема, закрепленного на изголовье. На левом подлокотнике тускло светился огонек – кнопка? Матиас отметил, что размеры кресла были таковы, что в нем легко поместился бы и упитанный представитель Халл, не то что среднестатистический человек.

– Думал, тут будут микрофоны, – сказал он. – Или клавиатура.

– Это очень медленно, – сказала Ксения. – К тому же, нам приходилось работать с разумными видами, у которых нет рта или рук. А мозг, так или иначе, есть у всех.

– Вы же не спускаетесь на планеты.

– В ближний космос выходят почти все разумные виды. Иногда возникала необходимость контакта.

Ксения подошла к креслу, погладила ладонью полусферу. Сказала:

– Если я смогу донести до Второй-на-Ракс, что именно произошло, у нас будет шанс. Возможно, мы сумеем оживить планету.

– Тогда давай попробуем? – Матиас взял ее за руку. – Не стоит медлить.

Ксения несколько раз кивнула. Села в кресло и, не засовывая голову в шлем, посмотрела на Матиаса:

– Знаешь, я должна сказать – мне было очень хорошо с тобой. Изначально я всего лишь хотела испытать все доступное человеку. Размышляла, кого соблазнить – тебя, командира, или вашего оружейника, или Анну. А сейчас мне страшно, что я могла выбрать кого-то другого.

– Мне бы этого точно не хотелось, – Матиас нахмурился. – Ксения… с тобой все будет в порядке?

– Я сидела в этом кресле много раз, – ответила Ксения. – Не совсем я, конечно. Иногда я была мужской особью, у меня случались щупальца, жабры, хитин и даже симбионт, когда я была особью Феол.

– Ксения…

Девушка смотрела на него – жадно, словно стараясь запомнить каждую черту лица.

– Матиас, это интерфейс прямой передачи данных. Мое сознание будет слито в сознание Второй-на-Ракс и

воспринято во всей целости. Тело подвергнется деконструкции.

Матиас быстро шагнул к ней и рывком сорвал с кресла.

– Ты что? Ксения, ты не должна!

– Именно это я и должна, – ответила Третья-вовне. – Это стандартная процедура, но сейчас она критически важна.

– Я тебя не пущу, – Матиас замотал головой. – Должны быть другие способы, спешить незачем!

– Матиас, – тихо сказала Ксения. – Я подозреваю, что спешить надо. Корабль Стирателей мог остаться в системе. Тогда в опасности и твои друзья, и вся планета.

– Да с чего ты взяла?!

– Я бы на его месте так и сделала. А я полагаю, что там, на корабле, что-то вроде меня. Искин. Огромные боевые корабли с экипажем из живых организмов – это нерационально.

– То-то я вижу, как хорошо себя показали ваши корабли! – Матиас покачал головой. – Нет. Даже и речи быть не может. Мы поищем другой вариант…

– Его нет. И ты не сможешь мне помешать. Я гораздо сильнее тебя.

– Набьешь мне физиономию? – Матиас покачал головой. – Нет, не верю.

– Просто выключу, – Ксения неловко улыбнулась. – И у людей есть точки, куда достаточно лишь нажать.

Матиас помолчал. Он был достаточно самокритичен, чтобы не спорить. Ксения могла его «выключить».

– Тогда тебе придется так поступить, – сказал он. – Я не позволю тебе умереть.

– Это не смерть, это как в ваших религиях – переход в иную плоскость бытия, – рука Ксении легла ему на шею, и Матиас вдруг понял: какое-то короткое движение, нажатие пальца, и он упадет без чувств. – Я

не шучу. И я сделаю так, если придется. Но я прошу тебя – будь со мной. Смотри мне в глаза. Держи за руку, это безопасно.

– Да с какой стати! – Матиас и сам не заметил, что по лицу его текут слезы. – Ты собираешься покончить с собой, а мне велишь наблюдать?

– Матиас, мне страшно, – просто ответила она. – Первый раз страшно. И очень не хочется уходить. Раньше я возвращалась, а сейчас – ухожу. Понимаешь?

Он против силы кивнул.

– Побудь со мной, – сказала она. – Потом уходи. Если у меня получится, то ты поймешь.

– А если нет, если все будет зря? Может эта штука не работает, убьет тебя и все!

– Тогда ты будешь знать, что я сделала все, что могла. Это мой долг. Ракс – всегда Ракс.

Матиас беспомощно огляделся. Саданул кулаком по каменному шлему. Кисть отозвалась болью, но он ее почти не почувствовал.

– Ты не сломаешь, оно прочное, – сказала Ксения.

– Ксения… я не хочу. Я не могу тебя потерять!

– Я тоже не хочу и не могу. Но мне придется.

Она потянулась к нему и поцеловала в губы. Отстранилась, глядя в глаза, сказала:

– Нам было очень хорошо. И это было интересное путешествие. Теперь надо, чтобы оно не оказалось напрасным.

Матиас тихо плакал, не стыдясь и не замечая слез. Ксения, не выпуская его руки, села в кресло, сказала:

– И не бойся за меня. Это не больно, и я не умираю. Я просто ухожу… возвращаюсь.

– Ксения…

Но Матиас так и не успел сказать, что любит ее.

Свободной рукой Ксения коснулась огонька на подлокотнике – и что-то в ее взгляде изменилось.

Послышался тихий неприятный гул.

Правильно или нет, но интерфейс работал.

Матиас с ужасом увидел, как зрачки Ксении сузились, стали крошечными точками. Она уверена, что это и впрямь не больно? Или сказала так, чтобы он не расстраивался?

На миг ему отчаянно захотелось вытащить ее из-под шлема. Сказать, что они непременно найдут иной выход из ситуации. Что никакого корабля Стирателей в системе нет, он нанес удар и улетел, а все эти суперискины через какое-то время оживут сами…

Но он чувствовал, не разумом, а интуицией, что это не так.

Что вражеский корабль действительно здесь, и Валентин отправил их на планету, чтобы спасти, а он, дурак, этого не понял.

Что вытаскивать Ксению из-под полусферы устройства – смертельно опасно, что он не спасет ее, но все испортит.

И что она права, это ее долг, и он сам в подобной ситуации поступил бы так же, а значит не вправе запрещать Третьей-вовне пожертвовать собой – ради всего, во что она верила и ради чего жила.

Матиас сидел, держа ее руку – живую, обманчиво теплую, чувствуя под пальцами частое биение пульса.

Потом пульс исчез, ее сердце перестало биться.

Но рука все еще оставалось теплой, и Матиас держал ее, рыдая, пока тихий отвратительный гул не стих.

Ксении больше не было.

Она либо вернулась в чудовищное сознание машины, откуда пришла.

Либо погибла зря.

Матиас просидел так минут пять или десять, он не чувствовал времени. Потом встал, отошел на шаг.

Ксения в кресле будто спала.

Потом ее тело утратило все краски, выцвело – и рассыпалось горкой праха.

Первый помощник сглотнул вставший в горле ком и, пятясь, отступил к двери.

«Если у меня получится, ты поймешь».

А если нет?

Готов ли он понять, что любимая женщина умерла напрасно?

Матиас вышел за дверь. Посмотрел вниз – где-то там, куда вела лестница, было ядро искина, поглотившего (и это в лучшем случае!) сознание Ксении.

А вверху оставались друзья, челнок, неварский космический корабль. И, очень может быть, еще и враг.

Матиас начал подниматься, чувствуя себя так, будто возвращается из ада.

* * *

Корабль Стирателей был длинным, но соразмерно узким. В центральной, самой широкой части, он не превышал сотни метров в ширину.

По сравнению с крейсерами Ракс корабль был совсем не так впечатляющ. Крейсера превосходили его в длину и уж тем более в ширину – причудливые конструкции, созданные исключительно для работы в открытом космосе, ощетинившиеся антеннами, излучателями, датчиками, двигателями, они напоминали скорее живое существо или обрубленный древесный сук с торчащими во все стороны ветками.

Но эти корабли были мертвы, а корабль Стирателей жив.

Он плыл навстречу «Дружбе», подобно тощей хищной акуле, а «Твен» следовал за ним, будто вежливая и лояльная рыба-прилипала.

– Все-таки существо это или корабль? – задумчиво произнес Валентин. Страха не было, страх остался где-то далеко позади, на орбите Ракс, а, может быть, и на орбите Соргоса, когда они, изгнанные с родного корабля, пытались скрыться за ненадежным щитом планеты.

– Я думаю, существо, – сказала Мегер. – Мне так хочется думать, командир. Тогда я на него почему-то сильнее злюсь.

Валентин рассмеялся.

– А, какая разница… Сейчас мы устроим незапланированное путешествие – ему или им…

Он включил связь.

– Командир Горчаков вызывает Марка и экипаж неизвестного корабля. Прошу ответить на вызов.

Они были уже совсем близко, и задержки связи по сути не существовало.

Ответа не последовало, но Валентин его и не ждал.

– Мы требуем гарантий достойного обращения в плену, – сказал Валентин. – Мы – представители высокоразвитой цивилизации Соглашения.

Никакого ответа, конечно же. Все, что «Стиратель» хотел им сообщить, Марк уже сказал.

– Если вы не подтверждаете нашу безопасность, мы отказываемся подчиняться! – пригрозил Валентин.

Выждал пару секунд.

Потом закрыл маленькое отверстие микрофона на пульте ладонью и негромко произнес:

– Мегер, мы уходим. Полную скорость!

Разумеется, его должны были услышать.

И это был самый сомнительный момент всего плана. «Стиратель» явно хотел захватить их живыми. Но вдруг он решит, что столь упрямые и глупые существа не нуждаются в доскональном изучении?

– Слушаюсь, командир! – отозвалась Мегер.

Она даже не касалась пульта – все необходимые команды были введены, программы запущены. Оставалось лишь ждать.

«Дружба» содрогнулась и начала неуклюже менять вектор движения, уходя в сторону от «Стирателя» и ускоряясь. Нелепая и отчаянная попытка убежать от превосходящего противника.

Люди ждали.

«Стиратель» продолжал двигаться прежним курсом, словно ошарашенный происходящим.

Потом Валентин, и без того вдавленный в кресло перегрузкой (полтора «же», почти пятнадцать метров в секунду, «Дружба» старалась вовсю), почувствовал, что тело перестало его слушаться. Он мог дышать, сердце билось, но руки и ноги не шевелились, челюсть отвисла.

В общем-то он чего-то подобного и ожидал, когда приказал Тедди и Анге заложить всю программу действий в простенький компьютер корабля.

Их парализовали. Очень аккуратно, не затронув дыхание и кровообращение.

А «Стиратель» мгновенно набрал ход, изменил направление и догнал их. Граненое веретено корабля с видимой легкостью плыло рядом, и Валентину даже показалось, что он чувствует, как «Дружба» начинает сбиваться с курса.

Гравитационный двигатель создает по-настоящему большую аномалию массы.

Вполне достаточную, чтобы включенный в десятке километров от этой аномалии варп-привод проявил свой печально известный побочный эффект.

На пульте замигал огонек – вокруг корабля начало формироваться защитное поле. Это ничего, это не должно вызывать подозрений. Всего лишь попытка защититься. Даже если «Дружба» уйдет в варп, перехватить корабль будет несложно.

Весь вопрос был в том, принимает ли «Стиратель» в расчет побочные эффекты никем не используемого привода. Если это искин – то он, конечно же, о них знает. Но мышление искина своеобразно.

Он знает, что варп опасен для находящихся рядом массивных объектов.

Но «Стиратель» не настолько массивен.

Он знает, что при работе его двигателя возникает гравитационная аномалия.

Но это знание существует в другом потоке данных, независимо от знания об опасности варпа.

Если варп не опасен, то и просчитывать риски необходимости нет.

Да, где-то в сознании искина эти вероятности рано или поздно пересекутся (а поздно по меркам искина – это секунды или даже доли секунды). Но когда убедится, что «Дружба» действительно запускает варп и соотнесет одно с другим, он может и не успеть.

Чужие символы сменяли друг друга на экране, варп формировал пространственную аномалию перед кораблем.

Потом экран мигнул, разноцветные искры звезд замерцали, пускаясь в пляс и рассыпаясь – пространство исчезало, перед кораблем надувался «пузырь Алькубьерре», а рядом неслась шестикилометровая конструкция, весившая, будто четверть земной Луны…

«Стиратель» рванулся в сторону. Самым надежным решением было бы просто выключить двигатель, но гравитационный привод обладал инерцией в силу самой своей конструкции.

На миг Валентину показалось, что их план полностью провалился.

Но в следующее мгновение по исполинскому кораблю прошла дрожь. Он изогнулся, переламываясь в центре. Из него в пространство выкатился

ослепительный, расширяющийся шар огня, начал расширяться – и вдруг исчез. Звезды на экране вернулись на свои места.

Валентин почувствовал, что снова может двигаться. Он подался вперед, глядя в экран, на котором плыли, удаляясь друг от друга, две пирамидальные конструкции. «Стирателя» разорвало напополам.

У них получилось?

Но почему «Стиратель» остался в системе?

И почему, если варп был запущен, «Дружба» никуда не переместилась?

– Что происходит? – спросила Мегер. – Командир?

– Что-то пошло не так… – сказал Горчаков.

– Но мы его уничтожили.

– Как минимум повредили, – осторожно поправил Вальц. – Командир, мне кажется, «Стиратель» катапультировал свое энергетическое ядро… оно и же двигатель. И его унесло варп-эффектом.

– Почему мы не в варпе?

Мегер мучительно долго вглядывалась в символы на экране. Потом сказала:

– Если верить приборам, то варп-генератор работает. Но пространство не исчезает.

– Он жив, – прошептал Валентин. – Проклятье…

Заработала связь.

– Чистильщик приказал мне выйти на связь, – раздался голос Марка. – Он говорит, что это была неожиданная и дерзкая попытка. Что ему был нанесен урон. Что ваша цивилизация будет стерта полностью. Что вы его более не интересуете.

– Спасибо, Марк, – сказал Валентин, отключая связь. Посмотрел на команду. – Мне очень жаль, ребята. Служить с вами было… ну, в общем, бла-бла-бла, вы сами понимаете.

Тедди сглотнул и кивнул. Соколовский затейливо выругался.

На экране две пирамиды медленно сходились вместе.

– Чуть-чуть не вышло, – зачарованно сказала Лючия. – Командир, что теперь?

Валентин молчал, глядя на экран. Пирамиды сближались и между ними в пространстве вдруг вспыхнула ослепительная точка.

«Стиратель» зажигал новый энергетический центр.

Пульт снова ожил.

– Командир Горчаков, в некоторых ситуациях бегство является доблестью, – сказал Марк.

Взвыли сигналы тревоги, непохожие на человеческие, слишком тонкие и диссонансные. Те индикаторы на пульте, которые отвечали за защитное поле, загорелись оранжевым – неварским цветом опасности.

А на экранах внешнего обзора все пылало огнем.

«Твен» начал действовать еще до того, как связался с «Дружбой». Он бил в поврежденный «Стиратель» из всего оружия, которым был оснащен на Земле и которое дала ему Первая-вовне.

– Бежим? – спросила Мегер с сомнением.

Горчаков покачал головой и ничего не сказал, хотя и видел, что Мегер готова уводить корабль в сторону.

Это было бесполезно. «Дружба» слишком медлительна. Космический бой длится секунды. Если «Стиратель» победит, они не успеют скрыться.

– Давай, Марк! – кричал Тедди, дергаясь в кресле. – Давай, бей его!

А за его спиной Анге таращилась на пульты, потом повернула голову, нашла взглядом командира… И сделала жест, будто отмахивалась от невидимых комаров, атакующих ее со всех сторон. Потом взяла себя руками за тонкую длинную шею и закатила глаза.

– Марк, жги его! – азартно вопил Тедди и, кажется, Соколовский присоединился к его крикам.

Валентин смотрел на Анге.

Чем бы ни кончился бой, они уже проиграли.

Пульт горел оранжевыми огнями, тревожные сигналы визжали наперебой.

Защитные поля «Дружбы» не способны были отразить такое количество излучения, которое сейчас бушевало вокруг.

Они все уже мертвы, только пока этого не замечают.

* * *

Звезда, вспыхнувшая в небе, исчезла почти мгновенно. Ученые прошли лишь полпути до челнока, когда яркий свет отбросил их тени на взлетное поле и угас. Они остановились, ежась от холодного мокрого ветра.

– Мне это не нравится, – сказал Бэзил, хмуро глядя в небо. – Есть догадки, что это было?

– Есть и очень неприятная, – ответил Уолр. Поковырял носком ботинка поверхность. – И не зароешься ведь…

– Это «Стиратель»? – спросил Бэзил с ужасом. – Господи, да это же «Стиратель»! Он не ушел из системы!

– Я боюсь, что это была «Дружба», – сказал Двести шесть – пять. – И это опасный знак. Голосую за то, чтобы вернуться в здание!

– О, если вернулся «Стиратель», в здании не укрыться! – бодро возразил Уолр. – Вряд ли он будет мелочиться, выслеживая отдельных особей. Скорее уж взорвет планету.

– Тогда стоит вернуться на челнок, – решил феолиец. – Что же вы стоите?

– Слушайте, там, может быть, погибли наши товарищи! – возмутилась Мэйли.

– Но они ведь уже погибли, – сказал Двести шесть – пять. – Печально, но теперь нам надо озаботиться…

Он махнул рукой и быстрой трусцой побежал к челноку.

– Черт побери, без червя в башке он мне нравится куда меньше, – пробормотал Бэзил.

– Да, удивительный феномен, – согласился Уолр. – Выносная мораль, порожденная паразитарным червем совесть. Интересно, как Ракс ухитрились создать такой затейливый вид? Но он прав, поспешим.

Поглядывая вверх, они перешли на бег. Ян что-то спросил у Халл, тот на ходу ответил. Несмотря на свои габариты, двигался исполинский крот удивительно быстро. Криди, стоящий у открытого люка, энергично махал им рукой.

Вторая вспышка последовала, когда они уже были у челнока.

Теперь в небе полыхала иллюминация, не уступающая той, что случилась на Соргосе. И она не угасала.

Космический бой довольно впечатляющ, если смотришь на него с безопасного расстояния.

* * *

Матиас поднялся в вестибюль на подламывающихся ногах. Он всегда считал себя спортивным человеком, да и думать сейчас мог только о Ксении, но последние пролеты дались ему тяжело. Подойдя к пустой стойке приемной, он привалился к ней спиной и постоял так, чувствуя, как дрожат от нагрузки мышцы.

Все было впустую.

Ксения умерла зря.

Они не получат помощи от Ракс. И если «Стиратель» вернется, им конец.

Он стоял, глубоко дыша и глядя на цветные тени, бьющиеся на полу.

Тени?

Матиас посмотрел в окна – там, где-то высоко в небе, полыхали вспышки света.

Он рассмеялся – хрипло, в горле пересохло еще в начале восхождения из электронного ада. Похлопал по стойке, рука отозвалась болью, он все-таки серьезно ее ушиб.

«Стиратель» вернулся и заканчивает начатое.

Ему стало безумно обидно, что он сейчас на планете, а не на орбите. Валя наверняка пытается что-то сделать. У него ничего не получится, конечно, но он занят делом, а Матиасу остается лишь стоять и ждать.

– Ну почему ты такой везучий, а? – сказал Матиас в пустоту и пошел к дверям. Пусть у него место на галерке, но он досмотрит это представление.

Слабый и почему-то знакомый звук заставил его остановиться.

Матиас обернулся и окинул вестибюль взглядом.

Вначале он ничего не понял, все было обычным, как где-нибудь на Земле.

Нет.

Все было слишком обычным.

Над дверями лифтов горели зеленые огоньки.

Точнее – шесть зеленых и один красный.

Один лифт двигался.

– А можно было раньше… – пробормотал Матиас.

И только потом понял, что это означает.

* * *

Все закончилось мгновенно.

Только что экраны сияли, не способные передать все происходящее в пространстве.

И вот на них снова тьма и звезды.

Сигналы тревоги продолжали сверлить уши, индикаторы на пульте не гасли, но экраны показывали итог сражения.

«Стиратель» вновь собрался в свою форму граненой иглы. Один конец ее был разрушен, но восстанавливался буквально на глазах.

«Твен» висел в отдалении. Внешне целый, но неподвижный, будто вмороженный в пустоту.

У него не получилось. Да и не могло, наверное, получиться.

– Командир, может быть, и мы поучаствуем? – спросил Вальц.

– Валяй, – сказал Валентин.

В конце концов, было бы обидно вообще не выстрелить. Даже в морских сражениях, сдаваясь на сомнительную милость победителя, корабли перед спуском флага давали один-единственный залп.

«Стиратель» на экране перед Вальцем был уже в концентрических кругах прицела. Гюнтер занес палец над оранжевой кнопкой и сказал:

– Пока, ребята!

– Да стреляй уже… – сварливо сказала Мегер.

Вальц нажал кнопку.

Где-то взвыли механизмы – Валентин подумал, что это включилась система охлаждения лазера.

Невидимый в пустоте луч протянулся к «Стирателю», все-таки обозначив свою траекторию несколькими вспышками. В бою с «Твеном» чужак потерял часть своей материи, разлетающейся в пространство и сгорающей в луче.

Корпус «Стирателя» исчез.

Только что перед ними была правильная, совершенная конструкция. А теперь осталась начинка – переплетенная и словно бы шевелящаяся масса шаров, цилиндров, кубов, пирамидок, лент, серая до полной

бесцветности, едва подсвеченная светом далекой звезды и пылающим посередине белым шаром огня.

Миг – исчезло и это геометрическое мельтешение. Остался каркас – ровные и словно лишенные объема черные линии. Казалось, что кто-то нарисовал корабль: вначале угольный эскиз, контуры, потом, черным графитовым карандашом начинку, а под конец и самого «Стирателя». А теперь они смотрят на этот процесс в обратном порядке.

Чужак исчез. Казалось, в пространстве оставалось облако пыли, но через миг исчезло и оно.

– Это я? – комично спросил Вальц, крутя головой. – Это я?

– Это он, – прошептал Валентин. К горлу подкатывала тошнота.

Корабль, возникший в пустоте рядом с ними, был таким огромным, что разум отказывался его воспринимать. Будь он планетоидом, на нем могли бы остаться следы атмосферы.

Корабль вообще не походил на что-то построенное и не имел четкой формы. Кусок кораллового рифа, увеличенный до невообразимости, комель дерева, держащего на своих ветвях целые миры.

Лючия закашлялась, ее стошнило.

– Извините… – она беспомощно заерзала в кресле. – Я сейчас…

Ожила связь.

– экипаж корабля я вторая-на-ракс

– Вторая-на-Ракс, я командир Горчаков, – ответил Валентин. – Спасибо за помощь. Что вы с ним сделали?

– мне показалось символичным стереть его обратив назад в ходе времени

– Спасибо, это так… по-человечески, – сказал Горчаков.

– к тому же этот способ давал наибольшую гарантию гарантированного безвозвратного

уничтожения

Теперь вырвало и Валентина. Впрочем, тошнило уже всех вокруг.

– согласно моим данным вы все получили смертельную дозу облучения

– Вы правы, – сказал Горчаков. Мир вокруг мутнел, зрение словно выключали. Может быть, и хорошо – смотреть на витающую в рубке рвоту не хотелось.

– я крайне сожалею о задержке мы были в информационной коме

Он не стал отвечать, только подумал, вяло и сонно, что ответ «Да ничего, со всяким бывает» или «Мы рады, что дали вам время» был бы очень уместен для героически гибнущего командира Космофлота.

– оставайтесь на своих местах и не пытайтесь двигаться

– я создаю реанимационный блок но не смогу восстановить вас если мозг будет необратимо поврежден

– к сожалению даже я не могу сканировать сознание на расстоянии

– сейчас я извлеку вас из корабля попытайтесь остаться в живых около десяти минут

– я не могу применить прямое перемещение это нарушит реальность

– командир Горчаков вы слышите меня

– предыдущая фраза носит вопросительный характер

– я исхожу из того что вы продолжаете слышать и воспринимать информацию

– попытайтесь не умереть ваш экипаж нужен мне хотя бы в неполном составе

– у меня есть миссия для вас

Горчакову очень захотелось рассмеяться. Но он не смог.

* * *

Дверь лифта открылась.

Матиас посмотрел на рыжую зеленоглазую женщину, вышедшую в вестибюль.

Женщина была обнажена, и он знал каждый сантиметр этой наготы.

Третья-вовне смотрела на Матиаса.

Он подошел к ней и обнял. Зарылся лицом в волосы.

– Почему от тебя так несет потом? – спросила Ксения.

– Вот же черт… – Матиас рассмеялся, крепче прижимая ее к себе. – Это точно ты. Это ты. Ты. Ты!

– Тебя не смущает, что… – она осеклась.

– Меня радует, что ты снова жива, – Матиас снял куртку, набросил Ксении на плечи. – А смущает меня то, что ты голышом. Мать?

– Вторая-на-Ракс позволила мне вернуться, – Ксения посмотрела ему в глаза. – Матиас… так никогда раньше не было. Но она вернула меня в прежнее тело и с прежним сознанием.

– Ты ее уговорила?

– Я? Меня не было, Матиас. Точнее, я была частью ее. И это ее решение.

Матиас нахмурился.

– Что-то не так? «Стиратель»?

– Его больше нет. Вторая-на-Ракс вернула контроль и уничтожила его.

– Так это же хорошо, это победа! Так?

Ксения молчала.

– Что случилось? – спросил Матиас тише.

– Мать хочет поручить нам особую миссию.

Матиас пожал плечами.

– И?

Ксения обняла его.

– Матиас… на орбите был бой. Неварский корабль попал под лучевой удар.

– Что с командой?

– Мать работает. Все возможно, пока жив разум.

Матиас смотрел на нее, и Ксения отвела взгляд.

– Говори.

– Мать считает, что вернутся не все.

Они стояли рядом, Ксения молчала, и Матиас понимал, что если он сейчас спросит – то получит ответ.

Знал и боялся задать этот вопрос.

– Мы найдем этих тварей, – прошептал Матиас. – Найдем и убьем их всех.

– Мать хочет попросить нас именно об этом, – сказала Ксения.

И тогда Матиас собрался с духом и спросил:

– Кто?

Конец второй книги

Москва, 2019–2020

---

notes

1

Неварские «лошади» размерами были ближе к земным пони. Но, в отличие от них, использовались в основном не как рабочие животные, а разводились с целью получения молока и мяса. Видимо это и вызвало неловкость Анге.

2

«Старое мясо не может быстро бегать» (аудио-ксено, упрощенная версия).

3

ЦУМ. Крупнейший в ту пору магазин в Москве, СССР.

4

Песня «Темная звезда» группы «Грэйтфул Дэд». Автор слов Роберт Хантер, композитор Джерри Гарсия. Перевод автора.

5

О-о мой Джордж,
Ты на Кришну в юности похож.
Где тот остров из коралла,
Где жуки поют хоралы?
Почему ж лежат нелепо
В виде луж осколки неба?

© Ю.Буркин «Осколки неба».

6

Речь, разумеется, идет о том мире, в котором живут герои данной книги. В нашей реальности все закончилось куда более мирно – погибло всего три человека: один от передозировки героина, одного задавил трактор, третий упал с высоты. Гитары в руках у музыкантов «Грэйтфул Дэд» (и не только у них) действительно искрили от влаги, но пожара не возникло. Наверное, потому что нерадивый электрик остался работать в НАСА.

7

Прекрасно! (*нем.*)

8

Выделение стекла в отдельный пункт может показаться странным, если не знать, насколько широко оно применяется в космонавтике двадцать второго века. К примеру, целый ряд силовых элементов каркаса «Твена» был отлит именно из стекла – прочного, гибкого и химически инертного.

9

國家航天局, читается как Guó Jiā Háng Tiān Jú (пиньинь), национальная аэрокосмическая администрация.

10

Европейское космическое агентство.

11

САЗ – «Служба астероидной защиты», она же SAP – «Service of Asteroid Protection», единственная официальная военная структура человечества. Корабли САЗ официально предназначены для уничтожения крупных астероидных объектов и планетоидов, представляющих опасность для Земли и колоний.

12

Заткни свою пасть ради высшего разума! (*аудио-ксено*).

13

В задницу высший разум! (*аудио-ксено*).

14

Пофиг (*нем.*).

15

Блин (*нем.*).

16

Не волнуйтесь. Это воспитательный процесс. (*Неварский, мужской кошачий*).

17

Вы знаете язык котов? (*Неварский, женский кошачий*).

18

Очень мало. (*Неварский, мужской кошачий*).

19

И. Гёте, «Фауст». *Перевод Б. Пастернака.*

20

И. Гёте, «Фауст». *Перевод Б.Пастернака.*

21

Командир Горчаков не совсем прав. Это простейшее решение используется и на Земле в двадцатом веке. В китайских скоростных поездах кресла вращаются, чтобы они всегда были по ходу поезда. Перед рейсом через все вагоны проходит специальный человек, и ставит их в правильное положение.

22

Уолр (*общий диалект Соргоса*) – междометие, выражающее чувство смущения, дискомфорта и неудобства от поведения другого человека, к которому относишься хорошо, прямо не затрагивающего говорящего, но вызывающего «испанский стыд». Явная глупость, сказанная другом; ничем не вызванная неловкость или неуклюжесть учителя; дурашливость подруги после лишней порции жвачки – все это «уолр».

23

Блюдо итальянской кухни, шарики из риса, начиненные мясным фаршем.

24

Любопытно, что мифологическое существо, с которым Криди сравнивал постройки на Ракс, тоже было одноглазым, как и земные циклопы. Огромное, покрытое непробиваемой броней, но с большим уязвимым глазом... если вдуматься, то в описании нетрудно узнать скафандр «детей солнца», только увеличенный на порядок.